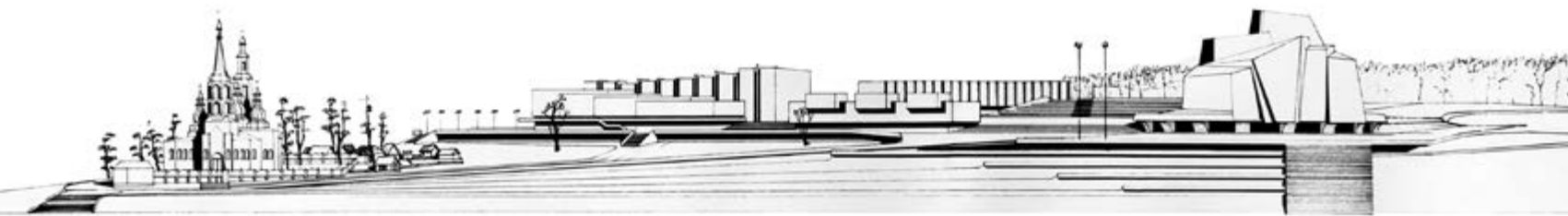

Климат
АРХИГЕШ-2020
Зимник
АРХБУХТА

региональные школы /
regional schools

проект
байкал /
project
baikal

12+

Весна 2020 года однозначно проходит под знаком пандемии и самоизоляции. Парадоксальным образом запрет на прямое, непосредственное общение стимулировал общение в пространстве идей и мыслей.

Впрочем, до карантина успели состояться три из четырех главных сибирских архитектурных событий года – Зимний университет в Иркутске, молодежная АРХБУХТА на Байкале и горнолыжный АРХИГЕШ в Шории.

Наш парижский автор в продолжение начатой им в ПБ62 темы КЛИМАТ берет интервью у столичного чиновника (12) и иницирует навеянную карантинном тему для ФОТОГАЛЕРЕИ ПБ – «Пустые города» (8).

Главная тема номера получает глубокое осмысление. Авторы призваны ответить на вопросы: есть ли в России, в истории ее архитектуры региональные школы? в чем их своеобразие? существуют ли они сегодня или закончились вместе с уходом их основателей и лидеров? Конкурируют ли между собой или сотрудничают, обогащая друг друга? Какую роль играют в этих процессах образовательные структуры?

В песне Ромарио «Москва – Нева» Валерий Сюткин спел: «В споре двух культур/Он опять за поребрик/А ты – за бордюры».

Программные статьи Андрея Бокова, Александра Кудрявцева и Лео Салмина поднимают вопрос о региональных архитектурных школах от уровня поребрика и бордюра до философских высот. Статьи по истории архитектурных школ Нижнего Новгорода и Иркутска, Еревана и Севастополя демонстрируют богатство материала – исследованного, систематизированного и еще не обсужденного, ждущего своей очереди.

Елена Григорьева

The spring of 2020 is definitely marked by the pandemic and self-isolation. It is a paradox that the ban on direct communication has encouraged communication in the field of ideas and thoughts.

However, before the quarantine, there were three of the four major architectural events of the year in Siberia: Winter University in Irkutsk, youth's ARCHBUKHTA at Lake Baikal and mountain ski ARCHIGESH in Shoria.

Our Parisian author continues the discussion of the climate issue launched by him in PB 62 by interviewing a Paris official (12), and also initiates the theme for PB PHOTO GALLERY inspired by the quarantine – Empty Cities (8).

The subject of the issue is deeply considered. The authors are tasked to answer the questions: Are there regional schools in the history of Russian architecture? What are their peculiar features? Do they currently exist or did they pass away together with their founders and leaders? Do they compete or collaborate and enrich each other? What is the role of educational institutions in these processes?

In the song by Romario "Moscow-Neva", Valery Syutkin sang: "In the dispute between the two cultures about how to call a curb, he is again for 'porebrik', while you are for 'borduur'".

The keynote articles by Andrey Bokov, Alexander Kudryavtsev and Leo Salmin raise an issue of regional architecture schools from the level of "poreblik" and "borduur" to philosophical heights. The articles on the history of architecture schools of Nizhny Novgorod and Irkutsk, Yerevan and Sevastopol are rich in research and systematized materials which are yet to be discussed.

Elena Grigoryeva

Журнал зарегистрирован Восточно-Сибирским управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС13-0180 от 16.11.2007

учредитель, главный редактор

Е. И. Григорьева
664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а

**корректоры,
литературные редакторы**

Марина Ткачева,
Инесса Бражникова

дизайн, верстка

Татьяна Анненкова

заместитель главного редактора по международной деятельности

Анна Григорьева

адрес издателя, редакции

664025, Иркутск,
пер. Черемховский, 1а
e-mail: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

на обложке

Форпроект Культурного центра и Дом на набережной в Иркутске

на последней обложке

административное здание компании «Лукойл» в Нижнем Новгороде

адрес типографии

000 «Типография Принт Лайн»
Иркутск, ул. Сергеева, 3/4
Тираж 200 экз. Заказ 0864
Подписано в печать 27.04.2020
Журнал №64 от 12.05.2020

Использование текстовых и фотоматериалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции. За содержание рекламной информации редакция ответственности не несет. Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

Периодичность 4 раза в год
Цена свободная

Золотая медаль Международной академии архитектуры «Интерарх-2009» в номинации «Периодические издания» / Golden medal of the International Academy of Architecture "Interarch-2009" in "Periodicals" category

12+

64

региональные школы /
regional schools

проект байкал/
project baikal

ISSN 2309-3072
(электронное издание)

ISSN 2307-4485
(печатное издание)

Журнал зарегистрирован в следующих международных системах:

- директория электронных журналов со свободным доступом – **DOAJ** (Directory of Open Access Journals)
- индекс Эйвери для архитектурных изданий – **the Avery Index to Architectural Periodicals**
- индекс Академии Google (**Google Scholar**)
- **Ulrichsweb** – база данных Ulrich's Periodicals Directory
- **Open Archives** – Инициатива открытых архивов для сбора метаданных (OAI PMH)
- Интернет-ресурс **JournalTOCs**
- проект **SHERPA/RoMEO**
- база данных **PKP index**
- с 2016 года включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (**РИНЦ**)
- с 2019 года индексируется в **SCOPUS**

новости	Анна Григорьева	Международные новости архитектуры.....	5
		Фотогалерея ПБ «Пустые города»	8
	Кристиан Хорн	Интервью с Яном Франсуазом о планах по климату	12
	Диана Баранова	Архигеш-2020.....	19
	Вероника Кожевникова Роман Малинович	АРХБУХТА-2020	22
книга	Сергей Медведев	Байкал на почтовых открытках. 1898–1917 Историко-библиографический альбом-каталог.....	24
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ		25
	Андрей Боков	Архитектура как школа	26
	Александр Кудрявцев	Архитектурные школы и практики регионов. Записки очевидца	32
	Леонид Салмин	Глобальный изолятор	37
	Ольга Орельская	Нижегородская архитектурная школа на стыке веков	42
	Карен Бальян	Архитектура Армении в поисках национальной формы	52
	Елена Овсянникова Николай Васильев	Севастополь: целостность ансамбля	64
иркутская (павловская) школа	Елена Григорьева	73
	Алла Корзун	У истоков архитектурной школы Иркутска	74
	Егор Щербаков	Мягкая сила Владимира Буха. К 85-летию архитектора	80
	Л. Машир	Миссия зодчего.....	86
	Константин Антипин	Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров	88
	Константин Антипин	Интервью с Владимиром Банитом	98
	Ирина Дагданова	О Ларисе Крупской (24.11.1934–29.12.2019) и атмосфере 60-х.....	102

The journal is registered by the East-Siberian Office of the Federal Service for the Monitoring of Compliance with Legislation in the Sphere of Mass Communications and the Protection of Cultural Heritage Certificate ПИ №ФС13-0180 as of November 16, 2007

founding editor-in-chief

E.I. Grigoryeva
664025 Cherekhovskiy
Pereulok 1a, Irkutsk, Russia

**proofreaders,
literary editors**

Marina Tkacheva,
Inessa Brazhnikova

upmaking

Tatyana Annenkova

**associate editor-in-chief for
international activity**

Anna Grigorieva

**address of the publisher
and the editorial board**

664025 Cherekhovskiy
Pereulok 1a Irkutsk, Russia
tel. +7 3952 332839,
email: elena_proekt_irk@mail.ru
www.projectbaikal.com

front cover image

Draft project for a cultural center and a House on the waterfront in Irkutsk

back cover image

Lukoil Company office building in Nizhny Novgorod

printed by

000 "Tipografia Print Line"
Sergeeva Street 3/4 Irkutsk
print run 200
passed for printing: 27.04.2020
issue 64 of 12.05.2020

Reproduction of all texts or illustrations of the issue without written permission from the editors is prohibited. The editorial staff is not responsible for the contents of advertising information. The editorial opinion may not always accord with the views of the authors

quarterly publication
free price

The journal is registered in the following international databases:

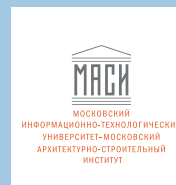
- Directory of Open Access Journals (DOAJ)
- the Avery Index to Architectural Periodicals
- Google Scholar
- Ulrichsweb (Ulrich's Periodicals Directory)
- The Open Archives Initiative (OAI)
- JournalTOCs
- SHERPA/RoMEO
- PKP index
- Since 2016 the journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI) database
- Since 2019 the journal has been indexed in SCOPUS

12+

Журнал является медиа-партнером международных конкурсов: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID и Kaira Looro, архитектурных фестивалей «Зодчество в Сибири» и ряда российских конкурсов. /

The journal is a media partner of the international competitions: the American Architecture Prize, Inspireli Awards, ITSLIQUID and Kaira Looro, Architectural Festival "Zodchestvo" and a number of Russian competitions.

спонсоры номера

вузы

Константин Лидин	Школа как нарратив	105
Елена Григорьева	109
Наталья Багрова Николай Журин Геннадий Пустоветов Сергей Филонов	Сибирская архитектурно-художественная школа: вчера и сегодня	110
Григорий Ерохин Галина Паршукова	Удовлетворенность жителей городским пространством	114
Григорий Ерохин Юлия Родионова	Новосибирская школа параметрического градостроительства	118
Елена Булгакова Георгий Горшков Светлана Забелина	МИТУ–МАСИ: цифровизация	125
Инна Дружинина Виктория Астраханцева	Архитектурное образование в Иркутске	130
Ульяна Ганжурова Роман Селиванов	Реновация кварталов 63–64 в историческом центре Иркутска	140
Екатерина Гладкова Александра Кострубова	Зимник-2020: редевелопмент.....	142
	Команда А: «План на эко-Жилкино».....	144
	Команда Б: «Пасификсити»	146
	Команда С: «Ре-Жилкино»	148
	Команда Д: «Жилкино – Сердце шести городов».....	140
Александр Таслунов Константин Кияненко	Студенческий архитектурный конкурс идей: UIA-NYP CUP 2019	152
	159

авторы

news	Anna Grigorieva	International Architecture News	5
		Photo Gallery "Empty cities"	8
	Christian Horn	Interview with Yann Françoise on climate action plans.....	12
	Diana Baranova	Archigesh 2020.....	19
	Veronica Kozhevnikova		
	Roman Malinovich	ARCHBUKHTA 2020.....	22
book	Sergey Medvedev	Baikal on postcards. 1898–1917. Historico-bibliographical album-catalogue	24
REGIONAL SCHOOLS		25
	Andrey Bokov	Architecture as a school	26
	Alexander Kudryavtsev	Architecture schools and regional practices. Notes of the eyewitness	32
	Leonid Salmin	A global isolation unit	37
	Olga Orelskaya	Nizhny Novgorod architecture school at the turn of the century	42
	Karen Balyan	Armenian architecture in search of its indigenous form.....	52
	Elena Ovsyannikova		
	Nikolai Vassiliev	Sevastopol: the integrity of the ensemble.....	64
irkutsk (pavlov) school	Elena Grigoryeva	73
	Alla Korzun	At the origins of Irkutsk architecture school	74
	Egor Shcherbakov	Soft power of Vladimir Bukh. On the occasion of the architect's 85th anniversary.....	80
	L. Mashir	Mission of an architect.....	86
	Konstantin Antipin	The impact of Irkutsk architecture school on its masters' unique manner.....	88
	Konstantin Antipin	Interview with Vladimir Banit.....	98
	Irina Dagdanova	Larisa Krupskaya (24.11.1934–29.12.2019) and the atmosphere of the 60s	102
	Konstantin Lidin	School as narrative	105
higher education institutes	Elena Grigoryeva	109
	Natalia Bagrova		
	Nikolai Zhurin		
	Gennadiy Pustovetov		
	Sergey Filonov	Siberian architecture and art school: yesterday and today	110
	Grigory Erokhin		
	Galina Parshukova	Residents' satisfaction with the city space.....	114
	Grigory Erokhin		
	Julia Rodionova	Novosibirsk school of parametric urban planning	118
	Elena Bulgakova		
	Georgy Gorshkov		
	Svetlana Zabelina	MITU-MACI: Digitalization	125
	Inna Druzhinina		
	Victoria Astrakhantseva	Architectural education in Irkutsk.....	130
	Ulyana Ganzhurova		
	Roman Selivanov	Renovation of the 63–64 quarters in the historical center of Irkutsk	140
	Ekaterina Gladkova		
	Alexandra Kostrubova	Winter University 2020: Redevelopment	142
		TEAM A: "Plan for eco-Zhilkino"	144
		TEAM B: "Pathificity"	146
		TEAM C: "Re-Zhilkino"	148
		TEAM D: "Zhilkino – The heart of the six cities"	140
	Alexander Taslunov		
	Konstantin Kiyanenko	Student Conceptual Competition in Architectural Design.....	152
authors		159

Call for contributions from UIA member sections and working bodies

International cooperation and knowledge-sharing are critical in the fight against the COVID-19 pandemic, and many are looking beyond their own borders for information and inspiration. To this end, the UIA is organising a COVID-19 Information Hub, coordinated by council member Kevin Bingham. The essential role of this initiative is to compile material on the efforts and expertise of the world's architects in response to this crisis, including emergency healthcare facilities; policy initiatives and practice; and legal and financial measures relevant to architects

in various countries. We will provide weekly updates and our findings will be compiled on our website.

The two main lines of interest in this initial phase are: emergency public health facilities, and how this pandemic is affecting architectural practice.

The medium to long-term objective is to develop a research repository on impact, mitigation and future planning from the perspective of the UIA's working bodies.

The UIA COVID-19 Information Hub will be made available on the UIA website in the coming days. Meanwhile, we ask you to send us your input in the following areas: housing, health facilities,

temporary structures, field kitchens and ablutions, isolation and partition, triage, materials and finishes, ventilation, building services and waste disposal in a crisis; adaptive reuse where appropriate, safety and security, legal guidance in contracts and practice, funding relief models, etc. We also seek your contributions on specific care facilities for the aged, persons with special needs, and those requiring care.

For more information, please visit <https://www.uia-architectes.org>

UIA2021RIO: New dates

UIA2021RIO – 27th World Congress of Architects: 18–22 July 2021

Following the recommendations of national public authorities concerning the propagation of COVID-19, the International Union of Architects (UIA), the Institute of Architects of Brazil (IAB) and the UIA2020RIO Executive Committee, in agreement with their institutional partners and other stakeholders, have postponed the 27th World Congress of Architects by one year to 18–22 July 2021.

Participants' registration fees will be automatically applied to the new Congress dates. **For more information,**

Международные новости архитектуры / International Architecture News

Сбор материалов от секций-членов и рабочих органов МСА

В борьбе против пандемии COVID-19 важнейшую роль играют международное сотрудничество и обмен знаниями, которые позволяют расширить свои границы в поисках информации и вдохновения. В связи с этим Международный союз архитекторов (МСА) организует Информационный центр по COVID-19, который будет координировать член Совета МСА Кевин Бингхам. Главная функция этого центра – сбор материала об опыте архитекторов из разных стран мира, касающегося преодоления кризиса, включая создание объектов здравоохранения для работы в чрезвычайных ситуациях, разработку и реализацию новых направлений развития, а также финансово-правовые отношения, связанные с деятельностью архитекторов в разных странах мира.

Обновление материала, собранного на нашем сайте, будет происходить еженедельно.

На начальном этапе особый интерес вызывают два вопроса: опыт создания объектов здравоохранения для работы в чрезвычайных ситуациях и влияние пандемии на архитектурную практику.

Среднесрочная и долгосрочная цели касаются разработки исследовательской базы данных о причиненном ущербе, уменьшении негативных последствий и перспективном планировании с точки зрения рабочих органов МСА.

В ближайшие дни Информационный центр МСА по COVID-19 будет доступен на официальном сайте МСА. Уже сейчас мы объявляем о приеме материалов по объектам: жилье, медицинские учреждения, временные сооружения, полевые кухни и санитарно-бытовые помещения, изоляторы и перего-

родки, помещения для медицинской сортировки, а также информации о материалах и отделке, вентиляции, инженерном обеспечении, утилизации отходов в чрезвычайной ситуации, перепрофилировании объектов, обеспечении безопасности, юридических рекомендациях по заключению договоров и осуществлению практической деятельности, моделях финансовой помощи и т. д. Кроме того, мы ждем ваши материалы о специальных учреждениях для пожилых и людей, нуждающихся в специальном уходе.

Дополнительная информация:
<https://www.uia-architectes.org>

UIA2021RIO: новые даты
27-й Всемирный конгресс архитекторов UIA2020RIO перенесен на 18–22 июля 2021 года
Международный союз архитекторов, Институт архитекторов Бра-

зилии и Исполнительный комитет UIA2020RIO по согласованию с их институциональными партнерами и другими заинтересованными сторонами, следуя рекомендациям национальных органов государственной власти, сообщают, что 27-й Всемирный конгресс архитекторов отложен на один год из-за пандемии COVID-19 и пройдет 18–22 июля 2021 года.

Регистрационные взносы будут автоматически применены к новым датам проведения конгресса.

Дополнительная информация доступна на сайте: https://www.uia2020rio.archi/index_en.asp

Генеральная ассамблея МСА: 22–25 июля 2021 года

Выражая солидарность с бразильскими коллегами, Совет МСА единогласно поддержал предложение о проведении следующей Генеральной ассамблеи МСА в

< Проект CURA бюро Carlo Ratti Associati and Studio Italo Rota из Италии / The CURA project by Carlo Ratti Associati and Studio Italo Rota, Italy

please visit https://www.uia2020rio.archi/index_en.asp

UIA General Assembly: 22–25 July 2021

In solidarity with their Brazilian colleagues, the UIA Council has unanimously agreed to hold the next UIA General Assembly in Rio de Janeiro from 22 to 25 July 2021, immediately after the 27th World Congress of Architects (18–22 July).

UIA Gold Medal and triennial prizes: 2021

The deadline for the submission of nominations for the UIA Gold Medal and Awards has been extended to 2 April

2021 in line with the new UIA2021RIO calendar. UIA Member Sections and Council members are invited to continue submitting their nominations on the UIA Awards platform (<https://uia.awardsplatform.com/>). Nominations already received remain valid. The jury meeting will be held on 20 April 2021, and the results will be announced on 26 April 2021. The Awards Ceremony will take place on 21 July in Rio de Janeiro (Brazil) during the 27th World Congress of Architects.

International Ideas Student Competition

Supported by the UIA and UN-Habitat, the competition invites students from

around the world to present innovative and sustainable solutions for one of Rio's largest informal settlements, Complexo da Maré. With more than 860 entries already received from 36 countries, the Brazilian Institute of Architects (IAB) has decided to maintain the registration deadline of 30 March and to extend the following dates: Submission deadline: June 30 - July 30, 2020; Jury meeting: 03 - 28 September 2020; Announcement of results: 14 October 2020; Awards Ceremony: July 2021.

UIA Golden Cubes Awards

Organised by the UIA Architecture and Children Work Programme, this triennial award recognises people and organisa-

tions that help children and young people to develop a better understanding of architecture and the built environment. The international phase, which was successfully concluded on 15 March, will be evaluated by an international jury next September.

The dates of the jury meeting and the announcement of the results will be communicated at a later date.

UIA Friendly & Inclusive Spaces Award

Organised by the UIA Work Programme, Architecture for All, this triennial award promotes inspiring examples of friendly and inclusive buildings and places that have created socially sustainable environments through high quality

Рио-де-Жанейро с 22 по 25 июля 2021 года, сразу после 27-го Всемирного конгресса архитекторов (18–22 июля).

Золотая медаль МСА и награды, присуждаемые раз в три года: 2021 год

Конечный срок подачи заявок на соискание Золотой медали МСА и наград МСА продлен до 2 апреля 2021 года в соответствии с новым календарем UIA2021RIO. Секции-члены МСА и члены Совета приглашаются к подаче заявок на платформе наград МСА (<https://uia.awardsplatform.com/>). Заявки, поступившие ранее, остаются действующими. Заседание жюри пройдет 20 апреля 2021 года, а результаты будут объявлены 26 апреля 2021 года. Церемония награждения состоится 21 июля в Рио-де-Жанейро (Бразилия) во время 27-го Всемирного конгресса архитекторов.

Международный студенческий конкурс идей

Конкурс, который проводится при поддержке МСА и ООН-Хабитат, приглашает студентов со всего мира представить инновационные и устойчивые проектные решения для одного из крупнейших неформальных поселений Рио-де-Жанейро – Комплексо-да-Маре. Получив уже 860 заявок из 36 стран, Бразильский институт архитекторов решил оставить без изменения конечный срок регистрации (30 марта) и продлить следующие сроки: подача заявок: 30 июня – 30 июля 2020 года; заседание жюри: 3–28 сентября 2020 года; объявление результатов:

14 октября 2020 года; церемония награждения: июль 2021 года.

Награда МСА «Золотые кубы»

Эта награда, организованная в рамках рабочей программы МСА «Архитектура и дети», присуждается раз в три года с целью выделить людей и организации, которые помогают детям и молодым людям лучше понять архитектуру и искусственную среду. Результаты международного этапа проведения конкурса, который успешно завершился 15 марта, будут оценены международным жюри в сентябре.

О датах заседания жюри и объявления результатов будет сообщено позже.

Награда МСА «Дружелюбные и инклюзивные пространства»

Организованная в рамках рабочей программы МСА «Архитектура для всех», эта награда присуждается раз в три года, способствуя продвижению ярких примеров дружелюбных и инклюзивных зданий и мест, которые создают социально устойчивую среду благодаря качественному архитектурному проектированию. Первый этап конкурса успешно завершился 15 февраля: на конкурс поступило 88 проектов из 35 стран. Выбранные проекты будут оценены онлайн, и результаты будут объявлены осенью 2020 года. О дате объявления победителей будет сообщено в ближайшее время.

Награда МСА за инновации в архитектурном образовании

Награда МСА за инновации в

архитектурном образовании была учреждена Комиссией по образованию МСА с целью подчеркнуть многогранность инноваций, выходящих за пределы различных культур и географий, и поддержать педагогические практики, которые вносят существенный вклад в создание устойчивой среды.

Конечный срок подачи заявок: 20 октября 2020 года; обсуждение работ жюри: 20 октября – конец ноября 2020 года; объявление результатов: 1 декабря 2020 года.

Все заявки, поступившие на платформу наград МСА, остаются действительными.

Награды МСА за инновации в архитектурном образовании будут вручены 22 июля 2020 года на официальной церемонии награждения, которая состоится в рамках 27-го Всемирного конгресса МСА в Рио-де-Жанейро.

Дополнительная информация:
<https://www.uia-architectes.org>

Ивонн Фаррелл и Шелли МакНамара – лауреаты Притцкеровской архитектурной премии за 2020 год

Ивонн Фаррелл и Шелли МакНамара из Дублина (Ирландия), основательницы бюро Grafton Architects, стали лауреатами Притцкеровской архитектурной премии за 2020 год. Их имена огласил Том Притцкер, председатель Фонда Hyatt, который спонсирует премию, считающуюся самой престижной наградой в области архитектуры. За 41 год существования премии

это первый случай, когда награду получает женский дуэт. До этого Притцкеровская премия присуждалась всего трем женщинам. Жюри выделило ирландский дуэт за «их способность быть космополитичными и в то же время уважительно относиться к уникальным особенностям каждого места, где они работают».

В своих проектах архитекторы постоянно поддерживают диалог между внешним и внутренним, о чем свидетельствует смешение общественных и частных пространств, тщательный подбор материалов и сохранение их целостности.

Фаррелл и МакНамара основали бюро Grafton Architects в 1978 году в Дублине, где продолжают жить и работать. Более чем за сорок лет они успели реализовать более сорока проектов для Ирландии, Великобритании, Франции, Италии и Перу.

Дополнительная информация:
<https://www.pritzkerprize.com/media-news>

> Школа экономики Университета Тулузы, Франция, 2019, по проекту Ивонн Фаррелл и Шелли МакНамара. Фото: © Dennis Gilbert / Université Toulouse 1 Capitole, School of Economics by Yvonne Farrell and Shelley McNamara. Photo courtesy of Dennis Gilbert

architectural design. The first phase was successfully concluded on 15 February, with 88 projects received from 35 countries. The selected projects will be evaluated online and announced in the autumn of 2020. The date for the announcement of the results will be communicated shortly.

UIA Award for Innovation in Architectural Education

Organised by the UIA Education Commission, the Award for Innovation in Architectural Education celebrates the multifaceted nature of innovation across the boundaries of cultures and geographies, and promotes inspiring pedagogical practices that contribute to

the creation of sustainable environments.

Submission deadline: 20 October 2020; evaluation of entries by the jury: 20 October – end November 2020; announcement of results: 1 December 2020.

Any submissions already received on the UIA Awards Platform remain valid.

Prizes for the inaugural edition of the UIA Award for Innovation in Architectural Education will be conferred at the official awards ceremony of the 27th UIA World Congress in Rio de Janeiro on 22 July 2020.

For more information, please visit <https://www.uia-architectes.org>

Yvonne Farrell and Shelley McNamara receive the 2020 Pritzker Architecture Prize

Yvonne Farrell and Shelley McNamara of Dublin, Ireland, co-founders of Grafton Architects, have been named the 2020 laureates of the Pritzker Architecture Prize, as announced by Tom Pritzker, Chairman of the Hyatt Foundation, which sponsors the award that is known internationally as architecture's highest honour. This is the first women's duo to be awarded the prize, becoming the fourth and fifth women to receive it in its 41-year history. The jury praised their "ability to be cosmopolitan while respecting the uniqueness of each

location in which they work".

The architects are continuously conscious of the dialogue between the internal and external, evidenced by the mingling of public and private spaces, and the meaningful selection and integrity of materials.

The pair established Grafton Architects in 1978 in Dublin, where they continue to practice and reside. In just over forty years, they have completed nearly as many projects, located in Ireland, the United Kingdom, France, Italy and Peru.

For more information, please visit <https://www.pritzkerprize.com/media-news>

^ Ивонн Фаррелл и Шелли МакНамара, лауреаты Притцкеровской архитектурной премии за 2020 год.

Фото: © Alice Clancy / Yvonne Farrell and Shelley McNamara, the 2020 Pritzker Architecture Prize Laureates. Photo courtesy of Alice Clancy

НОВОСТИ

Архитекторам нравится снимать свои объекты *au naturel*: для съемок им приходится ждать, когда схлынет поток людей, опадет листва; авторы ловят свет, чтобы запечатлеть свое произведение во всей красе и чистоте... Но вот настали времена, с которыми мы еще не сталкивались: опустели площади, улицы, парки, даже смог рассеялся. Утренний look – красиво, но как печально...

ЕГ /

Architects like taking photos of their projects *"au naturel"*: they have to wait until the flow of people declines or the leaves fall down; the authors catch the light to capture their work in all its beauty and purity... But now we are witnessing a time we have never had before: plazas, streets and parks have become empty; even the smog has cleared away. The morning look is beautiful but so sad...

Elena Grigoryeva

Фотогалерея «Пустые города» / Photo Gallery "Empty cities"

^ «Туманный день» – пустующий городской бизнес-центр в Тимишоаре (Румыния) по проекту Andreescu & Gaivoronschi. Фото: Влад Гайворонски / "Foggy Day" – Timișoara (Romania), empty City Business Centre designed by Andreescu & Gaivoronschi. Photo: Vlad Gaivoronschi.

v Флоренция, Италия. Площадь Санта-Кроче, 15.03.20, 12:00. Фото: Алексей Козьмин / Florence, Italy. Piazza Santa Croce, 15.03.20, 12:00. Photo: Aleksei Kozmin

^ v Париж. Фото: Кристиан Хорн / Paris. Photo: Christian Horn

^ Нижний Новгород. Одна из последних фотографий гостиницы «Волжский откос» (бывш. «Россия», до этого «Центральная»). Арх. А. З. Гринберг, М. Т. Смуров. 1931–1935. Сейчас здание сносится. Фото: Анна Гельфонд / Nizhny Novgorod. One of the last photos of the hotel “Volzhsky otkos”, former “Russia”, previously named “Tsentrlnaya”, architects: A. Z. Grinberg, M. T. Smurov (1931-1935). The building is currently being demolished. Photo: Anna Gelfond.

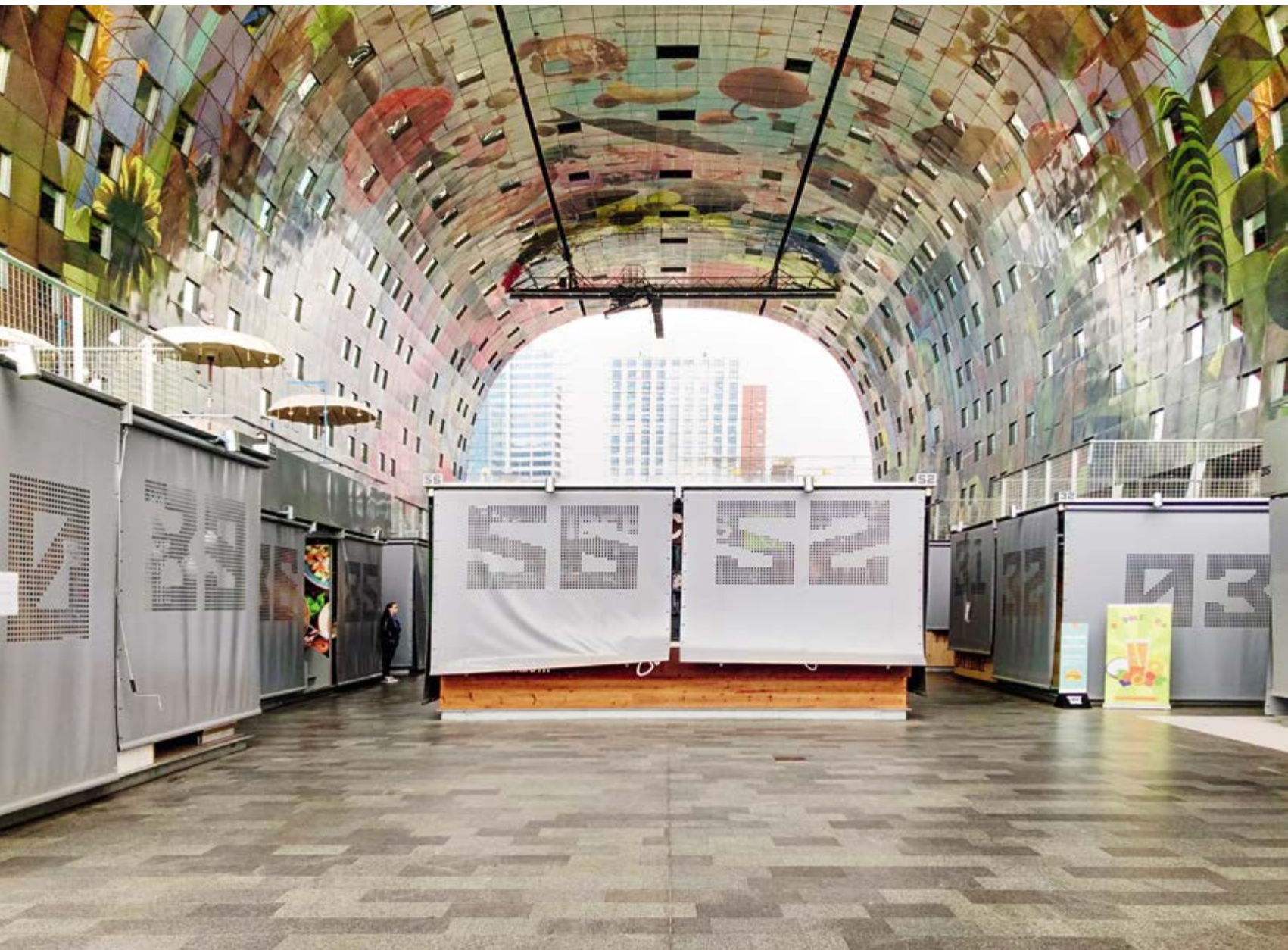

НОВОСТИ

> Иерусалимская лестница в Иркутске.
Фото: Сергей Маяренков / Jerusalem
Staircase in Irkutsk. Photo: Sergey
Mayarenkov

v Известный рынок Markthal в центре Роттердама (Нидерланды) по проекту MVRDV: все торговые точки закрыты, а холл практически пустой. Фото: Франк ван дер Хувен /
The iconic Markthal in the centre of Rotterdam designed by MVRDV: all shops closed while the hall is all but empty. Photo: Frank van der Hoeven

PROSTOR GROUP

BUILDING TECHNOLOGY

Группа компаний Prostor Group – это многопрофильное предприятие, специализирующиеся на внешней отделке зданий. Главные ценности компании – это высокие требования к качеству реализуемых объектов.

Накопленный десятилетиями опыт работы на коммерческих и частных объектах позволяет нам рекомендовать некоторые особо интересные материалы.

МЫ ЯВЛЯЕМСЯ ДИЛЕРАМИ ФАСАДНЫХ МАТЕРИАЛОВ КМЕШ (ЯПОНИЯ), ETEX (БЕЛЬГИЯ), WHITE HILLS (РОССИЯ)

ЯПОНСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
ФИБРОЦЕМЕНТНЫХ ФАСАДНЫХ ПЛИТ

КМЕШ
Кей Эм Ю

БЕЛЬГИЙСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
ФИБРОЦЕМЕНТНОГО САЙДИНГА

etex
inspiring ways of living

РОССИЙСКИЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ
ИСКУССТВЕННОГО КАМНЯ

White Hills
Декоративный искусственный камень

Группа компаний ProstorGroup, в частности подразделение по работе с фасадами, рады выполнить новые объекты совместно с архитекторами. Готовы предложить инженерно-конструкторское сопровождение в проектировании фасада, предоставить библиотеку образцов и провести консультацию! И приглашаем Вас в наш архитектурный клуб, целью которого является повышение профессиональной коммуникации, обучающие программы по материалам и технологиям, плодотворное сотрудничество. КЛУБ АРХИТЕКТОРОВ: archclab38 +7 904 130 77 55

OKNA.IRK.RU
8 (3952) 258-235

PROSTORE.SHOP
8 (3952) 484-199

VOROTA.IRK.RU
8 (3952) 77-88-99

FASDOM.RU
8 (3952) 484-184

REMON TOKON.IRK.RU
8 (3952) 450-016

Изменение климата происходит невиданными темпами. Парижское соглашение, принятое в декабре 2015 года по итогам 21-й Конференции сторон в Париже (COP21), направлено на удержание глобального потепления к 2100 году и достижение показателя в 1,5°C. Многие европейские города для своих территорий разработали муниципальные климатические планы, нацеленные на достижение нулевых выбросов углекислого газа к 2050 году. Ян Франсуаз, глава департамента по вопросам изменения климата, энергетики и циклической экономики города Парижа, дает комментарии по аспектам, касающимся разработки климатических планов.

Ключевые слова: Ян Франсуаз; город Париж; изменение климата; выбросы CO₂; Парижское соглашение; план действий по проблеме изменения климата; управление. /

Climate change is happening on a faster pace than ever recorded before. It has become visible in multiple wildfires on nearly all continents, heat waves, melting glacier, thawing of permafrost, water shortage, the reduction of the biodiversity and other occurrences. The Paris agreement, based on the negotiations of the 21st Conference of the Parties in Paris (COP21) in December 2015, focus to contain global warming well below 2°C compared to pre-industrial levels by 2100, and strives to limit the increase to +1.5°C. To implement the objectives of the Paris agreement on their territories, many European cities developed their municipal climate action plans with the objective of becoming carbon neutral by 2050. In the interview with Yann Françoise, Climate-Energies and Circular Economy Manager of the City of Paris, he explains different issues on the development of climate action plans.

Keywords: Yann Françoise; City of Paris; climate change; CO₂ emissions; Paris Agreement; climate action plan; governance.

Интервью с Яном Франсуазом о планах по климату / Interview with Yann Françoise on climate action plans

^ Ян Франсуаз. Автор неизвестен / Yann Françoise. Credits: Unknow, ARR

Беседу провели:
Кристиан Хорн, Катерина Сыкина и Эссия Турки
5 февраля 2020 в мэрии Парижа / Interview by:
Christian Horn, Kateryna Sykina and Essia Turki;
February 5, 2020 at the Paris city hall.

Ян Франсуаз отвечает за энергетическую стратегию, за борьбу с изменением климата и за круговую экономику города Парижа. Получив образование инженера по жилищно-коммунальному хозяйству, он постепенно специализировался по вопросам энергии и борьбы с изменением климата в больших городах. С момента его запуска в 2005 году Ян Франсуаз интенсивно участвует в реализации и разработке Плана Парижа по климату и энергии с целью достижения углеродной нейтральности в 2050 году.

Кристиан Хорн Ян Франсуаз, текущий план действий по климату города Парижа был принят в 2018 году. Он является следующим шагом в эволюции климатических планов, первый из которых был

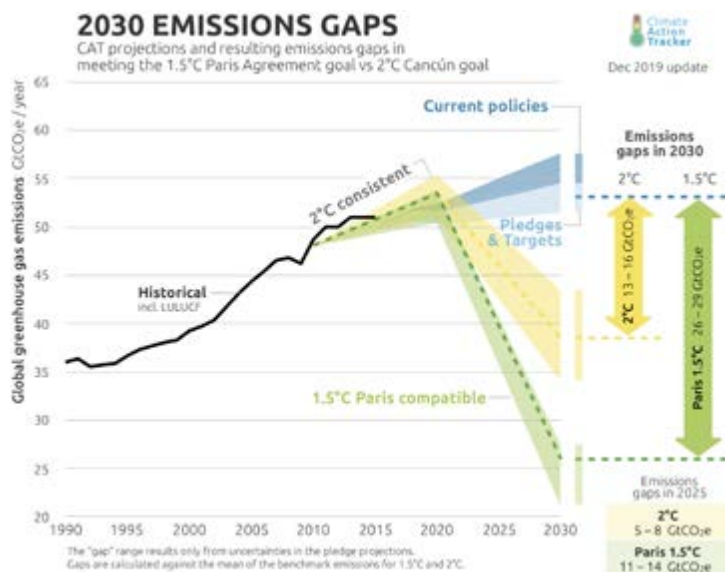
инициирован в 2005 году согласно решению города Парижа разработать первый Территориальный энергетический климатический план (ТЭКП). К какой категории Вы отнесли бы климатический план действий? Является ли он новым инструментом планирования, таким как планы мобильности, разработанные городами с 1990-х годов, или же представляет собой более общую направленность, которая служит руководством для большинства других аспектов управления городом?

Ян Франсуаз Климатический план сегодня можно рассматривать как инструмент планирования во Франции. Он стал юридическим обязательством с принятием закона в 2010 году. Затем этот закон был усилен в 2012 году и в 2015

году. Таким образом, поскольку это юридическое обязательство, можно считать, что это инструмент планирования. Но для некоторых французских городов, включая Париж, на самом деле это не просто инструмент планирования в смысле распорядителя. Для нас это скорее инструмент динамики, стратегии и видения.

Первый Парижский климатический план был принят в 2007 году, как и в четырех-пяти других городах Франции, которые были первопроходцами в борьбе с изменением климата в то время. В этих городах в период между 2005 и 2008 годами начала разрабатываться экологическая политика в отношении устойчивой энергетики или климата в Европе. Когда закона еще нет, иногда это даже на пользу делу, потому что можно быть намного более активным и амбициозным, нежели если ограничивать себя рамками требований закона. Кроме того, в то время между городами-предшественниками царил дух состязания, в том числе и на европейском уровне, потому что Лондон тоже принял свой план в этот период. Это позволило выйти за рамки чисто правовой и административной структуры, введенной законом 2010 года, и добавить избрательности. Потому что, если следовать тексту закона, то только в его последней версии 2015 года городам предлагают выходить за их административные рамки.

Я хочу привести очень простой пример: когда мы рассчитывали наш Климатический план, то ис-

> Разрыв в уровнях выбросов парниковых газов на 2030 год. Автор: Climate Action Tracker 2019 / Today's 2030 emissions gaps. Credits: Climate Action Tracker 2019

Mr. Yann Françoise is responsible for the energy strategy, the fight against climate change and the circular economy of the City of Paris. An engineer in urban engineering by training, he has become over time a specialist in energy issues and the fight against climate change in major cities. Since the launch of the City of Paris Climate Energy Plan in 2005, he has been involved in its implementation and development with the objective of carbon neutrality in 2050.

C.H.: Mr. Yann Françoise, the current climate action plan of the City of Paris was adopted in 2018. It is part of a succession and evolution of the climate plans, since the decision in 2005 to draw

up a first Territorial Climate Energy Plan (PCET) of the City of Paris. How would you situate the climate action plan? Is it a new planning tool, such as the mobility plans developed by cities since the 1990s, or does it represent a more general orientation which serves as a guide for most aspects of the governance of a city?

Y.F.: The climate plan can be seen today as a planning tool in France. It became a legal obligation by a national law in 2010. Later this law was reinforced in 2012 and in 2015. So as it is a legal obligation now, we can consider that it is a planning tool. But for certain French cities, including Paris, it is not only seen

as a planning tool. For us, it is rather a tool of dynamics, strategy and vision.

The first Paris Climate Plan dates from 2007, as well as those from four or five other cities in France, which were pioneers in the ambition to fight climate change at that time. In these cities, between 2005 and 2008, environmental policies emerged, either for sustainable energy or for climate issues in Europe. And when there is no guiding law yet, sometimes it's better, because it allows you to be much more proactive and ambitious than simply responding to a text of a law. Besides at that time, there was a small competition between the forerunner cities, because London had

just adopted its climate plan. This made it possible to go beyond the legal and administrative framework introduced by the law of 2010 and be more inventive. It's only in its latest version of 2015, where the legislation encourages cities to think beyond its own administrative limits.

I will give you a very simple example. If we look at the balance of greenhouse gas (GHG) emissions that we calculated in our climate plan, we calculated a balance for the entire Greater Paris territory. But when we look only at the emissions from the administration of the city of Paris, this is what the law asked for at the start, it is much more limited.

ходили из баланса выбросов парниковых газов всей территории. Но если смотреть только на выбросы администрации города Парижа, чего и требовал закон с самого начала, естественно, картина будет неполной.

Парижская администрация огромна: это 55 тыс. сотрудников, 3500 объектов общего пользования, 1700 км дорог, 22 отдела. Но выбросы от ее деятельности составляют только 1% выбросов территории. Всего лишь 250 тыс. тонн из 22 миллионов тонн от всей территории. Очевидно, что составление плана на 1% не представляет большого интереса. Так рождается динамика, и поэтому я говорю, что это не просто инструмент планирования как таковой, но также и способ воздействовать на видение в долгосрочной перспективе, как снижение потребления энергии на 25% например, или в других областях, иногда даже тех, где у мэра нет абсолютно никакой компетенции.

Катерина Сыкина При сравнении климатических планов городов, например Парижа и Берлина, их основные категории кажутся похожими или даже идентичными: энергия, мобильность, здания, градостроительство, отходы, питание... Но если присмотреться, все города разные. В чем специфика климатического плана Парижа по сравнению с другими европейскими городами?

ЯФ Одна из особенностей парижского климатического плана заключается в том, что с самого

начала мы старались учитывать последствия местного питания и потребления, даже если они не являются источниками выбросов на нашей территории. Из всех продуктов питания, потребляемых в Париже, только 0,1% производится на месте. Но это производство – источник парниковых газов за пределами административных границ города, и поэтому мы за них также несем ответственность.

Мы разработали устойчивую продовольственную политику в нашем регионе. В течение 15 лет мы проверяли ее в наших собственных столовых, прежде чем сказать, работает она или нет. Это очень важно – показывать пример. Мы сначала применяем меры в собственном горуправлении, используя местные ресурсы, затем проводим расчеты и решаем, сможем ли мы применить эти меры и в муниципальных столовых.

В первом климатическом плане 2007 года мы объявили, что в 2014 году сможем обеспечить 30% натуральных и местных продуктов в наших парижских столовых. Парижские столовые – это 30 миллионов блюд в год. Может показаться, что это много, но на самом деле в Париже для всех парижан подается 2 миллиона блюд в день как для рабочих, так и для туристов. Сначала мы достигли 6%, и многие говорили, что мы никогда не достигнем 30%. Не было производственной цепочки, не было логистики, партнеры не собирались нас поддерживать. Но в 2013 году мы уже достигли 27%. Когда мэр

Парижа заступила на должность в 2014 году, она объявила в своей кампании, что к 2020 году мы доберемся до 50%. А в прошлом, 2019 году в наших парижских столовых было 48% натуральных и местных продуктов питания.

Мы достигли цели, потому что, разрешая открытому рынку доступ к такому количеству пищевых продуктов, производственные цепочки стали развиваться, но не сразу. Например, в самом начале органическая морковь прибывала к нам из Сицилии, потому что у нас еще не было поставщика органической моркови из Франции. В моих расчетах возрастал прирост парниковых газов из-за доставки с Сицилии. Затем мы наладили местные производственные цепочки.

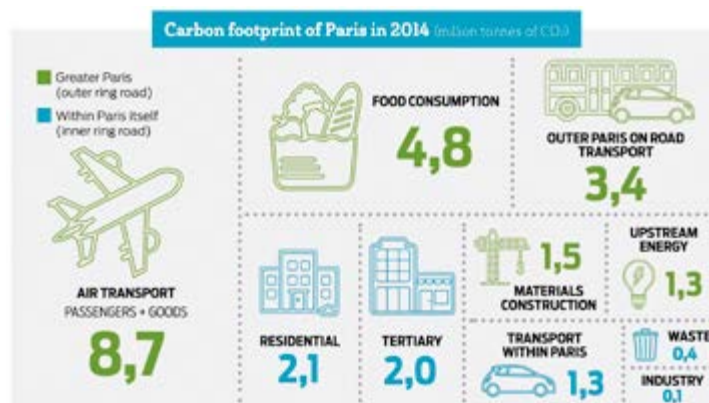
Это то же самое послание, которое мы пытаемся донести: если мы разработаем нашу продовольственную стратегию на территориальном уровне, мы сможем развивать

органическое сельское хозяйство в регионе Иль-де-Франс, потому что это очень плодородные земли. Но они заняты монокультурой: это пшеница, крупы для скота, а вовсе не для питания людей. А значит, мы можем восстановить их сельскохозяйственную ценность, реабилитировав эти земли.

Поэтому мы решили учесть в нашем климатическом плане и выбросы, которые мы производим в других местах.

Но по количеству выбросов производство продуктов питания занимает второе место. На первом находятся авиаперевозки. Только в нашем климатическом плане учитываются выбросы от авиаперевозок. Представьте себе: согласно последним опубликованным оцен-

в Углеродный след Парижа в 2014 году. Автор: муниципалитет Парижа, 2014 / The carbon footprint of Paris in 2014. Credits: City of Paris 2014

The Paris administration is important. It is 55000 agents, 3500 public equipments, 1700 km of roads, 22 directions, but its activity represents only 1% of the Greater Paris territory's emissions. Just 250000 tonnes out of total 22 million tonnes for the entire territory. So making a plan on 1% is not of much interest. This is how the dynamic is born. This is the reason I say that it is not a planning tool in the proper sense of the term. It is a tool that commits to a long-term vision of a 25% reduction in energy consumption and others. And engage sometimes on topics where the mayor has absolutely no competence.

K.S.: When we compare the climate action plans of cities, for example Paris and Berlin, at first glance the main categories are similar or even identical: energy, mobility, buildings, town planning, waste, food ... But in detail, every city is different. What are the specific points of the climate plan for the city of Paris compared to other European cities?

Y.F.: A special feature of the Paris Climate Plan is that, from the beginning we tried to take into account the consequences of our food and our consumptions on the Greater Paris territory, even if the emissions are not created within Paris itself. Of all the food consumed in Paris only 0.1% is produced in Paris. But

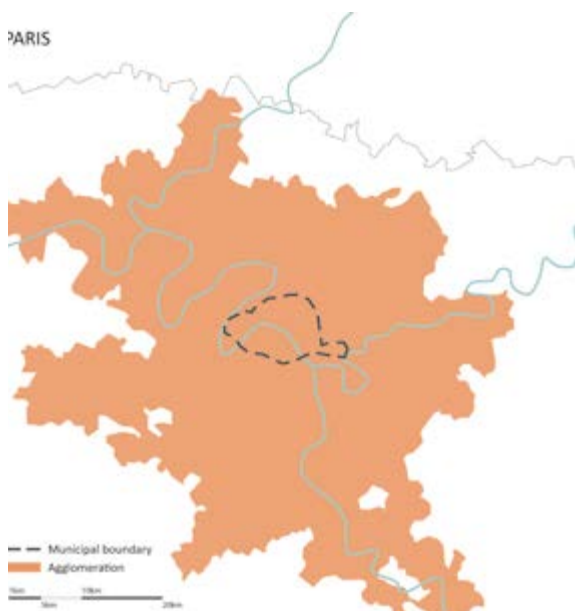
it generates greenhouse gases outside the city's administrative boundaries, and therefore we have a responsibility for these emissions.

We developed a sustainable food policy for Paris. We tested it in our own canteens for 15 years, to see if it worked or not. This exemplarity side is important. We test actions first "at home", in the municipal public domain with our resources, we do the calculations and we see if we can export it to the municipal canteens.

In the first climate plan of 2007, we announced that we will be able to use up to 30% organic and local food in our Parisian canteens in 2014. The Parisian

canteens, it's 30 million meals a year. This seems a lot, but in fact there are 2 million meals a day that are served in Paris, for all Parisians, workers and tourists, a total of 730 million meals a year. At first, we were at 6% organic and local food and many people said that we could never reach 30%. There is no production chain, no logistics, and the agriculture federations would not support the engagement. But in 2013 we were already at 27%. In 2014, when the new mayor of Paris was elected, she announces in her campaign that we are going to 50% in 2020. And last year, in 2019, we were at 48% organic and local food in our Parisian canteens.

v Город Париж и его агломерация. Автор: Office Rethink 2019 / The city of Paris and its agglomeration. Author: Office Rethink 2019

кам, выбросы от авиаперевозок составляют 7,6 миллиона тонн из 22 иллионов тонн CO₂, приходящихся на город Париж. Это треть выбросов, с которой мы ничего не можем поделаться.

Эссия Турки Как по вашему мнению, существуют ли темы и проблемы, связанные с изменением климата, которые все еще недооцениваются и недостаточно учитываются в текущем климатическом плане?

ЯФ Серьезную опасность для нас представляют периоды летней жары и их влияние на здоровье граждан, особенно слабых людей. Наши территории не приспособлены к жаркой погоде. Представьте только, что придется привыкать к пикам летних температур на улице

от 50 до 52°C. В 2003 году во время сильной жары во Франции число смертей, вызванных высокими температурами, возросло на 15000 человек. Были приняты меры, и в 2019 году во время сильной жары погибло лишь на 1500 человек больше. Можно подумать, что проблема под контролем.

Но это если не учитывать, что в 2003 году у нас было 17 жарких дней подряд. В 2019 году были только небольшие периоды жары по 4–5 дней. Это довольно тяжело выносить, но все же без чрезмерной усталости. Когда сильная жара длится 5–7 дней подряд, избыточная смертность в Париже возрастает. А когда температура свыше 30°C держится более 9 дней, риск смерти у пожилых людей удваивается:

^ Товарное огородничество в Парижском регионе. Автор: RETHINK, Christian Horn 2011 / Market gardening in the Paris region. Credits: RETHINK, Christian Horn 2011

^ Фермерский рынок в Париже. Автор: RETHINK, Christian Horn 2017 / Farmer's market in Paris Credits: RETHINK, Christian Horn 2017

We have achieved our goal. By putting so many meals on the public market, the production chains developed, but not immediately. For example, at the very beginning, the organic carrot came from Sicily because we did not produce organic carrots in France. I lost in the calculations the gain in greenhouse gases with the transport from Sicily. So we created local production chains.

It's the same message we try to convey here. If we develop our food strategy at the territorial level, we can develop organic farming in the Paris region. Because they are very rich lands for agriculture. But which are dedicated to the monoculture of wheat, cereals

for cattle and not at all to feed people. So we can restore agricultural value by investing these lands for organic and local food production.

So we decided to count in our climate plan the emissions that we generate elsewhere. Food is the second post. As the first post, there are planes for example. It is also the only climate plan that takes into account aircraft emissions in its balance sheet. And you should know that in the most recent balance we published, that the planes contribute 7.6 million tonnes out of the 22 million tonnes of CO2 of the city of Paris. It is a third of the emissions and on which we can do nothing.

E.T.: For you, are there issues and problems linked to climate change, which are still underestimated and insufficiently taken into consideration in the current climate plan?

Y.F.: We have a serious concern about the heat waves during the summer months and their impacts on the health of the citizens, especially vulnerable people. Our territories are not adapted to hot weather. From now on you have to get used to peaks of temperatures from 50 to 52°C in the streets. During the major heat wave in 2003, there were 15000 additional deaths due to high temperatures in France. Different measures were taken since then and last year, there

were an additional 1500 deaths during the summer heat wave. So, one might think that the problem has been brought under control.

Except that in 2003 we had 17 hot days in a row. In 2019 we only had small heat waves of 4 to 5 days. Hard to bear, but without really getting tired. It is from 5 to 7 days in a row of heat waves that excess mortality in Paris is accelerating. And from the 9th day of exceeding 30°C, the risk of mortality for elderly doubles. Because you get tired, you dehydrate and you recover badly at night. The apartments are not suitable, they are often small and mono oriented. Even with the development of urban cool

накапливается усталость, организм обезвоживается и плохо восстанавливается ночью. Квартиры тоже не предназначены для такой жары, они часто небольшого размера и ориентированы на одну сторону. Даже с развитием «островов прохлады» температура за ночь снижается недостаточно.

На мой взгляд, с 2003 года мы потеряли 15 лет, потому что не провели достаточно исследований на тему летнего перегрева в домах и городских пространствах. Мы приложили усилия, чтобы утеплить жилье для зимнего комфорта, но забыли объяснить выборным чиновникам, что ремонт жилья нужен не только для зимы, но и для летнего комфорта. В контексте глобального потепления очень важно придерживаться временного аспекта. Скорее всего, через несколько лет мы сможем уменьшить меры для зимнего комфорта, но понятно, что для создания летнего комфорта нам придется приложить больше усилий.

КХ План по климату и энергии – это относительно новый инструмент городских стратегии и динамики. Он заставляет критически взглянуть на разные проблемы, требует тесного сотрудничества между отделами и новых способов совместной работы. Смогли ли различные департаменты быстро адаптироваться к требованиям климатического плана?

ЯФ Конечно, это также новое видение концепции и деления города. Нам тоже есть к чему стремиться. Во многих городах создается впечатление, что администрация

^ Минеральные покрытия, находящиеся на солнце, летом могут достигать высоких температур. Автор: RETHINK, Christian Horn 2017 / Mineral surfaces without shadow can reach high temperatures in summer. Credits: RETHINK, Christian Horn 2017

> Городской остров прохлады в Париже. Автор: RETHINK, Christian Horn 2018 / Urban cool island in Paris. Credits: RETHINK, Christian Horn 2018

islands, the temperature does not drop enough overnight.

In my opinion we have lost 15 years since 2003, because we have not done enough research on summer overheating in housing and urban spaces. We put efforts to isolate housing for winter comfort, but we forget to explain to the elected officials that the renovation of housing is not only for winter, but also for summer comfort. In the context of global warming, it is also a question of temporality. In a few years we may be able to reduce the efforts for winter comfort, but it is clear that we will have to strengthen our efforts for summer comfort.

C.H.: The climate energy plan is rather a recent strategy and urban dynamic tool. It questions different themes and asks for a close collaboration between the departments and new ways of collaborating. Were the different departments able to adapt quickly to the requirements of the climate plan?

Y.F.: The climate plan is also a new vision to think and share the city. We too, as administration, must make progress on this. In many cities, one has the impression that the administration manages the territory. It's normal; we were given the keys to manage the territory. Now we have to learn how to share this management. Already to

share governance a bit with, for example, the neighborhood councils that we have created.

I knew a time when the administration decided on designing an urban space and we carried it out without asking anybody questions. Today we go and talk to people first. They also vote on urban design proposals. They can disagree with the administration and we will respect them. Except when it's really not possible otherwise. And this is new.

Sharing the governance also makes it possible to avoid these social acceptability difficulties at some point. Because citizens also understand our difficulties, whether technical, administrative, political,

or purely financial. "Where do you want to put this tree? Well below there is a gas network and an electricity network, so we can't do it for security." To say that everything is not doable.

During two climate plans, so for 10 years, we managed the climate plan with a classic steering committee made up of elected officials and the administration. We reported once a year to the wider community, presenting the figures published each year, without dialogue.

Since 2019, the City of Paris has a Climate Agora which will become a governance committee with a college of citizens, a college of enterprises, a college of NGOs and an administrative college. The

v Пример участия общественности в рассмотрении проектных предложений по Парижскому региону. Автор: Xavier Granet 2014 / Example of public participation on planning proposals in the Paris region. Credits: Xavier Granet 2014

v Пример участия общественности в рассмотрении проектных предложений по региону Бордо. Автор: RETHINK, Christian Horn 2015 / Example of public participation on planning proposals in the Bordeaux region. Credits: RETHINK, Christian Horn 2015

управляет территорией. Это нормально, нам дали ключи для управления ею. Теперь нам надо научиться делиться этим управлением. Для начала – поделиться властью, например, с районными советами, которые мы создали.

Я знал времена, когда в администрации мы определялись с планировкой и реализовывали ее, ничего ни у кого не спрашивая. Сегодня мы для начала обсуждаем планы с населением. Они голосуют за понравившиеся им планировки. Они имеют право высказать свое несогласие с решением администрации, и мы их мнение учитываем. За исключением некоторых случаев, когда это совсем невозможно. Это нововведение.

В определенный момент умение поделить властью также позволяет избежать трудностей с социальной приемлемостью. Потому

что граждане также понимают наши трудности, будь то технические, административные, политические или чисто финансовые. «Возможно ли посадить дерево, если прямо под ним проходит газовая и электрическая сеть – по причинам безопасности иногда не все возможно». Наша задача иногда объяснить, что все невыполнимо.

Теперь перейдем к другой новинке. На протяжении двух климатических планов, т. е. в течение 10 лет, мы управляли климатическим планом с помощью классического руководящего комитета, состоящего из выборных должностных лиц и администрации; раз в год мы публиковали итоговые цифры, доступные широкому сообществу, но без всякого диалога.

С 2019 года Париж имеет Климатическую Агору, которая является комитетом управления с группа-

ми, представляющими граждан, предприятия, неправительственные организации, а также административной группой, но эта последняя присутствует только качестве наблюдателя, чтобы ответить на вопросы. Агора анализирует прогресс, достигнутый за год, рассматривает обозначенные нами приоритеты и вносит предложения. Агора периодически объединяется и подводит итоги. Представители Агоры выступают перед руководящим комитетом, чтобы представить их заключение выборным должностным лицам и администрации. За два года мы уже дважды попробовали Агору; мы тоже постепенно учимся.

КС Российское правительство ратифицировало Парижское климатическое соглашение 2015 года в сентябре 2019 года. Если сегодня какой-нибудь город в России хочет сейчас заняться сокращением

administrative college is only there as an observer to be able to answer questions. The Climate Agora analyzes the progress we make each year, looks at the priorities we have indicated and makes proposals. Representatives of the Agora come to the steering committee to present the committee's opinion to elected officials and the administration. We've been testing this agora twice in two years, so we still are in a continuous learning.

K.S.: The Russian national government ratified the Paris Agreement of 2015 in September 2019. If a city in Russia wants to engage now in the reduction of greenhouse gas emissions and in the ecological transition, where and

how should they start? Knowing that on the one hand, it is a long-term process, but on the other hand, they must show some first results to the public in one or two years.

Y.F.: My role is, among other things, to develop monitoring strategies, to pilot and it's also about measuring them. My initial job was to audit greenhouse gas emissions. I've been doing this for 25 years and fortunately, I don't just do that. These audits of the emissions of a territory, it is nine months of data collection, work and analysis to check everything and we evaluate every five years.

In our current 2019 assessment, there was a non-negligible acceleration

in emission reductions compared to the previous 5-year period. There is an underlying dynamic which began to emerge in 2009, a little more in 2014 and in 2019, is clearly visible. But when you are engaged in an important structural policy, the gains at the beginning are very, very small. They are thin and uncertain, but they grow over time, and over the years.

Now how do we commit to short-term actions? We have to launch the dynamic and show that it works, it reassures everyone. And above all, I think that in all communities, we have to reassure our financiers, that the money they invest, immediately creates returns. So you

have to invest in things where you are sure to have very quick returns. There are lots of things where we can get very quick feedback, like communication and awareness raising. If we do it very well and repeatedly for a year, whether for the general public or in your teams or your companies, it will work and you will have 20% to 25% immediate gain. But if you don't resume the exercise regularly, you lose the 20 to 25% of immediate gains again.

So both are essential means. You should launch structural policy before short-term actions, so that it shows the first results, when short-term actions have had their effects.

выбросов парниковых газов и экологическим переходом. Где и как он должен начать, учитывая, что, с одной стороны, это долгосрочный процесс, но с другой стороны, нужно показать первые результаты уже за один или два года?

ЯФ Моя роль заключается, помимо прочего, в разработке стратегий мониторинга, пилотировании и т. д. Но нужно также измерять объемы выбросов парниковых газов. Я занимаюсь этим уже 25 лет. Для проверки объемов выбросов на территории требуется девять месяцев на сбор данных, работу и анализ. Оценка же проводится каждые пять лет.

По нашей оценке данных на 2019 г., произошло значительное увеличение темпов сокращения выбросов по сравнению с предыдущим 5-летним периодом. Существует базовая динамика, которая была очень медленной и глубинной и которая начала проявляться в 2009 году, чуть больше в 2014 году, а теперь, в 2019 году, отчетливо видна. Но когда вы начинаете такую важную структурную политику, результаты вначале очень, очень малы и едва различимы. Но со временем, с годами они постепенно растут.

Теперь, что касается краткосрочных действий. Нужно возродить динамику и показать, что она работает; это всех обнадеживает. Прежде всего, я думаю, что для любого города важно заверить финансистов, что деньги, которые они вложили, немедленно принесут прибыль.

Поэтому нужно инвестировать там, где вы наверняка получите

очень быстрый возврат. Есть много областей, где можно добиться очень быстрого возврата денег: информация и повышение осведомленности. Если приложить усилия и регулярно проводить акции в течение года – будь то для широкой публики, в группах или на предприятиях – это сработает, и вы получите немедленный прирост от 20% до 25%. Но если вы не возобновите регулярные акции, вы потеряете эти 20–25% немедленной выгоды.

Выходит, нужны два аспекта. Нужно запустить структурную политику перед краткосрочными

действиями, чтобы она показала первые результаты, когда краткосрочные действия дадут свои результаты...

Для всех тех, кто рано начал, как и мы в Париже, было время начать медленно. У нас было 15 лет, с 2005 по 2020 год, чтобы экспериментировать и продвигаться потихоньку. Но сейчас мы вступаем в критический период. Мы все знаем, что для действий осталось только 10 лет. Для всех городов, которые начинают сегодня, у них есть 10 лет, чтобы продвигаться еще быстрее, чем мы. Эту возмож-

^ Риск наводнения в Париже может возрасти из-за изменения климата. Автор: RETHINK, Christian Horn 2018 / The risk of flooding in Paris can be increased by climate change. Credits: RETHINK, Christian Horn 2018

For all those who started early, like us in the city of Paris, we had time to start slowly. We now had 15 years, from 2005 to 2020, to try and move slowly. But now we are entering a critical period. We tell everyone that there is only 10 years left to act. For all the communities that are launching themselves today, they have 10 years left to go even faster than we did. So don't miss it and put everything on the table now.

Е.Т.: If a city in Russia is searching to exchange experiences and knowledge on the issues of the ecological transition, are there associations, working groups that they can join? Can they contact the city of Paris for advice for example?

Y.F.: Each mayor can always get in touch with the city of Paris and it will go through diplomatic paths. But a city, a mayor, or a committed and voluntary technical service will also find links and contacts in major networks, such as ICLEI, C40 or Global Covenant of Mayors for Climate & Energy. Their goal is to assimilate information, knowledge and share it. We welcome cities to share knowledge and help those who are behind to increase their knowledge quickly. Between cities, there is no competition of knowledge or hiding information. There is competition with London, Berlin on, for example, the financial centre, but not on climate issues. I've been travel-

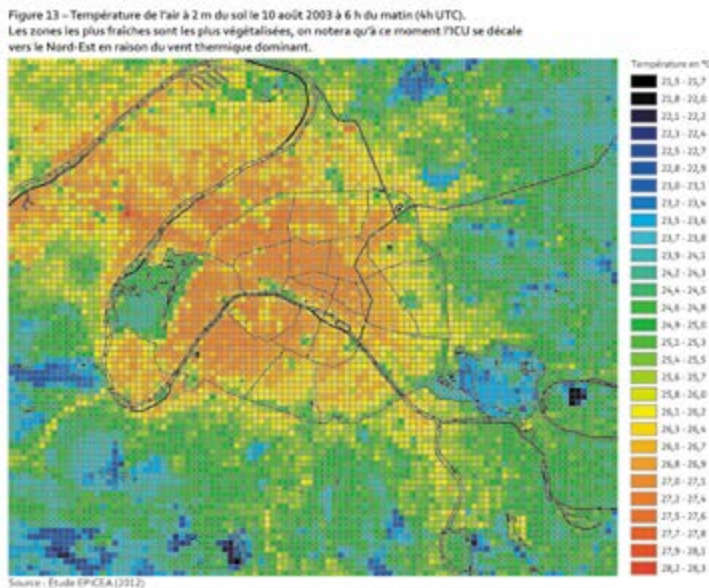
ling around for 15 years to export our knowledge and learn from others. Here we are united to exchange everything we know and learn from each other. So what I'm saying, between cities the cooperation is ongoing.

It is important, however, to find a city that is roughly in the same configuration. When I first went to a city in China, I wanted immediately to leave; I was ashamed, because Paris is a district, a village compared to these cities. In Paris, we don't have a hundred thousand people a year coming to the city and for whom we must urgently build. So, that's important. If it is a city with an industrial port or others, you will contact

Rotterdam as example.

There are networks that can help and it is easier to go through networks or friendship and cooperation agreements. These networks bring together elected officials with elected officials, technicians with technicians, so that they speak the same language and understand each other. I want to say that it shouldn't be difficult to get the knowledge. You just have to throw the message in a bottle into the sea overboard and get started.

v Температура воздуха на высоте 2 метра над землей в 6 часов утра 10 августа 2003 года в Париже. Автор: Credits: APUR 2012 / Air temperature 2 m from the ground on August 10, 2003 at 6 a.m. in Paris. Credits: APUR 2012

ность нельзя упускать, придется выложиться до конца.

ЭТ Если российский город ищет возможность обмена опытом и знаниями по проблемам экологического перехода, существуют ли ассоциации, рабочие группы, в которые он мог бы вступить? Может ли он обратиться за советом, например, в Париж?

YФ Любой мэр всегда может связаться с городом Парижем. В таком случае связь пойдет по дипломатическим каналам. Но город, мэр или специализированная и добровольная техническая служба также найдут ссылки и контакты в крупных сетях, таких как ICLEI, C40 или Глобальное соглашение мэров по климату и энергии. Их цель – собирать информацию, знания и делиться ими. Мы приглашаем передовые города делиться опытом

и помогать остальным быстро пополнять свой багаж знаний.

Среди городов нет конкуренции или отсутствия обмена в области знаний по климату. Есть конкуренция с Лондоном, Берлином, например, в финансовой области, но не по вопросам климата. Я 15 лет путешествую по миру, чтобы делиться нашими знаниями и учиться у других. Между городами существует настоящая солидарность, мы обмениваемся, всем, что знаем и умеем, и учимся одновременно. Настаивая, повторюсь, меж городов сотрудничество на самом деле есть.

Однако важно также найти город, который имеет схожую с вашим конфигурацию. Когда я впервые оказался в одном китайском городе, мне сразу захотелось сбежать. Мне было стыдно, потому что Париж – это район, деревня по сравнению с китайскими городами. В Париж не приезжают сотни тысяч человек в год, для которых нужно срочно строить жилье. Это очень важно. Если речь идет о городе с промышленным или другим портом, лучше связаться, например, с Роттердамом.

Существуют сети, роль которых помогать: гораздо легче пройти через такую сеть или заключить соглашения о дружбе и сотрудничестве. Эти сети объединяют выборных чиновников с выборными чиновниками, экспертов с экспертами, чтобы они говорили на одном языке и понимали друг друга. Поэтому мне хочется сказать, что это не очень сложно. Просто нужно отправить свое «послание в бутылке». Отправиться в плавание.

^ Взаимодействие планировщиков Международного общества городского и регионального планирования. Автор: RETHINK, Christian Horn 2017 / Visits and exchanges of ISOCARP planning professionals. Credits: RETHINK, Christian Horn 2017

Освещаются итоги XV форума архитекторов-горнолыжников, который прошел с 15 по 20 марта 2020 года на горнолыжном курорте «Шерегеш», на юге Кемеровской области.

Ключевые слова: Шерегеш; Горная Шория; чемпионат по горным лыжам; архитектурный фестиваль; архитектурно-градостроительная конференция. /

The article presents the results of the XV Forum of Architects-Mountain Skiers, which was held from 15 to 20 March, 2020 at the mountain ski resort Sheregesh in the south of the Kemerovo region.

Keywords: Sheregesh; Gornaya Shoria; mountain ski championship; architectural festival; architecture-town-planning conference.

^ Перед карнавальным спуском

Архигеш-2020 / Archigesh 2020

Каждый год архитекторы Сибири, Урала и других регионов собираются в Горной Шории пообщаться с коллегами и отвлечься от повседневной рутины. В обычной среде они конкуренты, а на «Архигеше» – единомышленники, готовые поговорить по душам и сосредоточиться на общем увлечении – горнолыжном спорте.

Нынешний, 2020 год стал для фестиваля юбилейным. Он проводился в 15-й раз. За эти годы «Архигеш» посетило несколько тысяч архитекторов, но основной состав сформировался из лучших. Как говорят здесь, «плохие люди в архитектуру не идут, они до нее просто не доходят». Наверное, так же, как и не доезжают до Шерегеша.

На торжественном открытии фестиваля команды представили

выступления, отвечающие общему сюжету – приручение Чудича, по-другому – снежного человека. Архитекторы по очереди прививали ему смелость (Екатеринбург), щедрость (Москва, Иркутск), любовь (Новосибирск), доброту (Кемерово), справедливость (Барнаул и Горно-Алтайск), честность (Новокузнецк), целеустремленность (Томск). Чудич путешествовал через все пять дней фестиваля и, побывав в дружелюбной архитектурной атмосфере, наконец-то смог стать человеком!

Помогли ему в этом и знания, которые были предложены в рамках деловой программы «Архигеша». В течение двух дней состоялась архитектурно-градостроительная конференция, мастер-классы красноярского архитектора Алексея

Дмитриевича Мякоты и председателя амурского отделения СА России Тамары Михайловны Ищенко, круглые столы по повышению качества проектных работ и популяризации профессии архитектора от НОПРИЗ, лекции спонсоров.

К сожалению, на юбилей «Архигеша» погода не преподнесла подарок, а решила проверить архитекторов на прочность. Были и вечерние дожди, и утренние снегопады, чрезмерно заснеженные трассы, и гололед. Соревнования находились под угрозой срыва, но все-таки одну попытку спуска предоставили всем участникам. И даже несмотря на непогоду, расходитесь никто не спешил. На финише всех ждал горячий чай, теплые пирожки и, конечно же, фантастические красоты Шерегеша.

текст
Диана Баранова /
text
Diana Baranova

< Сергей Зыков и Ольга Оголь
(Кемерово)

v Николай Однокурцев (Хакасия),
Андрей Красильников и Сергей Демков
(Иркутск)

^ Солисты команды Новосибирска. Первая скрипка – Владимир Кондратович

v Перед стартом

^ Команда Новокузнецка. Спектакль

Результаты соревнований:

АБСОЛЮТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Горные лыжи слалом

Крайний Константин, Новокузнецк
Саяпина Дарья, Новокузнецк
Сноуборд слалом
Бричев Алексей, Новокузнецк
Заборовская Анастасия, Томск

ГОРНЫЕ ЛЫЖИ СЛАЛОМ

Мужчины старше 70

1. Поль Леонид, Екатеринбург
2. Брусницин Владимир, Екатеринбург

Женщины старше 65

1. Яценко Анна, Екатеринбург
2. Кондратович Ирина, Новосибирск
3. Хныченкова Виктория, Екатеринбург

Мужчины 65–70

1. Крайний Константин, Новокузнецк
2. Кужелев Григорий, Новосибирск
3. Кондратович Владимир, Новосибирск

Женщины 55–65

1. Казанцева Людмила, Новокузнецк
2. Ерина Елена, Екатеринбург
3. Ершова Елена, Екатеринбург

Мужчины 60–65

1. Киселев Валерий, Новокузнецк
2. Бричев Александр, Новокузнецк
3. Власов Олег, Екатеринбург

Женщины 45–55

1. Филатова Марина, Новокузнецк
2. Михайлова Елена, Тюмень
3. Маскаленко Екатерина, Новосибирск

Мужчины 55–60

1. Цой Валерий, Новокузнецк
2. Зыков Сергей, Кемерово
3. Заварзин Игорь, Новосибирск

Женщины 35–45

1. Трубникова Елизавета, Новосибирск

Мужчины 45–55

1. Трубников Евгений, Новосибирск
2. Десятков Леонид, Екатеринбург
3. Конаков Олег, Новокузнецк

Женщины до 35

1. Саяпина Дарья, Новокузнецк
2. Гафарова Диана, Тюмень
3. Ведерникова Марина, Екатеринбург

Мужчины 35–45

1. Куценко Дмитрий, Москва
2. Воробьев Юрий, Тюмень
3. Диндиенко Михаил, Барнаул

Мужчины до 35

1. Зуев Сергей, Екатеринбург
2. Сорокин Иван, Екатеринбург

СНОУБОРД СЛАЛОМ

Мужчины старше 60

1. Бармин Александр, Екатеринбург

Женщины старше 36

1. Адамова Елена, Екатеринбург
2. Струговец Елена, Москва
3. Шороковецкая Наталья, Томск

Мужчины 50–60

1. Казанцев Андрей, Екатеринбург
2. Бежанов Павел, Горно-Алтайск
3. Гусамов Фил, Екатеринбург

Женщины до 35

1. Заборовская Анастасия, Томск
2. Колупаева Ксения, Томск
3. Бежанова Анастасия, Горно-Алтайск

Мужчины 35–50

1. Куценко Дмитрий, Москва
2. Удриуминский Сергей, Тюмень
3. Гончаров Артем, Томск

СНОУБОРД ЖЕСТКИЙ СЛАЛОМ

1. Саяпин Игорь, Новокузнецк

БИЛЬЯРД

1. Селянин Олег, Екатеринбург
2. Солдатов Михаил, Кемерово
3. Брусницин Владимир, Екатеринбург

Мужчины до 35

1. Бричев Алексей, Новокузнецк
2. Кукарский Сергей, Тюмень
3. Ведерников Александр, Екатеринбург

НАСТОЛЬНЫЙ ТЕННИС

Мужчины

1. Тиманов Павел, Новокузнецк
2. Бердник Виктор, Новокузнецк
3. Зуев Сергей, Екатеринбург

Женщины

1. Свитич Людмила, Новокузнецк
2. Салосина Елена, Екатеринбург
3. Яценко Анна, Екатеринбург

Командный кубок АРХИГЕШ-2020 выиграл Новокузнецк (3 из 4 абсолютных чемпиона, 10 золотых медалей).

Памятная медаль имени Владимира Бородкина за большой вклад в развитие клуба вручена Валерию Цою (капитан Новокузнецкой команды) и Савельевой Нине (Томск).

Одному из фанатов АРХИГЕШа в этом году не удалось там побывать. Пришлось довольствоваться отбором фотографий из присланных Милой Свитич, Валерием Цоем, Сергеем Демковым и другими счастливыми.

< Гран-при. «KinematicArch». Команда «ЗИККУРАТ»: Марина Алсаева, Андрей Карсаков, Игорь Игумнов, Алена Каропова, Яна Пархомчук

Описывается ежегодный Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта». Анализируются девиз, задания, результаты, победившие проекты. Представлена образовательная программа фестиваля. Ключевые слова: модуль; фестиваль «АрхБухта»; Клуб молодых архитекторов; малая архитектурная форма; Иркутск. /

The article presents the annual all-Russian architectural festival "ArchBukhta". Its slogan, tasks, results and winning projects are studied, and the educational program of the festival is featured. Keywords: module; festival "ArchBukhta"; Club of Young Architects; small architectural form; Irkutsk.

АРХБУХТА-2020 / ARCHBUKHTA 2020

текст
Вероника Кожевникова
Роман Малинович /
text
Veronica Kozhevnikova
Roman Malinovich

фото
Валентин Наумов /
photo
Valentin Naumov

в 1-е место. «Б-Ж-Ж». Команда
«KURKUMA»: Светлана Баркалова,
Анна Ильгнерова, Алина Лужецкая,
Роман Нагулин, Сергей Усольцев

С 5 по 9 марта в Иркутском районе на территории гостиницы «Прибайкальская» проходил XIV Всероссийский архитектурный фестиваль «АрхБухта 2020».

Фестиваль проводится ежегодно. Это не только конкурс арт-объектов, но и пространство для общения творческих личностей, создающих креативные арт-объекты. Организатором фестиваля уже в 14-й раз выступает Клуб Молодых Архитекторов (Иркутск). С каждым годом желающих поехать на «АрхБухту» становится все больше, и отбор участников производится все строже. В этот раз на Байкал приехало более сотни молодых архитекторов из Иркутска, Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска. В течение

четырех дней они в окружении байкальской природы создавали малые архитектурные формы из дерева, металла, бетона.

Темой фестиваля организаторы предложили сделать «Модуль». Модуль выглядит достаточно простым и понятным, но при этом дает возможность многообразия форм, функций и интерпретаций объекта. Модульные конструкции легки в монтаже и могут экспонироваться на различных площадках. По результатам работы команды представили 18 арт-объектов, состоявших из разного количества модулей.

Выбор победителей всегда труден как для экспертного совета, так и для организаторов. Порой процесс затягивается на несколько часов, и бурное обсуждение сложно остановить. В этом году были изменены основные критерии для оценивания работ. Соблюдение принципов Витрувия: «польза, прочность, красота», заветных для архитекторов, многим командам принесло существенные баллы в копилку. А вот презентация часто оказывалась несоответствующей концепции объектов.

В экспертный совет традиционно входят опытные архитекторы, преподаватели, общественные деятели региона, а также гости фестиваля. В этом году с лекциями о современных тенденциях в развитии городов выступили главный архитектор проектов Архитектурного бюро ASADOV Никита Асадов (Москва) и руководитель управления архитектуры и строительства Липецкой области Исмагулаева Наида (Липецк).

По словам гостей, работы участников поразили своим качеством и уровнем исполнения.

Свое мнение о фестивале высказал и постоянный член экспертного совета, член правления ИРО САР Сергей Демков: «Фестиваль живет, фестиваль прогрессирует, фестиваль совершенствуется. При этом приятно отметить, что он не потерял основной, базовый принцип, заложивший его основателями – творческий посыл на первом месте!»

Гран-при фестиваля получил арт-объект «KinematicArch» команды «ЗИККУРАТ». По словам заместителя директора ИАСИД ИРННТУ Александр Ладейщикова, команда «Зиккурат» продемонстрировала конструкцию, созданную минимальными средствами, но способную поочередно воплощаться в объекты, каждый раз по-иному организующими пространство; это может быть и граница, и путь (арка как его начало), и узел. Осознано или нет, участниками задействованы два полярных способа описания архитектуры: фиксации средствами беспристрастной геометрии, с одной стороны, и терминами когнитивной психологии субъективного восприятия среды – с другой.

И место жюри присудило арт-объекту «Б-Ж-Ж» сборной команды студентов ИРННТУ «KURKUMA», создавшей современное детское игровое пространство. Команда постепенно шла к этому успеху, и в этом году ребята добились его вполне заслуженно. Качественная подготовка элементов, разнообразные материалы,

^ 2-е место. «Качеля, качелька, качелечка». Команда «REBRO»: Виктория Андриянова, Карина Деркач, Мария Рубанникова, Валентина Синчурина, Дарья Соколова, Алина Шевелева)

^ 3-е место. Команда «ТЕТРИС»: Михаил Баянов, Анастасия Горбаткова, Анастасия Кулеш, Светлана Кучукова, Анастасия Хажеева, Виктория Худякова, Грач Шагинян с одноименным арт-объектом

интересные функции и яркие акценты сделали свое дело. Объект получился таким, каким участники представляли его еще на этапе предварительных консультаций. А главное – новая реализованная идея стала достижением команды и всего фестиваля.

II место – у команды студентов 3 курса ИРНИТУ «REBRO», арт-объект «Качеля, качелька, качелечка». Приятно наблюдать за процессом «взросления» участников фестиваля. Девушки из команды участвуют в нем с первого курса, уже в третий раз. С каждым годом совершенствуются их навыки работы с материалами; теперь члены команды умеют не только мастерски обходиться с торцовочной пилой, но и варить металлические конструкции в любых конфигурациях. Незаурядное применение технологии, которого давно не хватало на фестивале, было реализовано в полной мере. «Качеля, качелька, качелька» – не только детское пространство, но и мечта любого взрослого, вспоминающего беззаботное детство.

III место получила команда студентов 1 курса ИРНИТУ «ТЕТРИС» с одноименным арт-объектом. Молодые первокурсники ярко и интересно проявили себя на фестивале. Еще на этапе предварительных обсуждений была внутренняя уверенность, что команда справится с обозначенной программой. Ребятам помогли четкий подход, продуманные решения и стремление членов команды доводить все детали до законченного результата. Первокурсники поразили качеством

исполнения и подходом не только членов экспертного совета, но и организаторов.

Большинство арт-объектов будут установлены на двух городских площадках – в Парке инициативной молодежи (улицы Терешковой – Пушкина) и на пешеходных бульварах в микрорайоне Солнечном. Гости Иркутска и горожане смогут оценить их в полной мере.

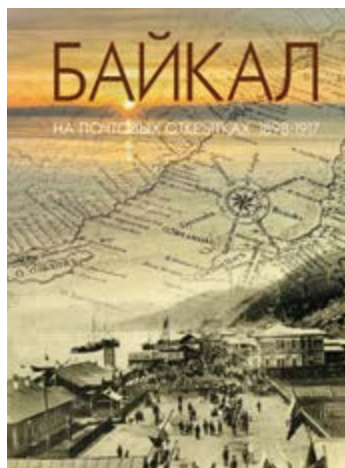
Фестиваль является частью Всероссийского архитектурного проекта «АрхДвижение 2.0» и проходит при грантовой поддержке

Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), а также благодаря помощи Администрации города Иркутска и Отдела по молодежной политике, Иркутского Национального Исследовательского Технического Университета, Иркутской региональной организации Союза Архитекторов России, Общероссийской общественной организации по вовлечению молодежи в развитие территорий «Городские реновации» и Министерства по молодежной политике Иркутской области.

Информационные партнеры фестиваля – архитектурные порталы АРХИ. РУ, АРХИТАЙМ и журнал ПРОЕКТ БАЙКАЛ. Генеральный партнер фестиваля – компания ООО «ГРИНВОРКСТУЛС».

Следующий год для фестиваля будет юбилейным – пятнадцатым. Уже сейчас можно сказать, что предстоящая АрхБухта соберет не только студентов и молодых архитекторов, но и «ветеранов» фестиваля, команды первых организаторов и архитектурные коллективы. АрхБухта – место, где согреваются идеи!

Куренков В. В., Медведев С. И., Чертилов А. К.
 Байкал на почтовых открытках. 1898–1917. Исто-
 рико-библиографический альбом-каталог / ред.
 А. В. Глюк; рец. В. Я. Кузванов, В. Г. Третьяков. –
 Иркутск, 2020. – 580 с.: ил. /

Kurenkov, V. V., Medvedev, S. I., & Chertilov, A. K.
 (2020). *Baikal na pochtovykh otkrytkakh. 1898-
 1917* [Baikal on postcards. 1898-1917. Historico-
 bibliographical album-catalogue] (A. V. Glyuk, Ed.).
 Irkutsk.

Представлен новый альбом-каталог «Байкал на почтовых открытках. 1898–1917». В историко-библиографическое издание вошли репродукции иллюстрированных почтовых открыток с видами Байкала, а также каталог всех выпусков открыток. Впервые дано описание видовых почтовых открыток Байкала и первого пути Кругобайкальской железной дороги в период его строительства и первых лет эксплуатации. Большая часть аннотаций в книге исследовательские. Ключевые слова: иллюстрированные почтовые открытки; Байкал; альбом-каталог; Кругобайкальская железная дорога, коллекционеры. /

The article presents a new album-catalogue “Baikal on postcards. 1898-1917”. This historico- bibliographical publication includes reproductions of illustrated postcards with views of Baikal, as well as a catalogue of all postcard publications. It is the first book to describe postcards with views of Baikal and the first track of the Circum-Baikal Railway in the period of its construction and the first years of operation. Most of the abstracts given in the book are research ones.

Keywords: illustrated postcards; Baikal; album-catalogue; Circum-Baikal Railway; collectors.

Байкал на почтовых открытках. 1898–1917 Историко-библиографический альбом-каталог / Baikal on postcards. 1898–1917 Historico-bibliographical album-catalogue

текст
 Сергей Медведев /
 text
 Sergey Medvedev

Это еще одна книга о Байкале. Однако в ней вы не найдете красочных образов великого озера на цветных фотографиях – здесь ожижут монохромные и раскрашенные снимки берегов Байкала. Славное сибирское море впервые представлено на иллюстрированных почтовых открытках, выпущенных в период «золотого века открытки» – 1898–1917 годы. Первым в цикле изданий, который осуществляется содружеством коллекционеров Иркутска, стал вышедший в свет в 1996 году иллюстрированный альбом-каталог С.И. Медведева «Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917» (в нем впервые в полном объеме были представлены видовые открытки одного из городов России).

Книга «Байкал на почтовых открытках. 1898–1917» названа альбомом-каталогом, потому что кроме репродукций открыток здесь представлен каталог всех выпусков

(серий) открыток, осуществленных разными издателями. В альбом вошли репродукции 452 видовых открыток Байкала, Кругобайкальской железной дороги, Кругобайкальского тракта, изданных отечественными издателями типографским способом. Сюжеты в альбоме выстроены вокруг Байкала: путешествие начинается от Иркутск-Байкальской железнодорожной ветки и истока Ангары у станции Байкал и заканчивается у истока Ангары в селе Лиственничном.

Впервые дается подробное описание видовых почтовых открыток Байкала и первого пути Кругобайкальской железной дороги, его станций, разъездов и поселков в период его строительства и первых лет эксплуатации. Большая часть аннотаций в книге исследовательские.

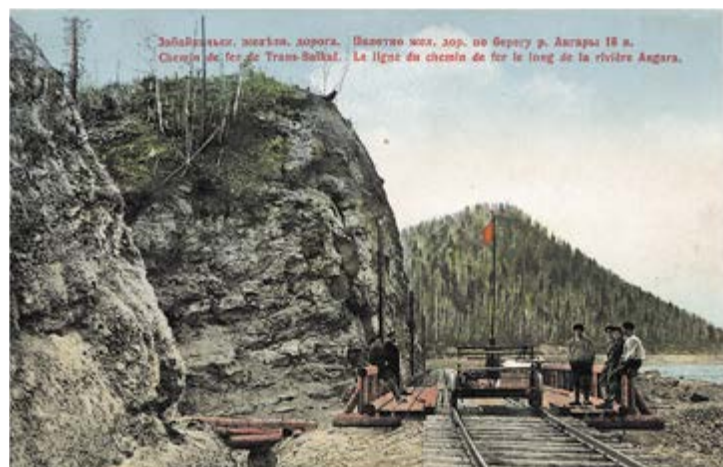
В каталоге даны перечни открыток, выпущенных разными издателями в 134 сериях и одиночных

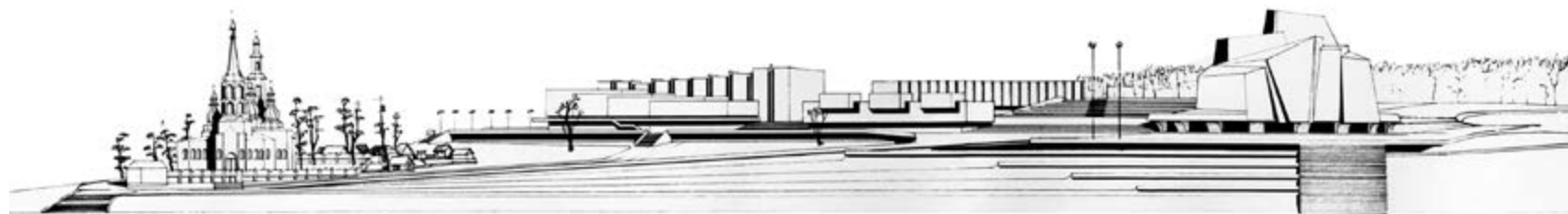
выпусках. Прилагаются указатель имен и предметно-географический указатель. В основу издания положены собрания открыток С.И. Медведева и В.В. Куренкова с дополнениями из собраний коллекционеров Иркутска и других городов.

Книга выйдет в свет в подарочном издании (высококачественная полиграфия, мелованная матовая бумага), открытки репродуцированы в натуральных цветах и в размерах подлинников.

Вводная статья и названия видов на открытках дублированы на английском языке.

Настоящее издание будет интересно широкому кругу читателей как в нашем регионе, так и за его пределами. Оно обращено также к краеведам, педагогам, учащимся школ и студентам вузов, историкам, байкаловедам и этнографам, а также ко всем, кто не равнодушен к уникальному сибирскому морю – Байкалу.

региональные школы / regional schools

Анализируются проблемы архитектурного образования, механизмы формирования архитектурных школ, их особенности в зависимости от конкретно-социальных и культурных задач. Предметом изложения автор делает понятия учебной и неучебной школы, соотношения архитектурной практики и университетского лидерства. Проводятся параллели между мировым и российским опытом, описываются личности лидеров архитектурных школ разных теоретических и социально-культурных форматов. Предлагается широкое толкование глобального и локального в современном развитии как культурных парадигм, вбирающих сущностно близкие, но и внутренне противоречивые признаки, образующие диалектическое единство и противоречие. Описываются российские варианты региональных архитектурных практик, взаимодействие архитектурной теории и практики с политической властью и бизнесом, отношения столицы и провинции.

Ключевые слова: учебное и неучебное профессиональное образование; глобальное; локальное; архитектурная школа; региональная идентичность; оппозиции, стратегии. /

The article analyses the problems of architectural education, mechanisms of formation of architectural schools, their peculiarities depending on concrete social and cultural goals. The author focuses on the notions of academic and non-academic school, as well as the interrelation between architectural practice and university leadership. He draws comparisons between world and Russian experiences and describes the personalities of the leaders of architectural schools of different theoretical and socio-cultural types. He proposes a wide interpretation of the current development of the global and the local as cultural paradigms that absorb essentially close, but also internally contradictory attributes that compose a dialectical unity and contradiction. The article describes Russian versions of regional architectural practices, interaction of architectural theory and practice with political power and business, as well as relations between the capital and the province.

Keywords: academic and non-academic professional education; global; local; architecture school; regional identity; opposition; strategies.

Архитектура как школа / Architecture as a school

текст
Андрей Боков /
 text
Andrey Bokov

I. Неучебная школа

Неучебная школа – явление неформальное; полуметафора-полуреальность. Учебная школа – официальное юрлицо, готовящее специалистов. Неучебная школа – порождение профессиональной практики. Учебная и неучебная школы очевидно нуждаются друг в друге. Одной необходимы адепты и последователи, другой – приток актуальной информации. Разрыв с практикой, неспособность к обновлению и адаптация стали причиной кризиса, снесшего в 1968 году знаменитую Les Beaux-Arts de Paris (Школа изящных искусств). И, напротив, результатом объединения школ, симбиозом рутины и развития становятся многие университеты, где профессор – признанный практик. Своей результативностью ВХУТЕМАС обязан связи с ОСА и АСНОВА, а уникальный потенциал Академии архитектуры СССР не мог бы сложиться в отсутствие школы-мастерской Жолтовского.

Учебные заведения создаются решением извне, властью или бизнесом. Они обязаны соответствовать определенным стандартам и общим для всех правилам. Неучебная школа неповторима, уникальна и опирается на усилия снизу. Это и результат, и инструмент самостоятельного развития профессии, целью которого становится высокое, гарантированное и убедительное качество архитектуры. Неучебные школы – своего рода рыцарские ордена, авангард профессионального сообщества, близкие родственники философских кружков, объединений писателей и художников.

Традиционная карьера выпускника архитектурного вуза предполагает последующее вступление в профессиональный союз или палату. Организации такого рода, как и учебные заведения, обязывают своих членов следовать ограничениям этического порядка. Неучебная школа опирается на эстетические предпочтения, ощущаемые и понимаемые не как «дело вкуса», но как видение мироустройства. Эти школы, как правило, отличают высокая внутренняя культура, высокая коммуникационная активность, способность участников говорить на одном языке.

На взгляд окружающих, школы выглядят консолидированной группой единомышленников, но эта консолидация оказывается результатом внутренней напряженности, конкуренции и столкновения суждений, следствием интенсивного диалога с публикой, людьми иных взглядов

и убеждений. Великие прозрения, случившиеся в России начала XX века, стали итогом редкостной интеллектуальной подвижности, интенсивного диалога адептов авангарда с традиционалистами и консерваторами, диалога внутри авангарда между рационалистами и конструктивистами, наконец, споров среди самих рационалистов и конструктивистов. В этой атмосфере рождается нечто, называемое непопулярным сегодня словом «идеология». Идеология архитектурной школы, стержень и смысл ее существования – совокупность целей, ценностей и методов, вербальных и пластических заявлений. Идеология школы в идеале проходит путь от неопределенных конструкций и догадок до состояния кристаллизации, ясности и завершенности.

Судьбы школ неразрывно связаны и с фигурами их лидеров. Бывают лидеры профессии, не создавшие школ, гении-одиночки и отшельники вроде Гауди и Мельникова. Они восхищают, шокируют, провоцируют на подражание. Их воздействие носит эмоциональный, косвенный и непредсказуемый характер. Создатели школ вроде Корбюзье и Ладовского – интеллектуалы и харизматики, способные внятно формулировать и эффективно донести смыслы. Это люди, ставшие одновременно генераторами идей и их проповедниками-миссионерами.

С уходом лидера школы обычно прекращают существование. Те немногие школы, что выживают, консервируются и становятся академиями или «квази-академиями».

Школы объединяют людей идеи и миссии, для кого практика, расходящаяся с их видением, не представляет интереса. Тем, кто предпочитает деньги и власть, школа противопоказана или враждебна. В школе они не нуждаются и создают иные социальные структуры.

Школы связаны с окружающей средой, зависимы от среды и социальной атмосферы. Едва ли не решающую роль в судьбе школ играют общественная реакция, реакция лидеров мнений, критиков и публицистов, говорящих от лица общества. Общество и его медиа способны разрушать школы или, напротив, прийти им на помощь. Критики склонны выступать в роли толкователей и популяризаторов архитектурных идей и концепций, подвергать сомнению или продлевать их жизнь. Вклад японского метаболизма, практически ограниченный несколькими проектами, рисунками и постройками, не был бы столь впечатляющим, если бы не позиция прессы и критиков,

посчитавших метаболизм национальным достоянием, заслуживающим множества комментариев и огромной выставки с торжественным открытием. Современник метаболизма, российский НЭР, достойный не меньшего почитания, оказался героем выставки куда более скромной.

Архитектурные идеи не могут успешно существовать без поддержки бизнеса, строителей и промышленников, тех, кто воплощает идеи или хотя бы финансирует их популяризацию, вроде помогавшего Корбюзье Вуазена.

Не меньшее влияние на судьбу идей, их носителей и школ оказывает власть, политики и бюрократия. В СССР и России это влияние оказывается решающим. Государство и власть в нашей стране многие годы назад взяло на себя практически полную ответственность за формирование общенационального пространства, выбор его модели, охватывающей и глобальной, и локальной уровни.

Итак, условием появления неучебной школы становится совокупность внешних и внутренних обстоятельств. К внутренним относится сложившаяся культура профессионального сообщества, рождение ярких захватывающих идей и появление харизматических лидеров. Внешние обстоятельства предполагают расположенность общества и лидеров мнений, заинтересованность делового мира, понимание со стороны людей бизнеса, строителей, девелоперов, и, наконец, лояльность власти.

Взаимосвязь внешних и внутренних обстоятельств в отечественной практике иллюстрируются примерами трех знаменитостей середины прошлого века. Когда-то популярный, ныне почти забытый архитектор Людвиг, в беседе со Сталиным настаивавший на обязанности и праве профессионалов порождать видение будущего, был репрессирован. Как гласит легенда, академик Щусев, успешный профессионал, ладивший с любой властью, на вопрос Сталина «Какой должна быть советская архитектура?» – ответил, что она должна быть ровно такой, какой видит ее Вождь. Своей школы Щусев не создал. Неожиданно для многих, включая самого себя, счастливый билет вытянул Жолтовский. Созданная им школа легла в основание Академии архитектуры СССР.

II. Глобальное – Локальное

Популярная оппозиция «глобальное – локальное» имеет сегодня не столько географическое, сколько культурное наполнение. Спор глобального с локальным – явление недавнее. До эпохи мировых войн профессиональная архитектура обслуживала и отражала высокие интересы элит, принадлежавших европейскому культурному ареалу. Эта архитектура определялась устойчивыми типологическими и стилевыми признаками, гарантировавшими ее неделимость. Распад империй, смена элит, демократизация жизни полностью изменили ситуацию. На смену архитектуре больших стилей приходит современная архитектура с ее двумя версиями – «глобальной» и «локальной». Локальная (или местная) версия обычно именуется «национальной» или «региональной».

Появление локальной современной архитектуры было подготовлено множеством национальных версий модерна и ар-деко и впечатляющими открытиями ряда «внеевропейских» архитектурных систем: японской, мезоамериканской и т. п.

Все неучебные школы и культивируемые ими идеи можно поделить на глобальные и локальные. Одним мир представляется единым, живущим в общем времени и лишенным существенных внутренних различий. Другие видят мир пребывающим в четких пространственных границах и населенным людьми, настаивающими на своей идентичности. Локальные школы имеют ограниченное число адептов, которые находятся рядом друг с другом. Глобальные идеи способны порождать целые сетевые сообщества, раскинутые по всему миру. Так, убежденными носителями взглядов Ле Корбюзье или преданными

сторонниками интернационального стиля Миса ван дер Роэ оказываются люди, никогда с мэтрами не общавшиеся и им не известные.

Локалисты и глобалисты – люди разной ментальности. Первые напоминают семейных, земских или участковых врачей с характерным кругом клиентов и компетенций. Другие похожи на проповедников ЗОЖ или Гербалайфа, простых и понятных средств, способных изменить весь мир.

Каждая страна, каждый город располагает домами и сооружениями, которые безошибочно угадываются как принадлежащие глобальному или локальному мирам. Общество спокойно принимает похожие друг на друга заводы, склады, офисы, гостиницы, торгово-развлекательные центры. И то же общество предпочитает видеть неповторимыми и уникальными свои храмы, театры и музеи.

Увлечения глобальным и локальным сменяют друг друга довольно регулярно. Наступившее после войны время торжества интернационального стиля и стеклянных небоскребов сменилось двадцатилетием расцвета местной архитектуры. Архитектурный суверенитет успешно утвердили Япония и Бразилия, Мексика и Израиль, Италия и Финляндия.

В последние десятилетия XX века региональное и национальное перестает вызывать интерес, попадает под влияние массовой культуры, становится легкомысленным и мажорным. Это состояние принято оправдывать, объяснять и обозначать словом «постмодернизм».

Последний приход глобальной архитектуры, архитектуры без адреса и прописки, состоялся благодаря участию «мировых звезд», подвергших опылению всю нынешнюю профессиональную практику. Интернациональная культура разносит по миру не идеи глобального переустройства, но бренды, являющиеся гарантией соответствия моде, которую принято называть «трендом».

После распада СССР глобальная архитектурная повестка от политиков перешла к людям бизнеса. Пример успешного архитектурного экспорта демонстрирует Голландия, вложившая в начале 1990-х годов огромные государственные и частные средства в архитектурное образование и продвижение архитектурного продукта. К захвату мирового архитектурного рынка готовится Китай, обучивший тысячи людей в лучших архитектурных школах и имеющий позитивный опыт завоевания проектно-строительного рынка.

«Глобальное» и «локальное» – понятия-зонтики; они разворачиваются в обширные культурные парадигмы, вибрирующие родственные, сущностно близкие признаки. «Глобальное» пребывает в общем и едином времени, тяготеет к новому и современному. «Глобальное» стандартно и универсально, стилистически нейтрально, минималистично и целесообразно. Оно рождается рациональным прагматичным сознанием, построенном на логике технического и экономического развития. В качестве побочного продукта «глобальное» предлагает миру множество волнующих новых образов, которые увлекали создателей Баухауса, основателей Ульмской школы, русских конструктивистов и архитектурных пророков вроде Корбюзье и Миса ван дер Роэ.

«Локальное» мозаично и разнообразно, как разнообразны человеческие сообщества и создаваемые ими миры. «Локальное» зачастую нелогично, избыточно, нерационально сложно, как сложны Райт и Вентури в сравнении с SOMом.

Признаком локальной архитектуры принято считать уважительное отношение к контексту. Местный, локальный контекст обычно представляется сочетанием физических, материальных и нематериальных, духовных, обстоятельств. Физический контекст описывается количественными и качественными показателями вроде размера участков, высоты зданий, процентах застройки, соотношения глухих и остекленных наружных поверхностей,

материала стен и т. д. и т. п. – всего того, что может быть зафиксировано в документах типа ПЗЗ.

«Дух места» – нечто менее определенное, относящееся к области сложных переживаний. Следование духу места, выражение духа места обычно оценивается постфактум и редко бывает успешно запрограммировано. Активное и успешное воплощение духа места – большая удача.

Такая удача выпала на долю Гауди, вклад которого в культуру Каталонии оказался едва ли не более высоким, чем вклад националистически настроенных литераторов и политиков. В одном ряду с работами Гауди оказываются уникальные символы новой идентичности, вроде Эйфелевой башни, сиднейской Оперы и филиала Музея Гугенхайма в Бильбао.

«Локальное» и «глобальное» связаны и взаимосвязаны. Интернациональный стиль и мировые тренды неминуемо приобретают видимые местные отличия, характерный акцент, по которому определяется точный адрес и место рождения. В свою очередь, каждый атрибут интернационального стиля имеет локальные корни. Белые дома Корбузье с плоскими крышами-террасами, по его же признанию, возникли под влиянием увиденного в греческих и турецких деревнях, а металлические конструкции Миса ван дер Роз могли родиться только в индустриальной культуре Германии.

Переплетение и взаимосвязанность «глобального» и «локального» приводит к обмену признаками, к возникновению гибридов и парадоксов. Местное может отказаться от следования консервативным, традиционным сценариям и обзавестись футуристическими чертами. Глобальная картина будущего мирового устройства может, напротив, приобретать архаическую окраску и антипрогрессистский характер.

III. Региональное, национальное

В актуальном российском лексиконе, вобравшем прежние советские и новые заимствованные слова и смыслы, различаются общенациональное, общероссийское культурное пространство и пространство регионов, среди которых особое место занимают регионы национальные. Культурная субъектность и идентичность регионов, отношения общенациональной и региональной культур – одна из самых волнующих тем внутренней российской жизни.

Как имперская, так и советская культурная политика, судя по результатам, оказались не слишком успешными, несмотря на очевидные их отличия. Оба последних самодержца были энтузиастами «русского стиля». Собранный из множества атрибутов, включая фольклор и нарышкинское барокко, официальный стиль последовательно насаждался в самых чувствительных и знаковых точках империи, от столиц до вновь приобретаемых земель. Политика унификации и русификации, знаком и символом которой был русский стиль, провоцировала нарастающее и неудовлетворенное стремление национальных окраин к культурной автономии.

Регионы центральной части страны оказались в ситуации более уравновешенной. За 50 лет, прошедших с начала Земской реформы, губернии, уезды и города, получившие самоуправление, добились ощутимых успехов в образовании и здравоохранении, в возможности самореализации граждан. Почти все наполнение Пирамиды Маслоу оказалось реализуемо в провинции не менее успешно, чем в столицах.

В реальности и в массовом сознании Россия была страной провинции. У провинции была своя культура, своя литература, театр, своя архитектура. Другие, но не ниже качеством.

После революции положение регионов, их отношения со столицей стали не просто другими, но сменились на нечто прямо противоположное. Россия стала страной столицы, подавшей в итоге Гражданской войны сопротивление окраин и фактически восстановившей дореформенное состояние. С той поры жизнь в столице стала

признаком успеха, гарантией доступности большего числа более качественных и временами дефицитных благ.

При этом внешнеполитические амбиции Советской власти оказались грандиознее имперских. Но идея экспорта мировой революции и создания бесклассового интернационального общества, в котором нет места ни русскому стилю, ни РПЦ, пришлось увязывать с обязательствами предоставлять большие права ранее угнетенным народам. В итоге ответственность за новую глобальную повестку легла на Российскую Федерацию, за которой закрепилась роль главной интегрирующей силы СССР. Этой силе не полагались собственные архитектурные одежды. Ей не следовало акцентировать внимание на собственных национальных, тем более региональных особенностях. Самые невинные проявления таких настроений могли расцениваться как скрытая угроза целостности СССР. Известное определение соцреализма как явления «национального по форме и социалистического по содержанию» не предполагало региональной формы, зато признавало относительный культурный суверенитет союзных и автономных республик. В упорной работе над созданием национальных версий социалистической архитектуры принимали самое деятельное участие столичные мастера. Щусев строил в Тбилиси и в Ташкенте, Власов в Киеве и т. д.

Итогом такой культурной политики стало появление ограниченного и устойчивого круга создателей советской архитектуры. Это архитектурные сообщества Москвы, Питера и союзных республик, которые были «школами наоборот», где идеи и лидеры отбирались и назначались властью.

Место для региональной архитектуры как явления самостоятельного в этой картине отсутствовало. В сочетании с ликвидацией в СССР муниципального самоуправления такая ситуация почти не оставляла шансов на успешную самореализацию огромному числу профессионалов, работающих за пределами столицы. Обкомы и облисполкомы, областные театры и цирки проектировались в столице. Жилье, школы и поликлиники строились по типовым проектам. Региональным архитекторам оставалась работа в резко зауженном регистре. Превращение этой работы, ее итогов в культурно-значимое, высокохудожественное системное явление, создание школы было чудом.

Школа возникла там, где менее всего ожидалось: вдали от Москвы, в Сибири, в регионе, в областном центре, в Иркутске. Спустя годы уже в новых, но не менее сложных условиях, «Иркутское чудо» было повторено в другом российском регионе – в Нижнем Новгороде.

Лидеров Иркутской и Нижегородской школ, Павлова и Харитонов, людей разных поколений, объединяют общие ценности и приоритеты. Оба прежде всего архитекторы и лишь потом, через множество знаков препинания, начальники, управляющие и администраторы. Они вернули своим городам право на архитектуру, и сделанное ими, даже будучи лишены внимания и ухода, несопоставимо с панельным хламом.

Приехавший из Питера Павлов для Иркутска чужой. Харитонов в Нижнем свой. Павлов воспользовался расположением или попустительством местной власти. Харитонову удалось убедить нарождавшийся бизнес в преимуществах хорошей архитектуры.

Павлов видел Иркутск городом будущего и столицей Сибири. Харитонов превращал город Горький снова в Нижний Новгород. Павлов создавал плотные узлы, точки роста и места кристаллизации городской ткани. Он упорно добавлял городу третье измерение и достигал этого всеми доступными средствами, делая обыденное неожиданным. Он проявлял волю, остроумие и фантазию там, где другие не видели повода для размышлений. Его в равной мере волновали и логика срубца, и самые актуальные архитектурные открытия.

Харитонов последовательно старался вернуть городу характер, достоинство и человечность, снова сделать его

< Жилой дом галерейного типа по проспекту Карл-Маркс-Штадт (ныне проспект Жукова). Арх. Владимир Павлов, Николай Беляков. 1983

праздничным и ярким, максимально расширить арсенал средств, обновить традиционный язык и адаптировать нечто самое современное. Ему удалось восстановить культуру деталей, пробудить интерес к интригующим и сложным решениям. Он реабилитировал орнаментальность и декоративность, дал каждому новому дому имя собственное и превратил этот дом в увлекательный рассказ. В городе не стало случайных немотивированных высказываний, не встроенных в воссоздаваемый городской контекст.

При всех отличиях иркутской и нижегородской школ их объединяет упорное желание восполнить, компенсировать все то, что города недополучили или потеряли в период массового типового строительства, в годы утраты архитектурного наследия и градостроительной культуры.

Времена, наступившие спустя годы и десятилетия, сняли табу с темы региональной идентичности. Формирование и предъявление региональных брендов становится задачей мэров и губернаторов. На этом фоне отношения власти и архитекторов-воспитанников региональных школ, складываются по-разному.

130 квартал в Иркутске – итог доверия и партнерства губернатора Мезенцева с прямыми наследниками и почитателями Павлова, Григорьевой и Мееровичем. Их усилиями удалось сохранить и восстановить в центре города уникальную среду с хрупкой исторической деревянной застройкой. Сделано это ценой освоения обширных подземных пространств для нового общественного центра. Открытый Павловым трехмерный Иркутск приобрел новое измерение и новый облик.

В Нижнем сегодня решается судьба не менее значимого для города места – знаменитой Стрелки, но решается по-другому. Система отсчета, критерии качества, сформированные Нижегородской школой, в глазах новой власти ценностью не ощущаются. Итог – интеллектуальный кризис, отсутствие ясных представлений и странные попытки создать очередную клон Сиднейской Оперы.

IV. Московское и Питерское

В СССР и России судьбы архитектуры, профессиональных сообществ и школ складывались особым образом, то сближаясь, то расходясь с мировыми трендами, или мейнстримом. Основной причиной этих расхождений оказывалась тесная связь архитектуры и политики. Уни-

кальный опыт государственного управления архитектурой, поставленный в СССР, означал исключение процесса свободного порождения идей и назначение сверху единственно возможной картины мира.

Следствием этого становится неминуемый отрыв замороженной картины от меняющейся действительности и возникающие кризисы, которые разрешались болезненными и радикальными реформами.

Молодая советская власть получила феноменальный подарок из недалекого прошлого – русский авангард, который ввел русскую архитектуру в первый и последний раз в истории в клуб мировых стейкхолдеров. Возникшее к этому времени созвездие авангардных групп и школ, равного которому нет и не будет, новая власть выбирает себе в союзники и попутчики.

Кризис начала – середины 1930-х годов приводит к разрыву власти с трудновоспитуемым авангардом и приглашению на почетную роль слуг государства более покладистых академиков с дореволюционным бэкграундом. При этом власть сохраняет признаки уважительного отношения к людям, владеющим множеством профессиональных секретов, включая устройство классических ордеров.

Хрущевская реформа лишила архитектуру высокого статуса артистической деятельности, относительной самостоятельности и предметности, полностью подчинив стройкомплексу. Отлученная от культурного процесса, фактически лишена права порождать собственные идеи и независимых лидеров, архитектура утратила иммунитет от любых влияний и оказалась обреченной на маргинализацию.

Распад СССР и отказ от советской идеологии не сильно изменил положение архитектуры, которая в сущности уже была деидеологизированной. Выйдя из-под контроля советских строителей, архитекторы оказались под управлением постсоветского строительного бизнеса.

В слабом духом все эти многолетние испытания воспитывали апатию и цинизм, сильных ситуация заставляла «жить вопреки», искать и находить в системе «дыры» и «ниши». Усилиями самых сильных и везучих в самое тяжелое для архитектуры время возникает феномен советского модернизма, вызывающий сегодня понятное удивление и повышенный интерес.

> Административное здание компании «Лукойл». Нижний Новгород (ул. Грузинская).
Арх. В. В. Никишин, А. И. Рубцов, М. М. Седова, Д. Л. Февралев. 1998

Создатели этого феномена – одинокие герои, вроде Меерсона и Леонида Павлова. Окруженные почитателями и преданными коллегами, но встроенные в жесткую систему, они заведомо были лишены возможности создать собственную школу. То, что произошло в Иркутске, было неосуществимо в Москве.

Представление о существовании московской и питерской неучебных архитектурных школ не вполне верно. Правильнее говорить об архитектурных сообществах, о людях, объединенных не единомыслием, но причастностью к двум великим городам. Эта причастность позволила профессиональным сообществом пройти через множество испытаний и выжить.

Города по-разному вели за собой архитекторов и власть, достраивая или заменяя картину мира собственными родовыми признаками и своими ролями бывшей и новой столиц.

Родовые признаки столиц выстраиваются в ряд оппозиций самого разного свойства и могут носить как вполне объективный, так и сугубо оценочный характер. Питерское обычно ощущается строгим, целостным, разборчивым, аполлоническим, западным, мужским и волевым. Московское представляется неопределенным, непоследовательным, дионисийским, женским, восточным, декоративным и иррациональным. Питерское выглядит твердым, симметричным и прямым, московское мягким, ассиметричным и запутанным. Питер дисциплинирован и подчинен плану. Москва, единственный незапланированный город империи, успешно сопротивляется попыткам установить в ней пространственный порядок.

Начиная с 1917 года, в СССР и России столица больше, чем столица. Приобретение или утрата столичного статуса коренным образом меняет город. Столица в России – нечто уникальное и неповторимое, единственная в своем роде. Одновременно это главный город, самый большой и красивый, пример и образец для всех остальных городов. Москва с расходящимися кольцами и расползающимися магистралями становится центром мира и моделью вселенной.

Архитектурой столицы управляют не архитекторы, а вожди, политические руководители страны, и уровень осуществляемого ими контроля предельно высок. Каждый новый руководитель Москвы старательно стирает

из памяти следы своего предшественника, осознанно и показательно меняя весь круг прежних представлений, целей и ценностей. Прогрессисты-революционеры сносят церкви и ставят временные памятники. Консерватор Сталин запрещает конструктивизм и строит дома с колоннами. Прогрессист Хрущев убирает колонны и насаждает панельные коробки. Консерватор Лужков учреждает «московский стиль». Прогрессист Собянин превращает Москву в «европейский город».

Замечательно, что все трансформации проводились при активном участии носителей иной культуры. В начале – молодых энергичных авангардистов, съехавшихся со всей страны. С середины 1930-х – питерских архитекторов с опытом создания монументального и вечного. Спустя двадцать лет – руками инженеров, ставших авторами панельных домов. Наконец, кучи иностранцев, успешно практикующих в столице сегодня.

Три постсоветских десятилетия московской архитектуры не менее драматичны, чем семь советских. Ответом на удручающее состояние архитектуры доставшегося ему города, стал заявленный Лужковым «московский стиль». Столица недвусмысленно указывала другим регионам на возможность культурного суверенитета. Путь к суверенитету сопровождался восстановлением того, что Советской властью была уничтожена, включая храмы и прежнюю топонимику.

Город, казалось, получал уникальную возможность не просто вернуться к нормальной архитектурной практике, но завести одну или несколько оригинальных архитектурных школ. И профессиональное сообщество Москвы, и власть оказались не готовы этой возможностью воспользоваться. Мэр, движимый самыми благими намерениями, не дождавшись реакции архитекторов, попытался самостоятельно определить характер архитектуры, ставшей впоследствии объектом далеко не однозначных оценок.

Приход Собянина привел к предсказуемому и ожидаемому изменению архитектурной политики, к отказу от поиска и утверждения идентичности. Налаженный культурный импорт не породил ощущения дискомфорта на фоне импортозамещения в экономике. Чувствительность в отношении культурных уступок оказалась на удивление низкой.

^ Вокзальный комплекс «Ладожский».

Санкт-Петербург (Заневский пр-т, 73). Заказчик: Министерство путей сообщения РФ. Арх. Никита Явейн, Владимир Зенкевич, Василий Романцев, Жанна Разумова при участии Елены Барыкиной, Ирины Голышевой, Григория Иванова, Ирины Крыловой, Людмилы Кутузовой, Андрея Медведева, Сергея Сологуба, Елизаветы Фокиной. Проектирование: 2001–2002. Строительство: 2001–2003

Базовой моделью для собянинской Москвы становится некий отвлеченный современный «город-лидер» с характерными признаками вроде высоких домов и широких тротуаров. В этом облике отчетливо угадываются черты западного мегаполиса, еще недавно бывшего предметом острой советской критики.

В то же самое время питерская архитектура, опиравшаяся на гораздо более скромные возможности, двигалась другим путем. Давно освободившийся от бремени столичности, удалившийся от большой власти, Питер занялся исключительно собой, раскрытием и интерпретацией своей идентичности. Питерская архитектура избежала жесткого, деформирующего давления местных начальников, впечатленных, возможно, окружающими шедеврами и архитектурной мифологией. Десятилетия относительно спокойного, непрерывного естественного движения, избавленного от болезненных ломок, привели к видимому повышению качества работ, к сложной и самостоятельной архитектуре. Питерские архитекторы накопили весомые аргументы в свою пользу, позволили городу приобрести в отношении импортной архитектуры известный иммунитет, который постоянно подвергается самым непростым испытаниям.

В современном мире тема столичности и провинциальности утрачивает актуальность и уступает место теме городов-регионов, постгородов или мегагородов, успех которых определяется не только уровнем ВВП, но качеством и объемом продукта собственной индустрии культуры, включая архитектуру и архитектурную школу. В развитии этого сегмента Питер опирается на набирающее силу общество, растущий питерский патриотизм, на очевидное небезразличие к архитектуре города, показанное в истории с газпромским небоскребом.

Москвой роль мегагорода понимается иначе. Она все дальше дрейфует и от поисков идентичности, и от советской столичной модели, постепенно отказываясь от участия не только в глобальной, но и в национальной повестке. Российская столица все чаще ощущает себя в одной компании с Лондоном и Парижем, а не с Тверью и Владивостоком. Вхождение в компанию городов-лидеров без попыток архитектурной самоидентификации – выбор власти, к которому население, в отличие от питерского, в основном безразлично. Универсальный комфорт

успешно вытесняет признаки и черты региональной культуры, сохранявшиеся даже в советской Москве.

В нынешнем соревновании Питера и Москвы за Москву выступает компания зарубежных звезд разного калибра. За Питер – команда местных с несколькими форвардами, в числе которых Романов, Мамошин, Земцов и успешный собиратель международных наград Никита Явейн. Возможно, именно эта команда и есть едва ли не единственная в стране местная архитектурная школа.

Литература

1. Боков, А. О социокультурных предпосылках формирования российского пространства. Треугольник и элита // Проект Байкал. – 2017. – № 52. – С. 48–49
2. Боков, А. Фавориты и изгои // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 31
3. Боков, А. Менеджеры и архитекторы // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 32–33
4. Лидин, К. Сплошные вопросы. К проблеме межцивилизационного взаимодействия Востока и Запада // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 34–40
5. Боков, А. О стратегии пространственного развития // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 112–124
6. Боков, А. Три утопии: памяти СССР посвящается // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 37–41
7. Неформальная экономика: Россия и мир/ред. Т. Шанин. – Москва: Логос, 2014. – 576 с.

References

- Bokov, A. (2017a). Favourites and outsiders. *Project Baikal*, 14(53), 31–32. doi:10.7480/projectbaikal.53.1203
- Bokov, A. (2017b). Managers and architects. *Project Baikal*, 14(53), 32–33. doi:10.7480/projectbaikal.53.1204
- Bokov, A. (2017c). On socio-cultural prerequisites for formation of Russian space. The triangle and the elite. *Project Baikal*, 14(52), 48–49. doi:10.7480/projectbaikal.52.1160
- Bokov, A. (2018). On the spatial development strategy. *Project Baikal*, 15(57), 112–124. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1367>
- Bokov, A. (2019). Three utopias (dedicated to the memory of the USSR). *Project Baikal*, 16(62), 37–41. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1539>
- Lidin, K. (2017). A pack of questions. On the problem of intercivlisational relations between East and West. *Project Baikal*, 14(54), 33–40. doi:10.7480/projectbaikal.54.1246
- Shanin, T. (Ed.). (2014). *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal economics: Russia and the world]. Moscow: Logos.

Наличие архитектурной высшей школы – важный индикатор уровня социально-экономического и культурного развития региона. Это постоянный источник высококвалифицированных специалистов – архитекторов и градостроителей; площадка исследований местной проблематики в контексте академических профессиональных знаний, что является фактором устойчивого развития. В процессе взаимодействия и естественных взаимных влияний достижения реальной практики и учебное заведение могут создать своеобразную региональную школу отечественной архитектуры.

Ключевые слова: архитектурная школа; архитектурная практика региона; взаимодействие; взаимовлияния; региональная школа архитектуры. /

The presence of an architecture school is an important indicator of the level of the socio-economic and cultural development of the region. It is a permanent source of highly-qualified specialists – architects and urban planners. It is also a ground for studies of local problematics in the context of academic professional knowledge, which is a factor of sustainable development. In the natural process of mutual interaction between the achievements of a real practice and an educational institution, a unique regional school of Russian architecture can be created.

Keywords: architecture school; architectural practice of the region; interaction; mutual influence; regional architecture school.

Архитектурные школы и практики регионов. Записки очевидца / Architecture schools and regional practices. Notes of the eyewitness

текст
Александр Кудрявцев /
text
Alexander Kudryavtsev

Известно мнение/выражение: архитектурный вуз – это фабрика грез. В жизни каждого зодчего студенческие годы – самый счастливый творческий период, мир чудес, идеально устроенный для свободного творчества. Любимый (как правило) и уважаемый профессионально (как правило) творческий руководитель-лидер (профессор, избранный душой и сердцем) и два десятка товарищей и подруг (не конкурентов!), у которых тоже можно и поучиться профессионально, и жизненного опыта набраться. Без зависти, без обид – друзья, не партнеры. Это все будет потом. Не случайно именно в студенческие годы рождается дружба на всю жизнь, скрепленная общими профессиональными интересами.

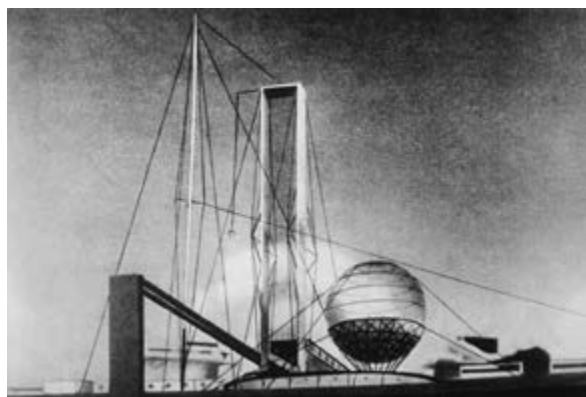
Дипломный проект – звездный час архитектора. Очень многие предпочитают самостоятельность сильному творческому руководству, почувствовав симптомы новой, будущей жизни после вуза. И вот ты стоишь впервые перед профессиональным, седовласым и лысым мэтром, жадно всматривающимся в твой проект: не новый ли Леонидов перед ним, не Заха ли Хаидид. Это ожидание чуда присуще профессиональному цеху. Ежегодно с надеждой, а то и ревностно архитекторы следят за рождением новых зодчих, их будущих соперников; ведь архитектура – это конкурсное искусство (С. О. Хан-Магомедов), но в то же время и партнерство, и соавторство, и обретение соратников в жизни. Многие мудрые практики преподают в вузах, присматриваются к будущим колле-

гам, улавливают творческие сигналы, идущие из проектов молодых, «промывают глаза», чтобы не потерять способность заглядывать в будущее.

В 1985 году мне, только что избранному секретарем правления Союза архитекторов СССР, было поручено по должности «курировать» высшее архитектурное образование в огромной стране. Я не преподавал – опыта никакого не было, кроме собственного, в МАРХИ и Бухарестском институте. Но был замечательный объект изучения – Всесоюзный смотр дипломных проектов архитектурных вузов! Само это событие было ритуалом: секретариат правления Союза во главе с первым секретарем посещал выставку, организованную на базе одного из вузов, обсуждали увиденное и награждали лучшие проекты. Такие выставки дипломов были традиционными не только у нас. Но в СССР они имели особенность – старшие по профессии (начальники?) определяли «здоровье» творческой направленности будущих зодчих: туда ли они идут? Туда ли заворачивают? Помню, как дипломные проекты Д. Шелеста и М. Королькова, уже известных учеников «бумажников» Б. Г. Бархина и его ассистента М. Белова, вместе с еще несколькими проектами (еще был СССР!), были предметом специального обсуждения – казнить или миловать? Прошло не так уж много времени – и я с удивлением увидел этот проект в виде фрески на стенах архитектурного факультета Кубанского аграрного университета! А в 1996 году М. А. Белов был избран и стал самым молодым профессором МАРХИ, с именем которого были связаны идеи обновления, поиска новых творческих ориентиров, в которых так нуждалась отечественная архитектура, мучительно переживавшая 90-е годы.

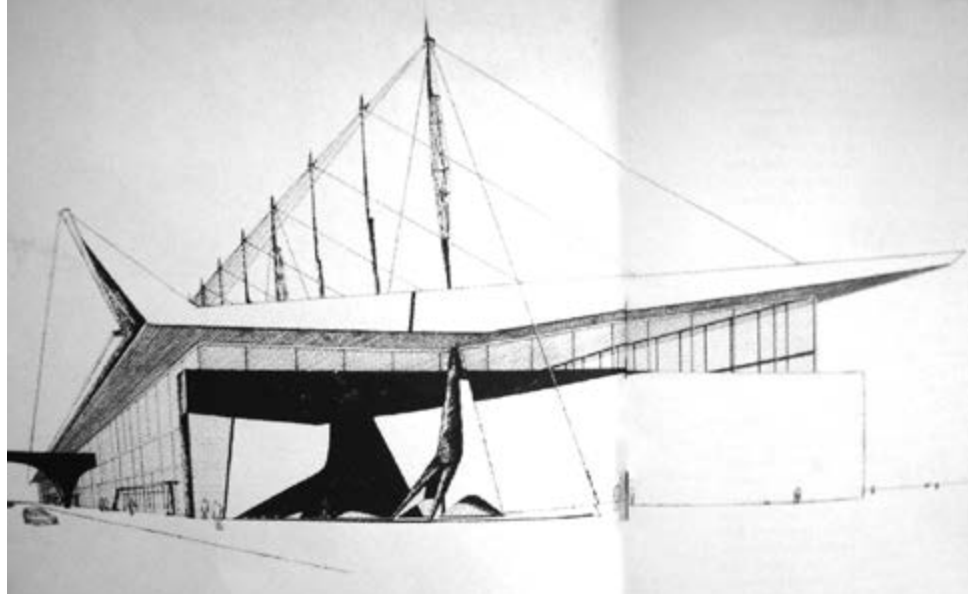
Непросто проходили процессы адаптации высшей архитектурной школы к новым политическим событиям конца 1980-х годов и первой половины 1990-х – «перестройка», распад СССР и становление новой России.

Важным для школы было последнее постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» 1987 года, где изрядная часть посвящалась развитию МАРХИ и созданию автономных архитектурных вузов в провинции. Создавались новые автономные школы в Красноярске, Новосибирске,

> Рис. 1. И. Леонидов. Институт В. И. Ленина. ВХУТЕМАС, дипломный проект. 1927

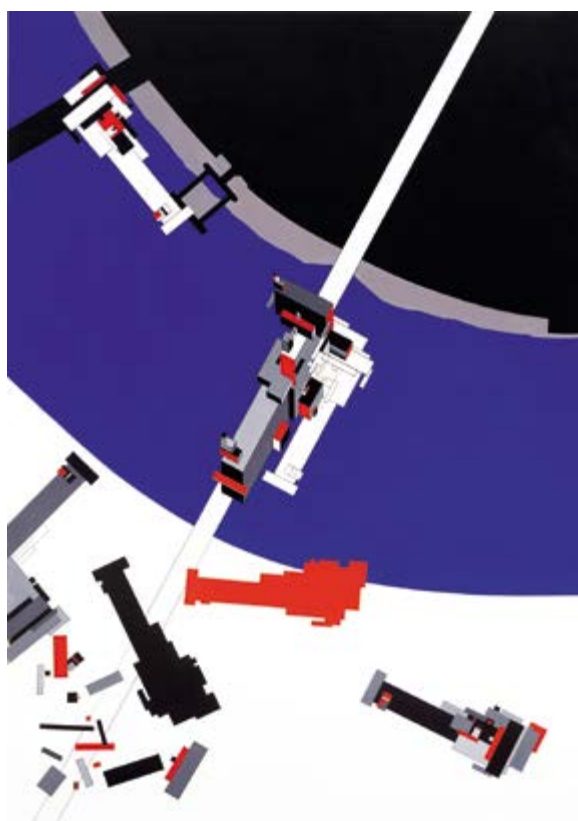
в Рис. 2. НЭР. Кривоносов. МАРХИ, комплексный дипломный проект, 1960

< Рис. 3. В. Локтев. Аэропорт. МАРХИ, дипломный проект. 1958

Хабаровске, Ростове-на Дону, то есть в крупных социально-экономических районах (тогда еще не было в ходу слово регион). Это была очевидная попытка поднять уровень архитектурной культуры в РСФСР, наиболее пострадавшей от типизации и индустриализации строительства. В 1960–1980 годы разница в качестве архитектуры по сравнению с расцветом архитектуры столиц национальных республик, серией достижений в жилищном строительстве Белоруссии, Прибалтики, Закавказья была особенно ощутима, особенно на Всесоюзных смотрах архитектурных дипломов.

В РСФСР царил МАРХИ. Он был головным вузом, головным научно-исследовательским центром: аспирантура и докторантура, центр повышения квалификации педагогов и руководящих работников. Надо сказать, что проекты МАРХИ резко отличались во всех своих специализациях от реальной московской архитектуры. Разрыв между студенческими и реальными проектами был столь разителен, что критика сверху стала традиционной и не влекла последствий. А появление «бумажной архитектуры» было признано закономерным; поначалу – злокозненным, а затем, при поддержке профессиональных архитекторов, – полезным и даже прогрессивным художественным явлением. МАРХИ был также витриной советской архитектуры, компенсировавшей закрытость и угрюмость победами на международных конкурсах и рвущимися в небеса дипломами, чему в большой степени способствовала группа молодых педагогов – бывших НЭРовцев, «будетлян» в архитектуре с лидером И. Лежавой (штатным) и А. Гутновым (нештатным). Их присутствие будоражило, стимулировало творческие поиски, способствовало постоянному притоку способных студентов МАРХИ в реальное проектирование. За МАРХИ стояла и славная инновационная традиция ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа: живые властители дум, опальные герои героических периодов обоих суперстилей, а в новейшее время – наиболее признанные «бумажники». На выставках дипломов в МАРХИ приходили московские зодчие в поисках новых трендов и иностранцы, пораженные, прежде всего, графическому мастерству и художественной дерзости авторов.

< Рис. 4. Заха Хадид. Тектоник Малевича. АА, Лондон, преддипломный проект. 1976–1977

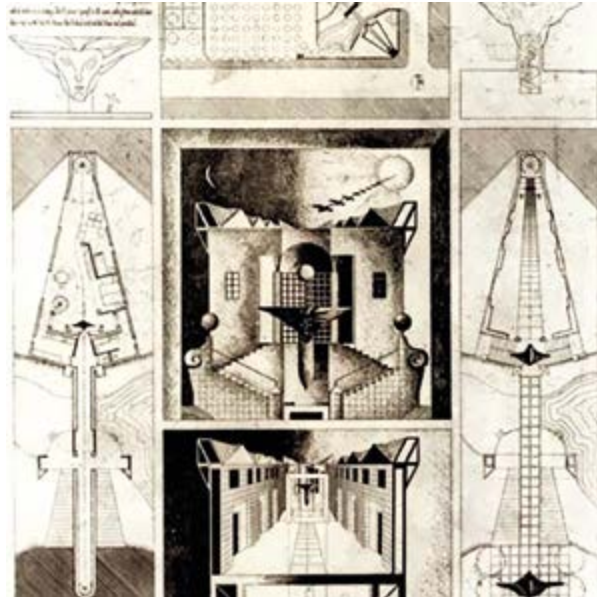
Профессор МАРХИ В. Локтев, его воспитанник, выпускник 1958 года, вспоминал, как на московском XVIII съезде МСА с трибуны съезда прозвучал призыв посетить выставку в МАРХИ, где можно увидеть блестящее будущее советской архитектуры.

Все московские архитекторы были питомцами МАРХИ, многие преподаватели тоже, и это обеспечивало естественный обмен знаниями и идеями, школу и практику.

Я учился в конце 1950-х годов, когда профессорами были мастера реальной архитектуры, знавшие цену и новизне идеи, и владевшие искусством ее реализации. К сожалению, это естественное состояние «профес-

^ Рис. 5. В. Егеров, В. Кубасов, Ф. Новиков, И. Покровский, Б. Палуй, М. Хажакян. Дворец пионеров на Ленинских горах. Москва. 1958–1962

^ Рис. 6. М. Белов. Дом-экспонат на территории музея XX века, 1-я премия на конкурсе JA Shinkenshiku.1981

сор» – «мастер» закончилось бюрократическим приказом о запрете совместительства в высшей школе.

В 1970-х годах МАРХИ был эпицентром смотров; особой была петербургская школа – Академия художеств и ЛИСИ. Их традиции сохраняли своеобразие обеих славных школ: метафизический холодок ювелирных проектов Академии и очевидное суховатое воздействие на архитектуру инженеров бывшего ПИГИ.

В начале 1970-х резко вырвался САИ (Свердловский архитектурный институт), добившийся автономии через организационные трансформации при активном содействии МАРХИ и местной власти. Удивительно, но особый вольный дух Урала выражался уже тогда в дипломных проектах.

В РСФСР архитектурные кафедры существовали во многих технических вузах – строительных, металлургических, нефтяных. Им жилось непросто под прессингом учебных нормативов профильных институтов, естественного непонимания руководителями специфики искусства архитектуры. Когда я по долгу службы посещал эти кафедры, я восхищался пассионарностью преподавателей, и мне на ум приходила странная аналогия – после упразднения домовых церквей в вузах наши кафедры осуществляли духовную миссию культуртрегеров в значительно превосходящих массах будущих строителей. Их богом был МАРХИ, и дипломные проекты, хоть и на местном материале, были слепками композиционных упражнений столичного института, в том числе его отклонений «от генеральной линии». Зато представленные на смотр проекты будущих зодчих национальных социалистических республик радовали глаз разнообразием и художественным своеобразием. При этом, видимо, при дефиците профессиональных кадров ограничения по совместительству были не столь категоричными.

Грузинская школа дала шедевры мемориальной архитектуры; узбекская и казахская – современную интерпретацию национального духа в общественных зданиях; литовские педагоги экспериментировали с формообразованием в новых типах массовых зданий соцкультбыта. Близкие и им, и россиянам белорусы показали, как профессура может не только спроектировать, но и построить национальную школу международного класса.

Украинские преподаватели создали одну из самых эффективных проектных организаций – «САКБ» при Львовском политехе, выполнявшим ответственные городские заказы, да и здание архитектурного факультета КИСИ было примером возможного в невозможных условиях.

Очень высокий взлет мастерства графики показала киргизская школа, но особенно ярко было обращение к архетипам культуры степняков.

Распад СССР всех (имею в виду профессиональный цех) застал врасплох. Первыми опомнились педагоги, понимавшие, какой потенциал представляли всесоюзные связи, взаимодействие с Союзом архитекторов, который в это время пытался найти новые ориентиры своего существования. И в 1992 году, одновременно с созданием РААСН, был организован МАПАШ – Международная ассоциация педагогов архитектурных школ. Ее крестным был всеми глубокоуважаемый А. В. Степанов, и первым подвигом был смотр дипломов (с 1998 МАПАШ – МООСАО – Межрегиональная организация содействия архитектурному образованию).

Помню только первое впечатление от первого смотра новообразования, собравшего российские вузы – МАРХИ, Санкт-Петербургские вузы и остальные (около 30) – слепки головного российского вуза: исчез художественный баланс многонациональной многокультурной империи. И это была не только моя реакция, но и всех участников смотра.

К этому времени многие строительные университеты добавили к своему логотипу букву «А» – «архитектурный», поняв ее привлекательность для будущих студентов (остался МИСИ, даже став национальным научно-исследовательским университетом и имея несколько архитектурных программ). Лидером провинциальных, теперь уже региональных школ, становится УрГАХА, ныне УрГАХУ, архитектурная школа, одной из первых осознавшая перспективу взаимодействия архитектурного образования с дизайнерским. Следует специально упомянуть авторов этой школы в регионе не только как образовательного, но и научно-исследовательского и проектного коллектива. Это Н. Алферов, А. Коротковский и Г. Заикин. Как мне кажется, в симбиозе своих начал уральцы ищут свой путь

< Рис. 7. В. Орехов.
Стадион. Красноярск. 1968

в архитектуре, постоянно пробуя те или иные организационные формы.

Серьезные традиции сформировались в Новосибирской школе, созданной еще в 1930-х годах. Это Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, сделавший уникальный вклад в историю советской архитектуры и обладающий мощным градостроительным потенциалом, и ровесник новой России, единственный реализованный по постановлению № 1058 автономный вуз с непростой историей рождения – Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств. По происхождению монопрофильный архитектурный вуз в целях развития и жизнеспособности открыл обучение декоративно-прикладному искусству и стал называться Академией. Оба уважаемые заведения обязаны своим происхождением Томскому университету, чтут своего знаменитого предшественника А. Д. Крячкова и вместе с Иркутским техническим университетом являются важным остовом архитектурной культуры Сибири. На примере сибирских городов видно интересное, даже уникальное взаимодействие школы и практики. Архитекторы-педагоги Томска создали уникальную систему подготовки специалистов по охране культурного городского наследия в самом исчезающем его сегменте – деревянной городской застройке.

Разработанная ими методология используется в градостроительной документации и целевых программах. Как известно, в отечественной истории архитектуры зафиксированы периоды, когда вуз играл роль локомотива в поиске новых путей (ВХУТЕМАС – ВХУТЕИН 1920-х 1930-х годов), а было время, когда практика обгоняла консервативную академическую школу, и вузу надо было ее догонять (1950–1960-е годы). То же происходило и с региональными вузами. Так, в 1970–1980-е годы в Иркутске возникла прогрессивная региональная практическая школа с лидером В. А. Павловым, и вузу было необходимо впитать этот опыт. Эта мощная инновационная инъекция до сих пор активизирует как школу, так и практику.

Без композиционных находок В. Орехова и А. Демирянова красноярская школа потеряла бы своеобразие.

Новая эра открыла художественный потенциал волжских городов, всегда претендовавших на призовые места

в иерархии русских поселений. Достижения в реальной архитектуре Нижнего Новгорода, открывающего профессиональные глаза на городскую архитектуру рубежа XIX – XX веков как источник самобытности современного зодчества, способствовали рождению творческой школы, уверенно руководящей архитектурной педагогикой университета.

В этом направлении развиваются и саратовская, и самарская школы. В последней особенно силен так называемый градостроительный, может быть, даже средовой подход в архитектурных поисках современности.

Казанский университет всегда имел мощную подпитку в формообразовании от МАРХИ. Ряд исследований казанских педагогов в области объемно-пространственной композиции корнями уходят в поиски 1920-х – 1930-х годов. Это вуз столицы крупнейшей национальной республики России, где очевиден заказ на создание современной региональной архитектуры. В Казани есть качественные примеры архитектуры 1950-х – 1980-х годов. Но создание мощной региональной современной школы – дело будущего. Сегодня, по моему мнению, потоки реального и учебного проектирования текут параллельно, не взаимодействуя.

А что же с исконными русскими землями центральной, северной России, теми регионами, культурным наследием которых мы гордимся, многожды питавшим нашу культуру и искусство?

Господин Великий Новгород обладает архитектурной школой в составе университета и набирает профессиональную силу в реставрации, но отблеска новгородского зодчества в новых проектах не видно. Вологодский университет, как это бывало в истории вузовской жизни, в результате распада СССР обладал группой прекрасных педагогов из набравшей силу школы Целинограда. И мы увидели новые, свежие проектные идеи и надеемся, что эти тенденции окрепнут, образуют своеобразное лицо архитектурной школы.

Но грустное впечатление производят новые жилые комплексы, наши современники, которые возводятся по программам высотного, среднеэтажного доступного жилья, лишенные связи с ландшафтными и историко-культурными традициями.

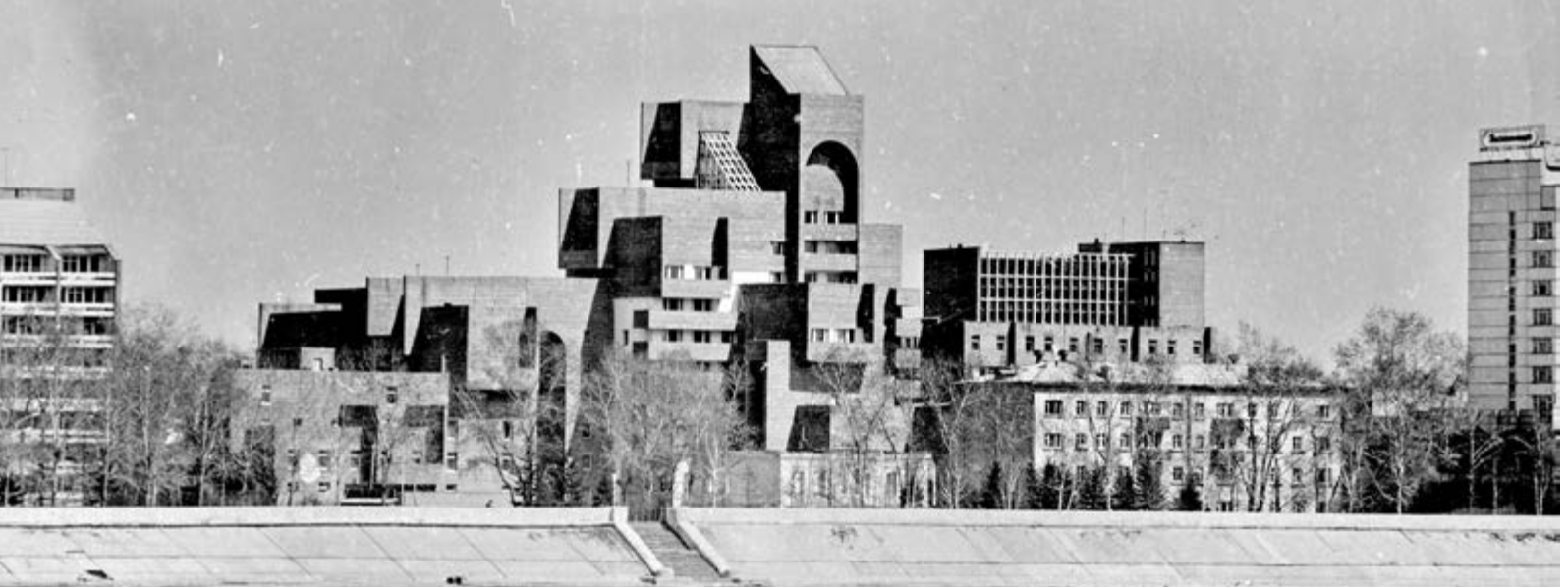

Рис. 8. В. Павлов. Жилой дом ВСЖД. Иркутск. 1986. Лучшая постройка в конкурсе СА СССР 1987 года

Стоят геометрические коробки, как бы обрезанные по предельной высоте в 17–19 этажей в чистом поле и в Подмоскowie, и во Владимире, в Вологде и Карелии, в Сибири и на Дальнем Востоке. И охватывает предчувствие большой беды, которую мы уже переживали – монотонный «топот», пожирающий наши чудесные ландшафты, наши города, нашу культуру. Это свежие впечатления от результатов ежегодного градостроительного конкурса жилых комплексов-новостроек ТОП ЖК (78 регионов) 2020 г., членом жюри которого довелось быть. Правда, новая жилая архитектура в регионах, обладающих архитектурно-строительными вузами и более квалифицированными кадрами, значительно лучше. Это, по-моему, сигнал о необходимости постоянного взаимодействия архитектурно-строительной практики с работой архитектурно-строительных вузов. В этой области накоплен достаточно обширный опыт сотрудничества: и апробация проблемных тем в учебном проектировании, и приглашение мастеров-практиков к преподаванию (к сожалению, только дипломному), и приглашение штатных педагогов к экспертной и предпроектной исследовательской деятельности. К сожалению, сократилась практика заказов вузам в виде участия в конкурсах, достаточно распространенная в советское время. Помню победы МАРХИ в конкурсах на центры городов, градостроительную структуру центра Москвы на перспективу. Такое сотрудничество было очень плодотворно для обеих ветвей архитектурной деятельности и в целом для выработки стратегии развития нашей архитектуры. Но новое

время требует новых практик взаимодействия, всегда авангардно подсказывающего траектории движения...

Литература

1. Латур, А. Рождение метрополии. Москва 1930–1955: антология. – Москва : Искусство-XXI век, 2005. – 336 с.
2. Специальный проект журнала «Проект Классика»: тема номера Михаил Белов. – 2006. – № XIX– MMVI
3. Орельская, О. Архитектурный дуэт Александр Харитонов и Евгений Пестов. – Нижний Новгород : РИ «Бегемот», 2001. – 224 с.
4. Диалог Елены Багиной и Елены Григорьевой об Иркутске, Владимире Павлове и шестидесятих // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 130–137
5. МАПАШ/ МООСАО. Международный смотр-конкурс выпускных квалификационных работ по архитектуре и дизайну. – URL: www.nsuada.ru (дата обращения: 30.03.2020)
6. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 30.03.2020)

References

- Bagina, E., & Grigoryeva, E. (2019). A dialogue between Elena Bagina and Elena Grigoryeva about Irkutsk, Pavlov and the 1960s. *Project Baikal*, 16(59), 130-137. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1446>
- Latour, A. (2005). *Rozhdenie metropolii. Moskva 1930-1955: antologiya* [Birth of a metropolis. Moscow 1930-1955: anthology]. Moscow: *Iskusstvo-XXI vek*.
- MAPASH / MOOSAO. *Mezhdunarodnyi smotr-konkurs vypusnykh kvalifikatsionnykh rabot po arkhitekture i dizainu* [Interregional Association of Teachers of Architecture Schools / Interregional Social Organization for Advancement of Architectural Education. International review competition of architecture and design graduation theses]. (n.d.). Retrieved March 30, 2020 from www.nsuada.ru
- Orelskaya, O. (2001). *Arkhitekturnyi duet Alexander Kharitonov i Evgeniy Pestov* [Architectural duet of Alexander Kharitonov and Eugeny Pestov]. *Nizhny Novgorod: RI "Begemot"*.
- Postanovlenie TsK KPSS i SM SSSR "O dalneishem razvitii sovetskoi arkhitekтуры i gradostroitelstva" [Decree of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR "On the further development of Soviet architecture and town planning"]. Retrieved March 30, 2020 from www.consultant.ru
- Spetsialnyi projekt zhurnala "Proekt Klassika": tema nomera Mikhail Belov [A special project of the magazine "Project Classica": subject of the issue Mikhail Belov], XIX-MMVI.

> Рис. 9. А. Харитонов, Е. Пестов. Банк «Гарантия». Нижний Новгород. 1995

> Рис. 1. «Всеобщая карта морских интернет-кабелей», представленная в жанре инфографической ретростилизации Американской телекоммуникационной компанией TeleGeography

Статья посвящена анализу фундаментальных смысловых изменений в дискурсе отношений глобального и локального под влиянием исторического и актуального опыта коммуникации и изоляции в развитии человеческой цивилизации.

Ключевые слова: глобальное и локальное; территория; изоляция; коммуникация; культурный ландшафт; волна; вирус. /

The article analyses fundamental semantic changes in the discourse of the relations between the global and the local under the influence of the historical and current experience of communication and isolation in the course of human development.

Keywords: global and local; territory; isolation; communication; cultural landscape; wave; virus.

Глобальный изолятор / A global isolation unit

Ты помнишь, как все начиналось...

Начну с важного. Я пишу этот текст в условиях карантинной самоизоляции, в тревожные дни, когда весь мир охвачен пандемией коронавируса COVID-19, когда под натиском всеобщей, сквозной, не ведающей границ и расстояний угрозы планета людей будто сжалась в комочек, когда человеческая цивилизация в поиске высшей защиты словно бы свернулась в позу эмбриона, и это ее бессознательное желание вернуться в уютное и безопасное дорожное состояние свидетельствует о чувстве критического отрыва общего тела человечества от материнского тела Земли. Осознание этого отрыва на наших глазах генерирует совершенно новую планетарную реальность.

Собственно говоря, сюжет отрыва человеческого вида (и всех плодов его материально-производственной деятельности, включая архитектуру) от Земли не нов. Подростковое стремление человека освободиться, преодолеть родительскую гравитацию планеты, оторваться от Земли, от места родовой памяти и локальной традиции – это огромная многовековая история, включающая многочисленные события географических перемещений, бегства, этнических миграций, трансконтинентальных транзитов – от многолетних всенародных скитаний библейской древности до персонифицированных полетов в космос в наши дни. И надо заметить, что в этой истории на протяжении веков все более и более обнаруживается фрагментация единого некогда тела человеческой цивилизации, нарастающая дискретность, приходящая на смену архаической слитности человеческой популяции. Социальная эволюция человека на протяжении многих веков наращивала параллельно два вектора его эмансипации: во-первых, освобождение от родовой связи с телом планеты и, во-вторых, индивидуальный отрыв от тела родительского (в широком смысле) сообщества.

Начавшаяся более пяти веков назад эпоха Великих географических открытий не только породила новую антропологическую ситуацию, но только задала небывалую картину осознания человечеством своих отношений с телом планеты, но и сформировала особый тип современника – героя-авантюриста, морского путешественника-первооткрывателя. Колумб, Магеллан, Васко

да Гама, Америго Веспуччи и многие, многие другие предприимчивые пассионарии эпохи радикально изменили саму антропологию движения. Эти герои, самоопределившиеся в своих целях и миссиях в невысказанном ранее глобальном масштабе, ступали на палубы кораблей, предпочтя надежной тверди континента полные опасностей и непредсказуемых угроз хляби океана. Они пускались в беспрецедентно авантурные истории с неизвестным и негарантированным концом, они расчерчивали поверхность планеты небывалыми географическими пунктирами, они стремительно перекраивали всю ранее сложившуюся картину мира, изменяя образ отношений локального и глобального, ментально трансформируя весь земной культурный ландшафт.

Если, скажем, слитное движение огромных человеческих масс в эпоху Великого переселения народов происходило в силу стихийной неизбежности, под давлением неустрашимых внешних факторов (вторжение гуннов, климатический пессимизм раннего Средневековья и др.), если миграции времен Крестовых походов получали начальный динамический импульс от взрывного союза религии с демографией, то движение титанов эпохи Великих географических открытий в огромной степени было инспирировано их собственной индивидуальной волей. По справедливому выражению Фридриха Энгельса в его «Диалектике природы», «<...> это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености».

Эта историческая артикуляция роли отдельного человека в энергетических пульсациях и перестройках всей антропосферы предвосхитила за полтысячелетия до наших дней идею прямой деятельной связи каждого отдельного человека одновременно со всем земным миром и со всеми другими людьми. За несколько веков до носферных теорий В. И. Вернадского и Тейяра де Шардена она проявилась как практическая и пророческая интуиция. Уже тогда тяжелая статика суши, сплавленной, вроде бы, из многих локальных территорий, но при этом рассеченной границами культур и цивилизаций, наций и государств, этносов и социумов, начала уступать место

текст

Леонид Салмин /
text
Leonid Salmin

> Рис. 2. Карта морских путешествий XIV – XVI веков

единой, обнимающей мир, подвижной, бесконечно волнующейся и изменяющейся стихии воды.

Вызов, брошенный человечеством (в лице самых отчаянных своих сынов) воде – бескрайнему, неустойчивому, непостоянному континууму мирового океана – важнейший перелом в понимании человечеством своих отношений с телом планеты. Движение по воде, стремительно нарастающие динамика и количество водных коммуникаций были прочувствованы и поняты как стратегический футуро-сценарий развития планетарной цивилизации. Практики межконтинентальных водных путешествий рождали и пестовали дух глобализма и свободы. Планета начала опутываться все более и более густой паутиной водно-транспортных путей. Категории движения, скорости, колебания, нелинейности впервые определяли вдохновляющую альтернативу тяжелой, монолитной статике сухопутного прошлого.

Корабль стал главным архитектурным образом и символическим концептом эпохи. Никогда ранее архитектура корабля, продиктованная опорой на колеблющуюся, волнующуюся, а то и штормящую материю воды, не была так вызывающе противопоставлена архитектонике наземных сооружений, чей строй был определен геологической статикой почвы, пространственно-временной надежностью и предсказуемостью гравитации. Корабль, как ни парадоксально, овеществлял одновременно и ветхозаветную тему избранности и спасения (Ной), и новозаветную идеологему богоподобия человека, вослед Спасителю предлагая ему «ходить по воде, аки посуху». То есть (в переводе с религиозно-символического языка на обыденный) чувствовать себя уверенно и, по возможности, надежно и безопасно в мире больших перемен и дерзких вызовов. Настоящий корабль представлял как практическая альтернатива символическому кораблю храма. И если до сих пор сакральный ковчег храма обеспечивал возможность вертикальной коммуникации с Богом, то реальный корабль отныне задавал иной, горизонтальный вектор коммуникации между людьми, мыслившими себя не только созданными по образу и подобию Творца, но и способными перекраивать созданный им мир по своему усмотрению. Прежние, консервативные авторитеты, принадлежавшие, как правило, к вершинам

общественных иерархий и столетиями служившие гарантами пирамидальной архитектоники и неизбежности мироустройства, оказались значительно потеснены новыми. Подлинными героями эпохи стали предприниматели (в самом глубоком смысле этого слова) – люди, одержимые энергией познания, движимые натуралистическим любопытством, скептики, оптимисты, экспериментаторы – путешественники и коммерсанты, инженеры и медики, исследователи и писатели, архитекторы и художники.

Опыт воды и корабля, опыт захватывающих путешествий с их эмоциональным экстримом, психологическим волнением, экзальтацией, взвинченностью в полной мере отразился в культуре барокко. Барокко, пожалуй, первое подлинно глобалистское стилистическое явление в культуре. Именно в контексте барочного мировосприятия жест отдельного человека (не только суверена или жреца, короля или епископа) обретал поистине героический, порой космический масштаб, становясь индивидуальным выражением исторических устремлений масс. Искусство и архитектура барокко впитали это небывалое, ураганное чувство пространственной открытости мира, эту хореографию свободы, дав им пластическое выражение небывалой силы. Барокко неотделимо от идеи пространственной экспансии. В мире, множившем транспортные и торговые коммуникации, географические открытия и завоевания, язык барочной архитектуры стал в одних случаях предметом рационального планетарного экспорта, в других – своеобразным иррациональным гештальт-вирусом, распространявшимся через моря и океаны и проникавшим в сложившиеся локальные культурные организмы.

Эпоха барокко, переплетаясь с эпохой Великих географических открытий, не только наполнила напряжением и драматизмом отношения между медленным, привычным миром суши и стремительным миром воды. Она противопоставила планетарный охват мира локальному географическому микроскопу, она вознесла вездесущую энергию волны над пассивностью камня. В самых разных регионах мы можем видеть огромное множество примеров того, как волнообразная пластика барокко расплескивается по доставшимся в наследство роман-

^ Рис. 3. Альбрехт Дюрер. Носорог. Гравюра. 1515

^ Рис. 4. Вид европейского портового города. Ксилография. XV в.

ским и готическим каменным остовам храмов и дворцов, как затопливает собой прежний мир неколебимых устоев и тысячелетних правил.

Волна – не просто пластический код барокко или поэтический иероглиф эпохи Великих географических открытий. Волна – важнейший образ символической, а значит, и смысловой перестройки мира. Свойство волны бесконечно распространяться, преодолевая своими колебаниями границы и расстояния, обтекая препятствия, отрицает силу места, отвергает всеисильную, как казалось, статику локального контекста. Волна утверждает единство и сквозную проницаемость мира. Именно этим важен опыт человеческих дерзновений далекого прошлого, связанный с освоением стихии воды как фактора мирового развития и глобализации. Именно это позволяет считать, что революция отношений локального и глобального началась за четыре столетия до того, как деятельность Джеймса Максвелла, Томаса Эдисона, Николы Теслы и многих других практически прочертила вектор дальнейшего развития человеческой цивилизации в направлении глобального единства энергетических, информационных и многих других связей.

К чему был весь этот длинный пассаж с погружением в реалии полутысячелетней давности? К тому, что сегодня, живя в мире невидимых, но вездесущих электромагнитных волн, коммуникационных сетей и интернета, всех этих связывающих нас воедино и колеблемых вселенским ветром паутин, мы должны понять, что та парадигма, в которой локальное и глобальное соотносились между собой, прежде всего, масштабно и иерархически, начала трещать по швам давным-давно, намного раньше, чем кажется.

Давно ставшая привычной, затертой до смысловой выхолощенности оппозиция регионального и глобального, локального и всепланетарного, по сей день традиционно задающая, в частности, логику разговора об отношениях между местными архитектурно-дизайнерскими традициями, с одной стороны, и интернациональными трендами формообразования, с другой, коренится во времени не просто стремительно уходящем в прошлое, но уже де факто ставшем на наших глазах окаменелой архаикой.

Чума на оба наших дома

Теперь от физики волны – к медицине, микробиологии, вирусологии, эпидемиологии и т. п. Ко всему тому, что разворачивает перед нами картину человеческой цивилизации как не только ментального, но, прежде всего, органического единства, как биосоциальной популяции, не менее внутренне связанной и самозависимой, чем комариный рой, рыбный косяк или муравейник. Речь идет о клиническом и социальном опыте человечества как единого тела, как планетарного телесного континуума, наделенного способностью самосознания и деятельностью духа.

Год назад я написал статью «Город и чума», которая была опубликована в «Проект Байкал», посвященную влиянию чумных эпидемий на историю развития городов и урбанистической культуры. Это отчасти избавляет меня от необходимости повторяться и вновь анализировать те фундаментальные последствия для человеческой цивилизации, которые порождает всякое подобное чуме моровое бедствие, распространяющееся по планете с неостановимостью океанической волны. Сегодняшний коронавирус, как и бацилла чумы в XIV – XVIII веках, есть история уже не физической (водной или электромагнитной), а биологической волны, столь же невидимой, но обретающей масштаб и силу цунами и мгновенно приводящей к «схлопыванию» всех выстроенных человечеством иерархических социальных конструкций, причем почти одновременно в самых разных удаленных друг от друга на тысячи километров локациях. Если пять-шесть веков назад приносимая сухопутными караванами, приплывавшая на кораблях чума могла как биологически, так и экономически «обнулить» целый континент, то ныне разнесенный на трансконтинентальных крыльях мировой авиации COVID-19 очевидно претендует на «обнуление» планеты людей в целом (или, по крайней мере, является генеральной репетицией такого «обнуления»).

Уже времена чумы дали человечеству драматический опыт отношения между локальным и глобальным, свидетельствующий о том, что противопоставление планетарного и регионального в любом контексте, в любой сфере человеческой деятельности (и прежде всего, в сфере безопасности общего тела человеческой цивилизации) –

^ Рис. 5. Карта Мира, помещенная в голову Дурака. 1590

^ Рис. 6. Рене Магритт. Влюбленные. 1928

не более чем риторическая формула, свойственная такому типу мифологического сознания, которое одержимо комплексом патриотического «центропулизма» и для которого его место обитания, его локальная территория или регион есть избранный, богохранимый, защищенный от всех напастей центр мира.

Еще более убедительно обнаруживает несостоятельность оппозиции локального и глобального вирусная пандемия. «Посмотрите! – говорит нам всеисильный вирус, – что толку в том, что вы принадлежите одному месту, что весь ваш мировоззренческий горизонт, как и весь ваш жизненный опыт, сформированы крошечным кусочком земной поверхности? Всепроникающая волна болезни накрывает вас так же стремительно, разрушительно и беспощадно, как и жителей других географических гетто. Если вы думаете, что бедствие, постигшее город, расположенный за тысячи километров от вашего, не имеет к вам непосредственного отношения, то, как говорится в рекламе, «тогда мы идем к вам!». Идем, едем, летим, плывем – в общем, продвигаемся к вам всеми современными путями и способами». В сегодняшнем мире любая новая «чума» (независимо от того, в каких лабораториях – природы или науки – она создана) с неизбежностью падает на всю планету и на все ее отдельные фрагменты, а, значит, «на оба наших дома» – и на малый, в стенах которого мы привыкли жить как в защищенном от напастей центре мира, и на большой, космический, образ которого мы видели лишь на картинках, фотографиях и в виде школьного глобуса (если, только мы не профессиональные космонавты).

Ограниченное узостью географического, территориального, ландшафтного и культурного опыта, региональное, местное сознание привыкло противопоставлять себя абстракции глобального пространства, оборачивая это противопоставление в риторические одежды традиции, патриотизма и т. п. Однако по сути всякое локальное отрицает вовсе не глобальное, с которым сегодня оно, напротив, системно связано – и отнюдь не мифологическими представлениями об устройстве мира, а реалиями единой мировой экономики, информационных коммуникаций, торговли, политики, экологии, ресурсов и прочего.

В действительности, под видом борьбы с глобализмом, локальное отрицает самое себя прежнее. В сегодняшней действительности всякое локальное, на протяжении многих веков истории практически скрытое от большого мира, оказывается словно бы на сцене, под лучами прожекторов и перед биноклями миллионов наблюдателей. В этих условиях место, в лице его обитателей, вынуждено исторически «взрослеть», самоопределяясь уже не в отношениях с другими местами и ближайшими географическими соседями, и даже не в отношениях с глобальной сценой, пронизанной круглосуточным тотальным вуайеризмом, а в отношениях с самим собой, со своей самостью, со своим прошлым и будущим.

Конечно, перед лицом угрозы, в соответствии с эгоистическими интересами человеческого сообщества, населяющих отдельные кусочки поверхности планеты – их стран, государств, территорий и мест – человеческая цивилизация стремительно пытается, по старой памяти, фрагментироваться, рассыпаться на отсеченные от внешнего мира непреступные крепости. Первая реакция на испытания пандемией – самозамыкание, ограничение свобод, ужесточение норм общественной дисциплины и т. п. При всей объективно-научной оправданности подобных действий современная человеческая цивилизация тут же спотыкается о методологическую устарелость такой стратегии. Вирусные волны впервые с такой силой плещут по всей антропосфере, по всем членам единого тела человечества, тогда как самоизолировавшиеся национальные крепости полны дыр в стенах.

Ясно, что на этом фоне продолжающиеся в различных профессиональных средах мантры о противостоянии глобального и локального есть замаскированный дискурс страха перед большим и неведомым – страха, который, одолевая границы и расстояния, превозмогли титаны прошлого, но который, в подавляющем большинстве, не в состоянии превозмочь привыкший к комфорту локального быта наш современник.

Isola Bella

На наших глазах впервые в истории человечества произошло удивительное: применяя нажитые научные, экономические, социодемографические, эпидемиологи-

ческие и всякие прочие знания, человечество сознательно и ответственно (полагая, что делает это лишь на время борьбы с пандемической опасностью) демонтировало единое планетарное пространство своей жизни, разграничив его на миллионы карантинных ячеек. В эти дни Земля превратилась в глобальный изолятор, впервые несущийся по своей космической орбите в новом качестве. Глобальные информационно-коммуникационные сети полны свидетельств того, как природа, повсеместно ощутив сжавшееся в карантинные комочки человечество, расправила плечи и впервые за долгое время вздохнула полной грудью – очистилась вода городских каналов, черепахи тысячами выползли на опустевшие пляжи, бобы пришли на городской пруд, птицы наполнили пением обезлюдившие кварталы... Ситуация явила человечеству если и не образ рая на земле, то, во всяком случае, образ альтернативного сценария развития цивилизации.

Этот удивительный опыт глобальной изоляции еще породит в будущем вал разнообразных рефлексий – от философских, социально-психологических и художественных, до естественнонаучных, экономических и политических. Я приведу здесь собственную рефлексию – скорее, поэтическую. Точнее говоря, не столько даже рефлексию, сколько интуицию. Ибо выражена она была коротким лирическим текстом, написанным однажды, два с половиной года назад, когда я сидел на балконе гостиничного номера в Таормине, что на восточном берегу Сицилии, и наслаждался открывавшимся напротив видом на маленький живописный остров под простым и милым названием *Isola Bella* (в переводе с итальянского «Прекрасный остров»). Вот этот текст, написанный на смартфоне, в условиях лучшей из возможных самоизоляции.

Прямо из окна вид на море. Ионические воды по всей ширине обзора бесшовно соединяются с небом, образуя тонкий цветовой градиент. В сотне метров от берега на протянувшейся к нему тоненькой ленточке суши, исчезающей под водой в часы прилива, словно на поводке, горбатится заросший мохнатой зеленью живописный островок, именуемый *Изолабелла* (*Isolabella*).

Я смотрю на это некогда частное владение и думаю об удивительной прозрачности итальянского языка, всегда ласкающего русское ухо ощущением узнавания и понимания. «*Isola*» значит «остров». «*Bella*» – прекрасный. Я смотрю на Прекрасный остров и повторяю его исполненное латинской ясности имя. Остров – это изолированный кусочек суши, часть земли, пребывающая в изоляции. Изоляция островка *Изолабелла* не постоянна. Он остров – лишь во время прилива, когда вода прибывает, и попасть на него можно, пройдя с полсотни метров по колено в воде. Во время отлива он превращается в полуостров, и тогда можно не снимать обувь. Такая временная изоляция (*isola*) действительно прекрасна (*bella*), поскольку дает гармоничный баланс связи с целым и независимости от него. При том, что островок *Изолабелла* выкуплен из частного владения и является собственностью Сицилии, у него всегда есть возможность ощущать свою самостоятельность. Особенно во время прилива. Сицилия – тоже *isola*. Но ее изолированность постоянна – настолько, насколько постоянно соединение Тирренского и Ионического морей. Связь же с Апеннинской континентальной сушей обеспечивают паромные переправы и политическое устройство Итальянской республики.

Я смотрю на *Изолабелла* и думаю о нашем островном состоянии, о нашей прекрасной временной изоляции здесь, на Сицилии. Это ведь действительно тот несчастный для русского уха случай, когда словосочетание «временная изоляция» вполне сочетается с прилагательным «прекрасная». Наверно, можно было бы ввести в русский

язык новое слово для обозначения такой прекрасной изоляции – «островление». В часы отлива оно становилось бы «полуостровлением», а во время высокой воды – «острым островлением»...

Впрочем, не стоит, пусть лучше будет просто и красиво – *Изолабелла*.

Возвращаясь к отношениям глобального и локального, нельзя не заметить, что нам еще лишь предстоит понять подлинные смыслы, связывающие бесчисленные микрокосмы нашего повседневного локального существования с макрокосмом планеты. Сегодня, в силу обстоятельств, мы всю планету ощущаем как микрокосм, как наш общий остров, как данный нам по праву счастливого рождения космический *Isola Bella*. Хочется верить, что именно для этого отпущен всем нам – вместе и одновременно – этот неведомый ранее, удивительный и бесценный – опыт глобального изолятора.

Литература

1. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Дialeктика Природы. – Москва: Изд. «Эксмо», 2017. – 832 с.
2. John H. Parry. The Age of Reconnaissance: Discovery, Exploration, and Settlement, 1450–1650. Published January 8th 1982 by University of California Press. – 384 p.
3. Магидович, В. И., Магидович, И. П. Эпоха великих открытий: I период (до середины XVI века). – Москва: Изд. «Аванта+», 2010. – 320 с.
4. Бауэр, Г., Пратер, А. Барокко. – Москва: Изд. «Арт-родник», 2007. – 96 с.
5. Дасса, Ф. Барокко. Архитектура между 1600 и 1750 годами. – Москва: Изд. АСТ, «Астрель», 2002. – 160 с.
6. Салмин, Л. Город и чума // Проект Байкал. – 2010. – № 60. – С. 64–69
7. Лидин, К. Скан сетчатки города: Визуальное выражение идентичности городов и конкуренция между ними // Проект Байкал. – 2019. – № 61. – С. 155–161

References

- Bouer, H., & Prater, A. (2007). Baroque. Moscow: Art-rodnik.
- Dassas, F. (2002). Barokko. Arkhitektura mezhdu 1600 i 1750 godami [Baroque. Architecture between 1600 and 1750]. Moscow: AST, Astrel.
- Engels, F. (2017). Anti-Duhring. Dialektika prirody [Anti-Duhring. Dialectics of nature]. Moscow: Eksmo.
- Lidin, K. (2019). The city's retina scan. Project Baikal, 16(61), 155-161. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1520>
- Magidovich, V. I., & Magidovich, I. P. (2010). Epokha velikikh otkrytii: I period (do serediny XVI veka) [The epoch of great discoveries: the first period (until the middle of the XVI century)]. Moscow: Avanta+.
- Parry, J. H. (1982). The Age of Reconnaissance: Discovery, Exploration, and Settlement, 1450–1650. University of California Press.
- Salmin, L. (2019). The city and the plague. Project Baikal, 16(60), 64-69. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1475>

< Рис. 6. Джованни Томмазо Боргио. Эскиз карнавального костюма. 1647

В 1990-е годы региональная нижегородская архитектурная школа вышла на лидирующие позиции в российской архитектуре. Целью статьи является ознакомление с ее особенностями и значением в современных архитектурных процессах. Отмечается роль лидера в ее становлении. Определены значение архитектурной школы в сохранении облика исторического центра Нижнего Новгорода и в создании своеобразной региональной архитектуры на основе местных традиций.

Ключевые слова: архитектурная школа; история становления; региональная архитектура; особенности; Нижний Новгород. / The article discusses the stages and conditions of the emergence of a modern regional Nizhny Novgorod architectural school, which in the 1990s gained a leading position in Russian architecture. The purpose of the article is to familiarize with the Nizhny Novgorod architectural school and identify its features. The role of a leader in its formation is noted. The significance of the architectural school in preserving the appearance of the historical center of Nizhny Novgorod and in creating a kind of regional architecture based on local traditions is determined.

Keywords: architectural school; history of formation; regional architecture; features; Nizhny Novgorod.

Нижегородская архитектурная школа на стыке веков / Nizhny Novgorod architecture school at the turn of the century

текст
Ольга Орельская /
text
Olga Orelskaya

Построение целостной картины истории новейшей отечественной архитектуры XX – начала XXI вв. невозможно без рассмотрения региональных особенностей и школ отечественной архитектуры. Поскольку основной характеристикой архитектуры является стиль, то «<...> возникает необходимость объективно оценить пути стилистического развития не только мировой, но и отечественной архитектуры, а также вклад в нее отдельных архитектурных региональных школ, самоопределившись в мировой истории с целью выявления самобытных черт, выбора собственной линии развития региональной архитектуры, дать ей объективную оценку» [1, с. 149].

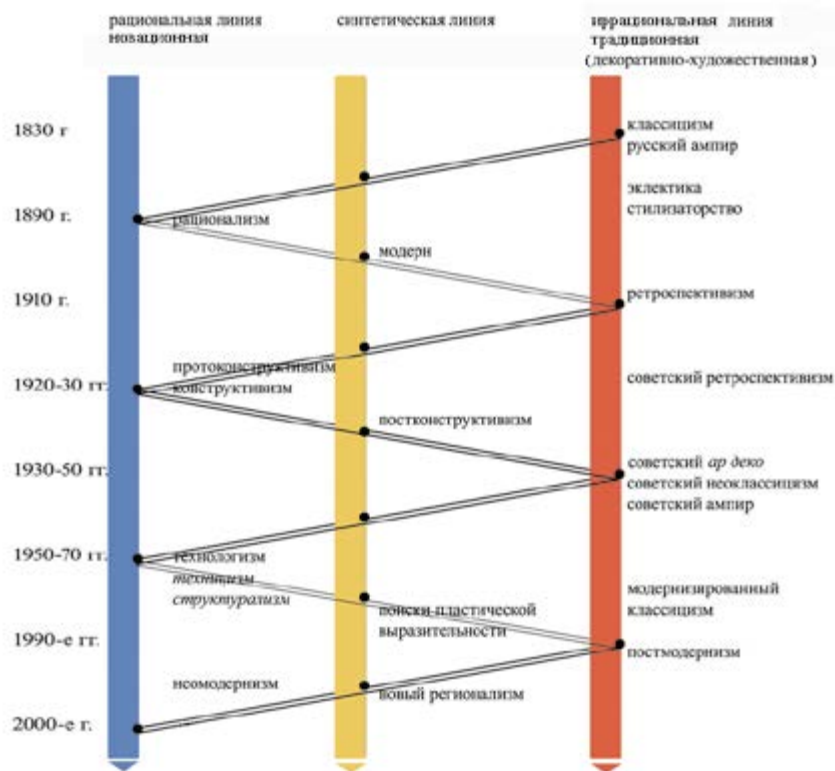
Автор данной статьи в рамках докторской диссертации впервые провел исследование по изучению и рассмотре-

нию истории региональной нижегородской архитектуры XX века в общем контексте отечественной и мировой архитектуры. Это позволило выявить определенные закономерности эволюции стилистических процессов в архитектуре, что способствует развитию научных представлений о зодчестве XX века в целом. В разработанной автором теоретической модели демонстрируется полистилизм региональной, российской и зарубежной архитектуры при сохранении стабильности трех основных стилевых направлений (линий): рациональной (новационной), иррациональной (традиционной, или декоративно-художественной) и синтетической (комплексной). Все три линии развития архитектуры, зародившись в XIX веке и пройдя через XX век, перешли в XXI столетие. В рамках этих неоднородных и многослойных направлений (дробление которых усиливается к концу XX века) стили сменяют друг друга с различными временными интервалами. Многие стили существуют параллельно, развиваются синхронно или со сдвигами во времени и в пространстве. Каждый временной этап характеризуется преобладанием одного или нескольких стилей, что отражает сложность и противоречивость каждого исторического периода (рис. 1). Процесс развития нижегородской архитектуры на протяжении XX и начала XXI века – своеобразное отражение процессов, которые происходят как в архитектуре стран Запада, так и в России.

Мировое зодчество на протяжении всей своей истории представляло и представляет совокупность множества взаимодействующих между собой автономных, конкретных региональных архитектурных культур, разделенных географически и территориально, находящихся в различных исторических условиях. Они являются открытыми системами, восприимчивыми к внешним, прежде всего, стилистическим влияниям. В настоящее время, в век информации, архитектуры разных стран, регионов, областей и городов опосредованно влияют друг на друга; становятся необходимыми научные работы в русле сравнительного архитектуроведения. Они позволяют установить связи и влияние одной архитектуры на другую, а также историческую общность архитектур, их различие и своеобразие. Архитектурные стили проявляются в различных региональных вариантах, имеющих свои специфические особенности и отличающихся от столичных.

в Рис. 1. Схема развития стилей в нижегородской архитектуре

^ Рис. 2. Офисное здание на пл. Горького. Арх. Д. М. Слепов, А. М. Сазонов. 2017

в Рис. 3. Банк «Гарантия» на ул. М. Покровской. Арх. Е. Н. Пестов, А. Е. Харитонов, при участии И. Н. Гольцева и С. Г. Попова, худ. Г. И. Курицин. 1996

< Рис. 4. Коммерческий банк (ныне здание налоговой инспекции) на ул. Б. Печерской. Арх. Е. Н. Пестов, А. Е. Харитонов, И. Н. Гольцев, С. Г. Попов; худ. Г. И. Курицин. 1996

Хотя времени для осознания архитектуры постсоветского периода в общем процессе развития отечественной архитектуры еще недостаточно для взгляда «извне», новейшая архитектура российских регионов нуждается в осмыслении и научном анализе. Мнение современников не менее важно, чем оценка будущими поколениями. Анализ региональных архитектурных школ интересен именно в связи с возможностью рассмотреть процесс как бы «изнутри», его участниками.

В капитальном труде «Архитектура XX века. Утопии и реальность» [2] его автор, академик архитектуры А. В. Иконников отметил появление региональной нижегородской архитектурной школы среди складывающихся региональных архитектурных центров и сообществах в 1990-е годы в России. «Архитекторы этого третьего по величине города России, консолидируясь, положили начало не только региональной традиции, но и школе. Становление ее возглавил Александр Евгеньевич Харитонов (1951–1999), который, несмотря на относительную молодость и раннюю трагическую гибель, сумел объединить большой коллектив концепцией, связавшей местные традиции и обостренное внимание к своеобразным контекстам Нижнего Новгорода с глобализацией культуры рубежа тысячелетий. В центре профессионального сознания нижегородцев оказался образ города как интегрирующее и дисциплинирующее начало, как точка отсчета для любых образных структур, создаваемых в пределах городского пространства» [2, с. 633].

«Архитектурная школа» как качественное образование обычно складывается в конкретный исторический период; ее представители объединены общей культурно-художественной концепцией, которая способствует сохранению, возрождению архитектурных традиций конкретного региона. Важным является наличие лидеров профессии: они консолидируют профессиональное творческое сообщество на основе единства взглядов, методов, композиционных приемов и принципов, которые затем передают свой опыт и знания следующим поколениям. Для того, чтобы архитектурная школа сложилась, необходимо наличие ряда факторов и обстоятельств (специализированный вуз, творческий союз архитекторов, научные исследования, проектные институты

и творческие мастерские, наличие коллектива профессионалов, объединенных общей культурно-художественной концепцией).

Региональная нижегородская архитектурная школа «<...> представляет собой круг архитекторов – творческое содружество единомышленников <...> Все они при этом – соратники, коллеги, ставящие перед собой высокие цели, направленные на преобразование и сохранение родного Нижнего. Сотрудничество строится на дружбе и уважении, на взаимной поддержке. Строительство каждого нового объекта становится событием, которое обсуждается и публикуется. О нем говорят, пишут, критикуют» [3, с. 197]. Школа, безусловно, находится на стадии формирования и дальнейшего своего развития. «Из истории архитектуры мы знаем, что региональные школы вызревали столетиями. Отрабатывались определенные композиционные приемы, накапливались и проходили тщательный отбор те или иные объемно-пространственные и пластические особенности, возникали профессиональные касты, передававшие секреты мастерства из поколения в поколение. В XX веке время необычайно уплотнилось. На смену большим стилям с их продолжительностью жизни, исчисляемой если не столетиями, то многими десятилетиями, пришли стилевые течения, сменяющие друг друга прямо на глазах – иногда в течение нескольких лет. Наверно, нет ничего удивительного в том, что для становления нижегородской архитектурной школы понадобился срок, за который по оценкам социологов, не успевает смениться одно поколение» [4, с. 26]. Прежде всего, сложение архитектурной школы невозможно без наличия в регионе высшего учебного заведения, готовящего высокопрофессиональные кадры. И такой вуз имелся в г. Горьком (Нижнем Новгороде) – это Горьковский инженерно-строительный институт (ныне ННГАСУ); здесь в 1966 году стараниями главного архитектора города Юрия Николаевича Бубнова был открыт архитектурный факультет. Ю. Н. Бубнов, Заслуженный архитектор России, стал первым деканом и первым руководителем выпускающей кафедры архитектурного проектирования. Он пригласил для работы на кафедру ряд ведущих архитекторов-практиков города – членов Союза архитекторов, которые делились своим

^ Рис. 6. Церковь в честь Казанской иконы Божией Матери. Арх. Е. Н. Пестов. 2005-2012

v Рис. 5. Церковь в честь Владимирской Оранской иконы Божией Матери. Арх. А. А. Худин. 2007

практическим опытом со студентами. «Реализм, профессионализм и прагматизм были теми началами, которые объединяли преподавателей, заложивших основы нижегородской архитектурной школы» [5, с. 113]. Таким образом, одной из особенностей архитектурного образования в вузе стала ориентация, прежде всего, на реальную практическую деятельность. Все предусмотренные в годы учебы виды практики студенты проходили и проходят в проектных институтах и на стройках города. Реалистическая направленность обучения осуществлялась, когда главный архитектор города выдавал список тем курсовых и дипломных проектов, актуальных для города, с возможностью их апробации на конкретных участках. Первый выпуск архитекторов состоялся в 1971 году. Лучшие дипломники пополняли ряды практикующих архитекторов в местных проектных институтах, продолжая обучаться профессии у мастеров архитектуры.

Для 1970-1980-х годов, получивших в начале XXI века название эпохи советского модернизма, характерно типовое проектирование; молодые архитекторы познавали азы профессии, участвуя в коллективном труде по привязке типовых проектов к условиям конкретного места. В эти годы у нижегородской молодежи интерес к творчеству подпитывался, прежде всего, постоянным участием в архитектурных конкурсах разного уровня, в которых она оттачивала свое мастерство. Таким образом, профессиональная конкуренция и творческое соревнование выдвинули в ряды победителей и будущих лидеров талантливых нижегородских архитекторов, в частности, А. Е. Харитонову и Е. Н. Пестова.

Немаловажную роль в профессиональном росте выпускников ГИСИ играл и крупнейший в городе проектный институт «Горьковгражданпроект» (впоследствии НижегородгражданНИИпроект). В его коллектив вошли лучшие кадры профессионалов, среди которых ведущими специалистами были Заслуженные архитекторы России Б. С. Нелюбин и С. А. Тимофеев, привлеченные также к педагогической работе в вузе. Большинство талантливых выпускников архитектурного факультета работали в отделах этого проектного института под их руководством.

Даже в условиях ограниченных возможностей российской провинции и «закрытого» города, преодолевая реальные практические трудности, архитекторы вели поиски художественной выразительности в архитектуре. С началом постсоветского периода в 1990-е годы, с формированием нового российского государства городу вернули его исконное название – Нижний Новгород, и город стал «открытым». Произошли радикальные перемены и в архитектурной деятельности. С этого времени стали появляться многочисленные персональные творческие мастерские, которые возглавили молодые талантливые архитекторы, прошедшие подготовку в проектных институтах. В архитектуру вернулось индивидуальное проектирование, появился частный заказчик. Изменилась и стилистическая направленность: на смену советскому модернизму пришел постмодернизм, или новый эклектизм. В отличие от многих других российских регионов он представлял, как и в зарубежных странах в 1970-1980-х гг., полистилистическое явление со всеми шестью стилистическими векторами, выявленными теоретиком западного постмодернизма Ч. Дженксом [6, с. 79]. Декоративистские и историзирующие настроения в советской и постсоветской российской архитектуре проявились несколько позднее – на стыке 1980-1990-х годов, а их расцвет пришелся на 1990-е годы.

Российские архитекторы в то время получали информацию о зарубежных архитектурных стилевых процессах через журналы и в туристических поездках, но не исследовали это явление глубоко, воспринимая его достаточно поверхностно. Почему постмодернизм пришелся по душе

< Рис. 7. Гостиница «Шератон» на Театральной площади. Арх. Е. Н. Пестов, Е. О. Рыбин. 2017

нижегородским архитекторам? Прежде всего потому, что он дал творческую свободу на волне внутреннего протестного настроения против тотальной типизации и стандартизации в архитектуре. Ответ на этот вопрос также кроется в самой истории древнего Нижнего Новгорода, который сформировался как город эклектики, т. е. совместил в своем облике архитектурные стили разных эпох. Именно эклектические здания XIX – начала XX вв. формируют и сегодня облик исторического центра города. Истоки нижегородской эклектики уходят корнями в XIX столетие, когда Нижний Новгород стал «карманом России» на перекрестке торговых и транспортных путей страны и приобрел всемирную известность благодаря Ярмарке (1817–1929), павильоны которой были исполнены в эклектизме и стилизаторстве. Свою лепту в процветание нижегородской эклектики внесла и Всероссийская промышленно-художественная выставка 1896 года, которая стала значительным историческим событием, оказавшим влияние на дальнейшие стилистические поиски нижегородских архитекторов. «Выставка была своего рода эпицентром концентрации и проявления полистилизма в российской архитектуре в конце XIX века, своеобразным итогом развития эклектики» [7, с. 165]. «Для строительства сооружений и выставочных павильонов на выставке были привлечены лучшие столичные архитекторы и инженеры: Г. В. Барановский, Л. Н. Бенуа, А. Н. Векшинский, Э. Ф. Виррих, Н. А. Воскресенский, А. П. Григорьев, А. И. фон Гоген, Л. Н. Кекушев, Г. И. Котов, Н. Г. Лазарев, Р. Ф. Мельцер, И. Н. Петров, В. Н. Плесецкий, А. Н. Померанцев, М. Т. Преображенский, Н. М. Проскурин, В. В. Суслов, К. В. Трейман, С. Ф. Федоров, В. П. Цейдлер, В. О. Шервуд, Ф. О. Шехтель, В. А. Шретер, А. Э. Эрихсон и др., в том числе нижегородские зодчие: Н. П. Иванов, П. П. Малиновский, Е. Н. Никаноров, М. И. Кунцевич и другие» [7, с. 194]. Это позволяет говорить о высоком художественном уровне архитектуры XIX – начала XX вв. Постройки того времени до сих пор придают Нижнему своеобразие. Архитектурная среда исторического центра сегодня представляет собой сложный конгломерат различных заимствований, временных напластований и стилей, нашедших отражение в зданиях и сооружениях, носящих в целом эклектический харак-

тер. Поэтому новый эклектизм (постмодернизм) был сразу принят архитектурным сообществом при проектировании в историческом центре города, куда в 1990-е годы переместилось новое строительство, осуществлялись масштабные реконструктивные мероприятия. В связи с этим возник вопрос о взаимодействии новой и старой архитектуры, который и была призвана решать региональная архитектурная школа.

В 1992 году главным архитектором города становится молодой талантливый и энергичный Александр Харитонов, который поднялся по ступеням служебной лестницы в Горьковгражданпроекте, став его главным архитектором и получив заслуженное уважение коллег по профессиональному цеху. Как признанный неформальный лидер он активно содействовал массовому участию нижегородских архитекторов в ежегодных профессиональных смотрах-конкурсах творчества и Международных фестивалях «Зодчество», сам был постоянным их участником, завоевывая многочисленные награды.

Другим шагом, заслуживающим особого внимания на пути становления нижегородской архитектурной школы, стал расширенный обновленный Градостроительный совет при главном архитекторе города, в который вошли лучшие архитекторы, зарекомендовавшие себя на профессиональном поприще. Коллегиальное рассмотрение и обсуждение новых проектов в исторической среде привело к повышению качества архитектуры. Дискуссии и коллективные обсуждения способствовали совершенствованию архитектурных решений. Регулярные градсоветы стали настоящей школой профессионального мастерства, где вырабатывалась коллективная профессиональная позиция. Академик архитектуры А. В. Боков констатирует: «Внутри профессионального сообщества <...> Нижнего Новгорода требовательность к качеству решения и заданность высокого его уровня стали неудобным, но жестким правилом. Устойчивость этих правил, продуктивность и длительность их действия – прямое следствие успеха лидера в создании своей школы» [8, с. 29-30]. Организаторский талант А. Е. Харитонова во многом способствовал дальнейшему сплочению нижегородских архитекторов на базе местного отделения Союза архитекторов России. Он заботился о престиже

нижегородской архитектуры, привлекая внимание журналистов и критиков к достижениям нижегородских зодчих. В городе по его инициативе стали проводиться творческие экскурсии, конференции по актуальным проблемам реконструкции исторического центра города, «круглые столы» и семинары, встречи с коллегами из других городов страны и из-за рубежа. Можно сказать, что творческая жизнь в Нижнем значительно активизировалась. В Доме архитектора стали проводиться выставки, лекции, мастер-классы и встречи с жителями города для обсуждения новых проектов.

Как уже отмечалось, в 1990-е годы в Нижнем Новгороде постмодернизм был представлен широким диапазоном стилистических поисков. Своеобразие нижегородской архитектуры этого периода, как и в эпоху эклектики XIX в. – многостилье, которое находило отражение не только в облике новых зданий, но в городской среде, при сочетании их с объектами культурного наследия, с разновременной рядовой фоновой застройкой, с соединением,

смешением времен и стилей. Как и в XIX веке, мозаичный, эклектичный, но при этом достаточно цельный образ присущ центру Нижнего Новгорода в настоящее время. В этом опять заслуга А. Е. Харитонова, который определил основным направлением в рамках постмодернизма контекстуализм, который был поддержан друзьями и коллегами. Нельзя не отметить, что Александру Харитонову удалось законодательно запретить строительство зданий по типовым проектам и добиться ограничения этажности нового строительства в историческом центре. Эти шаги способствовали тому, что в сердце города не появились многоэтажные диссонирующие здания. Влияние академика архитектуры (с 1998 года) А. Е. Харитонова на современную нижегородскую архитектуру, на архитектурное творчество этого периода было весьма существенным. Нижегородские зодчие во главе с ним стремились вернуть архитектуре утраченную образность и выразительность, покончить с однообразием и монотонностью городской среды, что во многом удалось сделать.

> Рис. 8. Дом Правительства в Нижегородском кремле. Арх. А. А. Худин, Е. Н. Полякова М. В. Дуцев. 2007–2018

^ Рис. 9. Здание второй очереди банка «Гарантия» на Почайнском овраге. Арх. А. Е. Харитонов, Е. Н. Пестов, Н. Н. Пестова. 1999

^ Рис. 10. Офисное здание у сквера «Черный пруд». Арх. Б. Г. Тарасов. 2008

Достижением и особенностью нижегородской архитектурной школы, безусловно, был и остается метод среднего подхода, который характерен для контекстуализма. Чтобы понять своеобразие нижегородской архитектуры, нельзя рассматривать отдельные новые здания в отрыве от их окружения, в отрыве от контекста, от его масштаба, от средовой преобладающей стилистики и колористики. Именно контекстуализм позволил на рубеже XX и XXI вв. сохранить масштаб исторического центра Нижнего Новгорода и во многом спасти его от диссонирующей застройки. Нижегородская школа сделала своим манифестом идею диалогического взаимодействия с историческим окружением, но это взаимодействие каждый раз происходило по-разному: от копирования и цитирования до свободной стилизации. Контекстуализм предусматривает в каждом конкретном случае разное взаимодействие здания и его окружения, и поэтому можно говорить, в зависимости от принципов и приемов адаптации к городской среде, о разновидностях стилистического, композиционного, ассоциативного, морфологического, декоративного, колористического контекстуализма [9, с. 46]. Архитекторы при проектировании применяют исторические морфотипы застройки, характерные для конкретного места, что позволяет новым объектам органично вписываться в городскую среду.

Итак, контекстуализм стал осознанно выбранным стилистическим направлением в архитектуре Нижнего Новгорода, способствовавшим сохранению исчезающей исторической среды. Примером контекстуализма является офисное здание на пл. Горького (арх. Д. М. Слепов, А. М. Сазонов; 2017) (рис. 2), которое на стилистическом и композиционном уровне взаимодействует со своим соседом – зданием авиационного техникума (1939).

Важно отметить, что наряду с практической проектной деятельностью с 1970-х годов и по сей день в городе активно ведется научно-исследовательская деятельность по изучению исторического наследия, его паспортизации, составлению историко-архитектурных опорных планов и разработке достопримечательных мест. Пишется история архитектуры города на всех этапах его развития, с момента возникновения и по настоящее время. В последние 20 лет периодически издаются серии книг,

посвященных архитектурным стилям, мастерам нижегородской архитектуры, отдельным произведениям архитектуры, составляются каталоги объектов культурного наследия как федерального, так и регионального уровней. Историческая среда города также подвергается детальному анализу в серии книг «Улицы старого Нижнего». В ННГАСУ почти два десятилетия работает диссертационный совет по архитектуре (председатель – доктор архитектуры, профессор, член корреспондент РААСН А. Л. Гельфонд), где за это время защитилось 7 докторских и более 100 кандидатских диссертаций по специальности 05.23.20 (Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия) и 05.23.21 (Архитектура зданий и сооружений). Ведущей и выпускающей архитекторов является кафедра архитектурного проектирования.

Изучение городской ткани, объектов культурного наследия осуществляется планомерно, системно и комплексно, что способствует сохранению их своеобразия. Досконально изучается не только историко-архитектурная среда Нижнего Новгорода, но также малых и средних городов всего Нижегородского Поволжья. В последние десятилетия в Нижнем Новгороде и Нижегородской области восстанавливаются утраченные и реставрируются сохранившиеся исторические градостроительные акценты – храмы и монастыри. Наряду с контекстуализмом нижегородские архитекторы в своем творчестве обращаются к частичному историзму (т. е. соединению мотивов, приемов, характерных для стилей прошлых эпох, с современной архитектурой), и неотредактированному, не занимаясь при этом прямым копированием форм и деталей прошлого. В частности, проектируя в 1990-е годы в историческом центре, зодчие вдохновлялись знаковыми для города памятниками архитектуры начала XX века, выполненными в национальной версии модерна и неорусском стиле (разновидности ретроспективизма 1910-х годов). Город до сих пор сохранил отдельные яркие образцы русского зодчества разных исторических эпох. Переосмысление традиционных деталей и композиционных принципов построения архитектурных форм и их соединение их с современностью позволило нижегородским зодчим добиться смысловых связей с историческим контекстом. Таким образом, в Нижнем

^ Рис. 11. Офисное здание на ул. Варварской. Арх. В. Ф. Быков. 2006

^ Рис. 12. Офисное здание на ул. Белинского. Арх. А. А. Худин. 2005

в 1990-е годы возникла архитектура с живописными, многообъемными и пластичными формами, активным силуэтом, элементами декора древнерусской узорчатой архитектуры в рамках новой формально-стилевой системы постмодернизма, что привнесло в современную архитектуру Нижнего Новгорода определенные элементы театральности. Именно ретроспективизм (неорусский стиль) начала XX века, опирающийся на принципы модерна, стал источником вдохновения в конце XX века при создании самобытной, образной и контекстуальной архитектуры. Скульптурность, пластичность, цветонность, синтетичность, свойственные неорусскому стилю, привели к возрождению художественных начал в новейшей архитектуре. Среди них два банковских здания (рис. 3; 4), возведенные в 1996 г. одним авторским коллективом (арх. Е. Н. Пестов, А. Е. Харитонов при участии И. Н. Гольцева и С. Г. Попова, худ. Г. И. Курицина) были удостоены высокой государственной награды – Государственной премии России в области искусства за создание самобытной региональной нижегородской архитектуры. Эти здания вошли в число лучших построек России того времени. Академик А. В. Иконников точно характеризует поиски нижегородских зодчих: «Исторический город, принятый как парадигма единства, не только не исключает, но и предполагает развертывание различных систем формальных языков – как частичных образов памяти, различных методов формообразования. Этот подход и определяет, в конечном счете, лицо нижегородской школы, стремящейся создавать не только символические знаки, но и основу мифологии места» [2, с. 636].

В еще большей степени мотивы неорусского стиля проявились в архитектуре ряда культовых сооружений, возведенных на рубеже XX и XXI столетий, среди которых церковь в честь иконы Владимирской Оранской Божией Матери (рис. 5) (арх. А. А. Худин; 2005), церковь в честь Казанской иконы Божией Матери у подножия кремлевского холма (рис. 6) (арх. Е. Н. Пестов, Н. Н. Пестова; 2012) и др. Мотивы неорусского стиля оказались вновь востребованы с целью воссоздания своеобразного архитектурного облика древнего русского города.

Нижегородские «<...>» архитекторы в эпоху постмодернизма стремились вернуть в город Красоту, сохранить

его Историю, возродить его исторические и культурные ценности и Традиции. Это был период становления и расцвета современной региональной нижегородской школы, которая получила всероссийское признание за свой профессионализм, за воплощение идей контекстуализма и внимательное отношение к исторической среде и наследию, а также за развитие исторического центра города. Этот период не случайно называли «эпохой Возрождения» в нижегородской архитектуре, в архитектуре одного из древнейших среди поволжских городов «<...>». Нижегородские архитекторы проявили дань уважения к прошлому» [10, с. 210].

В настоящее время постмодернизм по-прежнему актуален и продолжает свое развитие в историческом центре города. Среди последних постмодернистских построек можно назвать гостиницу «Шератон» на Театральной площади (арх. Е. Н. Пестов, Е. О. Рыбин; 2017) (рис. 7), Дом правительства в Нижегородском кремле (арх. А. А. Худин; 2019) (рис. 8) и др.

Параллельно с постмодернизмом профессиональное архитектурное сознание нижегородских архитекторов в начале XXI века в стилистическом плане все больше ориентируется на неомодернизм. Знаковым в переходе от постмодернизма к неомодернизму в Нижнем Новгороде стало здание второй очереди банка «Гарантия» (арх. А. Е. Харитонов, Е. Н. Пестов, Н. Н. Пестова; 1999), удостоенное Государственной премии России (рис. 9). Маятник предпочтений, как и в столичных городах, вновь склоняется к новационной линии развития архитектуры; идеалом вновь провозглашается минимализм в формообразовании. На новом витке развития науки, техники и компьютерных технологий российские архитекторы вновь обращаются к опыту западноевропейских коллег. Но в Нижнем Новгороде архитектурная практика в большей степени ориентирована на эпоху советского авангарда как основной источник вдохновения. Приоритетными остаются региональные особенности. Внимание сосредотачивается на композиционных приемах и принципах, характеризующих контекст. Нижегородские архитекторы представляют свои авторские вариации на тему новейшего модернизма. Но при этом архитекторы не отвергают достижения 1990-х: диалог с конкретным местом, с про-

< Рис. 13. Торговый центр «Сити» на ул. Фильченкова. Арх. Е. Н. Пестов, А. И. Зеляев и др. 2003

шлым, с историей (т. е. методы нижегородского контекстуализма) не забыты. Примером служит офисное здание у сквера «Черный пруд» (арх. Б. Г. Тарасов, 2008) (рис. 10.) Новый конструктивизм в рамках неомодернизма получил больше степеней свободы в вопросах формообразования, в нем отсутствует прежний программный аскетизм и функционализм: больше внимания уделяется пластике фасадов за счет придания им слоистости, наложения структурных сеток с мелкой перфорацией оконными проемами. Таким образом архитектура современных зданий адаптируется к историческому контексту, например, офисное здание на ул. Варварской (арх. В. Ф. Быков; 2006) (рис. 11). Формообразование в нижегородской архитектуре вновь строится на комбинаторике простых геометрических фигур (офисное здание на ул. Белинского (арх. А. А. Худин, 2005) (рис. 12). В перечне средств художественной выразительности неоконструктивизма оказываются и цвет, и детали, то есть восполняется тот пробел, который существовал в начале XX века.

В современных постройках бетонная поверхность порой приобретает свойство полотна для архитектора-художника, который создает цветные композиции в виде своеобразных геометрических абстракций, суперграфики, картин и панно. На окраинах города в новых микрорайонах, жилых комплексах и жилых группах появляется полихромия, составляющая одну из особенностей современного этапа архитектуры новейшего времени. В Нижнем Новгороде встречаются жилые и общественные здания, фасады которых напоминают абстрактные художественные поиски неопластицистов голландской группы «Де Стил» 1920-х годов во главе с П. Мондрианом, но они художественно переосмыслены нижегородскими зодчими. Так, фасады торгового центра «Сити» на ул. Фильченкова (арх. Е. Н. Пестов, А. И. Зеляев и др.; 2003) (рис. 13) имеют композицию фасада в виде модульной сетки, которая заполнена цветными прямоугольниками. Объемные композиции зданий освобождаются от исторического декора. Примером является здание торгового центра «Этажи» на ул. Белинского (арх. В. Ф. Быков, А. М. Сазонов, Д. М. Слепов, В. В. Никишин; 2002) (рис. 14). В союзе неомодернизма и деконструктивизма в Нижнем в начале XX века появилось уникальное

для города здание-скульптура на ул. Б. Печерской (арх. Е. Н. Пестов, А. Н. Каменюк; 2017), контрастирующее с историческим окружением, но взаимодействующее на уровне колористики с соседним известным постмодернистским объектом (рис. 15).

Можно сказать, что, как и прежде, «<...> нижегородская школа не потеряла конструктивную роль эстетического. Эстетическое принимается ею не как украшение, а как система закономерностей, которая вносит высший порядок в пространство, позволяя решать сложнейшие, комплексные проблемы архитектуры» [11, с. 4]. В настоящее время в Нижнем Новгороде можно говорить об одновременном сосуществовании архитектуры, относящейся ко всем трем линиям развития: традиционной, новационной, (рационалистической) и синтетической [12, с. 77], что соответствует сложившейся традиции, которая всегда заключалась в соединении различных стилей в городской ткани, что и способствует созданию пестрой, многоликой и разнообразной среды многовекового города.

Исследование показывает, что архитектура Нижнего Новгорода представляет собой весьма примечательное явление в истории отечественной архитектуры XX века, она обладает сходством и вариабельностью архитектурных стилей, проявляющихся во влияниях, заимствованиях и отступлениях от столичных и зарубежных образцов, и имеет свои стилистические особенности, определяемые местной спецификой. Формируясь в русле развития российской архитектуры, региональная нижегородская архитектура своеобразно отражает практически все стили или тенденции, но при этом произведения характеризуются чертами исторического контекста, а порой и осознанной фольклоризацией и регионализацией, что проявляется прежде всего в архитектурных формах и декоре, и способствует в конечном итоге индивидуализации образов. Установка на конкретное, местное и своеобразное является характерной чертой нижегородской архитектуры конца XX – начала XXI вв.

Нижегородская архитектурная школа обладает высокопрофессиональными кадрами, большим творческим и научно-исследовательским потенциалом. Сохраняется и преемственность в отношении заложенных практических начал архитектурного образования. Как и в период

^ Рис. 14. Торговый центр «Этажи» на ул. Белинского. Арх. В. Ф. Быков, А. М. Сазонов, Д. М. Слепов, В. В. Никишин. 2002

его становления, практикующие архитекторы постоянно работают на кафедре архитектурного проектирования преподавателями и совместителями. Большинство из них, кроме того, обладают учеными степенями и званиями. Это также позволяет стабильно добиваться высоких результатов на ежегодных международных смотрах-конкурсах выпускных квалификационных работ по архитектуре и на международных фестивалях «Зодчество». В 1990 годы «<...> члены кафедры стали частью таких архитектурных и общественных структур, как областной и городской градостроительный совет, координационный совет при УАГ города, правление Союза архитекторов, экспертный Совет при Управлении по охране и использованию историко-культурного наследия областной администрации, они стали участвовать во всех важнейших архитектурных событиях города. В результате, сформировалось единое творческое профессиональное интеллектуальное поле – полноценная «<...> нижегородская архитектурная школа. Кафедра и университет приобрели славу одной из ведущих архитектурных школ России» [5, с. 113]. Сейчас ННГАСУ продолжает оставаться основой кадрового потенциала города, его взаимодействие с различными структурами постоянно расширяется (рис. 16).

«Обращение к традициям, к местному своеобразию зачастую по-прежнему рассматривается как провинциализм и отсталость от идей интернационализации, свойственной идеологии модернизма в архитектуре второй половины XX века», – писал академик архитектуры В. Л. Хайт в конце 1980-х годов [13, с. 109]. В отличие от этой точки зрения отдельные критики продолжают высказывать сомнения и скепсис относительно региональных архитектурных школ и наличия своеобразия этих архитектур. Они причисляют их к второсортным явлениям, сравнивая со столичными или европейскими образцами. Но для региональных архитектур, с нашей точки зрения, необходима иная шкала определения ценностей, т. к. регионы не имеют финансовых возможностей для создания уникальных архитектурных произведений. В 1990-е годы эта ситуация изменилась, когда на смену нивелирующему влиянию советского модернизма пришел постмодернизм, на новом уровне взаимодействующий с историей, традициями и вернакуляром; это привело к изменениям в отношении к региональным архитектурам, которые по-

лучили новый творческий импульс. Региональные архитектуры сегодня являются полноценными составляющими отечественной архитектуры и порой ярко дополняют общую картину истории новейшей архитектуры, опираясь на симбиоз традиций и новаторства.

Детальное изучение региональных архитектурных школ России и сравнительный анализ их опыта позволит обогатить наше представление об их особенностях, о том, каким образом решается одна из важных теоретических проблем архитектуры – проблема взаимосвязи традиций и новаторства в новейшей отечественной архитектурной практике.

Литература

1. Орельская, О. В. Актуальные вопросы изучения новейшей отечественной архитектуры // *Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли РФ* : научные труды РААСН. – Москва, 2018. – Т. 1. – С. 149–156
2. Иконников, А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность : в 2 т. – Москва : Прогресс-Традиция, 2002. – Т. 2. – 672 с.
3. Орельская, О. В. Архитектурный дуэт: Александр Харитонов и Евгений Пестов. Мастера нижегородской архитектуры. – Н. Новгород : изд-во Бегемот, 2001. – 224 с.
4. Фесенко, Д. А. Александр Харитонов – Евгений Пестов: у истоков региональной школы // *Архитектур. вестн.* – 1994. – № 3. – С. 16–30
5. Худин, А. А. Кафедра архитектурного проектирования ННГАСУ в годы перестройки (к 50-летию Архфака) (тезисы доклада) // *Международн. конгресс «Великие реки-2016»*. Труды конгресса. – Н. Новгород, ННГАСУ, 2016. – Т. 3. – С. 112–115
6. Дженкс, Ч. А. Язык архитектуры постмодернизма / Пер. с англ. А. В. Рябушина, М. В. Уваровой; под ред. А. В. Рябушина, В. Л. Хайта. – Москва : Стройиздат, 1985. – 136 с.
7. Худин, А. А. Эkleктика : стили в архитектуре Нижнего Новгорода. – Н. Новгород : 000 «Бегемот НН», 2018. – 454 с.
8. Боков, А. В. Архитектор Владимир Павлов // *Проект Байкал.* – 2010. – № 26. – С. 29–30
9. Зайцев, А. А. Принципы контекстуализма в архитектуре // *Известия КГАСУ.* – 2013. – № 2 (24). – С. 46–50
10. Орельская, О. В., Худин, А. А. Постмодернизм. – Н. Новгород : 000 «Бегемот НН», 2019. – 240 с.
11. Иконников, А. В. Вступительное слово. // Александр Харитонов и современная нижегородская архитектурная школа. Академические чтения (Москва, февраль, 2001) – Н. Новгород : ННГАСУ, 2001. – С. 3–4
12. Орельская, О. В. Стилистические концепции в рамках неомодер-

▲ Рис. 15. Административное здание с подземной автостоянкой на ул. Б. Печерской. Арх. Е. Н. Пестов, А. Н. Каменюк. 2017

низма в Нижегородской архитектуре конца XX – начала XXI вв. // Архитектура и строительство России. – 2018. – № 1 (225). – С. 70–77
 13. Хайт, В. Л. Генезис культурной самобытности в профессиональном зодчестве // История архитектуры. Объект, предмет и метод исследования : сборник науч. трудов ВНИИТАГ. – Москва : ЦНИИП градостроительства, 1988. – С.109–115

References

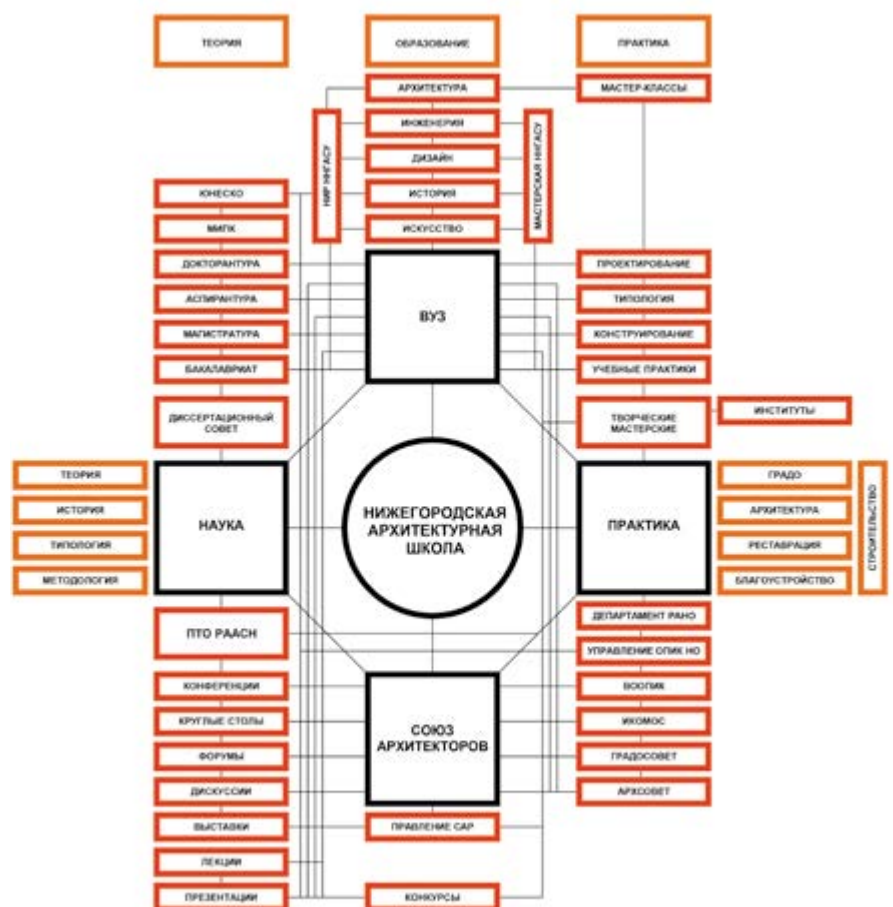
Bokov, A. (2010). Vladimir Pavlov. Project Baikal, 7(26), 28-31. doi:10.7480/projectbaikal.26.154
 Fesenko, D. A. (1994). Alexander Kharitonov – Eugeny Pestov: u istokov regional'noi shkoly [Alexander Kharitonov – Eugeny Pestov: at the origins of the regional school]. Arkhitektur. Vestn, 3, 16-30.
 Ikonnikov, A. V. (2001). Vstupitel'noe slovo [Introductory speech]. In Aleksandr Kharitonov i sovremennaia nizhegorodskaiia arkhitekturnaia shkola. Akademicheskie chteniia. (Moscow, February, 2001, pp.3–4). N. Novgorod: NNGASU.
 Ikonnikov, A. V. (2002). Arkhitektura XX veka. Utopii i realnost: v 2 t. [Architecture of the XXth century. Utopias and reality: in 2 vols]. Vol.2. Moscow: Progress-Traditsiya.
 Jencks, Ch. A. (1985). Iazyk arkhitektury postmodernizma [The language of post-modern architecture] (A. V. Riabushin, & M. V. Uvarova, Trans.; A. V. Riabushin, & V. L. Khait, Eds.). Moscow: Stroiizdat.
 Khait, V. L. (1988). Genезis kul'turnoi samobytnosti v professional'nom zodchestve [Genesis of cultural identity in professional architecture]. Sb.nauch.trudov VNIITAG "Istoriia arkhitektury. Ob"ekt, predmet i metod issledovaniia". Moscow: TsNIIP gradostroitel'stva, 109–115.
 Khudin, A. A. (2016). Kafedra arkhitekturnogo proektirovaniia NNGASU v gody perestroiki (k 50-letiiu Arkhfaka) (teziy doklada) [NNSUAC Department of Architectural Design during the perestroika period (on the occasion of the 50th anniversary of the Architectural Department) (report theses)]. In Mezhdunarodn. kongress "Velikie reki-2016". Trudy kongressa. (Vol. 3, pp. 113–115). N. Novgorod: NNGASU.
 Khudin, A. A. (2018). Eklectika (stili v arkhitekture Nizhnego Novgoroda)[Eclecticism (the styles in architecture of Nizhny Novgorod)]. N. Novgorod: 000 "Begemot NN".

Orel'skaya, O. V. (2001). Arkhitekturnyi duet: Alexander Kharitonov i Eugeny Pestov. Mastera nizhegorodskoi arkhitektury [An architectural duet: Alexander Kharitonov i Eugeny Pestov. Masters of Nizhny Novgorod architecture]. Nizhny Novgorod: izd-vo Begemot.
 Orel'skaya, O. V. (2018a). Aktualnye voprosy izucheniya noveishei otechestvennoi arkhitektury [Important issues of studying contemporary national architecture]. In Fundamentalnye, poiskovyie i prikladnye issledovaniya RAASN po nauchnomu obespecheniyu razvitiya arkhitektury, gradostroitel'stava i stroitel'noi otrasli RF: nauchnye trusy RAASN (Vol. 1, pp. 149-156). Moscow.
 Orel'skaya, O. V. (2018b). Stilisticheskie kontseptsii v ramkakh neo-

modernizma v Nizhegorodskoi arkhitekture kontsa XX-nachala XXI vv [Stylistic concepts in the frameworks of Neomodernism in Nizhny Novgorod architecture of the late XX – early XXI centuries]. Arkhitektura i stroitel'stvo Rossii, 1(225), 70–77.

Orel'skaya, O. V., & Khudin, A. A. (2019). Postmodernizm. N. Novgorod: 000 "Begemot NN".
 Zaitsev, A. A. (2013). Printsipy kontekstualizma v arkhitekture [The principles of contextualism in architecture]. Izvestiia KGASU [Kazan. gos. arkhitektur.-stroit. un-t], 2(24), 46–50. Kazan.

▼ Рис. 16. Схема. Региональная нижегородская архитектурная школа

После восстановления независимости в Армении начался процесс формирования национальной государственности. Академик Таманян разработал выражающий национальную идею генеральный план столицы Еревана и основанный на синтезе классических и национальных форм архитектурный язык. Параллельно начинается развитие авангардных форм. В период «оттепели» формируется второй армянский модернизм, для которого характерным вновь становится стремление к языку современной архитектуры композиционных и пространственных принципов армянской архитектуры. Ключевые слова: армянская архитектура; академик Таманян; национальная архитектура; модернизм; генплан Еревана. /

After the restoration of independence of Armenia, the process of formation of national statehood started. Academician Tamanyan worked out a master plan for Yerevan that conveyed the national idea and an architectural language based on the synthesis of classical and indigenous forms. Alongside this, the development of avant-garde forms started. The "thaw" period witnessed the emergence of the second Armenian modernism, which was again aimed at the language of contemporary architecture with compositional and spatial principles of Armenian architecture.

Keywords: Armenian architecture; academician Tamanyan; national architecture; modernism; Yerevan master plan.

Архитектура Армении в поисках национальной формы / Armenian architecture in search of its indigenous form

текст
Карен Бальян /
text
Karen Balyan

В архитектуре Армении на протяжении всего XX века происходил процесс поиска национальной формы, двумя парадигмами которого являлись авангард и традиция.

В Армении, как и во многих странах, примерно 100 лет тому назад, после окончания Первой мировой войны и происшедших по ее результатам глобальных изменений, началось новое развитие в архитектуре.

В стране, архитектура которой насчитывала века и тысячелетия, вставал вопрос, как двигаться: вперед, со всем миром, или сохранять свои традиции?

Армения 1918 года на большей части своей исторической территории – опустошенная страна, население

убито и изгнано. И сохранилось множество памятников – блистательных примеров архитектурного искусства прошлого. Ситуация похожа на то, что здесь была использована нейтронная бомба до ее изобретения. Локальную такую картину сейчас можно наблюдать на пространстве города Ани – армянской средневековой столицы.

Свидетельства величия национального духа, его взлета, памятники – это и традиция, притягивающая к себе как магнит, не позволяя оторваться от корней, совершить рывок вперед.

Почти уничтоженный народ создавал себе пространство, где в первую очередь он сам должен был себя узнавать. Охранная национальная идея, выражающаяся в поиске национальной формы, становилась для профессии главной на последующие сто лет. Академик Таманян – первый, кто ответил на вопрос о будущем, стал строить город. Язык его архитектуры был основан на классических традициях, но идея города была обращена в будущее.

Академик Таманян

Переезд в 1919 году 41-летнего Александра Таманяна (Таманова) в Армению из Петрограда, где он – апологет неоклассицизма, в звании академика архитектуры занимал ведущие позиции среди деятелей культуры России, стал началом отсчета современного развития армянской архитектуры.

Его можно назвать периодом протомодернизма, имея в виду, что это было время формирования открытых в будущее идей академика Таманяна. Время старта модернизма с характерными для глобального стиля формами и декларациями будет сдвинуто примерно на десятилетие.

Главной задачей академика Таманяна было проектирование генерального плана столицы вернувшей независимость страны. Генплан академика Таманяна был, по существу, планом строительства нового города, и Ереван был «в начале списка» заново строящихся столиц XX века.

Первой задачей нового государства было обозначить свои главные приоритеты. Основным в генеральном плане являлось выражение идеи национальной государственности и исторической целостности национальной культуры.

^ Рис. 1. Арка Чаренца. 1957. Арх. Р. Израелян. Фото М. Меликсетян

> Рис. 2. Генеральный план Еревана. Вариант 1932. Арх. А. Таманян. Фото из архива бывшего музея А. Таманяна

^ Рис. 3. Летний зал кинотеатра «Москва». Ереван. 1966. Арх. С. Кнтехцян, Т. Геворгян. Фото из архива К. Бальяна

^ Рис. 4. Театр в Аштараке. Конец 1940-х. Арх. Ю. Яралов, рельефы выполнены по эскизам Р. Израеляна. Фото из архива К. Бальяна

Фигура архитектора Таманяна в реализации этой задачи стала ключевой.

Модель, которую принял за основу академик Таманян, была построена на соединении двух традиционных векторов развития культуры Армении – на векторе, направленном к новому развитию, и на векторе, направленном на сохранение многовековых традиций. В создании своей амбивалентной модели академик Таманян основывался на новейших исторических исследованиях: открытиях памятников прошлого как результате археологических раскопок академика Н. Я. Марра и архитектора Тороса Тораманяна средневековой армянской столицы Ани и опубликованном в Вене капитальном труде австрийского ученого Иозефа Стржиговского, обозначившем роль армян в строительной деятельности Европы [1]. Подобно мастерам Ренессанса, открывшим для себя Рим, Таманян открыл для себя Ани.

Таманян стал главным Мастером в современной архитектуре Армении, и все остальное развитие шло с оглядкой на него и на его архитектуру (включая и его оппонентов).

Генплан

В генеральном плане Еревана, построенном в виде модели «идеального города», были использованы распространенные в то время принципы планировки города-сада. По радикальному проекту Таманяна большая часть существовавшей застройки города должна быть снесена, и на ее месте построены трех-четырёхэтажные здания, образующие прямоугольную сетку кварталов. Частично сохранялась существующая схема улиц, но не постройки.

Ортогональная сетка была окружена кольцом бульваров, формально представляющим наиболее типичный элемент планировки города-сада. На двух центральных площадях возвышались здания-доминанты города – Дом правительства, символизирующий армянскую государственность, и театр (Народный дом) – символ национальной культуры. Главные здания города на плане соединялись диагональной осью, раскрывающей панораму города на колоссальную по масштабу гору Арарат, исторически являющуюся для армян национальным символом, центром армянского мира. Важнейшим идеологи-

ческим аспектом плана являлось то, что Ереван строился как столица всего армянства, оказавшегося в результате геноцида рассеянным по всему миру.

Застройка генплана организовывалась на основании классических принципов ансамблевого градостроительства, подчиняясь строгим канонам зонирования (периметральная застройка, регулируемая по высоте). Спроектированные самим Таманяном два главных здания города были построены уже после его смерти. Дом правительства и театр относятся к высшим достижениям армянской архитектуры XX столетия.

Генеральный план Еревана был утвержден в апреле 1924 года правительством уже Советской Армении после того, как Таманян вернулся из персидской эмиграции (1921–1923). Для реализации генерального плана Таманяном из России был приглашен Николай Буниatian, занявший должность главного архитектора Еревана.

Реализация генплана академика Таманяна, несмотря на существенные отклонения от заложенных в нем принципов, на протяжении всего XX столетия способствовала идее консолидации нации.

ВХУТЕМАС. Первый модернизм

Старт и первого, и второго модернизма в Армении несколько сдвинут во времени по отношению к происходившему, в первую очередь, в Москве, откуда эти процессы были инициированы; первый – из стен ВХУТЕМАСа, второй – из кремлевского зала заседаний.

ВХУТЕМАС (с 1926 ВХУТЕИН) закончили четверо архитекторов-армян: в 1928-м Тиран Еркянян, в 1929-м Каро Алабян, Геворг Кочар и Микаэл Мазманян, которые внесли значительные изменения в ход развития армянской архитектуры. Алабян, Кочар и Мазманян вошли в мировую историю архитектуры как авторы национального варианта модернистской архитектуры [2, с. 599–604]. Все трое ярко проявили себя в годы студенчества, обучаясь у лидеров русского авангарда Николая Ладовского, Александра Веснина, Николая Докучаева; тогда же начали и практическую деятельность в Армении (с 1927) [3].

В Армении авангардисты, в первую очередь Каро Алабян, обладавший, помимо архитектурного таланта, выдающимися организаторскими способностями, в короткие

^ Рис. 5. Аэропорт «Звартноц». Ереван. 1980. Арх. А. Тарханян, С. Хачикян, Л. Черкезян, Ж. Шехлян. Фото из архива К. Бальяна

^ Рис. 6. Мемориальный комплекс геноцида армян (Цицернакаберд). Ереван. 1965–1967. Арх. А. Тарханян, С. Калашян. Фото из архива К. Бальяна

сроки сформировали крупную проектную организацию в Ереване – Гипрогор. В основу деятельности авангардистов была положена идеология созданного в Москве ВОПРА (Всероссийского объединения пролетарских архитекторов). Алабян и Мазманян – главные идеологи новой архитектуры в Армении; вокруг них сгруппировались и первые выпускники-архитекторы Ереванского университета, создав собственную организацию – ОПРА Армении.

Уже на первоначальном этапе авангардистами были спроектированы интереснейшие здания, значение которых выходило за границы исключительно армянской архитектуры – «шахматный» дом в Ереване (Алабян, Мазманян), поселок в Кафане (Мазманян). Используя арсенал новейших (конструктивистских) форм, армянские авангардисты создали архитектуру первого армянского модернизма, построенную на местных традициях, как они подчеркивали – традициях народной архитектуры (что отвечало обозначенной идеологии «пролетарской» архитектуры) [4].

Армянский модернизм говорил «да» традиционным идеям организации архитектуры и «нет» – ее традиционным формам.

В 1929 и 1930 годах «пролетарские» архитекторы активно противостояли принципам академика Таманяна, остро критикуя идеи города-сада в генеральном плане Еревана как устаревшие, а «неоармянский» язык его архитектуры как «клерикальный». Однако, за исключением небольших жилых кварталов в Ереване и планов нескольких поселков, масштабной альтернативной градостроительной модели, соизмеримой с генпланом академика Таманяна, «пролетарские» архитекторы не представили.

Архитектура авангарда активно развивалась, влияние ее форм было настолько сильным, что ему поддавался и неоклассик Н. Буниатян. Лишь Таманян продолжал оставаться непримиримым противником языка модернистской архитектуры. Благодаря поддержке руководителей Армянской ССР Саргиса Лукашина и Арамаиса Ерзнкяна осуществлялась реализация генерального плана Еревана. В конце 1930 года состоялась закладка самого амбициозного его здания – двухзального театра (Нардома).

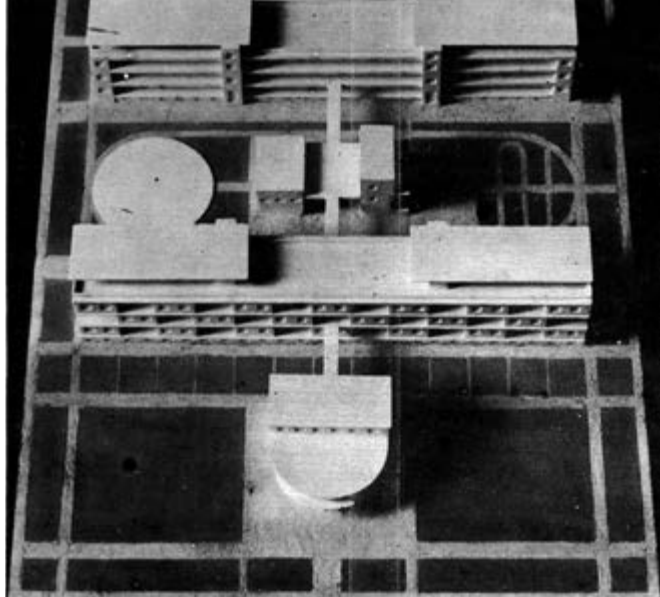
После объявления в 1931 году результатов первого тура открытого конкурса на Дворец Советов в Москве

(в конкурсе принял участие и Каро Алабян, переехавший из Армении в Москву) и последовавшего апрельского Постановления 1932 года неблагоприятное для модернистов изменение направленности развития советской архитектуры вернуло академику Таманяну архитектурное лидерство в Армении.

1932 год

Выраженная в Постановлении идеология предопределяла формы «фасада» сталинского государства в соответствии с тезисом «социалистической по содержанию и национальной по форме» архитектуры. Язык архитектуры академика Таманяна оказался соответствующим декларируемым догмам соцреализма.

В контекст проводимой национальной политики вписывалось и строительство новой столицы советской республики. Советская идеология использовала тот факт, что генплан был утвержден в 1924 году правительством Советской Армении, оставив за скобками то, что возникновение генплана было идеей Первой республики и в основу его были положены принципы независимой национальной государственности. Несмотря на опровергающие аргументы [5, с. 162–167], эта мифологема все еще существует в истории архитектуры. После 1932 года оппоненты академика Таманяна армянские авангардисты в условиях усиливающегося давления пытались найти новые формы, способные примирить язык их модернистской архитектуры с идеологическими догмами сталинского тоталитаризма. Армянский авангард, снизив накал радикализма, приобрел формы симметрии, «оделся» в традиционный камень и украсился стилизованными формами классической архитектуры, войдя в пятилетний период обозначенного Хан-Магомедовым времени «постконструктивизма». Несколько мастерски замысленных зданий было построено в Ереване – Универмаг (А. Агаронян, Г. Кочар, М. Мазманян, О. Маргарян), здание комитета госбезопасности (Г. Кочар), кинотеатр (Т. Еркянян, Г. Кочар), гостиница «Севан» (Н. Буниатян) и горсовет в Ленинакане (Г. Кочар). Их композиции смоделированы с использованием синкретического принципа академика Таманяна; однако основой является вхутемасовская пропедевтическая компоновка объемно-пространственного

^ Рис. 7. Макет дома-коммуны для работников ЭрГЭС-1 в Ереване. 1931–1932. Арх. К. Алабян, М. Мазманян. Фото из архива семьи М. Мазманяна

^ Рис. 8. Кафе на Кольцевом бульваре в Ереване. 1964. Арх. Ф. Дарбинян, Ф. Акопян. Фото из архива К. Бальяна

решения. Но язык внешних форм построен на классических стилизациях, в отдельных случаях трансформируясь в стилистику, отдаленно напоминающую формы ар-деко.

В моделях генпланов крупных городов Ленинакана (совр. Гюмри) и Кировакана (совр. Ванадзор), спроектированных М. Мазманяном, использованы классические элементы, недвусмысленно обращенные к отдельным сюжетам таманяновского плана Еревана.

Два первоклассных мастера: Микаел Мазманян и Овик Маргарян в своей последней попытке сохранить себя в профессии (и в жизни) проектируют откровенно классический Дом книги в Ереване с торжественной ордерной колоннадой. Однако индугенция, позволившая продолжать работу, оставаясь на свободе, была выдана только одному О. Маргаряну; участь М. Мазманяна оказалась совершенно иной.

Гильотина

Вполне успешные попытки бывших авангардистов приспособиться к догмам апрельского Постановления 1932 года не оградили их от репрессий Большого террора. В 1937 году на армянскую архитектуру опустилась сталинско-бериевская гильотина. Три ведущих архитектора – авангардисты Микаел Мазманян и Геворг Кочар, а также работавший как в неоклассическом, так и в модернистском направлениях Николай Буниатян оказались в казематах здания ереванской ГБ, незадолго до этого построенного по проекту Геворга Кочара. Произошло это спустя полтора года после смерти академика Таманяна (20 февраля 1936 года).

Буниатян, занимавший на момент ареста должность главного архитектора Еревана, был выпущен из тюрьмы по ходатайству высокопоставленного сановника, но сломленный физически и морально, вскоре умер, уже не вернувшись к активному проектированию. Мазманян и Кочар были арестованы в 1937 году, осуждены на длительные сроки лагерей, и сделано это было, видимо, в соответствии с имеющимся глобальным планом освоения северных территорий: оба были отправлены за Полярный круг проектировать и строить новые города Норильск и Дудинку в архитектурной «шарашке».

Арест трех лидеров армянской архитектуры фактически обезглавил весь архитектурный процесс в республи-

ке. Арестованные архитекторы являлись руководителями архитектурных мастерских, где выполнялся весь объем проектной работы в Армении. Мастерская академика Таманяна, в свою очередь, распалась вскоре после его кончины.

Новыми лидерами армянской архитектуры стали первые выпускники архитектурного факультета ереванского университета: Ованес Маргарян, Самвел Сафарян и Марк Григорян. Последний займет пост главного архитектора Еревана и реализует новый генеральный план города в соответствии с идеологией сталинского тоталитаризма.

Отказ Таманяну

После смерти Таманяна и ареста главного архитектора столицы Буниатяна в идеологии градостроительства Армении произошли коренные изменения. Генеральный план Еревана был переформатирован с позиций сталинского тоталитаризма. Была перекрыта перспектива с главной площади на Арарат, из композиции Дома правительства был убран многогранный доминирующий объем, в результате чего площадь во многом утратила значение символа армянской государственности. Взамен на пространстве вне генплана Таманяна был создан новый административный и общественный центр с главным зданием коммунистической партии (М. Григорян). Решенный в традиционных классических формах с выступающей центральной частью и боковыми ризалитами партийный дворец, поставленный на выгодном возвышении, был, однако, обращен к Арарату задним фасадом и сориентирован на новую городскую магистраль. Взаимосвязанные, демократически открытые пространства плана Таманяна – Кольцевой бульвар, пространство вокруг театра, Главный проспект – были раздроблены и перекрыты непредусмотренными генпланом зданиями. Диагональная ось, объединяющая доминанты Дома правительства и театра, была ликвидирована. Арарат, на который по замыслу академика Таманяна раскрывались главные ансамбли Еревана, был фактически выключен из его пространственной композиции.

Окончательным аккордом в изменениях национального характера плана стала установка по оси проспекта Сталина на окаймляющей город северной возвышенности монумента Сталина, развернув перспективу развития

> Рис. 9. Народный дом (Оперный театр) в Ереване. Проект южного фасада. 1930. Арх. А. Таманян. Фото из архива бывшего музея А. Таманяна

Opera in Yerevan. A. Tamanyan. 1930. Plan

композиции города в противоположную от Арарата сторону. Так генеральный план Еревана академика Таманяна – главное достижение в армянском градостроительстве новейшего времени – будет трансформирован из национального в тоталитарный. Под все эти действия была подведена идеологическая база: в адрес академика Таманяна прозвучали обвинения в буржуазности, а его план обозначен как националистический.

Архитектура соцреализма и Таманян

Несмотря на жесткие нападки 1937 и 1938 годов, имя Таманяна ошельмовано не было; с уменьшением накала Большого террора обличительные выступления прекратились, риторика сменилась на признание заслуг архитектора. В 1942 году академик Таманян за архитектуру Дома правительства Армянской ССР, основной объем которого к этому сроку был возведен, удостоился Сталинской премии второй степени. Таманян «получил» это звание лауреата посмертно, спустя шесть лет после кончины, в тяжелый период войны и несмотря на факты нелояльности к советской власти, «расстрельные» для советской системы обвинения в национализме и связях с дашнакским правительством. Однако полностью принципы национального плана ликвидированы не будут, и в дальнейшем столица будет развиваться по двум принципиальным схемам; роль каждой из них будет возрастать или уменьшаться в зависимости от политической конъюнктуры.

Причиной того, что советская власть простила Таманяну его прошлое, было то, что в архитектуре Дома правительства советская власть увидела те формы и принципы, которые могла использовать как эталон собственной догматической формулы «социалистическая по содержанию, национальная по форме» архитектура.

Как по иронии, архитектурный язык Таманяна, основанный на синкретизме мировой классики и национальной архитектурной традиции и выражающий идею национального возрождения, был представлен как интернациональный, подходящий для использования в архитектуре различных советских республик. «...» творческие принципы [Таманяна] «...» (сочетание композиционных приемов классики с национальными традиционными архитектурными формами и декором)

оказали в 30-е годы большое влияние на архитектуру и других республик» [2].

Дом правительства оказался тем выдающимся произведением архитектурного искусства, которое сталинские идеологи превратили в икону соцреализма. Следует отметить, что важным в этом совершенно противостественном для архитектуры Таманяна факте было то, что в процессе реализации из проекта здания была убрана его важнейшая часть – выступающий в центре барабан, который, доминируя над городом и составляя целое со второй доминантой – зданием театра, обозначал направление раскрытия пространства города на Арарат, т. е. выражал национальную идею – основную в архитектурной модели Таманяна. Таким образом, архитектура Таманяна была определена как национальная исключительно по форме, а национальное ее содержание выведено за скобки советской архитектурной теории. За архитектурой Таманяна будет закреплен штамп, соответствующий догматике советской идеологии. В Армении архитектура Таманяна формально, без углубления в ее суть, будет канонизирована, ей будет приписано некое национальное витрувианское значение. В соответствии с этим армянской архитектуре в целом будет присвоено определение «школы Таманяна», а многие подражатели и эпигоны бесосновательно присвоят себе «звание» «учеников Таманяна».

Отсутствие четкой границы между национальным смыслом архитектуры академика Таманяна и национальной формой его подражателей в большинстве теоретических работ приведет к глубоким деформациям в градостроительстве и языке архитектуры новых эпигонов уже XXI века.

Розовый город

Туф – податливый и эффективный в строительстве камень. Его много в Армении, и архитектура 1940–1950-х целиком из туфа, в основном розово-фиолетовых оттенков.

Города Армении, главным образом, конечно, столы, выстраивали фасад национальной архитектуры из колонн, арок, фронтонов, обильно присутствующего орнамента – своеобразное обращение к архитектурным деталям как к этнографическим артефактам. Архитектура «национальная по форме» встраивалась в общий ряд сталинской национальной политики как, например, создание этнографического музыкального ансамбля. При этом всякая национальная идея строжайше пресекалась как националистическая.

Миф о счастливой жизни за фасадами из розового камня, покрытыми резным каменным декором, оказался настолько жизненным, что спустя десятилетия в него продолжают верить, и сегодня тиражируя подобные решения в новейших постройках Еревана.

Карандаш архитектора и резец мастера соединились в общее понятие ремесла: рассказывали, что главный Мастер посттаманяновского времени Рафо Исраелян вырисовывал сложный орнамент на самом блоке камня, соединяясь в процессе его создания с мастером-каменщиком.

Ремесло сочетает уникальность с тиражированием: «школа» многократно повторяла синтаксис языка Таманяна, воспроизводя детали Дома правительства. При этом, несмотря на идеологическую скованность сталинского времени, в армянской архитектуре появилось довольно много высокохудожественных сооружений: постройки С. Сафаряна, О. Маргаряна, Марка Григоряна, Г. Агабабяна, З. Бахшиняна, Георгия Таманяна, О. Акопяна. Тоталитарная архитектура допускает аранжировки средневековых форм, называя их национальными, но идей национальных не допускает совершенно. Ансамблевость, строгое зонирование квартальной застройки под единый карниз демонстрируют силу власти, но не им-

^ Рис. 10. Мемориал памяти воинов-героев освободительной войны 1918 г. в Баш-Апаране. 1970-е. Арх. Р. Израелян, А. Израелян. Фото из архива К. Бальяна

^ Рис. 11. Арка Чаренца. Ереван. 1957. Арх. Р. Израелян. Фото М. Меликсетян

провизации свободного творчества. Главным ансамблем времени становится носящая имя Ленина центральная площадь Еревана, застывшая в своей тоталитарной симметричности. Идеи национального возрождения, выраженные в виртуозной асимметричной пространственной композиции академика Таманяна, будут забыты, но имя Таманяна в соавторстве с архитекторами следующего поколения будет закреплено за площадью новым официальным решением: в 1970-м постоттепельном году государственная премия Армении за ансамбль площади Ленина в Ереване присуждена придумавшему его академику Таманяну (естественно, посмертно) и группе архитекторов следующего поколения, по-своему его воплотившему.

Новый главный мастер

Самой главной фигурой, новым Мастером послевоенного времени стал Рафо Израелян. Он начал работу в Армении в год смерти Таманяна после завершения учебы в Ленинграде. Начав работать с Кочаром в постконструктивистский период над зданием винного комбината в Ереване, вскоре после ареста Кочара он продолжил самостоятельно проектирование этого сооружения, проявив незаурядный талант. Израелян в своих проектных и текстовых высказываниях выражал идею сохранения преемственности национальной традиции, что дало основание считать его продолжателем Таманяна. Однако язык архитектуры Израеляна принципиально отличался от языка архитектуры академика Таманяна. Метод Израеляна не был синкретичен, как метод Таманяна, соединяющего классическую композиционную основу европейской архитектуры с языком форм армянской архитектуры (за исключением фасадов винного комбината с классическими пилястрами). Метод Израеляна был аутентичным: он уходил в прошлое к великим зодчим средневековья (подобно тому, как И. В. Жолтовский уходил в эпоху итальянского Ренессанса). Он владел языком их архитектуры, но выражался по-своему, из прошлого обращаясь к современности. И если язык архитектуры Таманяна был синкретичным, язык Израеляна был органичным. Органичность языка выражалась в камне, связанном с национальным ландшафтом подобно тому, как связаны с ним

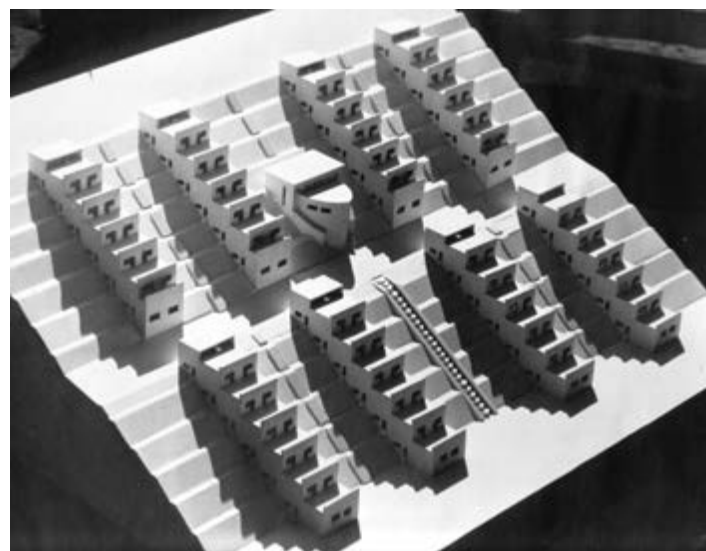
< Рис. 12. Баптистерий в Эчмиадзине. Нач. 2000-х. Фрагмент входа. Арх. Дж. Торосян, Р. Джулакян. Фото из архива К. Бальяна

в неразделимое целое каменные формы средневековых мастеров. Ведь строительный материал Армении – природный камень, он в буквальном смысле вынут из слоев ландшафта, и в этом смысле сооружение становится продолжением ландшафта.

Примером аутентичной органической архитектуры Рафо Израеляна является его известная постройка – Арка Чаренца, или Арка Арарата – небольшое кубовидное сооружение на холме, в арку которого вписаны обе главы горы Арарат. Аутентизм Израеляна стал противопоставлением распространенному в сталинский период эпигонству и стилизации и не соответствовал канонам

^ Рис. 13. «Шахматный» жилой дом в Ереване. Нач. 1930-х. Арх. К. Алабян, М. Мазманян. Фото из архива семьи М. Мазманяна

^ Рис. 14. Рабочий поселок в Кафане. Макет. 1929. Арх. М. Мазманян. Фото из архива семьи М. Мазманяна

соцреализма. Позже его постройки под влиянием модернистского окружения (язык модернизма оказался чужд Израеляну подобно тому, как был чужд конструктивистский язык архитектуры Таманяну) приобрели формы своеобразного пограничного характера между архитектурой и скульптурой. Израеляну было поручено сложное как в профессиональном, так и в идеологическом смысле задание – постамент монумента Сталина. Композиция, соединяющая идеи армянской архитектуры (как прообраз – знаменитая двухъярусная церковь монастыря Нораванк) и ступенчатый стилобат иофановского Дворца, украшенная неповторимой резьбой, была достойна мастерства

зодчего и каменщика средневековья. За архитектуру монумента Израелян получил Сталинскую премию, но в академии архитектуры принят не был (кажется, даже не был номинирован). Можно предположить, что причиной непринятия такого Мастера, выполнившего идеологический заказ, была его архитектура, не вписывающаяся в каноны соцреализма.

1955 год

Одновременно с хрущевской перестройкой в архитектуре начался процесс реабилитации и возвращения из лагерей незаконно репрессированных людей. Из Нориль-

> Рис. 15. Административное здание в Ереване. Фрагмент главного фасада. 1955. Арх. Г. Агабабян. Фото из архива К. Бальяна

ска вернулся и вновь начал работу в Армении Микаэл Мазманян. Спустя несколько лет вернулся и Геворг Кочар. Начинаясь новый этап в развитии армянской архитектуры – модернизм, второй после архитектуры конца 1920-х – начала 1930-х годов. На протяжении последующих примерно тридцати лет армянская архитектура второго модернизма в создании отдельных сооружений достигла такого же высокого уровня, как и в период первого модернизма конца 1920-х – начала 1930-х годов. Однако массово растрогаженная архитектура и некоторые градостроительные решения оказались далеко не столь высокого уровня.

Вместе с Мазманяном и Кочаром вернулись к принципам модернистской архитектуры и их прежние единомышленники, члены ОПРА Армении Сафарян, Маргарян, Бахшинян, все предыдущие годы проектировавшие в навязанном им псевдоисторическом направлении. Процесс возвращения старых модернистов в качестве лидеров и учителей нового поколения выделяет армянскую архитектуру в общем процессе развития советского модернизма. Этого не произошло, к примеру, с такими мастерами русского авангарда, как А. Веснин или К. Мельников. При этом армянские модернисты в преодолении своего вынужденного отставания от общего мирового процесса архитектуры обращались не к собственным передовым идеям и реализованным решениям, а к примерам западной архитектуры, ставшим доступными благодаря появившимся публикациям. Для советских архитекторов собственные достижения авангарда 20-х оставались предметом раскритикованным и потому были под запретом.

Знаки свободы

«Воздух Армении придал мне силы», – писал автор повести «Оттепель», с названия которой пошло определение «оттепель» для постсталинской эпохи Илья Эренбург после посещения Армении в 1959 году [7].

Высвобождающееся из мрака сталинизма общество искало новые формы выражения во всех областях деятельности. Архитектурой свободных форм и пространств – так я называю те решения, которые армянские архитекторы стали противопоставлять традиционным формам каменной архитектуры предшествующего сталинского периода [8]. Материалом новой архитектуры стал бетон, точнее, железобетон, обладающий, по сравнению с конструкциями из камня, возможностями перекрывать большие пространства, быть устремленным вверх. Железобетон освободил форму камня, он сделал мысль архитектора свободнее. «Архитектура – это космическая одиссея форм, ритмов, сопротивления материалов, предчувствий и познаний», – писал Параджанов в 1974 году сыну-первокурснику архитектурного факультета [9].

Первым, кто показал путь бетонной архитектуре, был Ованес Акопян, построивший гигантскую инсталляцию «Чайка», установленную в 1961 году недалеко от Еревана вдоль шоссе в сторону озера Севан. Взмах крыльев «Чайки» красноречиво выражал идеи полета и свободы, охватившие поколение тех «оттепельных» лет.

Градостроительство искало новые формы расселения, связанные с возможностью свободного передвижения. Ось Ереван–Севан стала главной в развитии градостроительства. Высокогорное, исключительное по красоте озеро Севан превращалось в центр свободного отдыха, туризма. Вода из озера в годы сталинской индустриализации была выпущена для выработки электроэнергии, в результате чего уровень озера сильно понизился, оно стало мелеть. Решение построить в толще гор 48-километровый тоннель для доставки в озеро Севан вод реки Арпа – гигантский проект, требующий колоссального труда для реализации, стал очевидным символом возрождающейся жизни.

Вдоль автомобильной и железнодорожной магистралей из Еревана к Севану началось создание агломерации, состоящей из нескольких городов, вокруг которых развивались и большая промышленность, и свободный туризм. В этом направлении развивалось градостроительство второго модернизма; были спроектированы города Абовян и Севан. 70 километров шоссе – для современной, сильно сокращенной в границах Армении это немало – были украшены скульптурами модернистских форм. На берегу озера Севан рядом со зданием пансионата писателей в середине 1960-х годов по проекту Геворга Кочара был построен новый корпус столовой, напоминающий по формам рыбу и ставший одним из главных символов второго армянского модернизма.

Камень и бетон

Впервые в армянской архитектуре камень и бетон стали существовать отдельно в период второго модернизма.

Бетон – главный материал модернизма. Камень, армянский камень – главный национальный строительный материал, камень – природа армянской архитектуры. Чистый, открытый брутальный бетон казался чуждым армянской архитектуре. «Армянская архитектура теснейшим образом связана с народом, т. к. на протяжении многих веков все созданное на армянской земле – дело рук народных мастеров, воплощенное в армянском камне» [10]. Неудивительно, что, несмотря на весьма успешные первые эксперименты армянских модернистов по созданию чисто бетонных композиций, они, тем не менее, искали формы соединения камня и бетона. Два принципиально разных материала для целого ряда выдающихся сооружений времени второго модернизма явились определяющими в выборе архитектурного языка выражения. Справедливо и обратное: в выборе строительного материала определяющим становился архитектурный замысел. Часто два этих разных по тектонике материала соединялись в амбивалентную целостность архитектурного языка.

30 лет второго армянского модернизма – это существование камня и бетона. Вместе и отдельно. Одним из излюбленных приемов становится включение в бетонный серый антураж каменных деталей насыщен-

^ Рис. 16. Здание бывшего ЦК КП Армении (совр. Национальное собрание Республики Армения). Ереван. 1950. Арх. М. Григорян. Фото из архива К. Бальяна

ных цветов, чаще – деталей из туфа красных оттенков или черного. Примеров таких очень много; один из них – центральный фасад спортивно-концертного комплекса, где над главным входом нависает огромное скульптурное панно из красного туфа.

Использование камня и бетона в архитектуре модернизма происходило не только в виде декоративных каменных вставок, но и как целостное синтетическое решение, где каждый материал имел форму, соответствующую его тектоническим качествам. Кинотеатр «Россия» (А. Тарханян, С. Хачикян, Г. Погосян) – один из самых радикальных примеров армянского модернизма, где пластичная конструкция выполнена из железобетона, поддерживая плоскости стен, облицованных камнем. Это дидактика тектонических свойств двух материалов: камень не может свисать, для бетона, напротив, это характерно. Большие каменные блоки, поддерживаемые бетонной основой – характерная особенность масштабной архитектуры Джима Торосяна.

И камень, и бетон – тяжелые материалы. Бетон пластичен в объеме, его тектоника устремлена вверх, преодолевая собственную тяжесть. Камень пластичен в деталях, фактурен, неповторим по цвету. Камень статичен, его тектоника придавлена собственной тяжестью, которую он стремится выразить. Камень – материал, который для армянского архитектора очень притягателен. Камень – это Армения. Главным апологетом каменной архитектуры был главный Мастер, владевший аутентичным методом создания каменной архитектуры, Рафо Исраелян. Но камень стал самоцелью для массовой архитектуры второго модернизма в попытке преодолеть собственные неудачи. Подавляющее большинство примеров массовой архитектуры невысокого качества – фасады многоэтажных жилых домов, школ, больниц, административных и промышленных зданий были облицованы тонкой каменной плиткой. Таким образом стремились примирить архитектуру модернизма с богатой декоративной пластикой прошлого.

1965 год

Крупнейшим событием архитектурной жизни Армении стал конкурс на мемориал памяти жертв геноцида армян 1915 года в Турции, приуроченный к 50-летию трагических событий. Конкурс состоялся весной 1965 года, сыграв важную роль в формировании художественной концепции армянского модернизма. Конкурс стал своеобразным катализатором, способствовавшим подъему модернизма в Армении. На закрытом заказном и на открытом этапах конкурса подавляющее большинство участников представляло новое поколение архитекторов. Из восьми отмеченных работ семь представляли поколение шестидесятников-модернистов. Единственным представителем домодернистской школы был Рафо Исраелян. Авторы всех отмеченных работ будут определять лицо армянской архитектуры 1960–1980-х годов.

На последнем этапе конкурировали три работы: Джима Торосяна, Феникса Дарбиняна со скульптором Гукасом Чубаром и проект Артура Тарханяна и Сашура Калашяна, который был отобран и реализован. Проект, который станет одним из самых ярких в армянском модернизме.

Архитектурный язык мемориала выразителен, композиция, состоящая из трех элементов без использования изобразительных форм, наполнена понятной символикой – стометровая невысокая стена определяет направление скорбного движения к склоненным вокруг вечного огня мощным базальтовым пилонам, устремленный вверх шпиль символизирует возрождение нации. Обращаясь к национальной памяти, архитекторы оказались свободными в своих нацеленных на современность поисках. Конкурс окончательно закрепил лидерство за новой школой молодых. Последующие два десятилетия подняли

архитектуру армянского модернизма до самостоятельных значений в общем развитии стиля.

1968 год

Весной 1968 года, когда на улицах Праги и Парижа Европа боролась за свободы с советским тоталитаризмом и с собственной буржуазностью, армянское общество находилось на подъеме национального самосознания, Армения находилась на вершине своих завоеванных свобод. После апреля 1965-го, когда тысячи людей на улицах Еревана в скорбном единстве напомнили миру о замалчиваемой полстолетия трагедии геноцида 1915 года, чувство возрожденного духа не покидало город и его жителей, и в целом армянский мир.

Весной 1968 года на равнине перед Араратом был построен мемориал в связи с 50-летием произошедшей здесь в конце мая 1918 года Сардарпатской битвы, где армянские воины, соединившись с народным ополчением, победили наступающую турецкую армию, отстаивая свою землю и восстановили национальную государственность. Идея победы нашла выражение в колоссальной пространственной инсталляции из нескольких элементов, решенных в целостности с национальным ландшафтом, пластический язык которых синтезировал свойства архитектуры и скульптуры. Здесь же было построено здание музея – последнее чисто архитектурное сооружение Исраеляна, одного из самых необычных архитекторов XX столетия.

Осенью того же 1968-го года ереванцы превратили улицы и площади своего города в праздник, отмечая 2750 лет города. Были осуществлены масштабные раскопки и произведена реконструкция древних сооружений на холме Эребуни, где 2750 лет назад был заложен город. Но Ереван, в соответствии с традицией одновременного обращения и назад, к прошлому, и вперед, к будущему, отмечал свой юбилей колоссальным проектом модернизации, в основе которого лежала идея свободных форм и пространств. «Проект 2750» инициировал в 1962 году ново назначенный мэр столицы Григор Асратян. Концепция модели свободных форм и пространств была сформирована и апробирована Асратяном в самом начале десятилетия во втором по величине городе Армении Лениакане (совр. Гюмри). Оттуда, с его центральных площадей и улиц она перешла на площади, бульвары и улицы Еревана.

В градостроительной концепции Еревана произошел возврат к национальным принципам плана академика Таманяна. К осени 1968-го в Ереване урбанистический проект свободных пространств центра был реализован: вокруг главного здания города – Оперы, на Кольцевом бульваре и на бульваре Шаумяна с 2750 струями фонтанов, на главной улице города улице Абовяна и нововыстроенном проспекте Саят-Нова. Основным материалом «Проекта 2750» был бетон. Из бетона была построена и «серая жемчужина» Еревана [11] – летний кинотеатр «Москва» [12].

Проект урбанизации центра Еревана представлял собой целостную городскую среду с синтезом архитектуры и скульптуры, где отдельные модернистские постройки вписывались в существующую зонированную систему кварталов. Однако именно в контексте этого проекта началось строительство точечных, крупных по масштабу зданий, нарушивших концепт зонирования, заложенный в национальном плане академика Таманяна и сохраненный в следующем тоталитарном плане. Окаймляющие холмы города были закреплены тремя вертикалями – шпилем мемориала памяти жертв геноцида «Егерн», 50-метровой колонной с наверху – эмблемой 2750-летия с символикой древнего Эребуни, а также женской фигурой «Мать Армения», поставленной на пьедестал, откуда была скинута фигура диктатора. С плоскостей

подножья трех мемориалов раскрывались перспективы на Арарат; с этих пространств Арарат входил в «тело» города, как было задумано по плану его автора академика Таманяна.

Как и в период первого модернизма, развитие вперед в период второго модернизма сопровождалось вниманием к собственным традициям. Глобальная задача сохранения национального в интернациональном была остро обсуждаемой темой профессии. В общей концепции ее решения были созданы многие первоклассные постройки второго армянского модернизма. В 1970–1980-е годы углубилось изучение классического национального наследия, в Армении и в Европе прошли масштабные международные научные симпозиумы, посвященные архитектуре и искусству Армении. Охране и реставрации памятников уделялось большое внимание на государственном уровне.

В процессе реализации «Проекта 2750» выростала фигура будущего главы республики Карена Демирчяна.

Еще на не самых высоких партийных ступенях Демирчян был деятельным участником строительного процесса. Спустя 6–7 лет он начнет осуществление последнего этапа модернизации, где будет единолично определять направление развития армянской архитектуры, реализовав свои «большие проекты».

Большие проекты Демирчяна

Конец «оттепели» стал очевиден. В архитектурном процессе Армении в начале 1970-х стали проявляться тенденции возврата к домодернистскому прошлому. Свободные формы архитектуры модернизма стали подменяться симметричными неосталинистскими композициями. Однако перед тем, как «сделать два последних шага назад, был сделан «шаг вперед».

В конце 1974 года в Армении произошла смена руководства. К власти пришел 42-летний амбициозный руководитель-технократ, относящийся к тем людям своего поколения, которые ясно видели тупиковость пути, куда

в Рис. 17. Каскад в Ереване. 1980–2000-е. Арх. Дж. Торосян, С. Гурзадян, А. Мхитарян. Вверху – обелиск 50-летия Советской власти. 1967. Арх. Дж. Торосян, С. Гурзадян. Фото из архива К. Бальяна

вела советская модель, понимали, что руководить необходимо в соответствии с современным развитием мира.

Команда Демирчяна начала перестройку экономики и культуры республики. Это была своего рода локальная протоперестройка за десять лет до общесоюзной горбачевской перестройки, начавшейся, когда коммунистическая империя остановилась в своем застое. Естественно, что из-за сопротивления, оказываемого общим устройством государства, модель модернизации Демирчяна также вскоре сползла в рутину косности. Но строительная часть проекта модернизации Армении – создание больших архитектурных и инженерных сооружений – была реализована.

Формой выражения своих политических амбиций для Демирчяна стало создание авангардной архитектуры. Аэропорт «Звартноц», Дом молодежи, комплекс метрополитена, тоннель Арпа-Севан, атомная электростанция, двухзальный спортивно-концертный комплекс – эти многофункциональные комплексы и сложные инженерные сооружения соответствовали уровню крупных развитых стран. Практически все эти проекты были задуманы ранее, но завершены именно в годы правления Демирчяна. Создание авангардной архитектуры Демирчяна как формы выражения политической программы можно сравнить (если не выходить за границы времени) с крупнейшими постройками Москвы 1960-х годов по проектам М. Посохина

в Рис. 18. Памятник Давиду Сасунци в Ереване. 1959. Скульптор Е. Кочар, арх. М. Мазманян. На заднем плане здание железнодорожного вокзала. 1940–1950-е. Арх. Э. Тигранян. Фото из архива К. Бальяна

и А. Мндоянца и «Большими проектами» президента Франции Ф. Миттерана в Париже 1980-х – начала 1990-х годов.

Последней постройкой в Армении стал сооруженный в середине 1980-х годов огромный двухзальный спортивно-концертный комплекс, названный после гибели Демирчяна его именем. Сегодня, кроме этой постройки, все крупнейшие сооружения эпохи модернизма разрушены либо не эксплуатируются. Став предметом внимания современных исследователей, они напоминают о недавнем, определяемом развитием модернистской идеи, направлении в архитектуре Армении. В этих сооружениях, как и в ранних «серых» бетонных постройках второго модернизма, национальное не получило выражения через традиционные формы. Однако содержание, идея всех этих выраженных авангардным языком архитектуры сооружений соответствовало современному национальному развитию. Сегодня их уничтожение вызывает активное сопротивление во многих слоях армянского общества.

Джим Торосян. Последний зодчий

Джим Торосян не только самый известный армянский архитектор второй половины двадцатого – начала двадцать первого веков, но и, возможно, один из самых своеобразных архитекторов во всем развитии архитектуры модернизма. Джим Торосян, один из первых представителей новой школы модернизма, полученное в Армении архитектурное образование дополнил знаниями, приобретёнными в Москве, в аспирантуре Академии архитектуры под руководством Каро Алабяна, и в Италии, в процессе годичной стажировки в 1964 году. Начав творческий путь с нескольких построек в «интернациональном» стиле, Джим Торосян изменил «курс», обратившись к синкретическому принципу национальной архитектуры академика Таманяна. Синкретическая архитектура Джима Торосяна основана на соединении языка минимализма, национальных семантических знаков-форм и принципов композиции ренессанса и барокко. Архитектура Джима Торосяна представляет собой пример исключительного развития художественной формы в соединении с широтой градостроительного подхода. Его самое значительное по масштабу сооружение – Каскад в центре Еревана, намеченный еще в таманяновском плане, представляет раскрытый на город и гору Арарат градостроительный комплекс, решенный как многосложное художественное сооружение (арх. Дж. Торосян, С. Гурзадян, А. Мхитарян). Феерическое развитие художественной формы в соединении с минималистским построением композиции стало основой создания собственного архитектурного языка Джима Торосяна – барочного модернизма. Апологет красоты формы, мастер пространственного жеста, Джим Торосян, подобно академику Таманяну, сумел выразить в своих сооружениях подлинно национальный масштаб и идею.

7.12.1988

Если первый армянский модернизм был насильственно прерван машиной тоталитаризма, модернизм второй рухнул под ударами подземной стихии. Спитакское землетрясение 7 декабря 1988 года развалило практически все сооружения позднего модернизма на севере Армении.

В Леникане, самом крупном городе в зоне землетрясения, произошло самое большое число разрушений; при этом выстояли здания, построенные после предыдущего очень сильного землетрясения 1926 года, относящиеся к периоду первого модернизма и времени сталинского тоталитаризма. Однако примерно после 1970-х внимание профессии в проблеме устойчивости ослабело. Разрушения стали результатом заниженных норм в строительстве и его низким качеством исполнения, но также утратой некоего философского понимания

функции профессии, в следствие чего стала создаваться массовая архитектура, лишенная национального смысла. Появились большие сооружения вертикального и горизонтального типа, оторванные от природного ландшафта и контекста городской среды: жилые панельные башни, панельные школы, заводские помещения, торговые центры. Практически все они развалились, убив и покалечив огромное количество людей. Подобное состояние профессии стало своеобразной красной линией в ее национальном развитии.

Для многих утрата устойчивости, приведшая к разрушению построек модернизма, ассоциировалась с утратой устойчивости разваливающейся советской власти. Прилетевший в зону землетрясения М. Горбачев сделал именно такое заявление. Вместе с рухнувшими постройками обрушилась и уверенность в будущие возможности стиля. В профессиональном сознании произошла неизбежная трансформация, произошел эффект, похожий на разрушение квартала модернистских построек в Прютт-Айгоу, но в колоссальном масштабе, с большими человеческими жертвами. Начался период тотального постмодернизма в армянской архитектуре. Некоторые архитекторы, стремясь вывести свои постройки из времени модернизма, согласились на их разрушение и перестройку в новых постмодерных формах. Так было с первоклассными примерами раннего модернизма – летним кинотеатром «Москва», кафе «Крунк» и «Парус». Ложная идея утраты устойчивости распространится на постройки-символы национального модернизма – Дом молодежи, кинотеатр «Россия», аэропорт «Звартноц», стадион «Раздан». Эти самые известные сооружения армянского модернизма будут либо разрушены, либо им будет предписано разрушение.

Затмение

В конце XX – начале XXI века большинство мастеров армянского модернизма ушло из жизни. Поколение, которое пришло им на смену, оказалось не в состоянии сохранить тот уровень развития профессии, который задан учителями. Сказалось много разных факторов.

Второй модернизм, сопротивляясь диктату строительства, стремился к сохранению профессии как искусства, но был погружен в ситуацию, которая была направлена против этого. Собственно, вся деятельность мастеров модернизма – сопротивление тем внешним факторам, которые стремились отнять у профессии это ее право. 7 декабря 1988 года профессия утратила аргументы для сопротивления. Оказавшись в ситуации, в которой перестали действовать советские институции и привычный диктат власти, профессия оказалась не готова к самоорганизации. Последнее десятилетие двадцатого века превратилось в долгую паузу, после чего началось время активных действий. Новое общество вытолкнуло наверх новых модераторов своего жизнеустройства. Освободив себя от груза традиционных профессиональных ценностей, новые участники архитектурного процесса создали новую шкалу, построенную на подмене ценностями материальной выгоды.

Развалился институт градостроительства: целиком сосредоточенная в столице, главным образом в центре города, градостроительная деятельность ограничилась бессистемным строительством отдельных, преимущественно высотных зданий. В результате оказался разрушенным ансамблевый концепт градостроительной ткани Еревана. Предпринятая попытка реализовать важный элемент национального плана академика Таманяна – Северного проспекта – обернулась провалом.

В результате, когда, как и во все предыдущие периоды, перед армянской архитектурой встал теперь уже свободный выбор пути для развития национальной

архитектуры, в этой ситуации профессия парадоксальным образом обратилась к формам тоталитарной сталинской архитектуры, представив их как символы победы в войне (соотнеся с победой в карабахской войне), и одновременно как символы устойчивости сильного государства (модернистские формы, соотносимые с периодом «оттепели», положившем начало разрушению совимперии, представлялись, соответственно, неустойчивыми). Произошел определенный сдвиг в национальном культурном восприятии, поставивший знак равенства между формами модернизма и ненациональной архитектурой, и отбросивший к прошлому и поставивший знак равенства между тоталитаризмом и национальным. Прошлое стало казаться важнее будущего, форма важнее идеи. Сформировался заказ на такую архитектуру. Язык архитектуры целиком трансформировался в постмодернистский, выстраивая муляжи исторических форм, утратив способность модернистского развития национальных смыслов. Впервые за прошедшее столетие уровень профессии оказался очень низким, вызывая критику в обществе. При этом параллельно возник высокий интерес к исчезающему наследию первого и второго модернизмов. И одновременно стали возникать ростки новой архитектуры, возможно – третьего модернизма.

Будет ли эта архитектура также наполнена национальными смыслами, как лучшие примеры первого и второго армянского модернизма?

Литература

1. Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. – Bde. 1–2. – Wien. – 2018
2. Хан-Магомедов, С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн.: Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. – Москва: Стройиздат. 1996. – 709 с.: ил.
3. Хан-Магомедов, С. О. ВХУТЕМАС: высшие государственные художественно-технические мастерские, 1920–1930: Архитектура. Дерево. Металл. Керамика. Графика. Живопись. Скульптура. Текстиль: В 2 кн.: Кн. 2. – М.: Ладья, 2000. – 488 с.: ил.
4. Мазманян М. О национальной архитектуре // На рубеже Востока. – 1928. – №8. – С. 128–136
5. Архив Бальяна К. Рукопись. 1938. – С. 6
6. Бальян, К. Город, смотрящий на Арарат // Проект Классика. – 2006. – С. 162–167
7. Эренбург, И. Г. Люди, годы, жизнь. – М. – 1967
8. Бальян, К. В. Архитектура свободных форм и пространств. Армянский модернизм. 1960-е – середина 1970-х гг./К. В. Бальян // Эстетика «оттепели»: Новое в архитектуре, искусстве, культуре/под ред. О. В. Казаковой. – М., 2013. – С. 174–195
9. Параджанов С. Изоляция/сост. Саргсян З. – Ереван, 2018
10. Исраелян Р. Вдохновенный камень. В кн.: Рафаел Исраелян. – Ереван. – 1982
11. Иванов, А. В. Серая жемчужина Еревана // Проект Байкал. – 2014. – №39–40. – С. 72–76
12. Бальян К. Летний кинотеатр «Москва». – Екатеринбург: Tatlin, 2018. – 72 с.

References

- Arkhiv Balyana K. [Archives of Balyan K.]. (1938). Manuscript, 6.
- Balyan, K. (2006). Gorod, smotryashchii na Ararat [A city looking out on Ararat]. Project Classica, 162–167.
- Balyan, K. V. (2013). Arkhitektura svobodnykh form i prostranstv. Armyanskiy modernism. 1960-e – seredina 1970-kh gg. [Architecture of free forms and spaces. Armenian modernism. The 1960s – mid of 1970s]. In O. V. Kazakova (Ed.), Estetika “ottepeli”: Novoe v arkhitekture, iskusstve, culture (pp. 174–195). Moscow.
- Balyan, K. (2018). Letnii kinoteatr “Moskva” [Outdoor cinema theatre “Moskva”]. Yekaterinburg: Tatlin.
- Erenburg, I. G. (1967). Lyudi, gody, zhizn [People, years, life]. Moscow.
- Israelyan, R. (1982). Vdokhnovennyi kamen [Inspired stone]. In Rafael Israelyan. Yerevan.
- Ivanov, A. (2014). A grey pearl of Yerevan. Project Baikal, 11(39-40), 72-76. doi: 10.7480/projectbaikal.39-40.704
- Khan-Magomedov, S. O. (1996). Arkhitektura sovetskogo avangarda: V 2 kn.: Kn. 1: Problemy formobrazovaniya. Mastera i techeniya [Architecture of Soviet avant-garde: In 2 books: Book 1: Form-making problems. Masters and streams]. Moscow: Stroiizdat.
- Khan-Magomedov, S. O. (2000). VKHUTEMAS: vysshie gosudarstvennye khudozhestvenno-tekhnicheskie masterskie, 1920-1930: Arkhitektura. Derevo. Metall. Keramika. Grafika. Zhivopis. Skulptura. Tekstil: V 2 kn.: Kn. 2 [VKHUTEMAS: higher state artistic and technical workshops, 1920-1930: Architecture. Wood. Metall. Ceramics. Graphics. Painting. Sculpture. Textile: In 2 books: Book 2]. Moscow: Ladya.
- Mazmanyanyan, M. (1928). O natsionalnoi arkhitekture [On national architecture]. Na rubezhe Vostoka, 8, 128–136.
- Paradzhanov, S. (2018). Izolyutsiya [Isolation]. Yerevan.
- Strzygowski, J. (2018). Die Baukunst der Armenier und Europa. Bde. 1–2. Wien.

Осмысляется феномен региональной школы – сложившихся условий городского ландшафта, проектирования и практики строительства центра послевоенного Севастополя. Целостность ансамблевой застройки центра Севастополя – характерная черта облика города. Многие послевоенные здания вошли в число памятников наравне с античной археологией и сохранившимися старинными постройками. Коллективные и зачастую малосогластвованные усилия архитекторов разного творческого почерка и опыта привели к созданию целостного архитектурного образа. Композиционное единство этой архитектуры сегодня под угрозой исчезновения на фоне интересов коммерческих застройщиков. Если не принять во внимание ее ансамблевость как базовый принцип, свойственный зодчим – выпускникам разных архитектурных школ, работавшим в разные стилистические периоды, мы потеряем это ценное качество.

Ключевые слова: послевоенное восстановление; советская архитектура; неоклассицизм; архитектурный ансамбль; модернизм; региональные особенности архитектуры. /

The article considers a regional school phenomenon, including the context of the urban landscape, design and development of the center of post-war Sevastopol. The integrity of the ensemble development of the center is a typical feature of the city's appearance. Many postwar buildings were included in the list of monuments together with the antique archeology and the remaining ancient structures. Collective and often poorly coordinated efforts of the architects with different creative traits and experiences have led to the formation of an integral architectural appearance. The compositional unity of this architecture is currently in danger of extinction due to the interests of commercial developers. We may lose this valuable quality if we do not take into consideration the ensemble character of this architecture as a fundamental principle used by the architects-representatives of different architectural schools who worked in different stylistic periods.

Keywords: postwar reconstruction; Soviet architecture; neoclassicism; architectural ensemble; modernism; regional features of architecture.

Севастополь: целостность ансамбля / Sevastopol: the integrity of the ensemble

ТЕКСТ

Елена Овсянникова
Николай Васильев /
text
Elena Ovsyannikova
Nikolai Vassiliev

*Памяти архитектора Адольфа Львовича Шеффера
(1924–2020)*

Введение

Высокое качество послевоенной застройки центра Севастополя, создававшейся представителями всех архитектурных школ страны в разные стилистические эпохи, очевидно. Архитектурный облик центральной части города ценят не только профессионалы, но и широкая публика, но до настоящего времени наследие центральной части города не рассматривалось как целостное явление, требующее изучения и осмысления. Причиной этого был, в частности, закрытый статус (с 1965 года) города – военно-морской базы. Даже в материалах V съезда Международного союза архитекторов, прошедшего 20–27 июля 1958 года в Москве, Севастополь не упоминался в числе пострадавших и заново отстроенных городов СССР и Европы¹. Сегодня важнейшая задача – сохранить его уникальную и целостную послевоенную архитектуру путем исследования и популяризации, реставрации, текущего ремонта, а также щадящей реконструкции. Главное тут понимание ценности его в целостном ансамбле – результате работы сотен архитекторов и десятков проектных контор со всей страны, выработавших в процессе возрождения города из пепла своеобразную региональную школу. Трудность состоит не только в попытке увидеть общую картину в исторической перспективе, но и в насущной необходимости способствовать сохранению ансамблей в их подлинности.

Понимание уникального в своей целостности исторического ядра Севастополя – кольца улиц и площадей вокруг Центральной городской холма, отчасти улицы Гоголя и застройки Корабельной стороны у Малахова кургана – предполагает выработку и соблюдение как минимум общих градостроительных регламентов, высотных ограничений, общих охранных зон и т. п. Это позволит возродить во многом те же принципы ансамблевого подхода, которыми руководствовались архитекторы послевоенной эпохи: соподчинение всех элементов застройки продуманной концепции общей городской панорамы, разверток улиц, внимание к морскому фасаду, учет композиционных осей, пешеходного, транспортного и зеленого каркасов.

Казалось бы, недавно принятый документ «Историческое поселение г. Севастополь» должен гарантировать это, как и обширный список объектов культурного наследия, в который вошло множество зданий послевоенного времени, а не только самые древние сооружения и памятники археологии комплекса Херсонес Таврический (хотя на их фоне советская архитектура могла оказаться в тени). Важно развеять ряд ложных представлений. Прежде всего – миф о стереотипности всей архитектуры СССР 1940–1950-х, как и периода модернизма 1960–1970-х годов. Авторские версии неоклассики в широком ее понимании – от строгого неоампира, ориентированного на образцы школы Матвея Казакова, до насыщенного «густыми» деталями неоманьеризма и необарокко и вышедших по существу еще из конструктивизма сложных асимметричных компоновок. Как будет видно, строгие ограничения, во многом ведущие к редукции художественного языка, в том числе благодаря соблюдению жестких градостроительных регламентов, приводят к появлению широкого спектра индивидуальных версий, вместе образующих единую региональную школу, школу не обучения, но практики.

Мифы и факты

Архитектуру 1930–1950-х годов, даже созданную вне политически ангажированных проектов главных зданий (таких как дворцы Советов в Москве и других региональных центрах), как правило, противопоставляют более демократичной архитектуре 1920-х – первой половины 1930-х годов, которую идеализируют, не учитывая, к примеру, характерные для нее социальные концепции широкого контроля общества над личностью (обобществление быта и т. д.) и другие радикальные установки.

Искренний пафос стал подоплекой многих помпезных форм конца 1940-х – 1950-х годов, и он вовсе не был навязан сверху, а сформировался в результате «...эйфории от Великой Победы, от набирающего темпы восстановления и развития страны и, в частности, в сфере строительства с торжеством советской архитектуры, высоко вознесенной на пьедестал, как теперь ее называют «сталинской архитектурой», – с которой Ему не стыдно было бы вместе со всем советским народом войти в мечту

1. См.: Строительство и реконструкция городов. 1945–1957: материалы V съезда Международного союза архитекторов, прошедшего 20–27 июля 1958 г. М.: Госстройиздат, 1958. В книге представлены по три города от Германии, Болгарии, Китая, Кореи, Дании и других стран. От СССР подробно говорилось о восстановленных после боевых действий и бомбежек Киеве, Минске, Сталинграде, Запорожье, Калинин, а также были представлены Москва, Ленинград, Ташкент, Ереван, Ростов-на-Дону, Псков, Магнитогорск, Сталинск, Новая Каховка, Рустави.

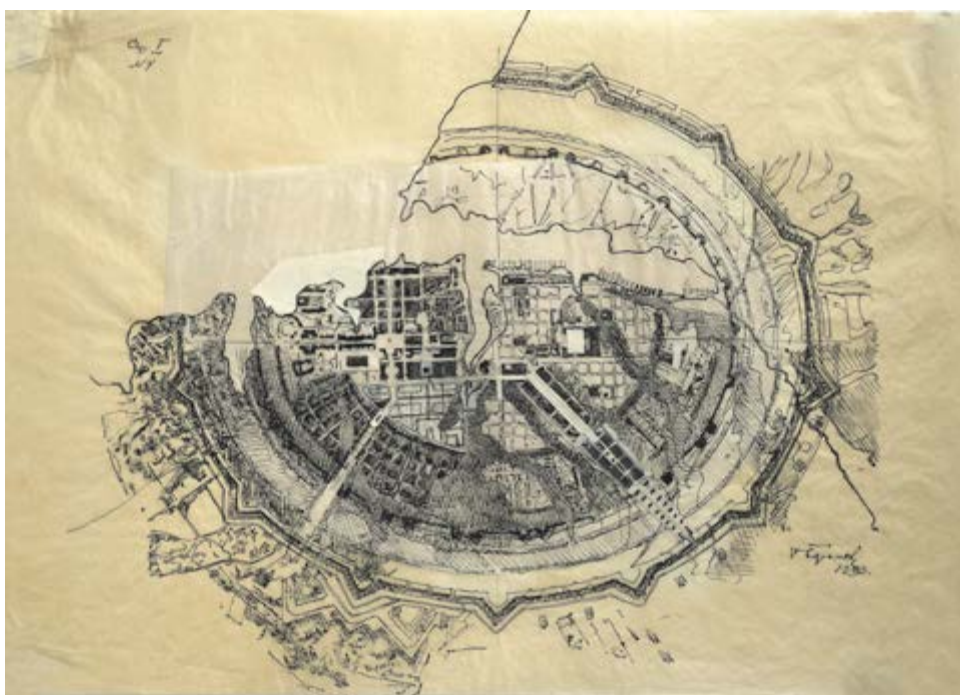
> Генеральный план Севастополя. Конкурсный эскиз.
Арх. М. Я. Гинзбург. Осень 1943. ГНИМА им. А. В. Щусева

человечества – коммунизм. Коммунизм – и сараи?! Где человек человеку друг-товарищ и брат-сестра, независимо от национальности, веры, пола и внешности, т. е. цвета глаз, кожи и волос. Но на практике это у И. В. Сталина не очень получалось – кто-то был ровнее, титульнее, с более правильным носом, а кто-то – космополитичнее, классово враждебнее – и это при всеобщем равенстве – и могло навешиваться, как ярлычок, на человека и было смертельно. <...> Но Архитектура могла светлый образ коммунистического будущего уже нарисовать и сейчас, сегодня – зримо, великолепно и даже – помпезно! Это всему народу очень нравилось...» – пишет старейший зодчий Севастополя А. Л. Шеффер, работавший в городе с 1950 года [1, с. 19–20].

И для такой архитектуры была соответствующая подоплека – контекст и среда (сами термины появились в архитектурной мысли гораздо позже). Классицизм главенствовал во вкусах высшего офицерства Черноморского флота еще в середине XIX века – в период строительства города и восстановления его после Крымской войны. Неслучайно отдельные памятники той эпохи были в 1950-е годы бережно включены в новую городскую ткань Севастополя и отреставрированы.

На этом фоне бытует и миф об отсутствии целостных детальных проектов застройки больших кварталов Севастополя, якобы все ограничивалось принципиальными нереализуемыми схемами «пришлых» столичных мастеров, а проработка панорам застройки архитектурных ансамблей, его силуэта и морского фасада и принципы размещения доминант и ориентиров появились «сами собой». Однако именно в Севастополе не только неоклассические сооружения 1940–1950-х годов, но и здания эпохи советского модернизма были созданы на удачно выбранных местах, они выигрышно смотрятся с дальних расстояний или, наоборот, стали фоном для созданных ранее шедевров отнюдь не случайно, а в результате напряженного труда и редкой концентрации творческих сил в одном месте. Будучи на своем месте, и новые общественные здания, и мемориалы обеих оборон Севастополя, и рядовая застройка символизируют связь времен и развитие города в ногу со временем [2, 3].

Противопоставляют также неоклассику и «демократичной» архитектуре периода оттепели конца 1950-х – 1960-х годов, при этом внешне выразительные и тектоничные ордерные формы 1940–1950-х годов нравятся широкому кругу людей, не интересующихся рассуждениями политологов об архитектуре. Во многих городах бывшего СССР (да и колоний западных держав) постройки в ар-деко и неоклассике с успехом играют роль исторической архитектуры (будучи при этом младше столет) (см., например [4]). Однако уже прошли те времена, когда краеведы пытались описать только дореволюционные и довоенные здания Севастополя, не замечая вторичности многих их архитектурных решений [5]. Более сложная ситуация с произведениями периода советского модернизма. При этом надо сказать, что сразу же после освобождения города в нем работали крупные мастера

^ Генеральный план Севастополя. Конкурсный эскиз. Арх. Г. Б. Бархин. Осень 1943. Музей Московской архитектурной школы при МАРХИ

> Вид на Театр имени Луначарского и Центральный городской холм с запада. Фото Н. Ю. Васильева. 2019

> Схема планировки Центрального городского холма Севастополя в рамках конкурсного предложения. Арх. Г. Б. Бархин. Осень 1943. Музей Московской архитектурной школы при МАРХИ

2. За исключением ряда объектов, в том числе мемориала на площади Нахимова, выстроенных по проекту И. Е. Филалко, сыгравшего важную роль в восстановлении Сталинграда и потому не попавшего в «первый призыв» архитекторов Севастополя.

3. Роль ее в советской архитектуре до сих пор не описана и тем более не осмыслена.

А. И. Гегелло, М. П. Парусников, Л. М. Поляков, Л. Н. Павлов и др., а лучшие модернистские постройки создавали здесь уже не они, а зачастую менее именитые крымские и украинские зодчие, и их произведения до сих пор остаются в тени².

При оценке качества постройки как потенциального объекта культурного наследия, помимо ее возраста, большую роль играют имена авторов проектов, исторических зданий, для чего должна быть привлечена солидная архивная база. Комплексному сохранению архитектурных ансамблей Севастополя мешают и иные мифы. Например, об авторстве зданий, которые приписываются только ленинградским зодчим или, наоборот, только московским. Есть и иная тенденция – противопоставлять творчество ленинградцев и москвичей, как и принижать роль бакинцев, киевлян или харьковчан.

Требуется также профессиональная характеристика архитектурных ансамблей, начиная от генеральных планов кварталов и проектов благоустройства дворов и скверов и заканчивая анализом специфики каждого такого комплекса, созданного по единому проекту силами конкретного коллектива. Но и об авторах ряда уникальных зданий до сих пор многое остается неизвестным, а применительно к массовой застройке, даже такой разнообразной, как жилые дома 1950-х годов, бытует миф о ее типовом характере. Однако даже выстроенные с типовыми секциями жилые дома имеют уникальные угловые элементы, и их архитектура адаптирована к горной местности (и видовые характеристики, и конструктивная часть). Неслучайно такие секции разрабатывали не только в Москве, силами мастерских Академии архитектуры СССР, но и в Севастополе, в частности этим занимался представитель архитектурной школы Баку³ В. П. Мелик-Парсаданов, архитектор почти пятидесяти послевоенных построек города, остро ощущавший специфику этого южного региона [6].

Замысел и планировка

Представители самых разных городов СССР, приехавшие работать в Севастополь, стремились создавать целостную городскую ткань, с благоустроенными дворами, подпорными стенками и лестницами, системой внутрикварталь-

< Площадь Суворова.
Фото Н. Ю. Васильева.
2018

ных пешеходных связей, во всех случаях ориентируясь на ансамблевую застройку южного типа. Однако такая севастопольская традиция могла быть прервана. Первые эскизы серьезной перепланировки города были предложены за полгода до освобождения, осенью 1943-го. В новой застройке предполагались гигантские монументы, широкие эспланады, прямые перспективы и общий, почти столичный масштаб, чуждые реальной городской застройке и особенностям приморского ландшафта. Таким виделся Севастополь и М. Я. Гинзбургу и Г. Б. Бархину, участникам конкурса от Академии архитектуры и Наркомата обороны соответственно. Фактически город застраивался не столько на основании утвержденного в 1945 году генерального плана Г. Б. Бархина, сколько по его скорректированному и принятому в 1949 году варианту⁴. Реалистичность этого нового плана исключила гигантоманию [7], а высококачественная жилая застройка центрального городского кольца создала достойный фон для уникальных общественных зданий.

Как теперь стало известно, для сохранения своеобразия города В. М. Артюхов (заместитель первого послевоенного главного архитектора города) продвигал концепцию сохранения местного ландшафта и исторических памятников. Он яростно боролся в 1960–1970-е годы с централизацией архитектурного проектирования в СССР и смог добиться принятия весьма разумных решений, обусловивших преемственность в архитектуре Севастополя. Сам он отмечал: «Это совершенно новый, гораздо более радостный город. Множество зелени заполнило его. Город имеет свое лицо. Можно спорить о его облике, качестве архитектуры зданий, но нельзя отнять его своеобразия, единства и обдуманного ритма отдельных частей» [8]. Надо сказать, что эти строки были написаны в совершенно иной период, когда отказались от «излишеств в архитектуре», стали изучать надолго забытый авангард 1920-х годов и современную архитектуру Запада, а попутно и стали отрицать сам ансамблевый подход. К разработанному Артюховым Генеральному плану 1965 года был составлен и выверен полный список исторических и архитектурных памятников, и они были нанесены на схему Севастополя вместе с «образцовыми» жилыми районами⁵. Он и В. П. Мелик-Парсаданов, в то время глав-

ный архитектор Крыма, работавший с Севастополем с 1945 года, вместе с коллегами-инженерами написали перед Всесоюзным совещанием по градостроительству 1960 года статью в «Рабочую газету». Ее название «Типовой проект – не икона» говорит о резко обозначившейся проблеме безликой типовой массовой застройки [8].

Целостность

Надо сказать, что эстетика раннего модернизма, убедительно проповедуемая Ле Корбюзье, увлеченного средиземноморской архитектурой, вовсе не чужеродна крымскому ландшафту. А в Севастополе яркий солнечный свет и сложный рельеф местности (балки и гребни водоразделов), обуславливающие видимость зданий с больших расстояний, стали важнейшими факторами в работе архитекторов. Так было во все времена и во все стилистические эпохи. Открытость, взаимопроникновение пространств, осваиваемое в эпоху авангарда, кроме очевидных новаторских приемов, хорошо известных по проектам и русских конструктивистов, и передовых архитекторов Запада довоенной поры, несли в себе отказ от важного принципа исторической архитектуры – стилистического единства. Как известно, для ренессансной и барочной архитектуры чрезвычайно важна была именно категория целостности, понимание здания и ансамбля как своего рода единого организма, нерасчлняемого объекта. Но модернистский отказ от единообразия стилистики в угоду проектированию «зданий-артефактов» не противоречил стремлению опытных зодчих сохранить своеобразие уникальной среды Севастополя.

Целостность планировочной композиции этого приморского города на столь сложном рельефе не сводится к единичным зданиям, и сегодня еще сохраняется уникальность центральной части Севастополя. Однако многие считают, что только здания в ретроспективной стилистике обусловили красоту его исторического центра, и не видят важную роль модернистских объектов – Центрального рынка (пассажа), обелиска славы («Штык и парус»), памятной арки на въезде в город со стороны Сапун-горы⁶ и др.

В привычном представлении стилистический переход к декоративной архитектуре середины 1930-х годов при-

4. В основу этого проекта легли материалы обследования сохранившихся зданий, фундаментов, инженерных сетей, проведенного одновременно с разминированием и геодезической съемкой. Эта работа шла при Ю. А. Траутмане, главном архитекторе Севастополя в 1945–1948 годах, под руководством его заместителя и соученика по ЛИИКС – ЛИСИ В. М. Артюхова, руководившего в Великую Отечественную войну Отделением саперным батальоном на Ленинградском фронте [2, 8, 9].

5. Этот перечень, в форме пояснительной записки к чертежам Генерального плана (1967), был составлен в мастерской № 1 КрымНИИпроекта (рук. И. Е. Фиалко) самим Артюховым и его ближайшими помощниками – К. В. Бутовой, главным архитектором проектов, и А. Н. Щегловым, научным сотрудником музея-заповедника «Херсонес Таврический».

6. Все это работы А. Л. Шеффера

> Площадь Ушакова.
Фото Е. Б. Овсянниковой.
2018

вел к обеднению и размыванию творческих индивидуальностей, между тем «ортодоксальный» конструктивизм явно нес слишком радикальную унификацию, недаром крупные мастера выработали иные форматворческие концепции, сейчас записываемые в ар-деко⁷. Перелом конца 1950-х годов в сторону модернизма выглядит в первом приближении как повторение истории: политические установки заставили вчерашних классиков перестроиться, между тем не так много проектов и построек можно назвать «неумелыми» и «ученическими» в рамках интернационального модернизма. Их классическая выучка и практика, очевидно, были достаточным профессиональным багажом для создания и в упрощенных формах выдающихся архитектурных объектов. Расхожая же постановка вопроса требует уточнения (переосмысления наследия «темных веков», подобного переоткрытию историками школы «Анналов» европейского Средневековья, считавшегося благодаря позднеренессансным теоретикам лишь веками дикости и варварства).

Здесь вырисовывается особенность, характерная и для массового сознания, и для современного поколения архитекторов, – отождествление классики только с каноническими архитектурными деталями и пропорциями, «навсегда» определенными Витрувием и ренессансными интерпретаторами пяти ордеров. Так, севастопольское творение выдающегося московского зодчего Л. Н. Павлова, известного гораздо больше московскими модернистскими постройками 1960–1980-х годов, – здание ЦКБ «Черноморец» – местные «специалисты» критикуют за «непонимание классических канонов». Меж тем ионический ордер, использованный Павловым и в здании ЦКБ «Черноморец», и в окружающих площадь жилых домах этой же организации, соответствует классическим пропорциям (2:17), при всех необходимых элементах визуальной тектонической системы. И лишь колонны венчающего квадратную башню бельведера сделаны более приземистыми (2:5). Обращает на себя внимание, конечно, тут другое: опоясывающие ротонду колонны снабжены базами и капителями с угловыми волютами и т. п., но ствол их расширяется кверху. Как и сокращенные по вертикали пропорции, сделано это, конечно, нарочно, и, кроме визуального обоснования, имеет

еще и отсылку к архаическим колоннам Крита и Микен. Эта реминисценция выдает в зодчем серьезного знатока истории, далекого от подражания и начетничества.

Вот что говорил по этому поводу Л. М. Поляков, строгостью которого пугали молодых архитекторов, начинавших в Севастополе свою карьеру после студенческой скамьи: «Я ленинградец, воспитанник Ленинградской академии архитектуры, воспитан на полном непонимании и презрении к русской архитектуре, на абсолютном западничестве. <...> Но я говорю, что я западник по воспитанию, а русский по душе, а когда я пожил в Москве, вдумался в чарующую логику этой архитектуры, то до чего смешны стали эстетствующие искусствоведы начала XX века. <...> Самое главное – абсолютно простая и ясная классическая логика построения объемов. Именно это характерно для русской архитектуры» [10, с. 107–108.]. На наш взгляд, эти слова можно отнести и к лучшим произведениям советского модернизма.

Проблема правомерности трансформации ордера, как известно, многократно изменявшего свой облик, и наиболее сильно – мастерами Средневековья и стиля модерн, обострилась в XX веке. И тут надо напомнить, что стилистика ар-деко с ее трансформированным ордером до сих пор только начинает осмысливаться применительно к архитектуре СССР, и неоклассику вполне правомерно трактовать и как радикально «правое» течение ар-деко, связи с которым здесь гораздо больше, чем с эклектикой [11].

В профанном восприятии решающее значение имеют детали, а не общие композиционные принципы. На фоне классицистической и весьма декоративной архитектуры (как бы ее ни называли) середины прошлого века даже выдающиеся произведения периода советского модернизма 1960–1980-х годов сохранить намного труднее из-за общепринятого неприятия лишенных декора строгих форм.

Композиционное единство архитектуры Севастополя смогли создать и поддерживать зодчие разного возраста и образования, полученного в разных городах и регионах [9]. Все они работали в стиле своей эпохи, со своим собственным почерком, интерпретируя неоклассические формы. Все они ценили удивительную специфику

7. Появление сначала упрощенной классики приписывают обычно неопытности и незнанию молодым поколением выпускников «прогрессивных школ» наследия, исключенного из учебных планов, что, конечно, чрезмерно упрощает картину.

^ Жилой дом Хлебозавода и Матросский клуб.
Фото Н. Ю. Васильева. 2018

^ Площадь Лазарева и здание ЦКБ «Черноморец». Фото Н. Ю. Васильева. 2018

городского ландшафта с изрезанным многочисленными бухтами морским берегом. Это выпускники ленинградской Академии художеств, реорганизованной в аналог московского ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа, и бывшего Ленинградского института гражданских инженеров (ЛИИКС – ЛИСИ) В. М. Артюхов, А. И. Гегелло, Л. М. Поляков, Н. Н. Сдобняков, Ю. А. Траутман, А. С. Уразов и др. Это и выпускники Училища живописи, ваяния и зодчества, реорганизованного во ВХУТЕМАС – ВХУТЕИИ, А. В. Арефьев, П. В. Кумпан, Л. Н. Павлов, М. П. Парусников, В. П. Петропавловский, И. А. Самбутова, М. К. Ушакова, А. Л. Шеффер и др, выпускник МВТУ К. И. Соломонов. Это и выпускники Индустриального института в Баку В. П. Мелик-Парсаданов и М. И. Мелик-Парсаданова, а также учившийся в Харькове И. А. Брауде и др.

Среди них были мастера со сложившимися творческими концепциями, например выражавшимися в критике сдержанности архитектурного стиля 1930-х годов, и вчерашние выпускники вузов, чей творческий почерк еще не ярко проявился в первых самостоятельных проектах, но полностью соответствовал стилю эпохи. Так, очень существенна была ранее не принимавшаяся во внимание роль бакинца В. П. Мелик-Парсаданова, автора зданий самого разного назначения, а потом главного архитектора полуострова [6].

Сохранению разностильной, но высококачественной архитектурной среды мешает расхожее мнение о недостойном для архитектуры историзма модернистском фоне. Так получилось сегодня со зданием пассажа Центрального рынка архитектора А. Л. Шеффера – первого послевоенного модернистского здания города, «переходного» от одной стилистики в другую: внешние фасады несут следы классических принципов пропорционирования, членений, профилей, а интерьер основан на выразительности железобетонных конструкций большепролетного промышленного здания с зенитным фонарем и базиликальным планом⁸.

Проблемы охраны

Можно назвать классическим пример несоответствия учетной документации, оформленной в спешке при переходе наследия в российскую юрисдикцию. Так, превос-

ходное здание Матросского клуба (площадь Ушакова, 1, ныне Драматический театр им. Б. А. Лавренева) приписывается до сих пор малоизвестным авторам⁹, тогда как на самом деле его проект был создан в мастерской выдающегося ленинградского зодчего А. И. Гегелло в 1949 году с участием Л. С. Богданова и А. С. Гольдина [7].

Не было известно и то, что здание клуба задумывалось с неосуществленным открытым театроном на склоне холма, его асимметричная композиция обусловлена спецификой местного ландшафта и градостроительной ролью площади, к которой направлены главные улицы (Ленина и Большая Морская) и Исторический бульвар, и с учетом его видимости с отдаленных точек – от железнодорожного вокзала и берега Южной бухты. Составители паспорта не обратили внимания на чертежи с подписями действительных авторов проекта, как и на стилистику перечисленных форм [14]. Невозможно признать корректным документ, согласно которому границы территории памятника повторяют абрис стен Матросского клуба, хотя его террасированное окружение с балюстрадами было изначально заложено в проект Гегелло. В границы территории Матросского клуба и другого памятника, расположенной рядом Городской библиотеки им. Л. Н. Толстого (архитектор М. К. Ушакова, окончившая МАРХИ), не вошли ни их подпорные стенки с балюстрадами, ни лестница, без которой можно спуститься от этих зданий с Центрального городского холма на Красный спуск и к Железнодорожному вокзалу, откуда открывается уникальная панорама с этими памятниками и послевоенными жилыми домами.

Несмотря на то что о единствах архитектурных ансамблей такого рода думали в ходе проектирования представители разных архитектурных школ, которые профессионально занимались единым городским благоустройством, сегодня практикуется распределение по тендерам заданий на проекты их реставрации и капитального ремонта фасадов организациям из разных городов нашей страны без какой-либо координации и общего замысла. Несмотря на то что Матросский клуб был трактован Гегелло и его соавторами как часть важнейшего для города архитектурного ансамбля, вместе с жилыми кварталами

8. Отвергнутый этим старейшим архитектором города типовой проект стал официальной причиной вывода в 2019 году этого уникального сооружения из числа памятников согласно ангажированной экспертизе, несмотря на то что его интерьер был признан лучшим среди крытых торговых зданий Украины авторитетнейшим киевским зодчим И. Ю. Каракисом [12].

9. Недоразумение произошло даже несмотря на наличие в паспорте этого уникального произведения большого комплекта архивных чертежей с подписью Гегелло и его соавторов, видимо, потому, что во всей краеведческой литературе значится или Л. С. Богданов, или Л. Т. Киреев – главный архитектор севастопольской организации «Военморпроект-30», деятельность которого в городе нельзя преуменьшать. Вполне возможно, что и фамилия ленинградского мастера не была известна составителям современной документации [13].

> Застройка западной стороны Большой Морской улицы. Фото Н. Ю. Васильева. 2018

(спроктированными также под его руководством), зданием Городской библиотеки им. Л. Н. Толстого и благоустройством площади (выполненным в Севгорпроекте выпускниками МАРХИ В. П. Петропавловским и Г. Г. Швабауэром [7]), современное благоустройство ведется без учета единства решений, в том числе таких ключевых элементов, как подпорные стенки, балюстрады смотровой площадки, лестницы. Несомненно, необходимо включить эти объекты в категорию единого архитектурного ансамбля, из которого преступно вырезать отдельные куски.

Не лучше и ситуация с другими уникальными объектами, как и с жилой застройкой всего центрального городского кольца. Здесь каждый квартал имеет авторские архитектурные решения, даже при повторном применении некоторых проектов, как это можно видеть на примере жилых корпусов, спроектированных Л. Н. Павловым на площади Лазарева. Идентичность фасадов этих пяти жилых домов (проспект Нахимова, 10, 12, 14, улица Генерала Петрова, 2/6 и 1) не оказалась достаточной для того, чтобы в паспорте последнего из них был указан этот архитектор. Пятикратное применение одного проекта для создания целостного ансамбля – важнейший аргумент для трактовки всех перечисленных зданий как архитектурного ансамбля, ведущую роль в котором играет здание ЦКБ «Черноморец».

Естественно, необходимо включать в паспорта таких домов арки между корпусами, которые представляют собой неотъемлемую часть архитектуры, как и инженерные сооружения, от которых зависит устойчивость капитальных зданий – подпорные стенки, которые в Севастополе имеют не только декоративное значение, как и пешеходные лестницы, это – исторически сложившиеся части пешеходного каркаса, которые сохранились в ходе послевоенной реконструкции города, развивавшегося на основе прежней планировки.

К 2020 году разработаны многие проекты реставрации общественных зданий Севастополя и проекты капитального ремонта фасадов жилых домов центрального городского кольца. Все они выполнялись различными организациями из разных городов и рассматриваются в ходе утверждения в Севгорнаследии «поштучно», в отрыве от единой картины застройки улиц, в отличие

от комплексных проектов больших кварталов застройки второй половины 1940-х годов, что зафиксировано в письмах В. П. Мелик-Парсаданова, к примеру в письме от 18 февраля 1949 года: «Когда им поставил подрамники, они немного молчали, потом стал говорить [В. Д.] Голли, приблизительно так: «Очень живописно, очень интересно, с чувством сделано, но несколько поселково, не монументально ([Б. Р.] Рубаненко покривился в этом месте), не на магистрали большого города. Это все... (он подбирает слово, Рубаненко пустил шпильку ему, подсказав что-то вроде «ласкает взгляд»), он продолжил «да, ласкает взгляд» и т. д. (в этом месте все улыбнулись, слишком явно была шпилька)». [Л. М.] Поляков сказал, что все это производит на него приятное впечатление и вполне приемлемо (а он, надо сказать, гораздо более нетерпим и несколько догматичен, горяч, непримирим и очень строг), он указал на ряд деталей и т. д. Рубаненко подытожил всех остальных, он сказал, что последний вариант значительно лучше четырехэтажного, что найден интересный силуэт и образ жилья на юге и что вообще, как он выразился, «получаешь настоящее художественное, эстетическое удовольствие» [6]. Это относится и к созданному им самим ансамблю квартала № 26 (по прежней нумерации), представляющему целостный фрагмент застройки Большой Морской (напротив кинотеатра «Победа») и Одесской улиц, и к жилым кварталам, выстроенным по проектам персональной московской мастерской ленинградца Л. М. Полякова (с участием зодчих-москвичей Н. И. Гришина, А. З. Даниляка, Е. Н. Стамо, В. В. Пелевина, [?] Самойловой, К. И. Соломонова) в начале четной (западной) стороны улицы Большой Морской, в начале нечетной (восточной) стороны улицы Ленина и по всей нечетной (восточной) стороне проспекта Нахимова. Точно так же, как единые кварталы-ансамбли, были спроектированы дома и в конце Большой Морской улицы, и почти на всем протяжении улицы Ленина зодчими Ленгорстройпроекта (под руководством А. С. Уразова) и Ленгоринжпроекта (под руководством Ю. А. Зимарева).

Малые архитектурные формы во всех случаях остаются вне внимания, к чему это привело можно видеть уже воочию. В 2019 году, как и в начале 2020-го, севастьяпольцы стали свидетелями варшавской реализации программы

10. Эти работы ведутся архитектурным бюро Wowhaus во главе с Дмитрием Ликиным и Олегом Шапиро.

^ Библиотека имени Л. Н. Толстого и Матросский клуб.
Фото Н. Ю. Васильева. 2019

^ Малые архитектурные формы Приморского бульвара и восстановленное здание Дома пионеров.
Фото Н. Ю. Васильева. 2017

благоустройства на Большой Морской с наиболее ценной асамблеевой застройкой. В ходе этих строительных работ были безжалостно сломаны подпорные стенки, балюстрады и пр. ради замены на гранитные элементы «московского» благоустройства, чуждые архитектуре этого белокаменного города¹⁰. Эти и многочисленные другие примеры показывают необходимость серьезной корректировки учетной документации и важность трактовки целых кварталов как архитектурных ансамблей с грамотной разработкой территорий памятников как комплексных, а не фрагментарных охранных зон. Именно это позволит повысить статус послевоенных архитектурных объектов до федерального и будет залогом более действенных мер охраны наследия.

Заключение

Послевоенные решения застройки центра Севастополя представляют собой сложившийся живой архитектурный организм, сохранивший по сей день целостность городской ткани и художественного образа. Вышло это благодаря не столько единым «творческим установкам» эпохи, сколько влиянию исторического ландшафта и климата, удачно подчеркнувших сильные стороны послевоенной неоклассики, попавшей наконец в «родные» условия. Усилия зодчих, выпускников разных архитектурных школ, сформировали единую «школу» послевоенного строительства, доказывая на деле примат важнейшего принципа обучения через делание, практическую работу. Для многих из них разработка концепций, выпуск чертежей, надзор, производимые в сжатые сроки, а иногда и параллельно, ввиду ускоренного восстановления города, стали «пропускным билетом» в круг крупных профессионалов, сравнительно безболезненно переживших стилистические переломы и идеологические повороты эпохи. Для понимания ценности и выработки охранных мероприятий необходимо не только осознание сложности стоявших перед проектировщиками той эпохи задач, но и реконструкция их образа мышления, методов проектирования, поиск общих для всех приемов и принципов.

Становится все более очевидным, что сложные теоретические вопросы оценки наследия, включая критерии ценности, методики определения предметов охраны,

составления регламентов и проч., напрямую влияют на практическую деятельность самых различных городских служб и организаций. Несомненно, надо сохранить планировочную структуру центра города, отреставрировать фасады домов, искаженные многочисленными пристройками и вывесками, испорченные окраской по натуральному белому камню, а также вернуть зданиям утраченные черепичные крыши. Но для этого необходимо повысить охранный статус таких объектов, переформировать их как архитектурные ансамбли, которые достойны стать объектами культурного наследия федерального уровня.

Литература

1. Шеффер, А. Л. Время вспомнить о былом. Воспоминания севастопольского архитектора о жизни и творчестве в минувшие 1940–2016 годы. – Севастополь : НПЦ «ЭКОСИ-гидрофизика», 2016. – 272 с.
2. Баглей, А. И., Артюхов В. М. Город-герой Севастополь. – Москва : Стройиздат, 1975. – 206 с.
3. Веникеев, Е. В. Архитектура Севастополя. – Симферополь : Таврия, 1983. – 208 с.
4. Архитектура сталинской эпохи: опыт исторического осмысления/сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. – Москва : Комкнига, 2010. – 378 с.
5. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. О статусе здания Матросского клуба в Севастополе и авторстве его проекта // Architecture and Modern Information Technologies. – 2020. – № 1 (50). – С. 65–78 [Электронный ресурс]. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2020/1kvart20/PDF/04_vasiliev.pdf (дата обращения: 20.03.2020).
6. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Послевоенный город глазами архитектора. Письма Виктора Мелик-Парсаданова к жене Майе. 1945–1949. Архитектура Севастополя // Севастопольские известия. – 2004. – № 3; 2006. – № 5; 2007. – № 6; 2011. – № 10; 2012. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: <http://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/> (дата обращения: 20.03.2020).
7. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Архитектор В. М. Артюхов и его роль в формировании послевоенного облика Севастополя // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – № 2 (47). – С. 28–42 [Электронный ресурс]. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/01_ovsyannikova.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
8. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Основополагающий тезис архитектора Валентина Артюхова «Севастополь – город-памятник» // Севастопольские известия. 1992. – № 42. – С. 10; 1993. – № 43. – С. 10 [Электронный ресурс]. – URL: http://sevzakon.ru/view/pressa/gazeta/oktyabr_20181/n (дата обращения 10.03.2020).

> Главный фасад крытой части Центрального рынка.
Фото Н. Ю. Васильева.
2019

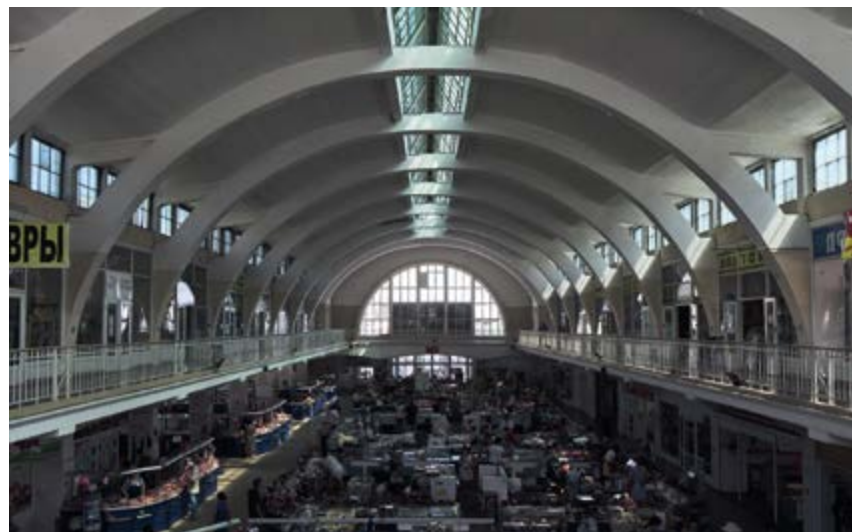

9. Васильев, Н. Ю., Овсянникова, Е. Б. Послевоенная архитектура центра Севастополя // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – № 4 (45). – С. 135–144. [Электронный ресурс]. – URL: https://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/PDF/08_vasilev.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
10. Полякова, А. Л. Архитектор Леонид Михайлович Поляков. – Москва : КДУ, 2008. – 119 с.
11. Малинина, Т. Г. Формула стиля. Ар-деко: истоки, региональные варианты, особенности эволюции. – Москва : Пинакотекa, 2005. – 303 с.
12. Ежов, В. Полвека глазами архитектора. – Киев : НИИ ТИАТ КНУСА, 2001. – 304 с.
13. Военные строителя Черноморского флота. Историческая хроника/под ред. П. Веселова. – Севастополь: Ахтияр, 1997. – 288 с.
14. Кириков, Б. М., Штиглиц, М. С. Архитектура ленинградского авангарда: путеводитель. – Санкт-Петербург : Коло, 2008. – 312 с.

References

- Bagley, A. I., & Artyukhov, B. M. (1975). *Gorod-geroi Sevastopol* [The hero city of Sevastopol]. Moscow: Stroyizdat.
- Ezhov, V. (2001). *Polveka glazami arkhitekora* [Half a century through the eyes of an architect]. Kiev: NII TIAT KNUSA.
- Kirikov, B. M., & Stieglitz, M. S. (2008). *Arkhitektura leningradskogo avangarda: putevoditel* [Architecture of Leningrad avant-garde: a guide]. Saint Petersburg: Kolo.

v Интерьер
Центрального рынка.
Фото Н. Ю. Васильева.
2019

Kosenkova, Yu. L. (Ed.) (2010). *Arkhitektura stalinskoi epokhi: opyt istoricheskogo osmysleniya* [Architecture of the Stalin epoch: historical comprehension]. Moscow: Komkniga.

Malinina, T. G. (2005). *Formula stilya. Ar-deko: istoki, regionalnye varianty, osobennosti evolyutsii* [Style formula. Art deco: sources, regional variations, peculiarities of evolution]. Moscow: Pinakoteka.

Polyakova, A. L. (2008). *Architect Leonid Mikhailovich Polyakov*. Moscow: KDU.

Sheffer, A. L. (2016). *Vremya vspomnit o bylom. Vospominaniya sevastopolskogo arkhitekora o zhizni i tvorchestve v minuvshie 1940-2016 gody* [It's time to recollect the past. Recollections of a Sevastopol architect about his life and creative work in 1940-2016]. Sevastopol: NPTs "ECOCI-gidrofizika".

Vassiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (1992; 1993). *Osnovopolagayushchii tezis arkhitekora Valentina Artyukhova "Sevastopol – gorod-pamyatnik* [A founding thesis of architect Valentin Artyukhov: "Sevastopol is a monument city"]. *Sevastopolskie izvestiya*, 1992, 42, 10; 1993, 43, 10. Retrieved March 10, 2020 from https://sevsakon.ru/view/pressa/gazeta/oktyabr_20181/n

Vassiliev, N. Yu., & Ovsyannikova, E. B. (2004; 2006; 2007; 2011; 2012). *Poslevoennyi gorod glazami arkhitekora. Pisma Viktora Melik-Parsadanova k zhene Maie. 1945-1949. Arkhitektura Sevastopolya* [A postwar city through the eyes of an architect. Viktor Melik-Parsadanov's letters to his wife Maia. 1945-1949. Sevastopol architecture]. *Sevastopolskie izvestiya*, 2004, 3; 2006, 5, 2007, 6; 2011, 10; 2012, 11. Retrieved March 20, 2020 from <https://sevsakon.ru/view/pressa/gazeta>

Vassiliev, N., & Ovsyannikova, E. (2018). *Sevastopol centre postwar architecture*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(45), 135-144. Retrieved March 10, 2020 from https://marhi.ru/eng/AM-IT/2018/4kvart18/08_vasilev/index.php

Vassiliev, N., & Ovsyannikova, E. (2019). *Architect V. M. Artyukhov and his role in post-war Sevastopol reconstruction*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2(47), 28-42. Retrieved March 10, 2020 from https://marhi.ru/eng/AMIT/2019/2kvart19/01_ovsyannikova/index.php

Vassiliev, N., & Ovsyannikova, E. (2020). *Protection status of Sevastopol Sailors Club building and its authorship*. *Architecture and Modern Information Technologies*, 1(50), 65-78. Retrieved March 20, 2020 from https://marhi.ru/eng/AMIT/2020/1kvart20/04_vasilev/index.php

Venikeev, E. V. (1983). *Arkhitektura Sevastopolya* [Architecture of Sevastopol]. Simferopol: Tavriya.

Veselov, P. (Ed.). (1997). *Voennye stroitelya Chernomorskogo flota. Istoricheskaya khronika* [Military builders of the Black Sea Army. Historical chronicle]. Sevastopol: Akhtiyar.

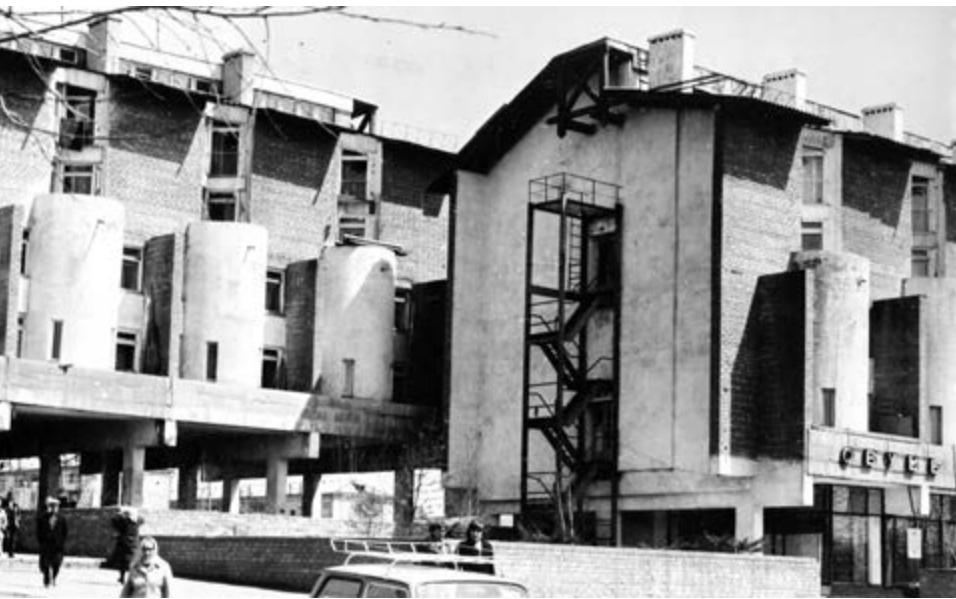
Исследованием иркутской (павловской) школы и архитектуры славного поколения шестидесятников наш журнал занимается уже более 15 лет. В самом первом номере, в рубрике ПОРТРЕТ АРХИТЕКТОРА, рассказывалось о градостроителе Вячеславе Воронежском. Периоду формирования и высшего подъема иркутской школы посвящены целые номера – ПБ26 Павлов, ПБ39–40 шестидесятники, ПБ43 Иркутск-гражданпроект, цикл статей в ПБ59 занавес XX и в десятках других выпусков. ПБ продолжает публиковать материалы по истории иркутской школы из номера в номер, мы продолжаем отдавать долг наследию наших учителей и основателей. В этом блоке – новые материалы, извлеченные из памяти современников и личных архивов, анализ предпосылок возникновения школы, ее корней и первые попытки ответа на вопрос о продолжении развития, о преемственности.

ЕГ

иркутская (павловская) школа / irkutsk (pavlov) school

Our journal has been studying the Irkutsk (Pavlov) school and architecture of the great generation of the sixties for more than 15 years. In the PORTRAIT OF THE ARCHITECT section of the first issue, we spoke about the urban planner Vyacheslav Voronezhsky. Such journal issues as PB26 Pavlov, PB 39–40 Sixtiers, PB 43 Irkutskgrazhdanproject, as well as a series of articles of PB 59 Curtain XX and a number of other issues are devoted to the period of formation and the highest rise of the Irkutsk school. PB continues to publish materials on the history of the Irkutsk school, paying tribute of respect to the heritage of our teachers and founders. This section contains new materials retrieved from personal archives and memoirs of the contemporaries; the analysis of prerequisites for the establishment of a new school, its roots and the first attempts to answer the question about its continued development and succession.

Elena Grigoryeva

Архитектура Иркутска 1960–1980-х годов рассматривается на фоне отечественной и зарубежной практики. Рассказывается об истории открытия специальности «Архитектура» на базе Иркутского политехнического института (1973). Личность архитектора В. А. Павлова характеризуется как личность Учителя, описывается его методика профессионального общения со студентами и учениками.
 Ключевые слова: Иркутск; архитектура конца XX века; традиции и новаторство; архитектурное образование; образовательные методики; Владимир Азариевич Павлов. /

Architecture of Irkutsk in 1960–1980s is considered in the context of the national and foreign practices. The article tells about the establishment of the architecture speciality at Irkutsk Polytechnic Institute (1973). The personality of architect V. A. Pavlov is featured as a personality of the Teacher; its methods of professional communication with students and apprentices are also presented.
 Keywords: Irkutsk; architecture of the late XX century; traditions and innovation; architectural education; educational methods; Vladimir Azarievich Pavlov.

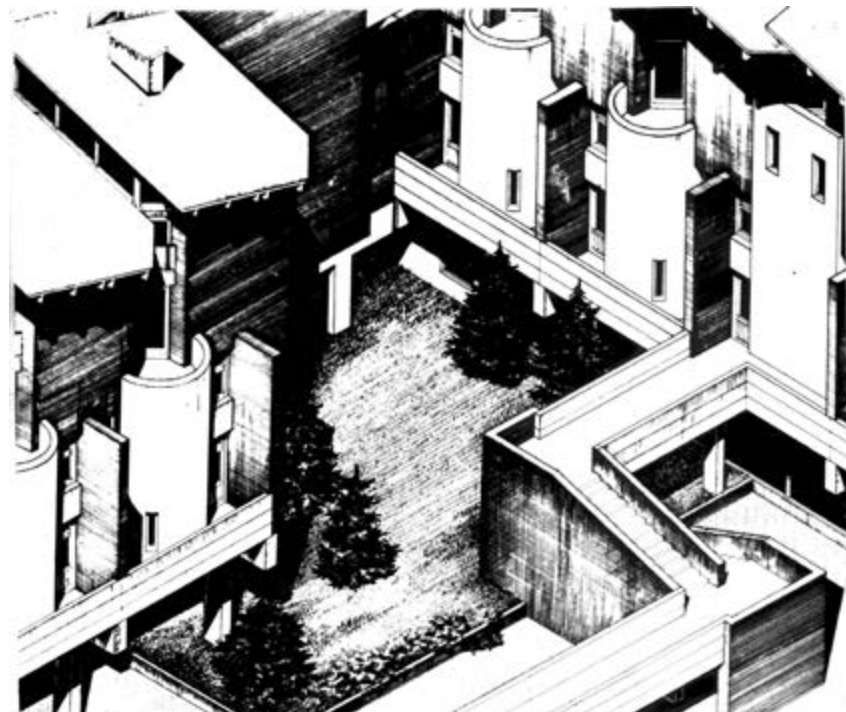
У истоков архитектурной школы Иркутска / At the origins of Irkutsk architecture school

текст
 Алла Корзун /
 text
 Alla Korzun

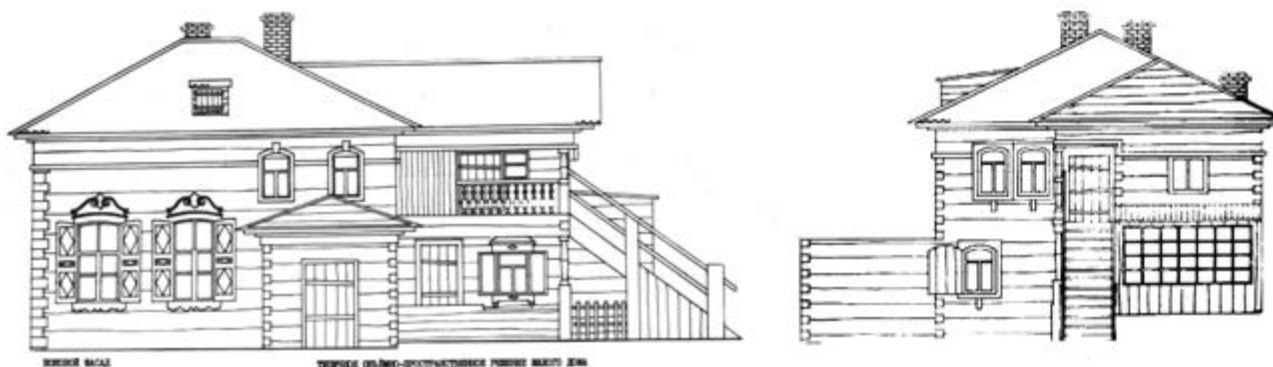
Исторически сложилось так, что Иркутск, не имевший своей высшей архитектурной школы, приглашал специалистов-архитекторов из других крупных культурных центров России. В начале XX века это были в основном инженеры-архитекторы, выпускники Императорского Санкт-Петербургского института [1]. В послевоенный период география специализированных архитектурных высших учебных заведений в стране расширилась. Соответственно в 1960–1970 годы в Иркутск приехали работать выпускники из Ленинграда, Москвы, Риги, Томска, Харькова, Новосибирска: Л. Аптекман, В. Бух, В. Воронежский, В. Колпиков, Л. Крупская, В. Нечволодов, В. Суханов и другие [2]. Иркутск притягивал особой атмосферой свободомыслия. Многие видели здесь перспективу и возможность творчества в жестких условиях того времени.

Позволю себе небольшое отступление. В начале 1970-х годов я как молодой специалист-архитектор пришла работать в Иркутскгражданпроект. За плечами была работа в Ленгражданпроекте (Выборгский филиал) и учеба в ЛИСИ (Ленинградском инженерно-строительном институте). Часто переход из вуза на предприятие бывает болезненным для молодых людей творческих профессий. Архитектурная практика того времени в СССР отличалась засильем типового проектирования и слабо развитой строительной базой. Жесткие архитектурно-строительные нормы и правила сужали и без того тесные рамки архитектурного творчества, которое так увлекало в студенческий период. Нечто подобное произошло и в моей истории. Работа в г. Выборге по распределению сразу после вуза характеризовалась множеством «запретов на индивидуальное творчество» и предполагала в основном типовые решения. Конечно, это снизило «градус влюбленности» в профессию и даже способствовало разочарованию в ней. Начав работать с таким настроением в Иркутскгражданпроекте, я с удивлением заметила, что здесь архитектурное проектирование выглядит гораздо свободней и привлекательней, а руководство заинтересовано в творческом подходе и индивидуализации конкретных архитектурно-конструктивных решений. Тон задавала собравшаяся здесь группа проектировщиков и главный архитектор института В. А. Павлов, успешно взаимодействовавшие с администрацией города.

Впервые с Владимиром Азариевичем Павловым я встретила в стенах Иркутскгражданпроекта. У меня были свои объекты. В то время моя маленькая дочь зимой часто болела. Приходилось брать больничный, а в это время кто-то другой проектировал мой объект (если в числе основных показателей стоял вопрос своевременной выдачи). Полученный таким образом результат не всегда устраивал меня по качеству. Так было и в тот раз. Владимир Азариевич по должности иногда курировал творческие результаты молодых. Посмотрев на эскизный проект столовой и на меня, он сказал: «Как-то не очень...? Вы дорожите этим результатом? Возможно переделать?» – «Да! Да! Мне тоже это не нравится», – с энтузиазмом ответила я.

^ v Жилые дома с квартирами в двух уровнях. Иркутск, м/р Байкальский. Арх. Владимир Павлов. Заказчик: Облсплоком. Проектирование: конец 60-х. Строительство: 1973–1976

И мы стали переделывать. Сроки поджимали. Надо было торопиться. Начали с образа здания столовой. В проектом задании значилось единичное здание в незастроенном дворе микрорайона Солнечный. Обладая большей информацией об этом месте, Павлов предположил, что там можно будет создать целый комплекс бытового обслуживания. А для этого надо придумать общую систему формально-конструктивных связей между зданиями, в данном случае – связующий их каркас с единым модулем (по замыслу относится к идеям структурализма). Идея мне понравилась. В следующую встречу я представила ее в эскизном проекте. Павлов одобрил, сказав в частной беседе коллегам: «Красивая столовая получилась!»

Работать с ним и одновременно учиться было интересно! Павлов заходил в нашу мастерскую почти каждый день, принося разнообразные варианты решения некоторых функционально-конструктивных «мелочей», способствующих сохранению архитектурной выразительности проекта. Приносил «почеркушки» на маленьких кусочках кальки или бумаги, говоря: «Вот я вчера вечером дома подумал, что может быть так <...>». И сам же опровергал эту версию на следующий день, ища более целесообразную.

Он шутя называл себя «формалистом», отвергая слепую подчиненность формы функции и конструкции здания, делая упор на органичном сочетании всех компонентов облика здания, не забывая про должную выразительность архитектурной формы в итоге. Иногда шутил: «Прекрасная профессия – архитектор! Он может еще при жизни поставить себе памятник», – имелось в виду авторское архитектурное сооружение. При этом профессиональные требования к качеству этого «памятника» (архитектурному проекту и его осуществлению) были у Павлова неимоверными.

Он считал, что в проектировании нет мелочей: «Высший пилотаж в архитектуре – это профессиональная культура во всем: в целом, в деталях, в мелочах. В архитектуре нет мелочей! Мелочи делают архитектуру!» Мне нравится по этому поводу выражение Миса ван дер Роза: «Красота – это бог в деталях!» Павлов настаивал на том, что архитектор сам должен «доводить до кондиции» свой проект на всех стадиях проектирования: только

выполняя рабочие чертежи, уточняя детали, осуществляя авторский надзор, архитектор может добиться желаемого результата.

Владимир Азариевич говорил также, что архитектором становятся после сорока лет. Лишь построив несколько своих объектов, архитектор приобретает опыт воплощения своих замыслов в реальные здания. Неоднократно сравнивая на практике первоначальный замысел с его осуществлением, архитектор учится мысленно вносить коррективы в будущий процесс проектирования и строительства, зная, что проект и постройка – отнюдь не всегда одно и то же. К тому же ограниченная номенклатура изделий и материалов часто приводила к замене проектных решений даже в процессе строительства. Но и в условиях ограничений Павлов видел возможности для творчества: «Скромность средств не должна отразиться на художественных достоинствах объекта. Нетрудно сделать дорогой проект; трудно сделать дешевый так, чтобы он выглядел в профессиональном плане достойно и культурно. В творчестве иногда важен процесс самоограничения!»

Здесь необходимо воссоздать картину архитектуры периода 1970-х годов в мире. Необходимо также уточнить место профессиональных поисков иркутских архитекторов в мировом контексте. Может быть, СССР отставал в развитии новых строительных технологий и материалов, но не в состоянии умов творческой интеллигенции. Она только и ждала возможности творчества. За плечами остался прославленный «авангард советской архитектуры 20-х годов» и «сталинский ампири». Взгляд архитекторов был обращен в будущее и на Запад, где к этому времени функционализм набрал обороты и дал несколько современных «стилистических ответвлений». Не будем перечислять все, назовем только те, что оказались созвучны иркутской архитектурной практике семидесятых – восьмидесятых годов [4]. Конкретная терминология, акцентировавшая те или иные особенности направлений современной архитектуры, утвердилась в отечественной архитектурной теории несколько позже. Но это не мешало иркутским архитекторам принять суть градостроительных, стилистических, социальных и иных поисков в профессиональной деятельности.

^ Фрагмент амбара
(конструктивный узел)

Как-то Павлов, собираясь на научно-практическую конференцию в Чехословакию, за отсутствием времени попросил написать ему тезисы его доклада и дал мне по этому поводу интервью. Разобравшись в записях, я выделила несколько направлений иркутской архитектурной школы, которые целиком подпадали под общепринятую терминологию: **контекстуализм, структурализм, необрутализм, регионализм** (неовернакуляр). Фактически присутствовали также некоторые другие, интернационально обозначенные приемы формообразования, например, «пять принципов Корбюзье». В докладе Павлова теоретический обзор должен был сопровождаться иллюстрациями из конкретной иркутской практики архитектуры.

Не надо думать, что ориентация на различные стилевые направления современной архитектуры была продиктована в Иркутске модой или снобизмом. Интерес к архитектурным новациям лежал гораздо глубже, ибо практически затрагивал основы формирования сложившейся исторической среды Иркутска. Это было «осознанное проектирование» на пике результатов развития современной архитектуры.

Контекстуализм в Иркутске проявлялся на практике как тактичное по отношению к исторической среде «точечное» строительство отдельных современных зданий в историческом центре. В первую очередь стояла задача соотношения масштабов старой и новой архитектуры [2]. Было выработано несколько приемов:

- «дробление» крупной современной формы на более мелкие части с дополнительным введением «указателей масштаба», соизмеримых с человеком. В основном это были тщательно проработанные детали фасадов (конструктивные узлы, водостоки, вынесенные наружу лестницы, входы, фрагменты крыш и т. д.). В зависимости от общей стилистики фасада архитектурные детали получали дополнительную пластическую выразительность и повышали художественную информативность современной архитектуры;

- членение крупногабаритных объектов современной архитектуры в историческом центре касалось не только их объемов, но и планов и было органично с точки зрения традиционного формообразования – строительства из дерева.

Основным строительным материалом для жилой архитектуры дореволюционного Иркутска был «кругляк»,

пригодная для строительства длина которого составляла ориентировочно 6 метров. Деревянные срубы 6 × 6 м и кратные им являлись своеобразными модульными ячейками, формирующими объемно-пространственную ткань жилой застройки. Многократно повторяясь в разных вариациях, пригодных для жизни горожан, они обеспечивали основу художественной и масштабной целостности застройки. Такой исторический принцип формообразования оказался очень близок направлению **структурализма**. В иркутской интерпретации новые здания выполнялись из кирпича. Материал обладал еще более мелким модулем, чем бревно, предполагал бесчисленное количество пластических решений и напрямую был связан с исторической застройкой (**регионализм**).

Некоторые из современных материалов эстетически далеки от традиционных. Поэтому на ум приходит более сложная трактовка термина **«брутальность»**. Можно найти глубокую внутреннюю ассоциативную связь в сравнении необработанного грубого железобетона с мощью старых деревянных построек и их конструктивных узлов, выполненных из толстых бревен 40–50 см. в диаметре (**необрутализм**).

Естественно, никто не ставил задачу искусственной привязки традиционных принципов формообразования к «новомодным» находкам современной архитектуры. И все же, благодаря такому образу мышления, интернациональное направление функционализма в конкретной практике Иркутска стало намного ближе к региональному стилю места.

Постепенно в Иркутске начинает складываться местная «архитектурная школа» со своим творческим кредо, определенной стратегией и тактикой нового строительства в историческом центре. Ее принципиальные позиции в концептуальном плане: сознательное резервирование территории центра для «уникальной» (в противовес типовой того времени) архитектуры будущего и ограничение этажности застройки соответственно историческому окружению. Во внешнем облике прочитывались: расчлененность формы и планов; появление крупных функционально-конструктивных деталей; скатные кровли; материал стен – кирпич; колорит – красно-белый.

Были разработаны индивидуальные проекты многократного применения, цель которых – создание современной городской среды, созвучной старой, поддержание и творческая интерпретация существующего «стиля места» с его масштабностью, камерным характером пространств, наличием детализировки фасадов и т. д. Постройки отличались сдержанным достоинством общего решения, проработанностью деталей, высокой профессиональной культурой в целом [5].

При всей сдержанности архитектура этого периода не была безликой или подражательной. Лучшие архитектурные объекты несли отпечаток личности авторов, отличались особым авторским почерком и воспринимались как авангардные, а иногда и слишком смелые. Вокруг них разгорались жаркие споры как в профессиональной среде, так и среди жителей города. Поиски иркутских архитекторов не остались незамеченными и за рубежом. Не случайно В. А. Павлов был признан мировым сообществом одним из выдающихся архитекторов своего времени.

Признание достижений иркутских архитекторов совпало по времени с открытием в 1973 году специальности «Архитектура» на базе Иркутского политехнического института. Естественным стало участие ведущих архитекторов города в педагогическом процессе. В открытии специальности участвовали члены Союза архитекторов СССР: Л. Ф. Антипин, М. Я. Ашихмина, С. М. Григорьев, В. А. Павлов, В. Е. Суханов и другие архитекторы-прак-

v Дом рыбака.
Арх. Владимир Павлов.
Заказчик: Облисполком.
Проектирование:
конец 60-х.
Строительство: 70-е

> Дом культуры профсоюз на 800 мест. Иркутск, ул. Декабрьских Событий. Арх. Владимир Павлов. Заказчик: Ирколсовпроф. Проектирование: 1966. Строительство: 70-е

тики [4]. Позднее в процесс преподавания включилась архитектурная молодежь, ассистировавшая метрам. Кто-то из них приехал в Иркутск по распределению из ведущих архитектурных вузов страны, другие по личному приглашению (меня в ИПИ привел В. А. Павлов). В совместной работе молодые специалисты могли учиться у авторитетных профессионалов. Архитекторам-практикам предстояло передать свой опыт и знания новому поколению. Несмотря на строгие учебные стандарты, процесс «перевода» практических умений в новый образовательный формат был индивидуален, интересен для всех участников процесса и отличался творческим подходом. Состоявшиеся в профессии архитекторы-практики предъявляли высокие требования к качеству курсовых проектов любой тематики. Например, в методическом фонде кафедры основ проектирования долго хранились отмычки того периода, выполненные студентами ИПИ в лучших традициях Ленинградской Академии художеств, выпускником которой был В. А. Павлов. В тот период преподавателями были приняты единые методические установки, введены коллегиальные просмотры курсовых работ, обозначены критерии качества.

Архитектурное мышление, как и жизнь, к которой оно напрямую причастно, не стоит на месте. Наша профессия и все ее составляющие всегда были подвижны. И в этом сложность владения ею, не говоря уже об обучении. Несомненно, преподаватель архитектурного проектирования должен не только обладать навыками практического **ремесла архитектора**, но и иметь широкое представление **об актуальной иерархии профессиональных ценностей**. Отсюда параллельный, двойной процесс обучения: с одной стороны, теоретическая ориентация учебной группы, своего рода «подтягивание» на нужную ступеньку движущегося в будущее профессионального поезда, с другой – индивидуальный поиск и «муки творчества» студента. В целом это достаточно сложный развивающий творческий процесс.

Не умаляя профессиональной компетентности других архитекторов-преподавателей, я сосредоточил свое внимание на Павлове как Учителе, так как в свое время прошла его «воспитательно-образовательную школу» не в вузе, а в проектном институте. А впоследствии

наблюдала его **«методику профессионального общения»** со студентами ИПИ. Отличалась она от обычных школьных отношений учителя и учеников тем, что никому ничего «не вдавливал» в пустые головы. Отношения строились на любви и желании владеть секретами профессии и как следствие – заинтересованности в обучении. При этом старший, более опытный коллега, делился своим мироощущением, практическими знаниями и личным опытом с младшими братьями по профессии, радуясь их успехам как своим достижениям.

Метод работы со студентами Владимира Азаревича включал как установочные теоретические сообщения на всю группу, так и индивидуальные консультации проекта – проектирование «тет-а-тет». Метод не нов, внешне – как у всех. Однако содержательно процесс обучения отличался благодаря масштабу личности Павлова.

Сам процесс архитектурного творчества до сих пор трудно объяснить с точки зрения рационального мышления. Конечно, этот процесс можно в учебных целях разделить на ряд обозримых и понятных задач. Но полученная в итоге механическая сумма промежуточных результатов не гарантирует художественных качеств целого на выходе.

Как-то во вводной ознакомительной беседе со студентами Павлов нарисовал зигзагообразную «кривую творчества», а сверху пересек ее одной прямой линией, сразу ведущей от замысла к результату. При этом сказал: «Путь творчества извилист. Неужели, если бы я знал, как сразу достичь желанного результата, я бы вам не сказал? Я не знаю». И они искали вместе: учитель и ученики.

Индивидуальные консультации, совместное проектирование с Павловым – это было нечто сокровенное! Мало того, что тебе сразу помогли подняться на актуальную профессиональную платформу мышления, студент или начинающий архитектор, становясь «вровень» с мастером, начинал думать, «как он», искать и отмечать возможные варианты решения, «как он», все время сохраняя в уме **баланс частного и целого**, «как он». Где **частное** – это решение отдельных средовых (или ансамблевых), функциональных, конструктивных, инженерных задач. А **целое** – это архитектурный образ здания, который

^ С 1973 по 1978 гг. В. А. Павлов вел архитектурное проектирование в группе А-73-1

«вчерне» родился на первой стадии и «маячил в воображении» в течение всего процесса проектирования. Этим отличался индивидуально-творческий метод мышления Павлова от мышления ортодоксального функционализма, в котором архитектурная форма получалась автоматически благодаря выражению во внешнем облике здания его функций и конструкций.

Архитектурное, как и всякое другое творчество, иногда имеет тупиковые ходы и требует большого духовного напряжения и трудолюбия. Для успешного развития творческой личности необходимо постоянно работать на пределе профессиональных возможностей. Архитектура – конкурентная профессия. К этому необходимо привыкать со студенческих лет. Поэтому в образовательной деятельности Павлов придерживался **«системы звезд»**. Каждое новое курсовое задание – своего рода конкурсный проект, где в итоге появлялись свои победи-

тели-лидеры. Мерой успешности была не только отличная оценка. Приветствовались оригинальность и запоминаемость проекта; таким образом, на первое место выступала личность автора.

С «Учителем Павловым» было интересно работать еще и потому, что в процессе работы он увлекался. А когда находил нечто по-настоящему стоящее в проекте своего младшего коллеги-студента, восклицал: «Гениально!» Так «в гениях» ходила поочередно почти вся его группа, поскольку многие студенты увлеченно и с большой самоотдачей работали над курсовыми проектами.

Уроки Павлова запомнились на всю жизнь. В итоге все «выпускники павловской группы» максимально успешно проявили себя в профессиональной деятельности после окончания вуза, сохранив до сей поры благодарность к Учителю.

К сожалению, не все студенты были готовы стать учениками Павлова: надо было любить профессию, хотеть напряженно трудиться и «соответствовать» требованиям мастера. Второй набор, с которым ему довелось встретиться по дисциплине «Архитектурное проектирование» только на третьем курсе, был не научен и не готов работать с полной самоотдачей. Некоторые студенты начали пропускать занятия, перестали делать домашние задания. Павлову стало неинтересно. Сказав: «Мне что, делать нечего? Меня ждут серьезные проекты...», – он оставил преподавание.

В последнее время в общественно-политических высказываниях слово «Архитектура», выйдя за рамки профессии, часто употребляется в значении некоей конструктивно-организующей силы какого-либо явления или процесса. И это не случайно, так как архитектура – это совокупное выражение материальной и духовной культуры общества. Сегодня неизбежны процессы глобализации всех сфер жизни мирового сообщества и интернационализация культур, делающие всеобщим достоянием достижения отдельных народов и народностей.

В такой момент для России очень важно самоопределение в историческом пространстве, осознание ценностей традиционной и современной культуры. При этом **профессиональное образование** становится тем узким местом «воронки», где прошлое неизбежно переплавля-

v Школа на 33 класса в Иркутске.
Применена 5 раз: Университетский, 1988, 1997; Первомайский, 1989, 1991; Солнечный, 1990; Авиазавод, 2000.
Арх. Владимир Павлов, Елена Григорьева

ется через призму современных ценностных ориентаций и знаний. Этот процесс отбора, переориентации, собственной личностной интерпретации культурной традиции места и есть процесс ее **освоения**. На мой взгляд, это и является главной задачей архитектурного образования. Страницы иркутской истории тому подтверждение.

Литература

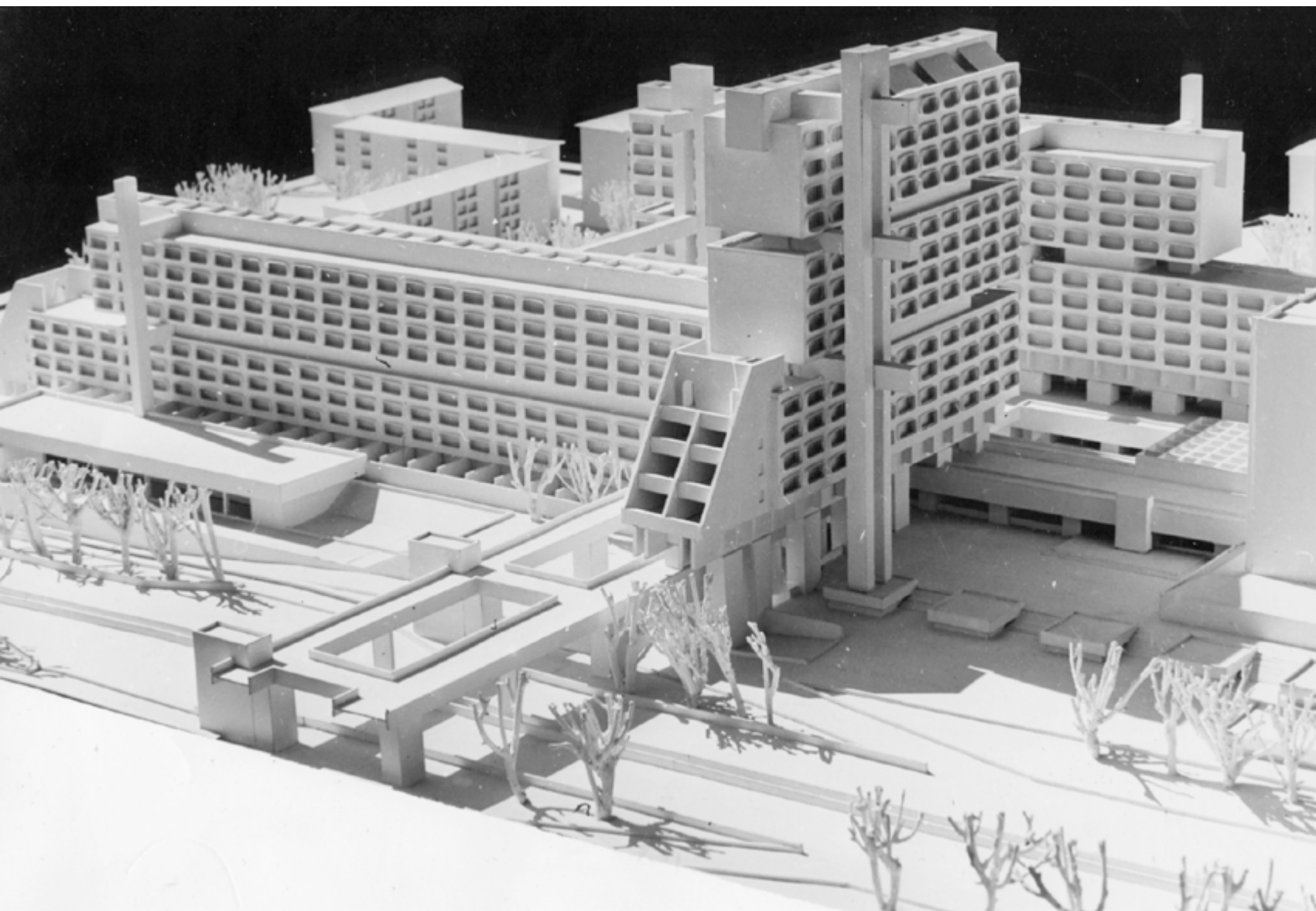
1. Ляпин, А. А. Архитекторы – выпускники Института гражданских инженеров в Иркутске в начале XX века // Вестник гражданских инженеров. – 2012. – № 2 (31). – С. 12–16.
2. Корзун, А. В. Гласность по-иркутски. Исторический город и экология культуры // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40.
3. Корзун, А. В. Архитектурный масштаб как средство гармонизации исторической городской среды // Вестник гражданских инженеров. – 2012. – № 5 (34). – С. 5–9.
4. Корзун, А. В. Архитектура шестидесятых в контексте общественного сознания // Проект Байкал. – 2014. № 39–40. – С. 114–116.
5. Корзун, А. В. Развитие архитектурного своеобразия исторического города (на примере Иркутска): диссертация на соискание ученой

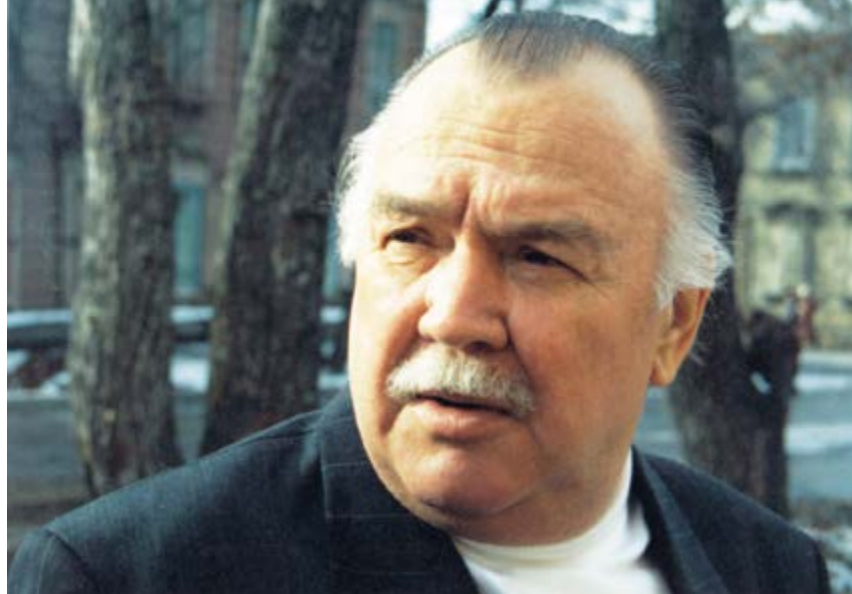
степени кандидата архитектуры. –Т. 2. – Москва : МАРХИ, 1984. – Илл. 1–4.

References

- Korzun, A. V. (1984). *Razvitie arkhitekturnogo svoeobraziya istoricheskogo goroda (na primere Irkutsk)* [Development of architectural identity of a historical city: the case of Irkutsk] [Ph. D. in Architecture Dissertation]. Vol. 2. Moscow: MArchI.
- Korzun, A. (2012). *Arkhitekturnyi mashtab kak sredstvo garmonizatsii istoricheskoi gorodskoi sredy* [Architectural scale as means of harmonization of the historical urban environment]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 5(34), 5-9.
- Korzun, A. (2014a). *Architecture of the sixtiers in the context of public conscience. Project Baikal*, 11(39-40), 114-116. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.712
- Korzun, A. (2014b). *Publicity in the Irkutsk style. A historic city and ecology of culture. Project Baikal*, 11(39-40), 110-113. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.711
- Lyapin, A. A. (2012). *Arkhitekturnyi mashtab kak sredstvo garmonizatsii istoricheskoi gorodskoi sredy* [Architects – graduates of Institute of civil engineers in Irkutsk in the early XX century]. *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov*, 2(31), 12-16.

в Жилой дом галерейного типа по проспекту Карл-Маркс-Штадт (ныне проспект Жукова).
Арх. Владимир Павлов, Николай Беляков. 1983

Иркутск, получивший бурное развитие в советский период, сохранил уникальный архитектурный облик. В семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века исторические здания соседствовали с новаторскими проектами, опережавшими свое время. Одним из тех, кому принадлежит эта заслуга, был Владимир Бух, занимавший пост главного архитектора города с 1977 по 1989 годы. Интервью с коллегами и современниками, собственные высказывания на страницах периодических изданий позволяют составить его портрет как человека и профессионала.

Ключевые слова: Владимир Бух; советская архитектура; Иркутск; историческое наследие; Владимир Павлов; шестидесятники. / Irkutsk, which rapidly developed in the Soviet period, has preserved its unique architectural outlook. In the 1970-80s, historical buildings were situated alongside forward-looking projects that were ahead of their time. One of the authors of such projects was Vladimir Bukh, who was the chief architect of the city from 1977 to 1989. His interviews with colleagues and contemporaries, his thoughts expressed in periodicals make it possible to depict his human and professional qualities.

Keywords: Vladimir Bukh; Soviet architecture; Irkutsk; historical heritage; Vladimir Pavlov; sixtiers.

Мягкая сила Владимира Буха. К 85-летию архитектора / Soft power of Vladimir Bukh. On the occasion of the architect's 85th anniversary

текст
Егор Щербakov /
text
Egor Shcherbakov

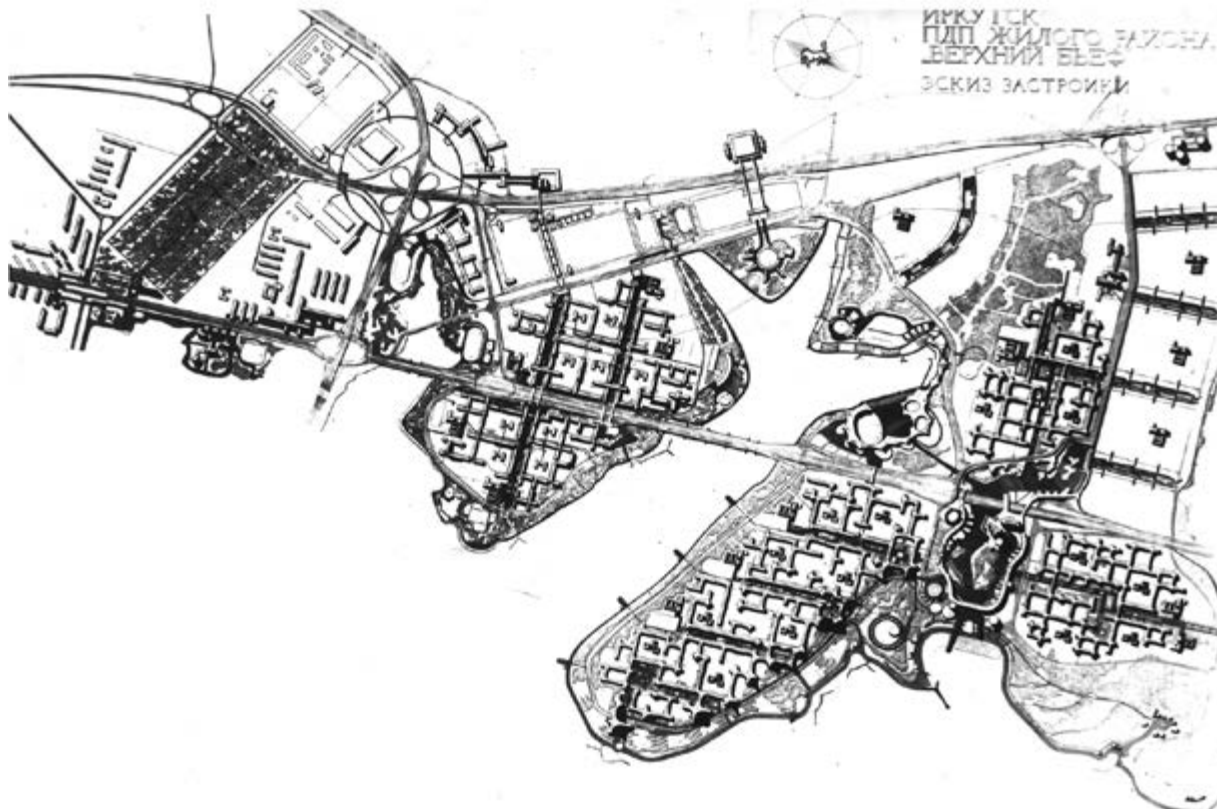
Сохранять и создавать неповторимое в эпоху тотального однообразия – казалось бы, неразрешимая задача. Ее решение нашла целая плеяда архитекторов, определивших развитие Иркутска с шестидесятых по восьмидесятые. Городу, население которого выросло с 315 тыс. человек в 1956 году до 601 тысячи в 1985-м, требовалось быстро возводимое типовое жилье. Историческое значение Иркутска, напротив, не позволяло ограничиваться стандартными решениями, повсеместное использование которых привело бы к утрате уникального архитектурного облика. «К сожалению, массовое строительство пока не особенно разнообразит внешний вид города, – констатировал Владимир Бух в первом интервью на посту главного архитектора Иркутска, которое было опубликовано 18 марта 1978 года. – Но тенденция к разнообразию все более усиливается. Есть в этом плане и удачные находки, есть и промахи. Но, мне кажется, иркутские архитекторы избрали сложный и ответственный путь – смело создавать новую архитектуру. Их работа – это постоянный поиск. Здесь будет уместно назвать В. А. Павлова, В. П. Шматкова, С. М. Григорьеву» [7].

Все трое – яркие представители поколения шестидесятников, которое сама история наделила духом созидания. В случае Владимира Федоровича путь творца был предопределен. Несколько лет назад архитектор Марк Меерович сожалел, что так и не расспросил старшего коллегу о выборе профессии, и приводил один характерный случай из детства последнего. Путиловичи, родное село Буха в Житомирской области Украины, оккупировали нацисты. Советские войска при отступлении, стараясь задержать продвижение противника, взорвали фермы железнодорожного моста через Кремну – речку, протекающую на окраине села. Немцы на удивление быстро устранили препятствие: подогнали к поврежденному пути платформу с краном и еще какими-то механизмами, вбили деревянные сваи, сделали бревенчатую обвязку и проложили новые рельсы [6, с. 121]. Увиденное поразило и накрепко засело в памяти. В этом история Владимира Федоровича перекликается с биографией легендарного представителя поколения постарше, который внес немалый вклад в развитие Иркутска: директор «Ангарагэсстроя» Андрей Бочкин именно во время Великой

Отечественной войны утвердился в желании созидать наперекор разрушению.

Запуск Иркутской гидроэлектростанции в конце пятидесятых дал невиданный ранее импульс развитию города. Для его поддержания требовалась колоссальная творческая энергия, носителями которой стали градостроители. Еще в 1954 году в Иркутск приехал выпускник МАРХИ Виктор Шматков, которому через семь лет было суждено стать главным архитектором города. В начале шестидесятых за ним последовал целый десант из Москвы и Ленинграда: Валерия Аптекман, Вячеслав Воронезский, Людмила Гольцова, Владимир Колпиков, Лариса Крупская, Евгений Пхор, Виктор Чемерис, Владимир Шилов, Владимир Павлов и другие. Помимо них в 1959–1960 годах в Иркутск прибыли Станислав Нечволодов и Владимир Бух, окончившие Киевский инженерно-строительный институт. «Первым приехал Нечволодов, – уточняет директор АНО «Востоксибакадемцентр» Российской академии архитектуры и строительных наук Елена Григорьева. – Буха сначала распределили в Томск, но потом переманили в Иркутск как в город, где позволительно творить. Ведь с точки зрения молодых архитекторов далеко не каждый город Советского Союза был подготовлен для того, чтобы они могли внести настоящий вклад в его развитие» (из интервью).

Городская периферия как архитектурный полигон
Общее направление еще в 1947 году задал первый послевоенный главный архитектор Иркутска Борис Кербель: «Исторически сложившиеся основы плана города сохраняются. Система магистральных и жилых улиц проводится с минимальной ломкой сети существующих и сводится, главным образом, к регулированию красных линий» [3, с. 328]. Борис Михайлович, правда, исходил из численности населения в 300 тыс. человек и предполагал, что город будет развиваться за счет реконструкции существующих территорий, а не освоения новых. Его последователи, напротив, имели дело со стремительно разрастающимся Иркутском. «В соответствии с генеральным планом развития города на свободных территориях за пять лет возведено 1383 тысячи квадратных метров жилья, – рассказывал Бух в 1979 году. – Интенсивно застраивались жилые районы Солнечный, Синюшина

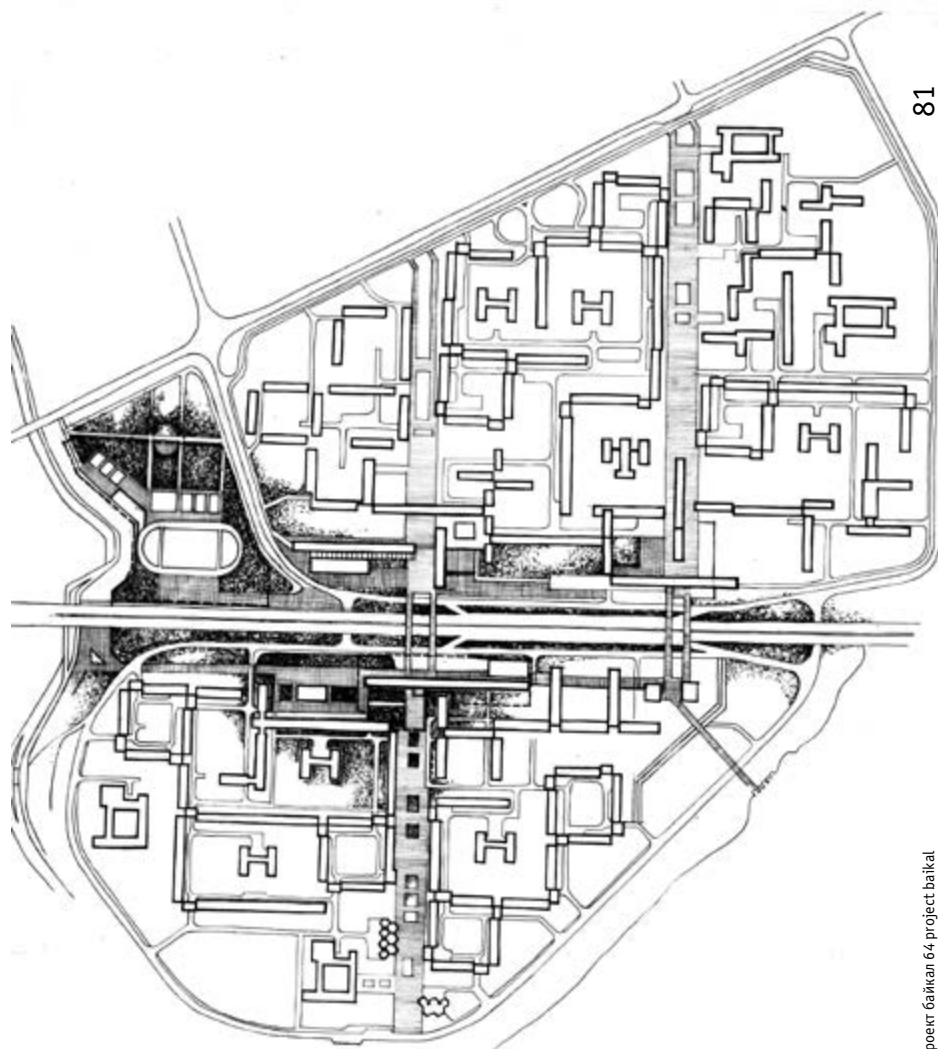

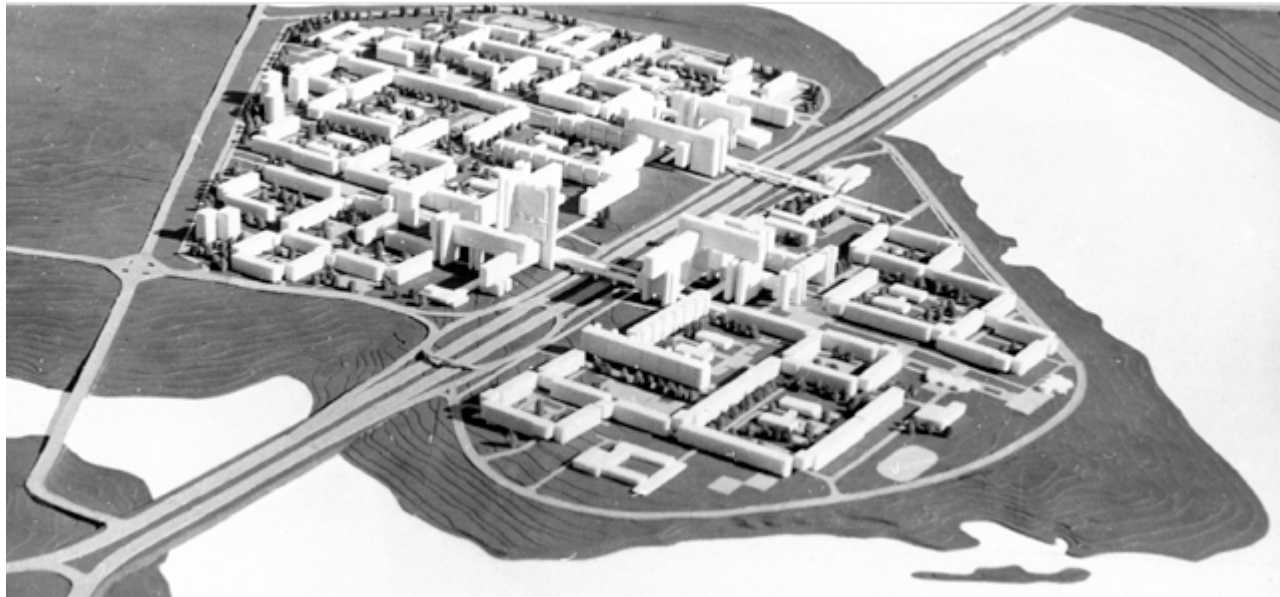
< Жилой район Верхний бьеф (Иркутск, микрорайон Солнечный).
Инициативная разработка.
Генпроектировщик:
Иркутскгражданпроект.
Авторы: арх.
В. Воронежский, В. Бух,
Н. Бух, В. Павлов,
Н. Беляков.
Начало проектирования:
нач. 1970-х

гора, Юбилейный, Ново-Ленино, Академгородок <...>
В 1978 году началось строительство еще одного жилого района в Ново-Мельниково, который получил название Первомайский. За «Иркутскую пятилетку» здесь предстоит возвести два микрорайона» [4].

На новых площадках по большей части строилось жилье массовых серий, но все равно они оставались площадками для реализации новаторских архитектурных идей. Творчество, пусть простор для него и был ограничен, проявлялось в схемах расположения зданий, оформлении фасадов, рисунках на балконных экранах и других элементах. В Солнечном, к проектированию которого в начале семидесятых приступили Вячеслав Воронежский, Владимир и Нина Бух, Владимир Павлов и Николай Беляков, воплотились замыслы, опережающие свое время. Воронежский предложил сделать планировочной осью жилого района Байкальский луч – магистральную улицу Байкальскую, берущую начало в центре Иркутска и ведущую к загородной трассе на Байкал. Очертаниям полуострова на водохранилище Иркутской ГЭС, где был построен Солнечный, архитекторы противопоставили прямоугольную сетку застройки. Двумя перпендикулярными к Байкальскому лучу были проложены пешеходные улицы, пересекающие микрорайон. Идея проложить два надземных перехода через проспект Карл-Маркс-Штадт (ныне Жукова), центральный для Солнечного, к сожалению, не была реализована. Зато по проекту Павлова на проспекте был построен жилой дом галерейного типа – «корабль», который и сегодня придает микрорайону неповторимый облик.

При том, что неосвоенные территории становились настоящими полигонами для строителей, сложившуюся среду центра Иркутска Бух старался никоим образом не нарушать, вмещаясь в нее по минимуму. Он настаивал на сохранении исторической сетки улиц, вокруг которой за несколько столетий вырос город. «Владимир Федорович научил прежде всего градостроительству, – говорит Е. Григорьева. – Конечно, Павлов еще в институте объяснял, что архитектура – это не фасады, а пространство и среда. Потом, под конец жизни он часто говорил, что Воронежский, соратник Буха, для него – крупнейший авторитет в градостроительстве. И сам

> Жилой район Солнечный.
Арх. Вячеслав Воронежский, Владимир Бух, Нина Бух, Владимир Павлов, Николай Беляков.
1970-е. Не завершено

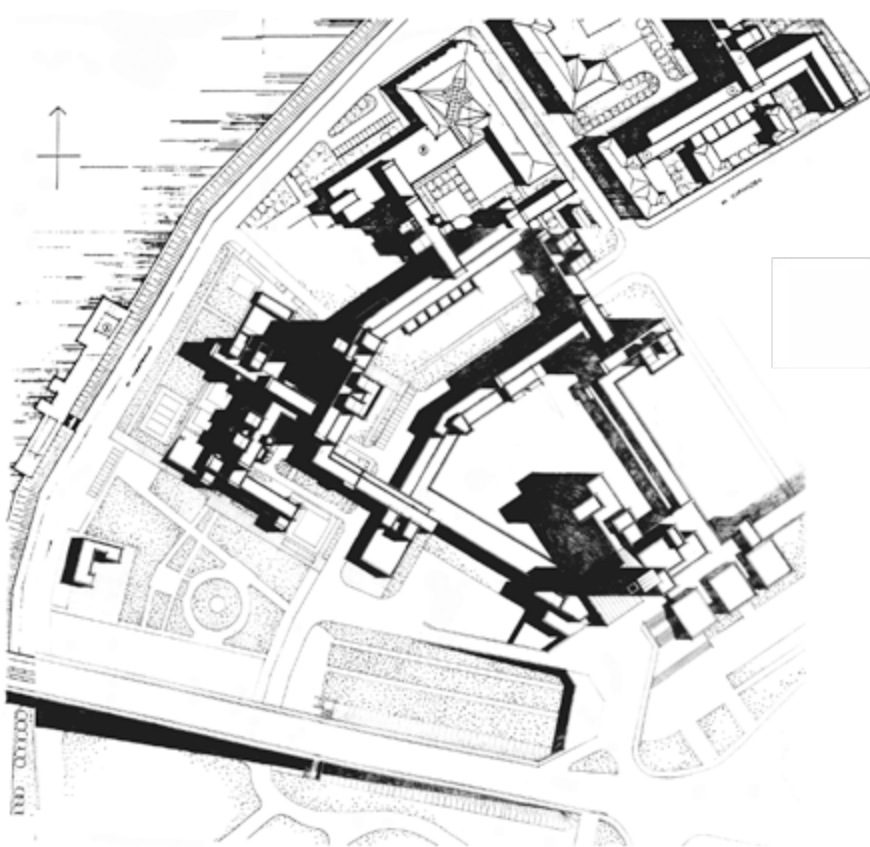
v Предмостная площадь. Вариант.
Арх. Владимир Павлов, Сергей Калинин. 1980-е

Владимир Федорович, рассказывая о том, как его коллега Воронежский, рисуя культурный центр Иркутска, нарисовал Байкальский луч, ненавязчиво приучил нас к тому, что не ограничиваемся отведенным участком, а работаем со всеми его окрестностями. И тем ценнее работа архитектора, чем шире проанализированы городские связи. Поэтому мы рисуем не домик с фасадами, а часть города, с которой он взаимодействует» (из интервью).

«Требуют неукоснительного качественного выполнения задуманного»

Цельный взгляд на архитектуру – черта, как нельзя лучше характеризовавшая Буха как профессионала. Это подтверждает председатель президиума Союза строителей Иркутской области Юрий Шкуронат: «Бух очень хорошо знал каждый пяточок земли в Иркутске. И с архитектурной точки зрения давал очень точные оценки: здесь – деловое здание, здесь – жилое, здесь – зеленую зону. Яркий пример – Предмостная площадь. Поползновения со стороны желающих построить там что-нибудь типовое было очень много. Но Владимир Федорович убедил меня как председателя горисполкома, что там нужно возвести что-то уникальное для города. Тогда в целом по Советскому Союзу было много ограничений насчет архитектурных изысков, что было неким тормозом. Но мы берегли Предмостную площадь» (из интервью). Юрий Александрович возглавлял горисполком с 1982 по 1990 годы – в то время, когда Владимир Павлов при участии Сергея Калинина разработал проект застройки территории, ограниченной Цесовской набережной, улицей Николая Гаврилова и подходом к Глазковскому мосту. Но еще раньше архитекторы-шестидесятники, ровесники Владимира Буха, возражали против идеи типовой застройки Предмостной площади и предлагали архитектурные проекты, отвечающие градостроительной значимости места. То, что в начале XXI века, когда господствующим принципом стала «монетизация площади», об этом забыли – вопрос, который следует адресовать не им, а современным девелоперам и городской администрации.

Владимиру Федоровичу на посту главного архитектора тоже приходилось едва ли не постоянно преодолевать сопротивление среды строителей и коммунальщиков. «Проекты требуют неукоснительного качественного выполнения задуманного, полного завершения начатого, – говорил он в 1978 году. – Но очень часто мы встречаем недопонимание новизны и оригинальности, а иногда просто халатность. Благоустроители жилых массивов могут спокойно заменить бут бетоном, да еще побелить его, как это делает домашняя хозяйка. Многие элементы, как скамейки, теневые навесы, беседки считают излишеством, а иногда привносят и свои «художественные из-

< Люциан Антипин,
Владимир Бух,
Валерий Лениш,
Вячеслав Воронежский,
Анна Филиппова, Елена
Варшавская (Измайлова),
Нина Шуликова, Нина Бух

менения». Так, домоуправлению в Солнечном захотелось иметь свою лишнюю комнату, и они заделали для этого проход между зданиями. За такие вольнодумства и внесение брака в архитектурные замыслы, мне кажется, надо наказывать» [1].

Для разрешения подобных противоречий руководителю, ответственному за развитие всего города, нужна была жесткость, которой, может показаться, Буху не доставало. «При первом знакомстве возникло впечатление, что я встретила человека... немножко потерянного, – не сразу подбирает нужное слово генеральный директор ООО «Брэнд Холл» Надежда Пальчикова, которая в восьмидесятые работала архитектурно-планировочным управлением Иркутского горисполкома. – Потом Владимир Федорович объяснял: «Я – человек творческий, а здесь приходится много работать с бумагами, которые меня просто поглощают. Нужен кто-то, кто бы держал это хозяйство в порядке, чтобы я мог занимать только творчеством». При таком подходе к работе архитектор очень тонко понимал механику бюрократии и знал, на какие рычаги этого огромного неповоротливого механизма следует нажать для пользы дела. Николая Салацкого, который возглавлял горисполком до начала 1980 года, он убедил в том, что здания в центре Иркутска следует возводить по индивидуальным, а не типовым проектам. Каждый из них требовал согласования в Государственном комитете по архитектуре и строительству, а многие застройщики старались всеми силами избежать этой процедуры (из интервью). «Если бы такой договоренности не было, сейчас центр Иркутска был бы застроен панельными домами, как это произошло со многими сибирскими городами, – уверяет Е. Григорьева. – В том, что сейчас нам есть, что сохранять и за что бороться, заслуга Владимира Федоровича Буха» (из интервью).

Победная стратегия человека порядка

Сам он еще в 1983 году называл слишком упрощенным популярный и сегодня подход, сводящийся к сносу старых «деревяшек» и строительству на их месте высоток. «У нас очень много памятников истории, культуры и архитектуры, которые не только нужно охранять, обустраивать, но и гармонично вписать в современные масштабы и требования застройки, – так Бух видел задачу, реше-

ние которой было возложено на него как на главного архитектора города. – В этом одна из ее особенностей. Другая заключается в том, чтобы, используя местный ландшафт, не утратить своеобразие города, не похожего на соседние сибирские центры» [2]. Неоднозначность конечной цели, да еще в условиях наложенных на «архитектурные изыски» ограничений, диктовала условие: достичь ее не может одномерная личность. Неспроста Марк Меерович, говоря о наставнике и старшем коллеге, приводит противоречивый образ на грани оксюморона: мягкая скала [6, с. 126]. «Владимир Федорович был абсолютно скромным, вроде даже незаметным, но за свою профессию, за какие-то архитектурные вопросы он дрался до последнего, – добавляет Ю. Шкуропат. – И, как правило, побеждал. С ним считались и другие архитекторы, и строители» (из интервью).

Этому способствовала не только сила убеждения, но и высочайшая степень профессионализма. Видя большой город как единое целое, Бух досконально разбирался во всех архитектурных мелочах, ничего не упуская из виду. Иллюстрируя его подход к делу, Ю. Шкуропат приводит пример: в 2018 году, памятуя о совместной работе с Владимиром Федоровичем, он предложил специалистам областной службы архитектуры вместе с сотрудниками комитетов по градостроительной политике и городскому обустройству администрации Иркутска пройтись по улице Карла Маркса, внимательно изучить фасады и отметить недочеты в их содержании. Одна из первых остановок произошла у здания Байкальского государственного университета, бывшего Института народного хозяйства, расположенного у перекрестка с улицей Ленина. Его фасад как раз недавно обновили и покрыли свежей краской. Поняв, что поиск недостатков на «лице» здания зашел в тупик, глава областного союза строителей достал советский ГОСТ на водосточные трубы. «В 1984 году, когда мы готовили иркутскую шестилетку, я в общей сложности 100 дней провел в Москве и там насмотрелся, как они устроены, – объясняет он. – Диаметр чуть побольше, крепления и система монтажа немного иные. У нас, к сожалению, это и сегодня не везде есть. Как следствие, когда приходит весна, лед, скопившийся в воронке водосточной трубы, глыбой обрушивается вниз

^ Елена Григорьева и Владимир Бух подбирают фотографии работ В. Павлова для публикации в журнале «Проект Байкал»

^ Владимир Бух, Сергей Алексеев и Люциан Антипин на редакции журнала «Проект Байкал»

и полностью разбивает нижнее колено. Вода, которая течет по обкусанной трубе, размывает фасад. Объяснив это на примере Нархоза, я заключил: если бы главным архитектором города был Владимир Федорович, он бы никогда не подписал такой проект. Он до мелочей знал, что такое здание и как его правильно строить и эксплуатировать» (из интервью).

В одном из уже упомянутых интервью Бух не зря говорил, что реализация любого проекта требует неукоснительного выполнения задуманного. За то, что он следовал этому принципу, самого архитектора называют человеком порядка. Когда разговариваешь с современниками Владимира Федоровича, осознаешь, что такое определение подходит ему как нельзя лучше. «Была такая история: шел отвод земли под гаражи, и мы попросили Владимира Федоровича посодействовать, – говорит Н. Пальчикова. – Он ответил мягко, но твердо: «Нет, ребята, я этим заниматься не буду. Как положено, по району встаньте в очередь на участки». Тем не менее, квартирный вопрос он решил для всех своих сотрудников без исключения» (из интервью). Кстати, в отношениях с подчиненными и коллегами человек порядка в полной мере проявлял человеческую порядочность. Он никогда не позволял себе повысить голос на собеседника, отстаивая свою позицию мягко, но уверенно. Во время выездов «на картошку», обязательных для сотрудников всех советских учреждений, Владимир Федорович работал наравне со всеми.

Заповедь архитектора: не навреди обществу

Памятью о силе коллектива, было бы не совсем справедливо приписывать только ему одну заслугу в формировании узнаваемого облика Иркутска на рубеже семидесятых-восьмидесятых. С его приходом на пост главного архитектора города в 1977 году сложился триумvirат, немислимый без председателя горисполкома Николая Салацкого и главного архитектора «Иркутскгражданпроекта» Владимира Павлова. Конечно, найдется немало критиков последнего, исповедовавшего необрутализм. Но в свое время Павлова заслуженно включили в список 50 величайших архитекторов мира. И построенные по его проектам дома на бульваре Гагарина, Российской, Коммунаров и других центральных улицах Иркутска, при всей

непривычности внешних форм, органично дополнили существовавшую ранее застройку, в том числе историческую. Глядя на эскизы здания горкома КПСС и горисполкома на улице Ленина, склоняешься к мысли, что в законченном виде он бы точно так же вписался в окружение. Бух до последнего настаивал на том, что «Дом на ногах» необходимо достроить. Возможно, в то время его мнение не имело особенного веса для чиновников городской администрации – пост главного архитектора Владимир Федорович покинул в 1989 году, а из проектного подразделения при горисполкоме ушел еще через четыре года. Но в профессиональных кругах в его авторитете никто бы не усомнился. Особенно в свете того, что шестидесятник Бух и во время постсоветской трансформации девятидесятых подкреплял его делами. Будучи главным архитектором «Сибэскоцентра» он, сотрудничая с немецкими специалистами, по всем современным стандартам спроектировал выставочные павильоны (идея возвести на месте них, задуманных как временные, постоянное сооружение, к сожалению, не была воплощена). Он же перенес на сибирскую почву иностранный опыт строительства таунхаусов, создав «канадскую деревню» в Солнечном и поселившись в ней.

Еще одним детищем Буха стал журнал «Проект Байкал», на страницы которого в «нулевые» не раз выносили острые темы. В первом же его номере было опубликовано профессиональное кредо Владимира Федоровича: «В Кодексе профессиональной этики есть такой пункт, где говорится, что архитектор при выборе между интересами заказчика и общества должен отдавать предпочтение интересам общества. Это его профессиональная обязанность, такая же, как у врачей: «Не навреди!»» [7, с. 20]. Депутаты Думы Иркутска по-своему трактовали интересы общества, когда 23 апреля 2007 года проголосовали за ликвидацию «Дома на ногах». Когда полтора года спустя его начали сносить, Владимир Бух вышел из правления Иркутской региональной организации Союза архитекторов России и градостроительного совета при администрации Иркутска. Но неутолимая жажда деятельности, характерная для настоящего творца, заставляла его до последних дней издавать «Проект Байкал», по-прежнему поднимая на страницах журнала

< Юрий Бержинский, Владимир Бух и Люциан Антипин вспоминают о 60-х. Последняя встреча в иркутском Доме архитектора на редакции ПБ 11 сентября 2013 г.

актуальные темы. За пять дней до кончины, 11 сентября 2013 года, Владимир Федорович живо обсуждал с архитектором Люцианом Антипиным и сейсмологом Юрием Бержинским план следующего номера... Журнал, посвященный шестидесятиникам, вышел уже в 2014 году.

Согласно расхожей фразе, творения переживают своего творца. Дух Владимира Буха, его подход к делу живы даже в тех проектах, которые придумывали и реализовывали ученики и последователи архитектора. Под влиянием идей Владимира Федоровича и его современников был спроектирован 130-й квартал в Иркутске. Практическое воплощение отличалось от первоначального проекта, но в целом была сохранена концепция, построенная на идее зеленой зоны, которая спускается от площади перед Иркутским областным музыкальным театром к набережной Ангары через «стрелку» улиц Седова и 3 Июля. «Мы отчасти сумели претворить ее в жизнь, – резюмирует Е. Григорьева. – Свою идею, 130-й квартал, мы построили на заповедях шестидесятников: на связях, на потоках, на среде» (из интервью).

Литература

1. Будущее города Иркутска // Иркутский строитель. – 1978. – № 15. – С. 4
2. Волков, Н. Как развиваться городу? // Восточно-Сибирская правда. – 1983. – № 54. – С. 2
3. Кербель, Б. М. Реконструкция и развитие г. Иркутска // Конференция по изучению производительных сил Иркутской области: тезисы докладов (4-11 августа 1947 г.) – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1947. – С. 328-330
4. Колесников, Ю. Молодость старого города // Восточно-Сибирская правда. – 1979. – № 73. – С. 4
5. Круглый стол «Конкурс. To be or not to be» // Проект Байкал. – 2004. – № 1. – С. 20-24
6. Меерович, Марк. Бух Владимир Федорович // Проект Байкал. – 2014. – № 39-40. – С. 121-128
7. Невзорова, С. Силуэты будущего города // Советская молодежь. – 1978. – № 32. – С. 4

References

- Budushee goroda Irkutsk [The future of the city of Irkutsk]. (1978). Irkutskiy Stroitel, 15, 4.
- Bukh, V., Grigoryeva, E., Kolesnikov, A., Stegaylo, V., Buynov, A., Zhukovsky, N., Druzhinina, I., Sherstova, N., Gladkov, A., Uralpova, G., & Dulatova, K. (2004). «Konkurs. To be or not to be?» [A Competition. To be or not to be?]. Project Baikal, 1(1), XX-XXIV. doi:10.7480/projectbaikal.1.303
- Kerbel, B. M. (1947). Reconstructsiya i razvitie Irkutsk [Reconstruction and development of Irkutsk]. Konferentsiya po izucheniyu proizvoditelnyh sil Irkutskoy oblasti: tezisy докладов (4-11th of August, 1947) (pp. 328-330). Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR
- Kolesnikov, Yu. (1979). Molodost starogo goroda [Youth of the old city]. Vostochno-Sibirskaya Pravda, 73, 4.
- Meerovich, M. (2014). BUKH Vladimir Fedorovich (1935-2013). Project Baikal, 11(39-40), 121-128. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.678
- Nevzorova, S. (1978). Siluety budushego goroda [The silhouettes of the future city]. Sovetskaya Molodezh, 32, 4.
- Volkov, N. (1983). Kak razvivatsya gorodu? [How the city should develop?]. Vostochno-Sibirskaya Pravda, 54, 2.

^ Публикация в «Восточно-Сибирской правде»

Миссия зодчего / Mission of an architect

текст
Л. Машир /
text
L. Mashir

Кладя свой кирпич, надо все время сознавать, что и ты помогаешь строить мир.

Сент-Экзюпери

Кажется, мне не везло. Уже дважды я поднималась на четвертый этаж в поисках моего неуловимого героя и дважды слышала: «Воронежский на планерке», или «Он у главного инженера – срочная работа...».

В третий раз, появляясь на пороге мастерской, я уже твердо была уверена – неудачам не будет конца. Низко склонившись к чертежам, девушки, прежние мои информаторы, с подчеркнутым вниманием занимались каждая своим и «не замечали»... ссоры:

– Поймите, у нас для этого нет ни времени, ни денег. Нас торопят.

– Знаю... и считаю – есть и время, и деньги.
– Это не ваше время и деньги не ваши.

Седой высокий человек с усталым лицом в упор смотрел на молодого. По всему было видно – его вывели из терпения. И другой, молодой, тоже смотрел в глаза под тяжелыми веками на побледневшем лице и молчал. Его молчание выражало никак не согласие, оно было – протест. И седой человек это понял.

– Я настаиваю. Сдайте рабочие чертежи. Нам незачем переделывать каждый по двадцать раз!

– ...Чертеж будем переделывать столько, сколько потребуется...

Мальчишеские узкие плечи выпрямились и полный удивительного спокойствия взгляд уперся в «противника»:

– Чтоб не халтура, чтоб чертеж.

Который же из двух Воронежский? – соображала я, припоминая слова Рабея, директора института: «... талантливый, растущий архитектор, и очень-очень серьезный товарищ». Дверь мастерской шумно закрылась. Опытному противнику явно не хватило выдержки.

«Неужели этот курносый задира?» Это был он – главный архитектор проекта Вячеслав Воронежский.

Конец сентября принес в Москву листопад и беспорядочное «бабье лето». На каждом углу появились астры. Белые, красные, синие, они тоже напоминали осень.

Сквер на площади Ногина снова манил к себе слегка поблекшим уютом и тополинокаштановой грустью.

Он любил этот сквер. Здесь думалось хорошо. Хорошо мечталось, радовалось, любилось... И вот – прощание.

Завтра он будет далеко от этого милого сердцу сквера, от своего «Alma mater» на углу Кузнецкого моста и Рождественки, – от города, где родился и вырос. Но ему не было грустно. Не было...

Их уезжало восемь. Восемь выпускников Московского архитектурного института с трудом добились направлений на работу в Сибирь, в Иркутск. И среди них была та, что стала его женой. Уже целую неделю Лера была его женой!!

Еще и еще раз вспоминалось, что сказал на защите дипломных работ Владимир Венедиктович Кратюк, один из любимых и уважаемых в институте педагогов:

«...Мы воспитывали в вас сознание высокой общественной – миссии. Миссии архитектор – служить благосостоянию своего народа, Будьте же достойны времени, в котором мы живем. И тогда созданное вами будет прекрасно, потому что оно для людей».

Как он это теперь понимал! Еще с первого курса он слышал примерно то же самое, но относил это в ряд «громких» слов. Что ни говори, а зрелость великая вещь. Зрелость умеет преподносить открытия. Сколько их уже было! Сколько будет еще, великолепных моментов открытий – все равно каких – звезды, человека, города. Маленькую точку нанесут на карту и рядом поставят название, а точка будет расти – как быстро расти может один только город. Его город! Его открытие!

Он простился со сквером и зашагал к центру, где длинные осенние сумерки украшали Москву в огне. И глядя на эти огни, ему виделись полные утреннего зарева далекие, удивительные города.

Мы знали, куда едем и что будем делать, – у него до удивительного мальчишеское лицо. Даже не по годам (ему 28) высокие зальсины ничего не могли поделать – то ли все тот же «ежик» русских волос, то ли манера разговаривать вытягивая губы вперед, то ли сохранившиеся со студенчества резкие словечки, – жестоко отнимали нажитые годы.

Очерк был опубликован в газете «Восточно-Сибирская правда» 28 октября 1965 года

ПРОЕКТ БАЙКАЛ продолжает этим цикл публикаций о выдающемся градостроителе Вячеславе Воронежском (пб 1, 9, 13, 26, 39–40, 43, 59)

Да, они знали куда ехали! «Иркутскгражданпроект» вступил только в первую стадию своей организации. (Его штат состоял из директора, главного инженера и бухгалтера). А потом приехали первые энтузиасты – архитекторы Нечволодов из Киева и Воробьева из Томска – это был первый «поток». Во втором были они – выпускники Московского архитектурного.

Десять архитекторов – уже большая сила. А потом пришел день, когда в Иркутске перестали существовать очень похожие проектные организации: «Горстройпроект», «Облстройпроект» и «Востсибшахтострой». И стал существовать один только «Иркутскгражданпроект», теперь уже могущественный крупный институт, (где, кстати сказать, и по сей день не хватает специалистов), но где: – Самостоятельность! Порой от нее стонешь, – нет, он не жаловался, он снова счастливо улыбался. – Здесь работа сложнее и глубже... Значит, интереснее... Они посерьезнел. В Москве было бы проще...

Лес стоял рыжий и теплый, весь опущенный в тишину. Скользящая тропинка вела в гору. Шли вдоль нее, где мягко приседала трава под шумящим желтым листом.

Вячеслав шел первым, на ходу разворачивая карту. Выдавшая виды куртка, ботинки и опытный шаг выдавали в нем старого туриста. Когда поднялись, Вячеслав уже вышагивал между берез с развернутой картой и что-то прикидывал.

– Сейчас пройдем Олхинскую гору, здесь повернем и спустимся вот с этой стороны. Посмотрим эту низину и углубимся в лес, обследуем вот эту площадку. И на сегодня хватит. Больше не успеем. Пошли.

– Здесь, на этой бровке, должен быть центр. Лучшего места ему не найдешь. Во-первых на виду. Во, вторых, сюда как раз должна приводить главная магистраль... Алла, ты согласна со мной?

Инженер-транспортник Алла Заремба – сама сосредоточенность. Она считает... магистрали. Ей предстоит серьезная задача – составить схему основных транспортных линий будущего города: то, что у инженеров принято называть «уличной сеткой», а архитектор назвал бы это скорее скелетом города, который потом будет обрастать застройкой.

– Вот на этих плоских плато как раз уместится по микрорайону, а распадки между ними будут служить естественной зеленой зоной. И как можно больше сохранить леса...

Он умеет рассказывать. После его слов невозможно не увидеть в прозрачных березовых рощах высокие дома и в ложине с единственной тропкой – клумбы между дорожек и зеленые скамейки...

– А вы сюда посмотрите, какой чудесный вид из окон будет – вся пойма, как на ладони, – Тамара Кульгавова, руководитель вертикальной планировки, самый восторженный в группе человек. – А воздух какой! Нет, ребята, вы как хотите, а я за эту площадку!

Да, что-то скажут экономисты. Последнее слово им. А он уже видел:

– Здесь и дальше, вот там, лягут мосты в двух уровнях движения, и внизу по тоннелю пройдет грузовой транспорт. В Москве без рельефа это делают, а нам рельеф помогает. Эх и город здесь будет.

«Интересное место», – так может сказать только архитектор. Он надолго задумался. И я знала о чем. Он вспоминал проект. Готовый тщательно разработанный проект второй очереди строительства Шелехова, которому было отдано около года и которому суждено остаться неовплощенным. Кто в этом виноват? Никто.

Бывает очень трудно определить пути развития города. Вот и с Шелеховым. Генеральный план города

уже существовал, когда вдруг выяснилось, что с ростом промышленного комбината растет угроза загрязнения воздуха над площадкой перспективного жилищного строительства, и вот выбирается новая площадка. Даже детали прежнего удачного проекта нельзя будет использовать здесь. Оказалось, «интересное место» потребует совсем других новых архитектурных решений. Ну что ж, новых так новых. И в новом проекте будет все так же тщательно – продумано, вплоть до обсаженной тополями пешеходной дорожки к заводу. Все, начиная от административно-торгового центра с внутренним зимним двором до микрорайонов с минимальным количеством проездов. Ведь город предназначен для людей, значит, город служит человеку. И еще его тревожит забота – надо как-то решить уже назревшую проблему: нужны предприятия женского труда. Нужна, допустим, фабрика детских игрушек... Так было с Шелеховым.

Много сложнее было с Усольем, над генеральным планом которого только что закончена работа.

– Слава, какие вы помните моменты или решающие повороты в своей жизни?

Он помолчал.

– А, знаете у меня все прямо. Может быть, странно...

Мне не казалось странным. В конце концов, не каждый человек мог похвастать тем счастьем, что нашел себя в жизни сразу. А ведь могла произойти ошибка. С детства мечтал он о море. И когда в руках оказался аттестат, решил поступать в Ленинградское военно-морское училище им. Дзержинского. Но комиссия «придралась» к зрению... Пришлось вернуться домой и послушаться совета старого друга, школьного учителя рисования – «Суриковское или архитектурный».

– Вот так и не стал я моряком, – он подтрунивал над собой, и было видно, он ничуть не жалеет о том, что случилось.

Пять лет работы – срок приличный. За эти пять лет было все. Трудные дни поисков и сложных решений, дни настоящего творческого горения, когда мысли торопят руки и рукам не угнаться за мыслью. Были дни радостных находок, счастливых удач. А как жарки всегда споры по вечерам в большой мастерской.

Мир этого человека и строг, и разнообразен. Можно было бы еще долго рассказывать о километрах исхоженных туристских троп Восточной Сибири, об его итальянских впечатлениях и оригинальных взглядах на архитектуру и живопись, об очень важной и до сих пор нерешенной проблеме современной архитектуры, которая не дает покоя этому человеку. О кукольном театре, который так полюбили в институте и участником которого он являлся, о любимых стихах Пабло Неруды – «это почти Пушкин!» И о сыне, полторагодовалом Сережке – гордости отца. И еще о многом.

Но жизнь человека не уложится в газетные строки.

У каждого человека есть свое большое предназначение в жизни, у Вячеслава Воронежского – тоже. Строить прекрасный мир – это его миссия человека и миссия зодчего.

Статья посвящена архитекторам-шестидесятиникам, внесшим вклад в развитие архитектуры Иркутска, но по разным причинам покинувшим его. На основе рассмотрения объектов, спроектированных В. М. Аптекман, В. Н. Банитом, В. С. Воронежским, Л. Г. Крупской, В. А. Павловым, Е. Б. Пхором, Л. М. Резвяковой, В. А. Чемерисом до и после отъезда, делаются выводы о влиянии иркутской школы на формирование творческого почерка авторов.

Ключевые слова: советский модернизм; XX век; историческое наследие; Иркутск; архитектура науки. /

The article is devoted to architects of the sixties who contributed to the development of architecture in Irkutsk and who left it for various reasons. Studying the projects designed by V. M. Aptekman, V. N. Banit, V. S. Voronezhsky, L. G. Krupskaya, V. A. Pavlov, E. B. Pkhor, L. M. Rezvyakova, V. A. Chemeris before and after their moving to other cities, the author makes conclusions about the impact of Irkutsk school on the formation of the architects' creative manner.

Keywords: Soviet modernism; XX century; historical heritage; Irkutsk; architecture of science.

Влияние архитектурной школы Иркутска на авторский почерк ее мастеров / The impact of Irkutsk architecture school on its masters' unique manner

текст
Константин Антипин /
text
Konstantin Antipin

Точкой отсчета в формировании иркутской школы можно обозначить 1960 год. Тогда, добившись коллективного распределения, в город приехали восемь выпускников МАРХИ, среди которых В. С. Воронежский, В. М. Аптекман, Л. М. Резвякова, В. А. Чемерис, Е. Б. Пхор и Л. Г. Крупская. Годом ранее начал работать в Иркутске киевлянин С. Д. Нечволодов, теперь к нему присоединился однокурсник В. Ф. Бух. В последующие годы из разных городов продолжают прибывать все новые архитекторы и инженеры, в их числе и ленинградец В. А. Павлов, сыгравший значительнейшую роль в создании новой архитектурной идентичности Иркутска. Прибытие архитекторов и включение их в работу важно для Иркутска как города. Но для Иркутска как уникальной региональной школы интересно и то, что происходило в творчестве ее «учеников» после отъезда. Ведь, оставляя Иркутск, они не оставляли профессию и продолжали проектировать. Любопытно рассмотреть, насколько повлияла работа в Иркутске на их авторский стиль.

Одним из первых выпускников МАРХИ 1960 года, покинувших Иркутск, стал Е. Б. Пхор. За шесть лет пребывания в Сибири он успел поработать над генпланами Слюдянки, Нижнеудинска и Усолья-Сибирского. Но главным иркутским объектом Пхора стало Ново-Ленино и его четвертый микрорайон. Из-за отсутствия должного финансирования на комплексную застройку района архитектор буквально увяз в разрешении бытовых проблем жителей, принимая их с жалобами у себя дома [1]. Поселившись в собственном детище, молодой архитектор на себе испытал все тяготы новоселов, вынужденных мириться с отсутствием инфраструктуры. Излишки производства ангарского домостроительного комбината, которыми руководство Иркутска решило покрыть дефицит жилья, позволяли сооружать лишь дома серии I-335. Общественные здания: школы, детские сады, больницы и поликлиники – требовали больших размеров окон и высоты потолков. В меру своих сил Пхор пытался разрешить хотя бы часть проблем ново-ленинцев и в нарушение СНиПов спроектировал детский сад из панелей жилого дома.

По возвращении в столицу, устроившись в Моспроект-1, архитектор продолжил работать над градостроительными проектами новых районов массовой жилой

застройки. Особое место среди них занимает Орехово-Борисово. Будучи главным архитектором проекта детальной планировки района (рис. 1), Пхор предложил сделать его центр линейным и кроме стандартного набора общественных учреждений разместить в нем места приложения труда – КБ, НИИ, безвредную промышленность, техникумы и училища. Все они составляли единую пространственную плиту с общими парковками в подземном уровне, вычислительными центрами, столовыми и прочим обслуживанием. По центральной оси комплекса тянулась пешеходная эспланада, далее пересекавшая Борисовские пруды и заканчивавшаяся на высоком берегу Москвы-реки видом на Коломенское, Новоспасский монастырь и Кремль. Хотя архитекторам удалось добиться решения о строительстве предприятий следующей пятилетки в центре жилого района, возможности для их комплексного проектирования в виде задуманной Пхором пространственной плиты на тот момент у московских проектных институтов не было. И все-таки территорию начали застраивать отдельными производствами, институтами и учебными заведениями, таким образом обеспечив часть населения района местами приложения труда.

С противоположной стороны от линейного центра микрорайоны примыкали к Царицынскому парку. Чтобы сохранить виды на дворцовый ансамбль, высотная застройка была смещена вглубь массива, а первую линию заняли малоэтажные здания детских садов и школ. К парку как рекреационной зоне от центра тянулись через жилые микрорайоны пешеходные бульвары. Однако и их, и оставшиеся клочки земли вокруг детских учреждений в последующие десятилетия «уплотнили» домами высотой в полтора-два раза большей, чем у застройки прежних лет. Таким образом, в 1980-х жилой массив все же вторгся в видовые панорамы Царицынского дворца, что особенно обидно, учитывая редкость внимания к этой проблеме для начала 1970-х.

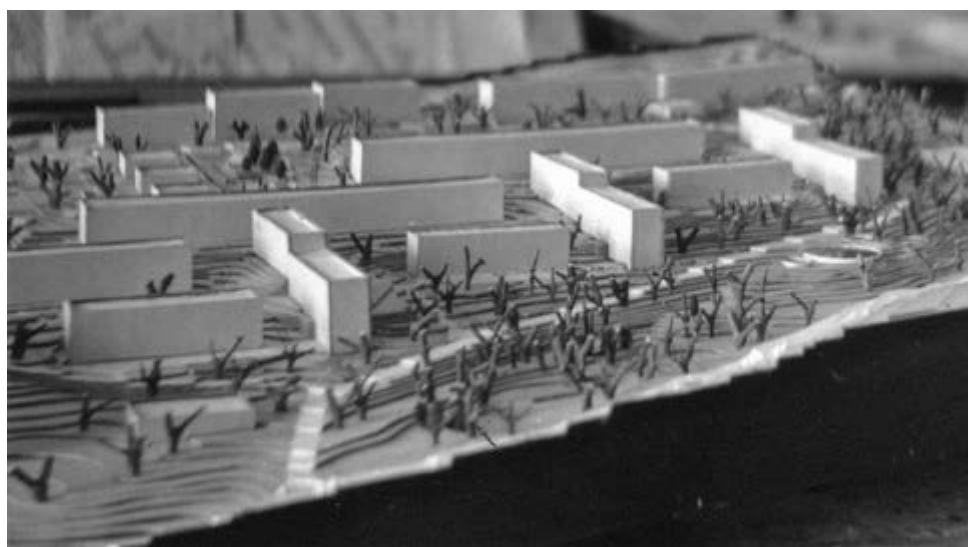
В 1974 году Пхор перешел на работу в институт «МосжилНИИпроект», где руководил комплексной реконструкцией кварталов в центре Москвы. Ключевым принципом в подходе архитектора стало отношение к жителям как к заказчикам проектирования: при перепланировке

^ Рис. 2. Макет комплексной реконструкции квартала № 91 в центре Москвы. Архив Е. Б. Пхора

v Рис. 1. ПДП района Орехово-Борисово (Строительство и архитектура Москвы. 1971. № 9)

> Рис. 4. Район Синюшина гора в Иркутске, макет.
Архив М. В. Чемериса

домов квартиры делались исходя из состава каждой семьи. Большой успех завоевала работа над кварталом № 91, расположенном на Кузнецком Мосту. Конец 1980-х – время осознания ценности не только отдельных зданий как памятников, но и среды в целом. И предложенный проект отвечал этому веянию, предлагая относительно сбалансированные и универсальные решения проблем старого фонда. Одним из новшеств команды Пхора, позволивших завоевать внимание прессы, стал макет реконструируемого квартала в крупном масштабе 1:200, созданный молодым А. Р. Асадовым и наглядно демонстрирующий все детали застройки (рис. 2) [2].

Параллельно с мастерской Е. Б. Пхора темой исторического центра в 1970-е начали заниматься А. Э. Гутнов и З. В. Харитонова, работавшие в Институте Генплана. Они вынашивали идею создания в Москве пешеходных зон, предлагая разные улицы, которые могли бы подойти для этой цели. Заручившись поддержкой Михаила Посохина, Алексей Гутнов и Зоя Харитонова в 1979 году разрабатывают технико-экономические обоснования планировки пешеходной зоны на Арбате. Для дальнейшей работы в посохинском Моспроекте-2 создается специальная мастерская № 9, в которую в качестве главного архитектора проекта приглашают Пхора, а вместе с ним и его команду, работавшую над кварталом на Кузнецком Мосту. Ради Арбата архитекторы оставляют прежний проект незавершенным. Здесь они вновь применяют принципы реконструкции, сформулированные ранее, и не ограничиваются приведением в порядок фасадов домов, выходящих непосредственно на пешеходную улицу, как это предлагалось Гутновым. Вновь поставив во главу угла интересы жителей, они при этом уделяют внимание истории каждого дома, досконально изучая архивные материалы, чтобы избрать наиболее правильное решение. Однако спустя три года все материалы и исследования по проекту были уничтожены, а Е. Б. Пхор уволен из института. Началась реализация пешеходной зоны по «потемкинскому» сценарию [3].

В. А. Чемерис с женой Л. М. Резвяковой занимались проектами планировки и застройки ряда районов Иркутска и городов области. Людмила Резвякова работала над Байкальском, а Виктор Чемерис – над районами

< Рис. 3. Первая пешеходная улица Иркутска с индивидуальными светильниками. Архив М. В. Чемериса

Усолья-Сибирского. Среди его ранних проектов для самого Иркутска Предместная площадь. Вместе с Виктором Нemiшевым Чемерис в начале 1960-х создал несколько вариантов застройки этой части центра города. Ни один из них в работу не пошел, как, впрочем, не были реализованы и проекты, созданные в последующие десятилетия под руководством Владимира Павлова. Резвяковой же создана первая пешеходная улица Иркутска, а точнее переулок Связи, соединявший площадь Труда перед цирком с административным центром города на площади Кирова. Для этой и ряда других прогулочных артерий Чемерис придумал индивидуальные опоры фонарей (рис. 3). До наших дней не сохранились ни пешеходная зона, ни светильники, ни название переулочка, в 1967 году переименованного в честь летчика Богданова. Помимо

^ Рис. 5. Фонтан в общегородском центре Пушино. Фото Константина Антипина

этой улицы Резвякова в рамках работы над ПДП центра Иркутска занималась планировкой кварталов вдоль 1-й Советской, Декабрьских Событий и Свердлова. Также над ПДП центра работал и Чемерис: его предложение о развитии и расширении культурного центра было поддержано В. Н. Симбирцевым и внесено в генплан города.

Кроме того, Виктор Чемерис в Иркутске занимался проектами ряда жилых районов: участвовал в проектировании Лисихи и вместе с М. И. Пятовым начинал работу

над проектом застройки 4-го поселка ГЭС, позднее ставшего микрорайоном Юбилейным. Но наиболее полно им был реализован проект жилого района Синюшина гора на западной окраине города, где впервые в иркутской практике нашла применение постановка жилых домов на рельефе по ортогональной сетке (рис. 4). В начале 1960-х в Иркутске приходилось довольствоваться скудным ассортиментом выпускаемых в то время типовых домов, не дававших ни возможности сочленения зданий в повороте, ни строительства выше пяти этажей. Однако в дальнейшем заданные здесь принципы получили развитие в Солнечном, Первомайском и Университетском микрорайонах, где появились непрерывные структуры переменной этажности с пристроенными в торцах объектами обслуживания.

Одновременно с работой над крупными градостроительными проектами в Горстройпроекте, а затем в Иркутскгражданпроекте Чемерис на общественных началах занимался благоустройством центра города – проектировал новые скверы, озеленение улиц, цветочное оформление и оборудование. Благодаря этой работе, в 1962 году Иркутск занял первое место по благоустройству в РСФСР. Также на протяжении последующих лет В. К. Чемерис с архитектором С. Д. Нечволодовым и скульптором О. Н. Ряшенцевым вел работу над памятником борцам революции у Белого дома – он был открыт в 1965 году.

После переезда в Москву Виктор Чемерис устраивается на работу в мастерскую № 11 Моспроекта-1, где уже работал Евгений Пхор. Там они вместе занимались проектированием районов на юге Москвы: Нагатино, Царицыно, Бирюлево, Орехово-Борисово. С завершением работы над последним и после ухода из института Пхора в середине 1970-х Чемерис перешел в мастерскую № 19 Каро Шехояна, отвечавшую за юго-восток столицы. Наиболее масштабный проект, выполненный Чемерисом здесь, – реконструкция Кузьминок. Застроенный в основном 5-этажными панельными домами первого этапа индустриального домостроения, район уже в 1970-х годах собирались серьезно обновлять. Однако от этого проекта, законченного к 1976 году, реализовано лишь два дома, достроенных в 1990-е. Сегодня пятиэтажная застройка все еще ожидает сноса – уже по современной програм-

> Рис. 7. Скульптуры Олега Ряшенцева в лабораторном корпусе Института биофизики в Пушино. Фото Константина Антипина

< Рис. 6. Лабораторный корпус Института биофизики в Пушино. Фото Константина Антипина

ме реновации. В том же, 1976 году Чемерис разработал ПДП центральной части Тынды на БАМе (различные города и поселки магистрали проектировали организации из разных регионов России и союзных республик, и за Тынду, столицу БАМа, отвечала Москва).

Из более поздних градостроительных работ архитектора масштабом выделяются генплан и проекты микрорайонов подмосковного Красногорска, а также ПДП нового московского района Жулебино. В 1990-е он участвовал в проекте воссоздания храма Христа Спасителя. Людмила Резвякова после переезда в Москву работала в Гипрогоре над генеральными планами городов по всей России: Саранск, Свердловск, Вольск, Белгород, Минеральные Воды, Ессентуки... С 1986 года она участвовала в разработке «Схемы расселения на территории РСФСР» и схем районной планировки Иркутской, Костромской и Куйбышевской областей.

Также в 1967 году в Москву уезжает Л. Г. Крупская. Для Иркутска она в первую очередь важна как пионер в области проектирования каркасных общественных зданий. По ее проектам в городе возведены Институт иностранных языков, здания треста «Востокэнерго-монтаж», Гипрохлора, проектных институтов «Гипролестранс» и «Гипросовхозсторой», «Востоксантехмонтаж» и ВАМИ. В столице Лариса Крупская устраивается на работу в ГипроНИИ АН СССР – головной институт в области проектирования НИИ, лабораторий и крупных научных комплексов. Первое время она занимается московскими объектами: известно о ее участии в 1967 году в графическом оформлении проекта палеонтологического музея [4], а также о помощи в работе над зданием Президиума АН СССР в мастерской у своего однокурсника Андрея Звездина. Собственные же проекты Крупской были реализованы в Пушино (подмосковный научный центр биологических исследований), куда она и переехала жить. Одной из первых ее работ в местной проектной мастерской ГипроНИИ стал декоративный бассейн с фонтаном в общественном центре. На протяжении десятилетий он был символом города, но сейчас не функционирует (рис. 5). С него сняли беломраморную облицовку, и в связи с планируемой программой благоустройства над ним нависла угроза уничтожения.

^ Рис. 8. Проект реконструкции кварталов вокруг ул. Малой Бронной. Архив Е. Б. Пхора

> Рис. 9. Байкальский луч. Фото Константина Антипина

Главным пущинским объектом Крупской стал лабораторный корпус института биофизики – полностью индивидуальный и самый крупный проект, реализованный ею после переезда из Иркутска. Из-за ошибки строителей здание не имеет парадного входа, в него попадают через воздушный переход сбоку (рис. 6). Квадратный в плане двухэтажный объем в центре пронизывает огромный аквариум. К сожалению, на сегодняшний день он не работает, но зато широкое пространство вокруг заполнено выразительными скульптурами Олега Ряшенцева (рис. 7). Уже упомянутый выше в контексте работы над памятником у Белого дома Ряшенцев, однокурсник Крупской и других «иркутян», после второго курса ушедший из МАРХИ в Строгановское училище, но затем также поехавший работать в Иркутск [5]. В тяжелые для творческих личностей времена застоя Ряшенцев нашел свой путь и способ делать актуальные политически острые работы эзоповым языком. В отсутствие денег и собственной мастерской он, сидя на чердаке института, ценой огромных усилий и собственного здоровья из металлолома создавал уникальные скульптуры, часть которых осталась украшать интерьеры института.

В 1990-е годы Лариса Крупская работала в архитектурном бюро «САМ» Евгения Пхора. Там ею были выполнены проекты двух частных жилых домов, оба построены. Также вместе с Пхором и Чемерисом она участвовала в создании проекта реконструкция района Малой Бронной (рис. 8), где ими был внедрен экспериментальный метод участия населения в коммерческом использовании территорий своих кварталов. Однако реализован этот проект не был. Сам Пхор к тому времени тоже перебрался жить в Пущино.

v Рис. 10. Эскиз культурного центра в Иркутске. Архив семьи Воронежских

И все же, уехав в Москву еще в 1960-е, Пхор, Чемерис и Крупская не успели застать расцвета иркутской архитектуры, пришедшегося на последующие годы. Во многом этот расцвет был определен градостроительными проектами Вячеслава Воронежского. Как и другие архитекторы, он много работал над генпланами и ПДП городов по области: Зима, Черемхово, Нижнеудинск, Усолье-Сибирское, Шелехов... Но наиболее интересными и желанными были редкие проекты для самого Иркутска. Воронежскому удалось поработать сразу над несколькими такими, и, что наиболее ценно, все они в той или иной степени реализованы. При этом архитектор всегда шел несколько дальше, чем того требовало задание. Для проекта жилого района Верхний бьеф Воронежский создал концепцию Байкальского луча – трассы, пронзающей новые жилые микрорайоны на полуостровах вдоль берега Ангары (рис. 9). Таким образом Иркутск устремился к Байкалу, не концентрируясь в историческом центре, а оставив его одним из звеньев в длинной цепочке линейного города. Идеей эта концепция близка руслу расселения, представленному группой НЭР на Миланской триеннале 1968 года. Распределившиеся в Иркутск выпускники МАРХИ учились и защищали свои дипломы вместе с НЭРовцами, а Воронежский и Пхор на первых курсах посещали организованный Алексеем Гутновым кружок. Более того, по воспоминаниям Евгения Пхора, само название – «новый элемент расселения» – было придумано Вячеславом Воронежским. Несмотря на то что в дальнейшем их пути разошлись: НЭРовцы занимались теоретическими изысканиями, а «иркутяне» желали реализовывать свои проекты на практике, общение и взаимное влияние продолжалось на протяжении долгих лет.

^ Рис. 12–13. Застройка блок-секциями в центре Иркутска. Фото Константина Антипина

Другой крупный градостроительный проект Воронежского, определивший развитие Иркутска, – Культурный центр. В конце 1960-х в городе появилась необходимость размещения ряда зданий, часть которых несла культурные функции. Возникла идея их объединения в цельный архитектурный ансамбль, для строительства которого был выбран склон между улицами Парковой, 3-го Июля, Седова и Советской. Поскольку на момент создания проекта для этой территории не был разработан ПДП, то работу над форпроектом Воронежский решил начать с создания схемы связей центра города. В ней он определил все параметры площадки как связующего звена между существующими торговым и административным центрами в исторической части города и районами перспективной застройки. Затем вместе с В. И. Немишевым они подготовили два варианта архитектурно-планировочной организации группы объектов первоочередного строительства – Музыкального театра, библиотеки, киноконцертного зала, информационного центра, Дворца бракосочетаний с танцевальным залом, рестораном и кафе [6]. После внесения замечаний и отказа от первоочередного строительства киноконцертного зала был разработан третий вариант Культурного центра, соавтором Воронежского в котором стала его жена Валерия Аптекман.

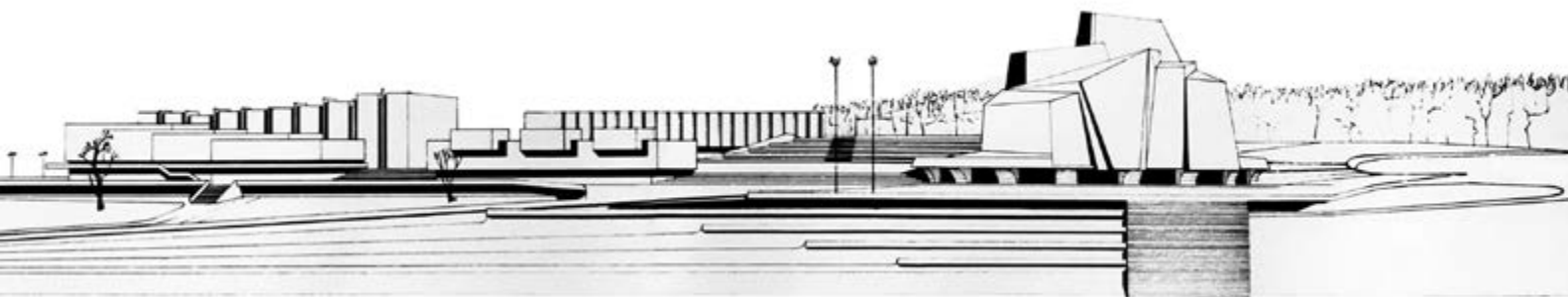
Во всех трех вариантах здания предлагалось расставить вокруг небольшой площади. Важной доминантой комплекса обозначалась Крестовоздвиженская церковь (рис. 10). В первых двух вариантах внешняя сторона ансамбля, обращенная к ней, компоновалась из простых крупных форм, контрастирующих с ее барочной архитектурой. Третий вариант, наоборот, попытался «подружить»

новые здания с историческим памятником: во-первых, комплекс отступил дальше от храма, оставив между ним и новыми зданиями буферную зону с сохраненной деревянной застройкой; во-вторых, фасады получили более мелкое членение, приближенное по масштабу к деталям церкви (рис. 11). Такое изменение в отношении к наследию может быть связано именно с участием Аптекман.

Ее главная работа в Иркутске – проект Центрального микрорайона, ограниченного улицами Карла Маркса, Ленина, Дзержинского и Литвинова. После того как на опорном плане Аптекман обозначила ценные исторические здания и деревья, которые хотела сохранить, образовались извилистые свободные участки. Для их застройки она предложила использовать специальные блок-секции: комбинируя несколько их видов, можно было получать дома самых разных конфигураций, подстраивающихся под непростые условия центра города (рис. 12, 13). При этом архитектура этих зданий особым образом вторила силуэтам старой застройки. Несмотря на то что проект Центрального микрорайона не был реализован, блок-секции применены в двух кварталах центра и микрорайоне Звездочка на левом берегу Ангары.

Однако начинали работу в Иркутске Валерия Аптекман и Вячеслав Воронежский с проектирования микрорайонов Лисихи. Именно для их застройки Аптекман доказала, что объем земляных работ при постановке домов поперек и вдоль спада рельефа сопоставимы [7]. Впоследствии это дало возможность строить ортогональные жилые структуры на рельефе – от Синюшиной горы и до Университетского. Кроме того, в том же Центральном микрорайоне Аптекман предложила пристраивать детские сады

v Рис. 11. Развертка третьего варианта форпроекта Культурного центра в Иркутске. Архив семьи Воронежских

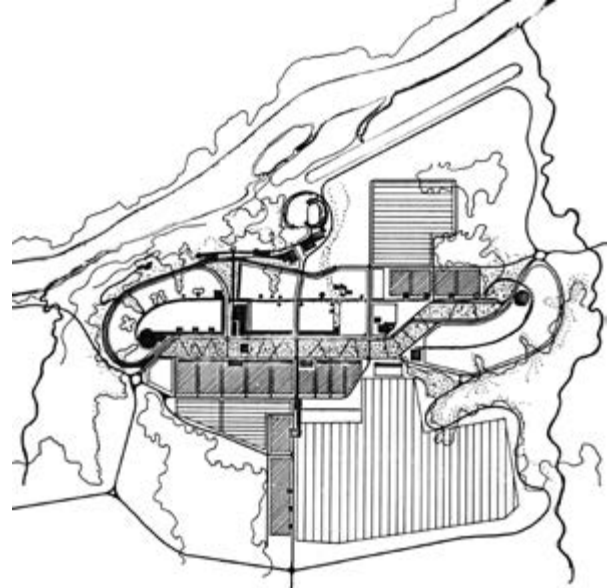

^ Рис. 14. Жилой дом в микрорайоне Д Пущино. Фото Константина Антипина

к жилым домам, что также нашло применение в более поздних проектах.

В 1970 году Воронежский и Аптекман покидают Иркутск. Вслед за Ларисой Крупской они переезжают в Пущино. ПДП Верхнего бьефа к этому моменту был принят, дальнейшую работу над застройкой района продолжили Владимир Павлов, Владимир Бух и другие. Разработкой отдельных зданий Культурного центра также занимались архитекторы Иркутскгражданпроекта, а в числе авторов Музыкального театра, который проектировался в ЦНИИЭП зрелищных зданий и спортивных сооружений, был Александр Кудрявцев, еще один однокурсник маршистов-иркутян [8]. Работа над блок-секциями для застройки центра на момент отъезда еще не была окончена, и Аптекман продолжила проектировать их удаленно. В самом же Пущино по проектам Валерии Воронежской (после переезда она взяла фамилию мужа) были построены блок общего назначения института почвоведения и фотосинтеза, оранжерея Института физиологии растений, музыкальная школа, питомник лабораторных животных ФИБХ. Помимо этого, ею был спроектирован частный дом, в котором до сих пор живет семья Воронежских. Одним из последних реализованных проектов Валерии Марковны стал жилой дом в микрорайоне Д, построенный с использованием красного кирпича и сборного железобетона (рис. 14).

Пущино – научный городок, строившийся в чистом поле на высоком берегу Оки с конца 1950-х годов. Его первый генплан, созданный в 1956 году под явным влиянием идей Н. А. Милютина [9], задал ленточную структуру планировки: зоны отдыха, жилья и научного труда последовательно сменяют друг друга при подъеме со стороны реки. Как талантливый градостроитель с уникальным опытом реализации масштабных проектов, Воронежский в 1971 году возглавил местную мастерскую ГипроНИИ АН СССР и начал работу над новыми генпланом и ПДП города. В них можно вновь увидеть влияние актуальных идей НЭР: подобно представленному на Всемирной выставке 1970 года в Осаке городу-улитке, микрорайоны Пущино закручивались в вытянутые спирали (рис. 15). Но не меньший интерес, чем градостроительство, представляет архитектура зданий, спроектированных Воронежским.

^ Рис. 15. Схема генплана Пущино. Архив семьи Воронежских

Одна из первых его работ здесь – жилые дома в микрорайоне Г с просторными балконами-двориками у квартир первого этажа, расположенного над образованным перепадом рельефа цоколем, в котором разместились предприятия обслуживания (рис. 16).

Стараясь придать городу индивидуальное лицо, архитектор стремился к повсеместному использованию красного кирпича, в отличие от Иркутска бывшего здесь большой редкостью. Венцом этих устремлений стал микрорайон АБ с группой жилых домов, школой и детским садом, построенным по индивидуальным проектам (рис. 17). И если работа над школой велась московским ЦНИИЭП учебных зданий, то детский сад «Сказка» Воронежский проектировал в мастерской ГипроНИИ. В этом проекте наиболее явно выступают фирменные черты иркутской школы: многообъемность, использование рельефа для организации пространства, применение скошенных стенок и арок, сочетание красного кирпича и белого бетона (рис. 18, 19). Другой проект Воронежского, в котором особенно чувствуется «иркутский след», – здание дома ученых (рис. 20) – не реализован. Он должен был стать главным объектом общественного центра, фонтан для которого проектировала Лариса Крупская [10]. Однако запрет на строительство общественных зданий, ударивший по реализации объектов культурного центра в Иркутске, оставил посередине Пущино пустую поляну размером с шесть футбольных полей.

Несмотря на то что Пущино строилось во второй половине XX века, в его черте расположена старинная усадьба Пущино-на-Оке. В 1973 году Вячеслав Воронежский и Лариса Крупская вместе с другими архитекторами выполнили проект ее реконструкции. Усадебный дом планировали использовать для проведения научных конференций, а парк включить в рекреационную зону города. Воплощены в жизнь эти планы не были, по сей день усадьба не получила функциональной нагрузки и постепенно разрушается.

Среди других работ Воронежского – пущинский Арбат. В начале 1980-х проводилась реконструкция теплотрассы, для которой потребовалось закрыть движение по одной из улиц города, проходящей через все его микрорайоны. Архитектор использовал эти изначально ути-

^ Рис. 16. Жилой дом в микрорайоне Г Пушино. Фото Константина Антипина

^ Рис. 17. Микрорайон АБ Пушино. Фото Константина Антипина

литарные работы для создания пешеходного бульвара. Символично, что над московским Арбатом, имя которого стало нарицательным для всех пешеходных улиц в СССР, работали одноклассники Воронежского – Евгений Пхор, Алексей Гутнов и Зоя Харитонова.

Если пешеходный бульвар служил для продольной связи частей города, то тянувшаяся параллельно ему зеленая зона, наоборот, была барьером, отделяющим жилую застройку от институтов. Первую очередь высаживали сотрудники Главного ботанического сада АН СССР одновременно с началом застройки города. К 1970-м годам возникла необходимость ее продления на восток вдоль растущего микрорайона Г и территорий для новых институтов. Воронежский понимал, что, в отличие от шахматной фигуры коня, люди ходят по кратчайшему пути. Поэтому, кроме образующих объемные композиции групп деревьев, высаженных по ортогональной сетке, во второй очереди зеленой зоны архитектор активно использует диагонали как основы планировочной структуры: по ним прокладываются пешеходные тропинки, вдоль них расположена танцевальная площадка, а также здания магазинов в жилой зоне через дорогу (рис. 21). С противоположной стороны, в научной зоне, был реализован последний крупный проект архитектора – здание филиала Института биохимии, открытое в 1987 году. Благодаря руководству Вячеслава Воронежского, участию Валерии Воронежской и Ларисы Крупской Пушино приобрело свой неповторимый облик, сегодня вдохновляющий его жителей на исследование и популяризацию архитектурного наследия.

Отчасти схожую с Воронежским судьбу имеет Владимир Банит. Попав в Иркутск сразу после окончания МАРХИ в 1968 году, он проработал в городе всего четыре года. Однако три из них были посвящены крупному градостроительному проекту, повлиявшему на развитие города, – научно-учебному комплексу, который должен был объединить в себе территории Студгородка и Академгородка, связав их в единое целое. Кроме того, вблизи планировалось создание промышленной зоны с наукоемким производством. Таким образом, в левобережной части Иркутска студенты могли бы принимать участие в научных исследованиях, а ученые внедрять

инновации в производство [11]. Центр НУКа с Домом ученых, библиотекой и спортивным комплексом соединялся мостом с правым берегом Ангары и общегородским культурным центром. На пути к утверждению своего проекта Баниту пришлось преодолеть немало препятствий. Однако комплиментарная статья о нем в «Правде» в итоге позволила добиться одобрения на всех необходимых уровнях. И практически сразу после этого архитектор вынужденно покидает Иркутск, возвращаясь к семье в Москву. Как ни удивительно, но судьба приводит его в ГипроНИИ АН СССР. Он попадает в мастерскую № 1, возглавляемую А. М. Щусевым.

Хотя основной страстью Банита и было градостроительство, в Иркутске он принимал участие в конкурсе на проект здания для ГК КПСС и Горисполкома, следил за работами коллег, восхищался архитектурой Владимира Павлова... Нахождение в кругу мастеров Иркутскгражданпроекта сформировало у Банита узнаваемый творческий почерк иркутского архитектора, который ярко проявился уже в первых зданиях, спроектированных им для научного центра Института биологии внутренних вод АН СССР в Борке. Красный кирпич в сочетании с белым бетоном и деревом, шипцовые крыши, использование булыжника для облицовки цоколей и парапетов – все это есть в созданных Банитом жилых домах, больнице и других зданиях. Но главной задачей архитектора было создание генерального плана поселка. После ее успешного решения Банита переводят на проектирование научного центра физических исследований АН СССР в Красной Пахре (современный Троицк), где он возглавил филиал мастерской № 1. Через какое-то время филиал получил статус независимой мастерской № 11 – подобно возглавляемой Воронежским мастерской № 9 в Пушино.

В Красной Пахре перед Банитом также стояла задача разработки генерального плана (рис. 22). Как и Пушино, этот город начал активно развиваться с 1960-х годов, однако, в отличие от него, Красная Пахра изначально не задумывалась как крупный научный центр, и ее застройка была несколько стихийной. Баниту предстояло определить направления развития научной и жилой зон. Основой планировки города стала ось линейного ускорителя Института ядерных исследований: все основные

^ Рис. 18–19. Детский сад «Сказка» в Пущино. Фото Константина Антипина

артерии города проектировались параллельно или перпендикулярно ей. Научно-исследовательские институты и полигоны отделялись от селитебной части лесопарковым поясом, выполняющим защитную и рекреационную функции. Протекавшую на севере города речку Десну Банит называл маленькой Ангарой. Кроме того, оглядываясь на иркутский опыт, архитектор предложил организовать на базе научного центра физический университет и наукоемкое производство [12]. Далеко не все дошло до реализации, однако в полном соответствии с замыслом Банита построен микрорайон Б. Жилая застройка велась по типовым проектам и в основном из панелей, однако высотные 16-этажные дома архитектор придумал ставить на индивидуально спроектированные кирпичные цоколи, в которых размещались различные предприятия: почта, ЗАГС, дом быта, проектная мастерская ГипроНИИ... Они обладают интересной архитектурой, насыщенной деталями, и делают городскую среду более человеческой. Среди редких полностью индивидуальных проектов Банита можно выделить общественно-культурный центр с выставочным залом, домом книги и кафе, построенный в микрорайоне Б, – его вынесенная в центр площади лестница, поднимающаяся вокруг плоской стены с круглым окном, задуманная для размещения огромных часов, стала одним из символов города.

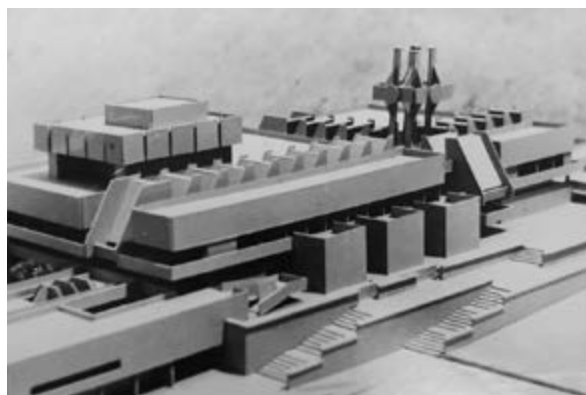
Роль Владимира Павлова в становлении иркутской архитектурной школы трудно переоценить: за четверть

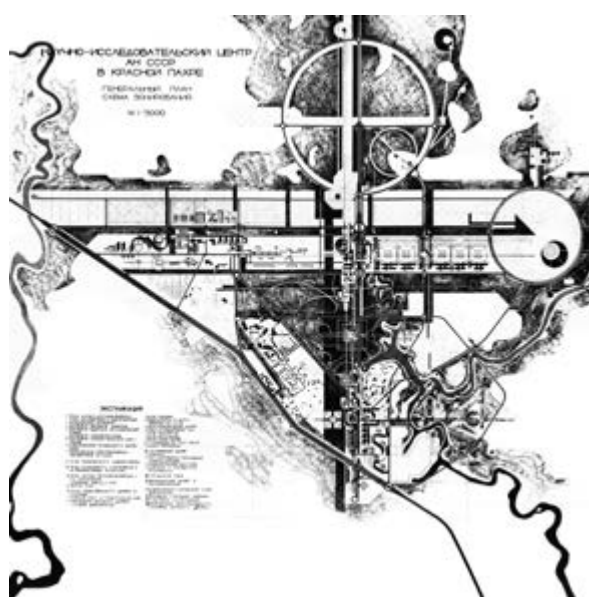
века работы в городе он вместе с другими молодыми архитекторами прошел путь от следования принципам Корбюзье к собственной уникальной архитектуре, сложившейся в контексте исторического наследия и природных особенностей Иркутска [13]. Именно павловские здания были образцом и мерилем, на которое равнялись его соратники и ученики. Не зря иркутскую школу называют павловской – имя и работы архитектора знали далеко за пределами региона. Жилой дом ВСЖД на берегу Ангары (рис. 23) стал лучшим объектом на Всесоюзном смотре-конкурсе 1987 года, однако годом ранее, построив этот объект, Павлов покинул Иркутск [14]. Из более поздних работ архитектора известен лишь один жилой комплекс (рис. 24) в Санкт-Петербурге, куда Павлов вернулся после двух лет работы в Херсоне. В многообъемной, асимметричной композиции блоков, этажность которых нарастает к центру, Павлову удалось развить идеи, ранее закладываемые в дом на набережной, а также нереализованный комплекс на Предместной площади. Архитектор вновь использует полюбившийся ему мотив арки, а также выступающее над уровнем крыши остекление балконов, впервые примененное в здании вычислительного центра Госбанка (в 1990-е этот прием активно использовали ученики Павлова).

Иркутская школа в основном обязана своим формированием совсем не иркутянам, но именно город с его климатом, рельефом, сейсмикой и историческим багажом

> Рис. 20. Дом ученых в Пущино, макет. Архив семьи Воронежских

> Рис. 21. Вторая очередь зеленой зоны в Пущино. Фото Константина Антипина

^ 22. Генплан научного центра в Красной Пахре (Троицк).
Архив В. Н. Банита

^ Рис. 23. Дом на набережной в Иркутске. Фото Константина Антипина

сделал ее такой уникальной. И если на покинувших Иркутск до расцвета местной школы архитекторов пребывание здесь повлияло не так сильно, то в работах мастеров, заставших реализацию первых масштабных и смелых проектов конца 1960-х годов, «иркутский след» просматривается особенно явно. Их труд в городе задал вектор дальнейшего развития местной архитектуры, а также повлиял на формирование собственного творческого почерка.

Литература

1. Пхор, Е. Б. Наш Иркутск, предыстория // Проект Байкал. – 2014. – № 39–40. – С. 204–213
2. Коршунова, Н. Эксперимент на Кузнецком мосту // Правда. – 1979. – 27 апр.
3. Бусева-Давыдова, И. Л., Нащокина, М. В., Астафьева-Длугач, М. И. Москва: архитектурный путеводитель. – М.: Стройиздат, 1997. – 512 с.
4. Автобиография // Яковенко Леонид Аронович [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.jakol.ru/bio.html> (дата обращения: 20.02.2020)
5. Выставка работ скульптора Олега Рышенцева // Телеканал «ТВС Пушино» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.tv-tvs.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2509&Itemid=37 (дата обращения: 20.02.2020)
6. Иркутскгражданпроект. Форпроект застройки культурного центра г. Иркутска. Пояснительная записка. – Иркутск, 1968.
7. Бух, В. Ф., Григорьева, Е. И. Владимир Павлов. – Екатеринбург: TATLIN, 2013. – 136 с.
8. Кудрявцев, А. П. Под сенью Аалто, Кана и Павлова // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 120–129.
9. Милютин, Н. А. Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. – М.; Л.: Госиздат, 1930. – 81 с.
10. Воронежский, В. С. Пушино – город науки, город для человека // Архитектура СССР. – 1984. – № 4. – С. 44.
11. Бух, В. Сигнал в будущее // Проект Байкал. – 2005. – № 5. – С. 54.
12. Платонов, Ю. П. Архитектурные решения объектов АН СССР. – М.: Наука, 1986. – 183 с.
13. Антипин, К. С. Территория свободы Владимира Павлова // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 140.
14. Владимир Азариевич Павлов // Проект Байкал. – 2010. – № 26. – С. 28–31.

References

- Antipin, K. (2019). Vladimir Pavlov's territory of freedom. *Project Baikal*, 16(59), 140. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1448>
- Bukh, V. (2005). Signal v budushchee [A signal to the future]. *Project Baikal*, 2(2), 9. doi: 10.7480/projectbaikal.2
- Bukh, V. F., & Grigoryeva, E. I. (2013). Vladimir Pavlov. Yekaterinburg: TATLIN.
- Buseva-Davydova, I. L., Nashchekina, M. V., & Astafieva-Dlugach, M. I. (1997). *Moskva: arkhitekturnyi putevoditel* [Moscow: Architectural guide]. Moscow: Stroiizdat.
- Irkutskgrazhdanproekt. Forproekt zastroyki kulturnogo tsentra g. Irkutsk. *Poyasnitelnaya zapiska* [Irkutskgrazhdanproekt. Draft project for the development of the cultural center in Irkutsk. Explanatory notes]. (1968). Irkutsk.
- Korshunova, N. (1979, April 27). Eksperiment na Kuznetskom mostu [Experiment on Kuznetsky Most]. *Pravda*.
- Kudryavtsev, A. (2019). Under the shade of Aalto, Kahn and Pavlov. *Project Baikal*, 16(59), 120-129. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1445>
- Milyutin, N. A. (1930). *Sotsgorod. Problema stroitelstva sotsialisticheskikh gorodov* [Socialist city. The problem of construction of socialist cities]. Moscow; Leningrad: Gosizdat.
- Pkhor, E. (2014). Our Irkutsk, the background. *Project Baikal*, 11(39-40), 204-213. doi:10.7480/projectbaikal.39-40.684
- Platonov, Yu. P. (1986). *Arkhitekturnye resheniya obyektov AN SSSR* [Architectural solutions for the USSR AS buildings]. Moscow: Nauka.
- Russkova, E. (2012, July 13). *Vystavka rabot skulptora Olega Ryashentseva* [Exhibition of works by sculptor Oleg Ryashentsev]. Telekanal "TVS Pushchino". Retrieved February 20, 2020 from http://www.tv-tvs.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2509&Itemid=37
- Vladimir Azarievich Pavlov (2010). *Project Baikal*, 7(26), 28. doi:10.7480/projectbaikal.26.154
- Voronezhsky, V. S. (1984). Pushchino- gorod nauki, gorod dlya cheloveka [Pushchino, a science city, a city for people]. *Arkhitektura SSSR*, 4, 44.
- Yakovenko Leonid Aronovich (n.d.). *Autobiography*. Retrieved February 20, 2020 from <http://www.jakol.ru/bio.html>

в Рис. 24. Жилой комплекс Владимира Павлова в Купчино (Санкт-Петербург). Фото Константина Антипина

Представлено интервью с Владимиром Николаевичем Банитом, в конце 60-х – начале 70-х работавшим в Иркутскгражданпроекте. В интервью В. Н. Банит делится своими воспоминаниями о годах учебы в МАРХИ, о работе в качестве главного архитектора проекта иркутского Академгородка, о годах жизни в Иркутске и взаимоотношениях с иркутскими архитекторами.

Ключевые слова: МАРХИ; градостроительство; Восточно-Сибирский научный центр; Иркутскгражданпроект; иркутский Академгородок. /

The interview was held with Vladimir Nikolaevich Banit, who worked in the late 1960s – early 1970s in Irkutskgrazhdanproject. In his interview, V. N. Banit shares his memoirs about the years of studying at MArchI, working as an architect as project manager on Academgorodok in Irkutsk, living in Irkutsk and collaborating with Irkutsk architects.

Keywords: MArchI; town planning; East-Siberian Scientific Center; Irkutskgrazhdanproject; Irkutsk Academgorodok.

Интервью с Владимиром Банитом / Interview with Vladimir Banit

^ Владимир Банит, фото
Кристины Киссер для
ktogorod.ru

На протяжении всего своего существования ПБ ведет изыскания по безымянной архитектуре советского модернизма, возвращая ей имена авторов, и рассказывает о замечательном поколении шестидесятников, работавших в Иркутске. В ПБ39–40, вышедшем в свет в начале 2014 года, мы собрали антологию иркутских шестидесятников. Однако она оказалась неполной. Наш новый автор, блогер, исследователь архитектуры советского модернизма, студент МГУ Константин Антипин разыскал в наукограде Троицке, который сейчас входит в состав Москвы, архитектора Владимира Николаевича Банита. Владимир Банит работал в Иркутскгражданпроекте в конце 60-х – начале 70-х по распределению после окончания МАРХИ. Проект иркутского Академгородка, над которым он в течение этих лет работал в нашем городе, повлиял на дальнейшую судьбу архитектора.

ЕГ

Константин Антипин Вы поступили в МАРХИ в начале 1960-х. С кем вы общались там, как это на вас повлияло? Застали ли вы движение НЭР?

Владимир Банит В архитектурном институте была в то время очень позитивная творческая атмосфера и благодаря НЭРу, и благодаря тому, что Лежава уже преподавал на кафедре градостроительства. НЭР был интересным движением архитектурной и градостроительной науки. В него входили десятки не только архитекторов, но и социологов, философов, специалистов других областей. Это такая теоретическая философия архитектуры, влияющая на профессию и раскрывающая ее фундаментально-научное значение. Это сказывалось и на атмосфере в институте в целом. Я к НЭРу приобщился через личное знакомство с Лежавой.

В то время было три направления обучения – градостроительство, архитектура общественных и жилых зданий и промышленная архитектура, потом возникли некоторые другие. То же было в аспирантуре в какой-то мере, в которой при мне уже были представители НЭРа. И Лежава, будучи очень общительным и коммуникабельным человеком, много нам обо всем рассказывал – для студентов это кладезь, когда есть такие доценты,

профессора. Он стал и проректором института впоследствии. Также часто приходил в институт и Гутнов.

Константин Афанасьевич Иванов – теоретик архитектуры – был мотором для студентов: поднимал нас с уровня обычного учебного процесса тех лет к уровню периода авангарда 1920-х годов, когда наш институт имел мировое значение в области развития науки градостроительства, дизайна и живописи. Иван Сергеевич Николаев, тоже авангардист, крупный архитектор и градостроитель 20-х годов, спроектировавший уникальный объект – дом-коммуна в районе Донского монастыря. Но заслуга Ивана Сергеевича в том, что он своих коллег профессоров, докторов наук и просто опытных архитекторов привлек в институт. Потому что когда Жолтовский был ректором института, он проводил политику такого неоклассицизма, господствовала профессура эклектиков. В этом ничего плохого не было, так объективно развивалась эта среда архитектуры.

КА Однако с конца 1940-х Жолтовского стали обвинять в формализме и жестко критиковать в том числе его бывшие «друзья».

ВБ Я считаю, что так нельзя поступать, потому что у него в этом направлении заслуги серьезные, он никогда не был апологетом эклектики, направление его было – возвращение классического стиля, ренессанса. Если говорить об университете, который проектировали Руднев и Олтаржевский, то Руднев уже в тот мир ушел, когда мы учились, а Олтаржевский преподавал на кафедре ЖОЗ – жилищных и общественных зданий. Такой скромный архитектор, на ВДНХ тоже его замыслы серьезные. Еще из авангарда был профессор Симонов, очень успешно в 1920-е годы строивший в Петербурге. Его Тракторная улица там – целый фрагмент интересного градостроительства в Петербурге. Затем более молодые архитекторы – это Леонид Павлов, он в Моспрокте-2 был руководителем проектной мастерской и придерживался стиля авангард. Мы с ним проводили совместные круглые столы, я его лично много раз приглашал. Он открыл нам Леонидова, потому что Леонидов – выдающийся архитектор, при этом совершенно неочтенный. Но Павлов говорил, что Леонидов был явлением высочайшего интеллекта.

< Научно-учебный комплекс в Иркутске.
Архив В. Ф. Буха

КА Павлов считал его своей творческой совестью.

ВБ Мы специально устраивали по Ивану Леонидову дискуссию, а Леонид Павлов и Павел Александров доносили его идеи, потому что были его друзьями. И у нас создавалась атмосфера поиска в институте. Кроме того, мы выходили и на другие территории, слушали лекции по кибернетике. Я еще в Институт народного хозяйства приходил на мероприятия по социологии и экономике.

В это же время разрабатывался генеральный план Москвы, и в нашем институте шли его обсуждения. То есть институт и наша профессура непосредственно были причастны к разработке. Выступали высококлассные специалисты, такие как Павлов и другие градостроители, были интересные моменты на завершающей стадии. Архитектор Посохин очень внимательно относился к Николаеву и доверял нашему институту, так что ему было важно знать мнение нашей профессуры. А нам как студентам и аспирантам, когда мы в аудитории смотрели на все эти процессы, это было особенно ценно – наблюдать за работой над таким гигантским градостроительным объектом. Послушать дискуссии, комментарии оппонентов. По каждому из направлений рассматривались различные варианты, не только окончательные решения. Обсуждали, почему каждый из них принимается или не принимается. В общем, мы, может, находясь там, и не придавали такого большого значения, но уже со временем понимаешь, что на тебя повлиял не только непосредственно учебный процесс, профессора и преподаватели, но и вся эта атмосфера и вовлеченность студентов, благодаря таким событиям, в реальные масштабные процессы проектирования.

КА Вы закончили МАРХИ в 1968 году. После этого вас куда-то распределили?

ВБ У меня было немного льготное распределение, потому что я был на хорошем счету. Предложили Ростов-на-Дону, Волгоград и еще один-два варианта. Также был запрос из ЦК Украины, прорабатывался вариант распределения в Мариуполь (тогда город назывался Жданов). Предложение было серьезным, но в Госплане СССР сказали, что согласны только в том случае, если Украина даст вместо меня своего архитектора на наше

распределение. Я мог уехать, но будучи достаточно корректным и дисциплинированным решил отдать должное тому, что учился в Москве, в Российской Федерации, и поступить по справедливости. В это время, когда на кафедре мы уже готовили дипломный проект, сидели над чертежами, ко мне подошел генеральный директор института «Иркутскгражданпроект» Борис Израилевич Рабей. В Госстрое ему сказали, что я еще не распределен и можно со мной договариваться. И он говорит: «Знаю, предложения у вас весомые... Я вам дать таких не могу. Но Иркутск интересный город, и у меня есть желание обновить институт, пригласив молодых инженеров и архитекторов». Я отвечаю: «Борис Израилевич, разрешите сделать паузу и дать ответ, когда вам будет удобно». А он был в командировке, поэтому ответил, что придет завтра. Я пошел в нашу библиотеку, поднял литературу по Иркутску, и город мне сразу понравился. На следующий день я дал добро. Борис Израилевич пообещал должность старшего архитектора и оклад 140 рублей. Я получил распределение в Иркутск в Госстрое и в конце августа поехал туда поездом. Мог и самолетом, но хотелось почувствовать расстояние от Москвы до Восточной Сибири.

Дальше у меня были достаточно успешные четыре года занятости в архитектуре, очень стремительный, сравнительно с другими местами, рост: старший архитектор, руководитель группы архитекторов и главный архитектор проекта – это уже для архитектора самый важный горизонт. Выше – это уже чиновник или больше администратор. А главный архитектор и главный инженер проекта, как в любой другой области, как главный конструктор в авиастроении или кораблестроении. Это ключевая должность, очень ответственная, но, с другой стороны, требующая хорошей подготовки. Обычно до этой должности растут с окончания института 12-15 лет. Некоторые не успевают.

Через год, то есть в конце 1969 – начале 1970 года, я вышел на проектирование Восточно-Сибирского научного центра Иркутска. Руководитель проектной мастерской номер 1 Сергей Андреевич Гусаров мне способствовал, создал хорошие условия для работы и другими объектами не грузил, потому что этот он считал престижным и очень важным для города. Я им занимался практи-

> Наукоград Троицк,
микрорайон Б – макет

чески три года: завершил проект где-то в конце 1972-го, года полтора еще потратил на его усовершенствование. Мы сделали такой интегральный проект – научно-учебный и экспериментальный комплекс Восточно-Сибирского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР.

КА Но ведь тогда еще не было Академического моста?

ВБ Мост в своем проекте я всегда показывал. В то же время разрабатывался генеральный план Иркутска, на котором мост также уже присутствовал.

Я горд, что все это случилось, и здесь не произошло диверсий, которые часто случаются в градостроительстве. Потому что это сложнейшая область и науки, и техники, и технологии, и собственно строительства, в которой очень мало специалистов, способных удержать ситуацию под контролем. Очень большие поползновения разного рода. К ним надо быть готовым и надо уметь сопротивляться, если хочешь, например, отстоять градостроительство определенного объекта, который сделан, согласован и утвержден. Поэтому для научно-учебного комплекса я нашел поддержку и в Академии наук, и в университете. Также в этом комплексе мы предусматривали промышленную зону с наукоемким производством. А посередине между Академгородком и Студгородком я предлагал такой общественный центр с домом ученых и библиотекой.

Еще очень важно, что этот крупный научный университетский и экспериментальный комплекс находится непосредственно в Иркутске, он не оторван, как было модно в те годы искать территории на отдалении от города. Я и сегодня считаю, что это направление более прогрессивное, чем, допустим, отрывать научный центр от города на 20-30 км и делать резервацию привилегированных граждан. Им там скучно, потому что Иркутск – это театры, библиотеки, рестораны, учебные заведения для детей, а оторванный научный центр за десятки километров не имеет такой комфортной среды. И это настоящая среда для развития, для применения своих способностей: можно не только пользоваться городом, но и применить себя в нем.

О своем проекте вместе с представителем областной плановой комиссии мы опубликовали большую статью

в «Правде». Это дало нам возможность упрочить свои позиции в отношениях с местной властью. Обстановка была крайне перспективная, но по завершении этой стадии проектирования я был вынужден уехать в Москву. Моя жена училась в Московском архитектурном институте и не была согласна распределяться и ехать жить в Иркутск. У нас уже родился сын, так что я принял решение перебраться в Москву. Мне, конечно, говорили, что я создал в Иркутске для себя хорошие перспективы, работал над интересными объектами... А там в Москве кто – там пауки в банке, и была совершенно другая обстановка.

КА Да, в Иркутскгражданпроекте тогда очень много таких талантливых архитекторов работало...

ВБ Воронежский...

КА Он поехал в Пущино в 1970 году, но успел создать «Байкальский луч». В этом проекте как раз произошла диверсия, там вторая очередь – самая важная, но ее территорию застроили коттеджами. Это абсолютно бездарное решение мэрии. Это один из наибольших отрицательных моментов для Иркутска, потому что очень много там позитива и очень высокая дисциплина градостроительства, но это исключение из правил, где архитекторы не смогли. Я считаю, что это ответственность главного архитектора города, мэра города и даже ответственность Иркутскгражданпроекта, который тоже проявил определенную бесхребетность в этом проекте. Я занимался этим делом и знаю изнутри, чего это стоит. Но в целом, если говорить об Иркутске, это очень важный, многоотраслевой и научный, и вузовский, и промышленный, и такой культурный город.

Архитектура Владимира Павлова, выдающегося архитектора, – это блеск. Она сильно повлияла на дальнейшее градостроительство Иркутска, хотя и Павлов уехал, и Воронежский уехал, я тоже уехал.

КА Насколько общение с Воронежским и Павловым повлияло на вас?

ВБ Мы были практически ровесники, но они раньше окончили институты. Павлов – Ленинградскую академию художеств, архитектурный факультет, а Воронежский –

Московский архитектурный институт. В Иркутск я приехал в должности старшего архитектора – эта позиция чуть лучше стартовой для выпускника. Через год я стал руководителем группы, а еще через полгода директор назначил меня главным архитектором проекта. Он оценил уровень моего градостроительства и умение руководить проектом: сопротивляться, проводить проект – это главное, что должен уметь ГАП: ответить «за всю Одессу».

В целом атмосфера была очень позитивная, свободная, непринужденная. У нас были уважительные отношения, не было моментов, которые бы не позволяли нам успешно заниматься проектами в институте и выкладываться на полную мощь. Кто на сколько мог, на столько себя и проявлял. Были постоянные технические, архитектурные советы, которые собирал генеральный директор или главный архитектор института, по любым важным объектам не обходилось без таких совещаний. И на этих разборах проектов не было стеснения, не было такого, что боялись что-то сказать, чтобы не обидеть. Воронежский, я, Павлов, Немишев, Кривьянский – все были близки друг другу, разница в возрасте была небольшой. Бух, ставший впоследствии главным архитектором города, в мое время был главным инженером института и совещал должность главного архитектора института. По своему характеру был очень осторожным и уважительным руководителем для архитекторов. С его стороны не было давления, такого чиновничьего, что было крайне важно, – мы были в этом отношении счастливыми.

КА Однако многие архитекторы покидали Иркутск. Незадолго до вас, в 1970 году, Вячеслав Воронежский с Валерией Аптекман уезжают в Пушино.

ВБ Немишев уезжает. Ну вот уезжают они... часть в Кишинев уехали на время, часть в Москву. Кроме того, архитектор Нечволодов уехал потом в Прибалтику, в Таллин. И он там, были слухи, занялся больше скульптурой, чем архитектурой и проектированием. Но в то же время из Новосибирска к нам распределились Григорьев, Нечитайло, еще интересный архитектор Соколов, но он был дизайнером – из Академии художеств (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина). У него интересные картины были, и он занимался таким проектным дизайном в нашем институте. Для меня очень важно, что в Иркутске у нас были такие неформальные встречи – дни рождения, Новый год, совместный туризм очень был развит, выезжали вместе на Байкал.

В архитектурной среде очень важное в то время было направление сохранения исторической среды города, потому что в Иркутске много было зданий изношенных и даже разваливавшихся, особенно плоха была деревянная архитектура. И здесь наш институт «Иркутскграждпроект», архитекторы Аптекман, Григорьев и другие очень внимательно начали встраивать свои проекты в эту архитектурную среду. Особенно Павлов, выполняя свои объекты в новом выразительном стиле, мастерски вписывался в историзм Иркутска, его масштаб. Я считаю, что наибольшее влияние на эти решения оказал Павлов.

И еще важно, что относится к руководству градостроительства Иркутска и области: должности главных архитекторов при мне занимали Виктор Шматов и до него Борис Михайлович Кербель. Они были крайне внимательны к архитектуре и архитекторам. Не было какого-то указующего давления на архитекторов. Не всегда проекты выходили удачными, но их оценки и советы были настолько тактичными, что воспринимались безболезненно. Легко было принять их рекомендации, которые носили осторожный характер. Допустим, Кербель мне говорит: «Володя, поедем посмотрим твой район» (там у нас должна была пройти встреча с руководством научного центра). И по дороге в «Волге» он мне

так говорит: «Будь с ними осторожен, обходителен, у тебя такой характер железный – им не нравится...» Так что он меня воспитывал, как отец сына, разница в возрасте у нас примерно такая была. Говорил, что очень важно найти с ними контакт и сделать их своими союзниками. И такие рекомендации срабатывали.

Ученые очень переживали по поводу проекта, но с ними всегда возникало здоровое обсуждение. Не было никаких резких возражений. Они хотели, чтобы было жилье, а я отстаивал свое направление. В результате удалось их убедить. Ученые оценили развитие научного центра, его интеграцию с университетом, Политехническим институтом и перспективу появления экспериментального производства. Я бы сказал, что эта концепция была для того времени и остается сегодня очень успешной. Все руководство Иркутска: и главный архитектор города, и области, и мэр города, и партийные организации – все они были одержимы этим прогрессом. Но для того, чтобы этого добиться, я обошел много кабинетов и поговорил с огромным числом людей в них. А однажды нам даже устроили серьезную головомойку. Однако вскоре в «Правде» вышла моя статья по развитию научного центра в четверть разворота. В то время это было как указание на места. Через неделю позвонил первый секретарь и говорит: «Мне позвонил директор нашего института академического и он говорит, что должен рассмотреть проект у себя на секретариате». В итоге я докладываю о концепции и основных положениях проекта уже на секретариате обкома партии – все это благодаря той статье. В дальнейшем все моменты срабатывали по инерции.

КА Но ведь проект в итоге не реализовали?

ВБ Нет, он реализован в той части, в какой было возможно. Важно воплощение не столько конкретики, сколько общей концепции, потому что конкретика по прошествии времени становится неактуальной. Потому что для эффективности нужны новые решения. За 20-30 лет появляются другие технологии, другие требования к науке и производству, промышленности, социологии, жилью, общественным центрам, школам, детским садам. В то же время заложенная общая структура, задающая направление развития, остается важной и актуальной.

После возвращения в Москву Владимир Николаевич начал работать в ГИПРОНИИ АН СССР, вскоре возглавил мастерскую № 11 этого института, располагавшуюся в подмосковном научном центре Троицке и занимавшуюся его проектированием. Под руководством архитектора были созданы генеральный план города, проекты застройки его микрорайонов, а также отдельные объекты: экспериментальная школа, больница, общественно-культурный центр [1].

Литература

1. Владимир Банит. Человек, который спроектировал Троицк // КТО ТВОЙ ГОРОД. – URL: <http://ktogorod.ru/view-banit> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Бух В. Сигнал в будущее // Проект Байкал. – 2005. – N 2. – С. 9.

References

- Bukh, V. (2005). Signal v budushchee [A signal to the future]. Project Baikal, 2(2), 9. doi: 10.7480/projectbaikal.2
- Vladimir Banit. Chelovek, kotoryi sproektiroval Troitsk [Vladimir Banit. A man who designed Troitsk] (n. d.). Kto tvoi gorod. Retrieved February 20, 2020 from <http://ktogorod.ru/view-banit>

Описывается иркутский период биографии одного из архитекторов-шестидесятников Ларисы Крупской. Характеризуются творческая обстановка в иркутской архитектуре 60-х годов, креативный «десант» молодых выпускников МАРХИ, их роль в проектировании значимых объектов и выработке градообразующих стратегий развития Иркутска. Автор вспоминает особенности общественных полносборных зданий, в работе над которыми принимала участие Л. Г. Крупская.

Ключевые слова: архитектура; шестидесятники; Лариса Крупская; Иркутск; «Иркутскгражданпроект».

The article describes the period of the biography of one of the architects-sixtiers, Larisa Krupskaya spent in Irkutsk. It features the creative atmosphere in Irkutsk architecture of the 1960s and the 'landing forces' of young graduates of MArchI, as well as their role in designing significant facilities and working out the urban development strategy for Irkutsk. The author speaks about peculiarities of prefabricated public buildings, in which L. G. Krupskaya took part. Keywords: architecture; sixtiers; Larisa Krupskaya; Irkutsk; Irkutsk-grazhdanproject.

О Ларисе Крупской (24.11.1934–29.12.2019) и атмосфере 60-х / Larisa Krupskaya (24.11.1934–29.12.2019) and the atmosphere of the 60s

текст
Ирина Дагданова /
text
Irina Dagdanova

Ушла из жизни архитектор Лариса Григорьевна Крупская.

Лариса... Она приехала в Иркутск после окончания Московского архитектурного института вместе с группой однокурсников. Молодые, позитивные, активные – они оставили яркий след в судьбе нашего города. Вспоминая иркутский период Ларисы Крупской, я не могу отделить ее от товарищей-однокурсников. Их «десант» в Иркутске представлял единую цельную команду хорошо подготовленных, самостоятельных и разных архитекторов. В этом потоке учились и будущий ректор МАРХИ А. П. Кудрявцев и хорошо известный И. Г. Лежава, и другие, ставшие известными советскими архитекторами. В Иркутске дольше всех трудились и творили Слава и Валерия Воронежские. Их вклад остался надолго, хорошо освещался в публицистике; когда-нибудь, возможно, и доведется увидеть претворение градостроительной идеи Культурного центра в Иркутске и «Байкальского луча», предложенных

в Рис. 2. На Байкале.
2010

В. Воронежским [1, с. XII]. Евгений Пхор работает до сих пор, собирается завершить свою Большую книгу об архитектуре [2, с. 16]. Хочется вспомнить их однокурсника Володю Шилова, талантливого, но скромного и негромкого архитектора, по проекту которого, в частности, была построена Детская школа искусств по ул. Халтурина в Иркутске. В ней получила первые навыки художников, архитекторов, музыкантов, наверное, уже не одна тысяча детей. Школа с дружелюбной атмосферой, с соразмерными для детей вестибюлем-холлом, классами, актовым залом, коридором. Квадратный в плане актовый зал 18 18 м имеет оригинальное, нестандартное для начинающегося периода тотального типового строительства в стране внутреннее пространство: диагонально спускающийся к небольшой сцене амфитеатр с рядами мягких кресел. Уверена, что интерьер актового зала, а также непривычное для Иркутска диагональное примыкание его объема к входному и учебному блокам, образовавшее приветливую, уютную и солнечную площадь перед входом, до сих пор оказывают положительное воздействие на детей, на их эстетическое, психологическое восприятие пространства. Ведь именно разнообразие форм пространства исподволь воспитывает и формирует в детях интерес к разнообразию форм жизни, а впоследствии – многогранную Личность. Я довольно много времени провела в этой школе, ожидая своих детей после занятий, и испытала на себе положительные эмоции от теплой атмосферы, созданной архитектурой В. Шилова. Архитектор Людя Гольцова впервые применила рамы из клееной древесины для перекрытия плавательного бассейна при Дворце пионеров на ул. Желябова в Иркутске.

Крупской поручили новую тему – разработку общественных зданий полносборного строительства в Иркутске. Это был знаменитый железобетонный каркас 6 м с горизонтальными ленточными панелями стен и ленточным остеклением, выпуск изделий которого освоил Иркутский завод ЖБИ. Архитектор предложила универсальную квадратную планировочную схему для таких институтов, как «Гипрохлор» на пересечении улиц 1-я Советская и Байкальская, «Главсантехмонтаж» (сейчас банк ВТБ) по ул. Российская 24 24 м с внутренней открытой лестницей. Ею запроектированы каркасные здания с от-

< Рис. 3. Л. Крупская и И. Дагданова. 2010

которого я работала. Я считаю очень удачной образовавшуюся треугольную площадь перед зданиями треста «Востокэнергомонтаж» и «Гипролестранса», расположение которой перпендикулярно к ул. 1-я Советская и решение генплана в целом было предложено Ларисой Крупской. Произошло раскрытие дальней перспективы на центральную часть города, на парк усадьбы Сукачева. Несмотря на неухоженность площади, получился ансамбль – подзабытое понятие в нашей архитектуре. Ансамбль включает и площадь с танком – памятником погибшим в Великой Отечественной войне – и парком на противоположной стороне ул. Декабрьских Событий. Хочется этому городскому узлу-ансамблю присвоить имя, может быть, в память о советской эпохе, когда возводились новые города, а старые, наподобие нашего Иркутска, росли за счет бурного строительства жилья, инфраструктуры, крупных промышленных комплексов, социальных объектов и объектов культуры. Тогда архитекторы почти

в Рис. 4. Институт иностранных языков во время строительства. Проектирование Иркутскгражданпроект. 1966–1967. Реализация 1970. Арх. Л. Крупская, И. Дагданова

крытыми внутренними лестницами для «Иркутскгипролестранса» на пересечении улиц 1-я Советская и Декабрьских Событий и Института иностранных языков по ул. Чкалова [2]. Это была новая архитектура, востребованная временем: быстрое и экономичное строительство. Кроме того, она отвечала нашим региональным требованиям безопасности зданий при землетрясениях: при активной сейсмике легкие навесные панели сбрасываются, каркас же остается невредимым. Подобная каркасная схема была использована для здания «Востокэнергомонтаж» уже после отъезда Крупской из Иркутска, над проектом

в Рис. 5. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, 119а

> Рис. 6. Иркутские архитекторы и проектировщики «Иркутскгражданпроекта» (В. И. Колпиков, В. И. Нарожная, В. И. Немишев, Л. Ф. Антипин, А. Ермаков, И. Б. Дагданова, Л. А. Латышев, В. М. Аптекман) и «Промстройпроекта» во время поездки в Японию с представителями властей г. Канадзава // Проект Байкал. – 2014. – № 43. – С. 30

бескорыстно и с чистой душой принимали в жизни страны самое активное участие.

Вот что написал по моей просьбе о своей жизни и работе в Иркутске архитектор Виктор Иванович Немишев, который тоже приехал молодым, очень творческим, с южным задором: «Творческая атмосфера в Иркутске в 60-е годы в области архитектурной деятельности была какая-то светлая и благожелательная, все коллеги интересовались творчеством друг друга, активно участвовали в различных конкурсах. Часто проводились обсуждения новых проектных решений и в СА Иркутска, и на техсоветах «Иркутскгражданпроекта». Локомотивом творческой архитектурной деятельности был Союз архитекторов – Иркутское отделение СА. По его инициативе организовывались турпоходы на Байкал и прибайкальскую тайгу, в 1969 году была организована творческая поездка в Японию...». От себя могу добавить, что по возвращении из Японии некоторые ребята заболели, и мы решили, что это случилось на фоне стресса после впечатлений от Японии и ее архитектуры. В. Колпиков даже попал

в больницу с болезнью желудка. Позднее мы также организовали специализированную поездку группой архитекторов и иркутских проектировщиков в Индию.

Хотелось бы добрым словом вспомнить бывшего директора института «Иркутскгражданпроект» Бориса Израилевича Рабея, который любил и поддерживал архитекторов и с которым проектировщикам, я считаю, повезло. Он мог зайти в мастерскую, чтобы понаблюдать за ходом работы и пообщаться, как это было, например, при разработке концепции Культурного центра. Работы было много, работать было интересно.

Лариса Григорьевна уехала из Иркутска в 1967 году в Москву, обосновавшись впоследствии в г. Пущино Московской области, в часе езды от столицы. В 60-е годы это был совсем юный город, где молодые ученые-биологи системы Академии наук СССР «двигали» науку. В Пущино был филиал проектного института ГИПРОНИИ, обеспечивавший проектами застройку города и впоследствии разработавший генплан г. Пущино. Л. Крупская сделала замечательный проект нестандартного по своей внутренней планировочной организации научно-исследовательского института под названием «Корпус Клетки», занимавшегося изучением структуры и свойств клетки организмов. Знаю, что для города ею также были выполнены проекты общественного назначения и жилых домов. Впоследствии в Пущино вместе с Крупской работали уехавшие из Иркутска архитекторы В. С. и В. М. Воронежские, Е. Б. Пхор. Там же оказался и талантливый скульптор Олег Ряшенцев. Иркутские архитекторы стали «своими» в творческой среде молодых ученых.

Литература

1. Середенкина, С. Вячеслав Степанович Воронежский (1937–1999) // Проект Байкал. – 2004. – № 1. – С. XII–XVII.
2. Ирина Дагданова: «Мы болели архитектурой...» // Проект Байкал. – 2014. – № 43. – С. 16–17.

References

- Antipin, L., Berzhinsky, Y., Dagdanova, T., & Nechitailo, V. (2015). Sixtiers (1964–1974). Project Baikal, 12(43), 5-48. doi:10.7480/projectbaikal.43.864
- Seredenkina, S. (2004). Vyacheslav Stepanovich Voronezhsky (1937 – 1999). Project Baikal, 1(1), XII-XVII. doi:10.7480/projectbaikal.1.301

в 7. Ирина Симутина, Лариса Крупская, Владимир Бух и Виктория Астраханцева на открытии мемориальной доски на доме Б. М. Кербея в дни фестиваля «Зодчество Восточной Сибири-2010» в Иркутске

Используя метод нарративного анализа архитектурно-градостроительных объектов, автор выделяет основные элементы восточносибирской архитектурной традиции. Показана ее связь с особенностями климата, историей края и социально-психологической спецификой сибирского образа жизни. Проведены нарративные параллели между архитектурой сибирских городов, необрутализмом иркутской школы и современным проектом 130-го квартала в центре Иркутска.

Ключевые слова: архитектура; урбанистика; история; нарратив; Сибирь; необрутализм; Иркутск; 130-й квартал. /

Using the method of narrative analysis of architectural and town-planning projects, the author reveals basic elements of the East-Siberian architectural tradition. He shows its relation to the specific features of the climate, the regional history and socio-psychological peculiarities of the Siberian style of life. The author draws narrative parallels between architecture of Siberian cities, neobrutalism of the Irkutsk school and a contemporary project of the 130 Quarter located in the center of Irkutsk.

Keywords: architecture; urban studies; history; narrative; Siberia; neobrutalism; Irkutsk; 130 Quarter.

Школа как нарратив / School as narrative

Введение

Универсальный гений немецкого Просвещения Иоганн Вольфганг Гете превыше всех искусств ценил музыку. В книге афоризмов «Изречения в прозе» он помещает известную фразу, которую сегодня чаще произносят так: «Архитектура – это застывшая музыка». В первом русском переводе Гете называет архитектуру «онемелой» музыкой, но легкий оттенок инвалидности, немоты, компенсируется сравнением с главным из искусств [1, с. 110].

Для европейской мысли девятнадцатого века не возникло вопроса – кто сочиняет и кто исполняет эту «беззвучную музыку». Конечно же, это богоравный Творческий Человек – Поэт, Композитор, Архитектор. Подобно тому, как в третьем фильме франшизы «Матрица» таинственный Архитектор создает виртуальные реальности для человечества, так и реальные архитекторы создают собственные пространства и гармонии. Глобальное распространение такой самодостаточной стилистики, как палладианство – яркий пример восприятия архитектуры в качестве мирообразующей и миротворяющей силы. Классический ордер одинаково хорош на холмах Вено, в захламленном Вашингтоне и в барском доме нечерноземной полосы России, ибо он представляет собой абсолютную формулу гармонии, очищенную от случайных деталей конкретного пейзажа.

1. Онемелая сказка

В середине следующего, XX века сильный подъем испытал комплекс наук о языке. Развитие теории знаковых систем привело, с одной стороны, к рождению теоретической кибернетики, а с другой – к появлению нарративной архитектуры. Теоретические работы Бернара Чуми трактуют архитектуру не как музыку, а как «беззвучное повествование». Архитектурный нарратив формирует «гиперреальность», искусственное пространство, независимое от физической реальности – так же, как кинематограф волей режиссера создает свое собственное пространство и ритм. Чуми изучал раскадровки Эйзенштейна и строил свои модели на материале предельно искусственной, кристаллической решетки Манхэттена [2].

Распространение приемов анализа текстов Рола-на Барта и Жака Деррида привели к возникновению

архитектурного деконструктивизма – одного из самых агрессивных стилей, принципиально игнорирующих и разрушающих среду вокруг объекта. «Архитектурное насилие» (выражение Б. Чуми) в деконструктивизме достигает своего апофеоза. Архитектор получает наслаждение сродни сексуальному, преодолевая сопротивление среды, как и сопротивление материала. Заставить бетон выглядеть легким и ажурным, а стекло лишиться прозрачности, насытить тектонику джазовой динамикой, принудить свет растекаться по плоскостям наподобие жидкости, повелеть массивным элементам парить в воздухе на тонких струнах и одеть завитый штопором интерьер в мыльный пузырь из листового титана – вот задачи, сомасштабные образу всемогущего Архитектора.

Вполне естественно, что экстремизм декона сопровождался развитием другого, противоположного направления нарративной архитектуры, гораздо менее скандального и сенсационного, но весьма плодотворного. Это направление – брутализм (новый брутализм, необрутализм) и близкий к нему метаболизм – предполагает, что архитектурный образ возникает в результате не монолога, а диалога, в который архитектор вступает со всем необходимым уважением к собеседнику.

Кто же еще, кроме архитектора, может рассказывать истории? Чьи повествования могут «онеметь», чтобы превратиться в архитектуру?

Комплексный образ той сущности, с которой архитектор вступает в диалог, включает множество компонентов. Это география и климат, история и экономика, этнография и фольклор – все, что соединяется в понятии «гений места». Гений места, «гениус лоци» излагает свои нарративы негромко. Нужно внимательно прислушаться или, по крайней мере, помолчать – только тогда станут слышны его повествования.

2. Сказки Русского Севера

Освоение Сибири русскими во многом опиралось на опыт жизни крайнего Северо-Запада державы. Побережье Белого моря и устье Двины – место весьма своеобразное. Сюда не достигает теплое дыхание Гольфстрима, климат суров и беспощаден к человеку. Сочетание зимних морозов с приморской влажностью дает редкостную погодную

текст

Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

жесткость. В длинный зимний период с его приполярной ночью приходит еще одна серьезная нагрузка – депрессия. А ведь переключаться в ожидании весны на заторможенный, полусонный режим никак нельзя. Именно зимой, в самое темное и штормовое время года идет лов крупной рыбы – палтуса, белуги, семги. Рыболовецкие бригады поморов уходили в океан на несколько месяцев, и возвращались не все. От депрессии спасались нарративами. В каждой такой «промышленной компании» был обязательно сказочник. Каждый вечер после трудового дня он рассказывал смешные и фантастические байки и ложился спать последним. За это он получал двойную долю в общем заработке – за рыбу и столько же за сказки. Такая вот повседневная психотерапия.

Традиционная архитектура русского Севера возникла и развивалась в диалоге с гением этих суровых мест, а затем во многом повторилась в типичном сибирском стиле застройки. Деревянный дом с невысокой проемностью окон, с глубоким (ниже уровня промерзания) подвалом и утепленным чердаком, выстроенный вокруг печи интерьер – все это меры защиты от зимних морозов. А обилие резного декора в интерьере и экстерьере, яркие росписи ставней, наличников, причелин, карнизов – средства от зимней депрессии.

Сибирский дом демонстрирует ту же структуру нарратива, что и северные сказки. Внешний, поверхностный слой – веселый, пестрый и фантастичный. Смешные ироничные враки: у нас на севере семга да треска сами ловятся, сами потрошатся, сами солятся, сами в бочки ложатся. Белые медведи молоком торгуют (приучены). Белые медвежата семечками да папиросами промышляют. На заработки приезжают пингины – с шарманкой ходят да с бубном. Зимой мы песни морозим да в Швецию продаем, а летом плаваем по реке на вечных льдинах.

Не люблю – не слушай, а врать не мешай [3].

Под веселым и красочным слоем-антидепрессантом находится более глубокая структура образа дома-крепости, по своему эмоциональному содержанию похожего на рыцарские замки раннего средневековья или на японский стиль камакура. Жесткие правила жизни во враждебной среде возникают и укрепляются в постоянном близком присутствии смерти. Жизнь может внезапно оборваться по множеству причин. Вода и болотистая земля, студены воздух и огонь, звери и злые люди – все это может стать смертельным.

Пьеса «Иркутская история» Алексея Арбузова вышла в свет в 1958 году. Как раз начинался период, который позже получил название «шестидесятничества» или «оттепели». Пьеса иркутского актера, режиссера и драматурга стремительно превратилась в бестселлер. Уже в следующем году ее поставил известнейший московский театр имени Вахтангова, а в последующие несколько лет пьесу ставили по всему СССР и перевели на 34 языка. В 1973 году был снят двухсерийный фильм с Юлией Борисовой и Василием Лановым в главных ролях.

Сегодня пьеса выглядит совершенно фантастично. Строители Иркутской ГЭС гордятся тем, что работают на шагающем экскаваторе, хотя живут в бараках-общежитиях и получают вовсе не министерские зарплаты. Бригадир в свободное от работы время изучает французский язык (для саморазвития) и в свои пятьдесят лет стесняется взаимной влюбленности с женщиной на пятнадцать лет моложе себя. Оптимистичная концовка пьесы заключается в том, что главная героиня поступает на работу в ту же бригаду экскаваторщиков (ученицей) и счастлива от первой полочки – при том, что в начале пьесы она работает кассиршей в кооперативном магазине и зарабатывает намного больше. И вообще, деньги почему-то занимают в жизни героев гораздо меньше

места, чем отношения с друзьями и любимыми, а на первом месте у них – радость и гордость от своей важной и нужной работы. Просто сказка какая-то [4].

Один из поворотных моментов сюжета заключается в том, что главный герой погибает, спасая тонущих детей – чужих и едва знакомых. Поражает отношение к его смерти остальных персонажей пьесы, их внутренняя готовность к такому, хотя и тяжелому, горю. Жизнь на Севере и жизнь в Сибири – это жизнь рядом с повседневной и обыденной смертью; выбор лишь в том, насколько красивой и честной будет эта смерть. И это совсем не сказка. Образы советских людей, для которых рабочая гордость и коллективизм являются знаменателем системы ценностей, сегодня вызывают у одних ностальгию, у других – изжогу, но им нельзя отказать в изрядной доле реалистичности. Именно такие люди и осваивали русский Север, а через несколько столетий – Сибирь.

3. Транзитные города и северная фронда

Города в Сибири появились (по историческим меркам и в сравнении с Европой, а тем более – с Южной Азией) буквально вчера. Народы, населявшие север Азии до прихода русских, столетиями странствовали по этой земле, тесня и перемешиваясь друг с другом. Но ни эвенки, ни вытеснившие их в Приполярье якуты, ни выдавившие якутов буряты не строили городов. Даже знаменитая «столица» чингизидов Ханбалык, хотя и обладала некоторыми чертами города, все-таки больше походила на стойбище кочевников (только очень большое и переполненное золотом) или на цыганский табор. Что-то номадическое так и осталось в характере сибирских городов по сей день. Линейность, транзитность генетически присущи Иркутску и многим другим городам Сибири, стоящим на перекрестке меридионального пути по крупным рекам и сухопутных дорог вдоль параллелей [5].

Среди масштабных и новаторских проектов периода становления иркутской архитектурной школы выделяется «Байкальский луч» В. С. Воронежского. Несколько лет назад наш журнал опубликовал попытку анализа этого проекта. Мы старались показать, насколько идея линейного развития города по Верхнему бьефу водохранилища – от Чертугеевского залива и полуострова и дальше в направлении Байкала – противоречила доминировавшей тогда концепции моноцентрических городов [6].

Прошли десятилетия, сменилась формация и распалась империя, но идеи линейного развития Иркутска по-прежнему встречают сильное сопротивление. Зодчие иркутской школы снова и снова пишут, проектируют, доказывают: транзитность остается самой перспективной и выгодной стратегией развития города. Согласно проекту Воронежского, Байкальский луч стартует с берега Ангары, от места основания города. Его прямой участок начинается от Крестовоздвиженской церкви и 130-го квартала – улицей Седова, которая затем, на площади 50-летия Октября, вливается в улицу Байкальскую. Эта главная ось Иркутска, подобно Исторической оси Парижа, насыщена знаковыми объектами и общественными пространствами. Так образуется зона, предельно привлекательная для инвестиций в общественно значимые объекты – гостиницы, конгресс-холлы, выставочные залы [7].

Но все попытки реализовать концепцию Байкальского луча успеха не снискали. Масштабы проекта таковы, что региональных ресурсов для него совершенно недостаточно, а все попытки реализовать концепцию Байкальского луча наталкиваются на глухое противодействие федеральных планирующих органов.

Ситуация, когда собственная логика развития города вступает в противоречие с директивами из центра, воз-

никает не впервые. Освоение Сибири началось с прямого нарушения Ермаком указов царя Ивана IV Грозного, запретившего пересекать Урал из опасения крупного конфликта с сибирскими ханами. Но Ермака Тимофеевича царь простил. А вот Великий Новгород, до XVI века входивший в Ганзейский союз и ведущий активную торговлю с Северной Европой, за свою транзитность был наказан чудовищным погромом, завершившим его превращение в часть централизованной государственной системы.

Через сто лет рождение восточно-сибирских городов происходило без указаний из Москвы, по инициативе купцов и обедневших дворян, авантюристов, рвущихся к мехам и золоту богатого края, таких, как братья Похобовы или Андрей Дубенский – основатели Иркутска и Красноярска.

Противостояние сибирского купечества и чиновничества, местной инициативы и властной вертикали сохраняется и в последующие века, вплоть до наших дней. Удивительным образом эта дискуссия отражается в градостроительных структурах и их развитии. В центростремительные периоды, когда укрепляется зависимость от столичных тенденций, город становится более концентричным, множество функций сосредотачиваются в историческом центре, а система магистралей и осей «зарастает» точечной застройкой и хаотическими землеводами. В другие периоды преобладают центростремительные процессы – и приходят градоправители типа знаменитого Николая Трескина (личный представитель официального губернатора Сибири Пестеля, наделенный полным и бесконтрольным доверием «центра»). Тогда происходит упорядочивание городской структуры, вопреки сложившейся застройке прокладываются проспекты, выравнивается и становится более проницаемой сетка улиц...

Подобная ситуация сложилась в истории города еще раз – и совсем недавно. Губернатором был назначен Дмитрий Федорович Мезенцев, дипломат и государственный деятель высшего эшелона, работавший с В. Путиным еще с начала девяностых. Деловые и личные связи «на самом верху» позволили ему избежать мелочного контроля и давления со стороны федеральных планирующих институтов. Так появились условия для проекта «Сто тридцатого квартала» – проекта, столь же противоречащего центростремительной парадигме, как и концепции иркутских шестидесятников.

4. Необрутализм, такой сибирский

Десятилетия после Второй мировой войны однозначно окрашены в цвета холодной войны между супердержавами. Отсюда берет свое начало миф о некоем «Западе», который единым фронтом противостоит «социалистическому лагерю». Давно уже нет соцлагеря; мы на собственном опыте убедились, насколько враждебны могут быть вчерашние «братские народы». Но представление о тех противоречиях, которые раздирали Запад в пятидесятых-семидесятых годах прошлого века, все еще слабо осознаются.

Ле Корбюзье впервые приехал в Америку в 1935 году, а в 1937 выпустил книгу «Когда соборы были белыми. Путешествие в страну нерешительных людей». Уже в этой книге ясно читается недовольство мэтра американцами, их меркантилизмом и любовью к деньгам, их робкими попытками создать новое зодчество, не отказываясь ни от чего старого, их «комплексом превосходства» по отношению к европейцам. После войны Америка продолжает разочаровывать Ле Корбюзье: музей Гуггенхайма отказывается отдать один из залов под его картины, строители искажают первоначальный проект здания ООН, Фрэнк Ллойд Райт разражается завистливыми нападениями... [8]

Практически такой же набор претензий послевоенное поколение предъявляет самому Ле Корбюзье. Идеологические противоречия между французской и британской архитектурными школами обостряются в пятидесятые годы. Группа молодых архитекторов («Группа Десяти») объединяется, чтобы противостоять давлению авторитета корбюзьянцев. Утонченной эстетике средиземноморской школы и античным традициям они противопоставляют африканскую честную грубость и неприкрытый примитивизм.

Рейнер Бэнэм, анализируя феномен британских бруталистов, выводит их генезис именно из конфликта поколений. Идеи и проекты Питера и Элисон Смитсонов – это в первую очередь бунт молодежи против затвердевших авторитетов, против ханжеского замалчивания социальных проблем. На фоне растущего уровня жизни «государства всеобщего благоденствия» молодые видят стремительный рост неравенства и лживой пропаганды. Социальная среда представляется им враждебной и опасной стихией. Торжество победы в мировой войне сменяется апатией и депрессией – эта тенденция наберет полную силу только к концу семидесятых, но поворот к ней уже вполне заметен [9].

Проект Смитсонов «Робин Гуд Гарденс» (1969–1972) в полной мере отражает мироощущение небольшой замкнутой группы людей в недружелюбном окружении: этакая средневековая крепость посреди Лондона. Такое впечатление, что мрачноватая готовность к нападению в какой-то мере способствует враждебному восприятию этого объекта современными лондонцами и провоцирует постоянные попытки избавиться от него, несмотря на очевидную архитектурную и историческую ценность.

Иркутский брутализм неразрывно связан с именами шестидесятников, основавших уникальную архитектурную школу в географическом центре Азии. Тенденции послевоенного поколения совпали здесь с особенностями сибирского «гения места». Тяжелый северо-сибирский климат и депрессивная зимняя летаргия, повседневные проблемы с едой и жильем, жизненная необходимость взаимной поддержки, смертельная опасность обмана и притворства – все это неизбежно формирует образы, сходные с традиционными сибирскими избами и острогами, разумеется, с поправкой на современные материалы и технологии. Старинные срубы из лиственничных бревен, почерневшие и каменно-твердые от времени – родовая черта северной архитектуры. Такой же мессидж несут постройки иркутских бруталистов из нештукатуренного бетона и кирпича: здания-крепости, предельно тектоничные, замкнутые и неприступные.

В конце прошлого, XX века уровня зрелого мастерства достигает второе поколение иркутской школы. Собственно говоря, именно наличие второго поколения мастеров и позволяет говорить о школе – не о группе, течении или стиле, а именно об архитектурной школе. Это люди другого поколения, выросшие в другой среде и отвечающие на другие социальные вызовы. В новой среде еды и жилья вроде бы хватает на всех. Но враждебности и угнетающего давления не убавляется – это новая «агрессия сытых» и «депрессия сытых», возможно, еще более страшная для человека и социума.

Пожалуй, самое яркое выражение городской идентичности, «иркутскости» нового века – Сто тридцатый квартал. Проект, вызывающий множество самых разных и бурных эмоций, споров, мнений. На первый взгляд, не имеющий ничего общего с брутализмом. Но только на первый взгляд. Схожесть его с концепциями шестидесятников заключается не только в преемственности градостроительных решений, создании системы об-

^ IV Байкальский экономический форум. Макет актуализированного проекта застройки Чертугеевского полуострова, завершающего Байкальский луч. 2006

щественных пространств на основе глубокого анализа связей [10].

Архитектура квартала вполне традиционная – коренные бревенчатые срубы на глубоких подземных основаниях; подлинники памятники (их всего шесть) неотличимы от новоделов. И весь квартал, зажатый между двумя магистралями, образует замкнутое пространство, уютное внутри и закрытое снаружи, схожее с рыцарским замком или павловским «Домом-кораблем» (или лондонским «Робин Гуд Гарденс»). Обильный, пестрый и разнообразный декор квартала, казалось бы, противоречит суровой тектонике. Но у этой красочности та же оборонительная функция: это такой же «архитектурный антидепрессант», как яркие ставни традиционной избы, как резное дерево и кирпич особняков сибирского купечества. Если шестидесятиникам хватало нюансной красоты голого бетона, то сегодня социальная депрессия достигает гораздо более глубоких и тяжелых степеней и, соответственно, требует более сильнодействующих средств.

Трубообразная, проточная структура квартала в полной мере следует концепции города как системы потоков – той самой концепции, которую мастера первого поколения иркутской школы пытались предложить в проекте Байкальского луча. Квартал, собственно, и организован как фрагмент этого самого луча и нанизанных на него общественных пространств, и все еще жива надежда на его продолжение – до самого Байкала.

Заключение

Сквозной образ объекта или градостроительной структуры, вырастающей из диалога со средой, причем средой равнодушной, опасной и не вызывающей доверия – такой образ в середине XX века присутствует в целом ряде конкретных вариантов. Тут и лондонский Барбикан, и московский брутализм Моспроекта-4 (группа И. М. Виноградского), работы Кишо Курокава, японских метаболистов и группы НЭР (Новый элемент расселения, А. Гутнов и И. Лежава), и некоторые проекты позднего Ле Корбюзье, А. Аалто и Л. Кана... и, конечно, иркутской архитектурной школы.

Сегодня ученикам и наследникам иркутских шестидесятников приходится прилагать немалые усилия, чтобы защитить работы необруталистов. Бывает непросто объяснить, почему так ценны эти мрачноватые и не слишком приветливые здания, зачем нужно устраивать сквозные коридоры в ткани города, как можно сочетать яркий декор с черными бревнами памятников архитектуры. Нарратив необрутализма немногословен и честен, он не старается быть приятным для всех. Как песни фронтовиков, его витальность окрашена тяжелой правдой о том, что всякая жизнь смертна.

Но сегодня повествование длится. Иркутская архитектурная школа жива.

Литература

1. Гете, И.-В. Изречения в прозе Гете. – Санкт-Петербург : В. Берман и С. Войтинский, 1885. – 147 с.
2. Tschumi, B., & Max Protetch Gallery. (1981). The Manhattan transcripts. London: Academy Editions.
3. Писахов, С. Архангельские сказки. – Санкт-Петербург : БХВ Петербург, 2016. – 88 с.
4. Арбузов, А. Н. Иркутская история: Пьесы. – Москва : Эксмо, 2008. – 640 с.
5. Лидин, К. Преодоление номада // Проект Байкал. – 2010. – № 24. – С. 22–27.
6. Лидин, К., Меерович, М. Предчувствие полицентричности. О «несоветском» проекте иркутских архитекторов 1970-х годов // Проект Байкал. – 2006. – № 9. – С. 20–23.
7. Колесников А. Иркутскгражданпроект сегодня // Проект Байкал. – 2007. – № 12. – С. 56–61.
8. Ле Корбюзье. Когда соборы были белыми. Путешествие в край нерешительных людей. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. – 360 с.
9. Бэнэм, Р. Новый брутализм: этика или эстетика? – Москва : Стройиздат, 1973. – 199 с.
10. Григорьева Е., Лидин К. Квартал для праздника. Несостоявшийся амфитеатр и универсальная лестница // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 62–69.

References

- Arbuzov, A. N. (2008). *Irkutskaya istoriya: Piesy* [Irkutsk story: Plays]. Moscow: Eksmo.
- Banham, R. (1973). *Novyi brutalizm: etika ili estetika?* [The new brutalism: ethic or aesthetic?]. Moscow: Stroiizdat
- Goethe, J. W. (1885). *Izrecheniya v proze Gete* [Expressions in Goethe's prose]. Saint Petersburg: V. Berman & S. Voitynsky.
- Grigoryeva, E., & Lidin, K. (2020). A quarter for celebrations. *Project Baikal*, 17(63), 62-69. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1589>
- “Irkutskgrazhdanproject” segodnya [Today's Irkutskgrazhdanproject]. (2007). *Project Baikal*, 4(12), 56. doi:10.7480/projectbaikal.12.536
- Le Corbusier (2018). *Kogda sobory byli belymi. Puteshestvie v kraj nereshitelnykh lyudei* [Le Corbusier. When the cathedrals were white. A journey to the country of timid people]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Lidin, K. (2010). To overcome a nomad. *Project Baikal*, 7(24), 22-27. doi: 10.7480/projectbaikal.24
- Lidin, K., & Meerovich, M. (2006). *Predchuvstvie politseentrichnosti. O "nesovetskom" proekte irkutskikh arkhitektorov 1970-kh godov* [Anticipation of polycentricity. On "non-Soviet" project by Irkutsk architects of the 1970s]. *Project Baikal*, 3(9), 20-23. doi:10.7480/projectbaikal.9.494
- Pisakhov, S. (2016). *Arkhangelskie skazki* [Arkhangelsk fairy tales]. Saint Petersburg: BKhV Peterburg.
- Tschumi, B., & Max Protetch Gallery. (1981). *The Manhattan transcripts*. London: Academy Editions.

Этот блок посвящен по большей части двум сибирским вузам – столичному новосибирскому и иркутскому, альма-матер. Помимо собственно науки и преподавания новосибирские и иркутские ученые и педагоги обращаются к практическим вопросам. Представляем читателям исследование улицы Карла Маркса в Новосибирске и анализ возможностей изменения захолустного иркутского района Жилкино на платформе Зимнего университета. На желтых страницах МОНИТОРА – студенческая работа, сделанная очень по-иркутски, по актуальной, если не сказать скандальной, площадке на берегу Ангары в самом сердце города – на участке Центральной электростанции, где трубу-доминанту уже почти разобрали, а памятник промышленной архитектуры вывели из реестра.

Статья Константина Кияненко возвращает нас к теме курсов – международных, студенческих и вполне практических, важных. А МИТУ–МАСИ рассказывает о том, как развивается у них дистанционное обучение, начатое еще до того, как его неотвратимость были вынуждены осознать все.

ЕГ

вузы / higher education institutes

This section is mostly devoted to two Siberian universities – the metropolitan university in Novosibirsk and Irkutsk alma mater. Parallel to science and teaching, both Irkutsk and Novosibirsk scientists and teachers deal with practical issues. We introduce to the readers the study of Karl Marx Street in Novosibirsk and the analysis of opportunities of the deserted Zhilkiно district in Irkutsk that were discussed on the platform of the Winter University. The MONITOR yellow pages present a student project done in the Irkutsk manner: this work concerns a challenging site, a cause of much controversy located on the bank of the Angara River in the heart of the city – on the territory of the Central Electric Station with an almost demolished dominant stack and a monument of industrial architecture removed from the register.

The article by Konstantin Kiyanenکو brings us back to international student competitions of practical importance. MITU-MACI speaks about the development of distance education that had been launched before everybody had to recognize its necessity.

Elena Grigoryeva

Истоки и перспективы развития Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова связаны с феноменом «Сибирская архитектурно-художественная школа». Историческая концепция создания университета как центра научных исследований, практического проектирования и образования находит свое новое воплощение через тридцать лет на очередном этапе развития архитектурно-художественного образования в Сибири.

Ключевые слова: высшее архитектурное образование; сибирская архитектурно-художественная школа; Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова. /

The sources and development prospects of Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov are related to the "Siberian architecture and art school" phenomenon. The historical concept of establishing a university as a center of scientific research, design practices and education is newly realized in thirty years at the next stage of the development of architectural and art education in Siberia.

Keywords: higher architectural education; Siberian architecture and art school; Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts named after A. D. Kryachkov.

Сибирская архитектурно-художественная школа: вчера и сегодня / Siberian architecture and art school: yesterday and today

текст

Наталья Багрова
Николай Журин
Геннадий Пустоветов
Сергей Филонов /
text

Natalia Bagrova
Nikolai Zhurin
Gennadiy Pustovetov
Sergey Filonov

Масштабное реформирование отечественной высшей школы под влиянием меняющихся требований современного мира вызвало рефлексию академического сообщества об истоках и перспективах развития высшего образования в России и отдельных ее институций. При этом проблема равномерного распределения и развития на нашей территории федеральной сети учреждений высшего образования обусловлена необходимостью кадровой обеспеченности стратегических планов развития страны в целях достижения «устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также обеспечение национальной безопасности страны» [1]. В этом контексте мы обращаемся к истокам современного феномена, который можно обозначить как «Сибирская архитектурно-художественная школа».

Традиции Сибирской архитектурно-художественной школы восходят к 1909 г., к опыту Томского технологического института (ТТИ) Императора Николая II (рис. 1), основанного в 1896 г. [2]. Открытие первого за Уралом высшего технического образовательного учреждения было продиктовано растущими потребностями обустройства населенных пунктов в Сибири и на Дальнем Востоке, оказавшихся в ареале Великой Сибирской железной дороги [3, с. 294–296]. В ту пору ТТИ создавался для устранения дефицита кадров на востоке страны по образцу «политехов» европейской части России. Педагогический коллектив института был сформирован из выпускников шестнадцати учебных заведений европейской России. Среди них было пять классических университетов: Санкт-Петербургский, Московский, Казанский, Харьковский, Дерптский; один архитектурно-художественный – Санкт-Петербургская академия художеств; десять технологических и политехнических – Санкт-Петербургский горный институт, Рижский политехнический институт и другие. Первыми преподавателями стали архитекторы, которые участвовали в застройке многих городов Сибири (Н. П. Наранович, П. Ф. Федоровский, К. К. Лыгин, Ф. Ф. Гут, А. Д. Крячков, В. Ф. Оржешко, Т. Л. Фишель) [4, с.

3–9]. Архитекторы и художники, ведущие практическую работу, возглавили педагогический коллектив специализированного подразделения ТТИ.

В те времена учебные заведения ставили своей задачей готовить молодого специалиста одновременно как практика-производственника, руководителя-государственного служащего и ученого-педагога. Кроме того, специалист должен был при необходимости заменить средний и младший персонал. Для дореволюционного периода был характерен всесторонний подход к решению любой задачи, для чего специалисту следовало обладать универсальными знаниями.

Архитектурно-художественная подготовка как составляющая модели выпускника в ретроспективе ведет нас в Петербургский Институт гражданских инженеров и в Императорскую академию художеств. Сочетание эстетических и инженерных традиций в развитии сибирской школы архитектуры было обусловлено тем, что ее идеологами и создателями выступили: выпускник Института гражданских инженеров императора Николая II А. Д. Крячков (1876–1950) (рис. 2) и выпускник Императорской Академии художеств К. К. Лыгин (1854–1932) (рис. 3). В целом педагогический состав подразделения гражданских инженеров (архитекторов), открытого на инженерно-строительном отделении Томского технологического института в 1909 г., состоял из архитекторов и художников этих же учебных заведений. Они были учениками Р. Б. Бернгарда, Э. И. Жибера, В. А. Шретера, И. С. Китнера, Д. Д. Соколова, которые, в свою очередь, были подготовлены в европейской традиции с доминированием художественного подхода. Программы подготовки гражданских инженеров в ТТИ были составлены на базе программ соответствующих отделений институтов Петербурга, Риги, Киева, Варшавы.

Всего в Российской империи при Николае II было 15 политехнических ВУЗов, из них в Сибири – 1. Политехнический университет в Сибири не уступал другим по количеству студентов. Он стал последним институтом, открытым до революции. Потребность в специалистах с его появлением была удовлетворена.

Работавший в те годы в Томском технологическом институте гражданский инженер А. Д. Крячков (он пре-

^ Рис. 1. Томский технологический институт Императора Николая II. 1907 г. Из собрания Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГУАДИ

подавал рисование и архитектурное проектирование), видя острую нехватку архитекторов и градостроителей в Сибирском регионе, активно поддержал идею о необходимости открытия специализированного архитектурного отделения (факультета). В 1906 году А. Д. Крячков вместе с деканом инженерно-строительного отделения Томского технологического института профессором А. Сабеком начали подготовку к открытию подотделения подготовки инженеров гражданских сооружений (архитекторов). Кроме государственной необходимости, это объяснялось еще и «<...> плюс обнаружившимися художественными способностями сибирского студенчества» [5]. Изучив программы Рижского, Киевского, Варшавского технологических институтов, Института гражданских инженеров в Санкт-Петербурге, А. Сабек и А. Крячков составили учебные планы. «<...> история архитектуры, – как они отмечали, – представляет из себя один из главных предметов, и никак не может быть опущена на архитектурном подотделе, точно также знакомство с архитектурными формами и постоянные упражнения в стилевой работе составляют задачу архитектурного образования в художественном отношении» [5]. Это было особенно актуально в век архитектурной эклектики, историзма и модерна [6]. А. Д. Крячков – инициатор организации архитектурной специальности на инженерно-строительном отделении ТТИ – считал, что главными предметами должны быть история архитектуры, архитектурные формы, стилевая работа, отопление, вентиляция, сметы. С 1902 г. до конца 1920-х гг. студентов обучали академическим историческим стилям и инженерным дисциплинам. Методы преподавания оставались традиционными: лекционная работа и практическое проектирование.

Уже на начальном этапе развития архитектурно-художественного образования проявилась своя сибирская специфика подготовки специалистов высшей квалификации в этой области, чему способствовали своеобразные географические и климатические особенности края, специфичная роль сибирских городов как центров-проводников культуры на огромных пространствах края [7, с. 234].

На протяжении 1930-х гг. происходит становление научной работы по архитектурной специальности под руководством А. Д. Крячкова. В 1937 г. вышла в свет его книга «Материалы по истории промышленной архитектуры Сибири (XVIII–XIX вв.)» – одно из самых первых историко-архитектурных исследований Сибири. Большой практический опыт проектно-строительной деятельности позволил А. Д. Крячкову обобщить обширный материал в докторской диссертации на тему «Влияние климата и природы на строительство и архитектуру Сибири», защищенной в 1944 г. «Представленный в диссертации материал и разработанные Крячковым рекомендации по проектированию зданий и сооружений в условиях Сибири сохраняют историко-теоретическую и практическую значимость и в наши дни» [8].

В период с 1909 по 1930 гг. в Сибирском технологическом институте (Томск) было подготовлено 84 архитектора. В 1930-е гг. на факультете преподавали известные сибирские архитекторы и историки архитектуры: Е. А. Щепков, Н. С. Кузьмин, выпускник Высшего московского архитектурного училища В. С. Масленников, профессор истории и архитектуры Р. В. Кутепов, архитектор Н. В. Фризель. Старейший архитектор Новосибирска И. А. Бурлаков руководил дипломным проектированием у выпускников-архитекторов.

Тематика учебного архитектурного проектирования была разнообразна и включала объекты гражданского, промышленного строительства, а также градостроительные предложения.

Беспрецедентный в Сибири рост нового городского поселения – Новониколаевска (современного Новосибирска), частые пожары (один из самых разрушительных – в 1909 г.) вызвали необходимость введения должности городского архитектора в Новониколаевске. Им стал выпускник Рижского технологического института инженер-технолог Ф. Ф. Рамман. Для выполнения проектов двенадцати начальных школьных зданий городского торгового корпуса был приглашен гражданский инженер А. Д. Крячков. Строителем первого крупного архитектурного сооружения в Новониколаевском поселке – Храма Св. Александра Невского стал путейский инженер Н. М. Тихомиров, который руководствовался проектом, составленным в Томске архитекторами-художниками К. К. Лыгиным и Н. М. Соловьёвым [6].

Острый дефицит квалифицированных архитекторов и техников в местной строительной администрации отражен в следующих данных по городам Томской губернии в 1911 г.: «В Мариинске – 1 техник, в Змеиногодском Уезде – нет, хотя постройки проводятся, без технического и архитектурного надзора, в Колывани – нет, в Барнауле – 2, в Новониколаевске – 4» [9, с. 120].

В 1925 г. ТТИ был переименован в Сибирский технологический институт им. Ф. Э. Дзержинского. Число выпускников архитектурной специальности к 1925 г. достигло 26 человек; инженеров, обучавшихся с 1900 г., было выпущено уже около 1500. При этом численность студентов в ТТИ в дореволюционный период в среднем составляла около 1000 человек одновременно, а на инженерно-строительном отделении максимум в 310 человек был достигнут в 1908 г.

В конце 1920-х – начале 30-х гг. из Сибирского технологического института выделились несколько самостоятельных высших учебных заведений, которые были переведены в другие города Сибири (Новосибирск, Новокузнецк, Иркутск). Так, Строительный институт был создан в Томске в 1930 г., а уж к сентябрю 1933 г. перебазировался в Новосибирск со специальностями: архитектура, коммунальное и мелиоративное строительство. В 1930–1989 гг. развитие сибирской архитектурной школы продолжилось на базе Сибирского строительного института (с 1935 г. – НИСИ им. В. В. Куйбышева).

Период 1920-х – 1980-х гг. – время индустриализации страны. Этот процесс потребовал подготовки узких специалистов во всех звеньях, и в этом отличие данного периода от дореволюционного. Еще 1930-е гг. стали периодом становления научной работы на кафедре архитектуры под руководством А. Д. Крячкова.

После 1950 г. научную работу возглавил профессор Е. А. Щепков (1907–1983) (рис. 4), подготовивший 37 кандидатов архитектуры. Архитектурным проектированием руководил доцент Н. С. Кузьмин (1905–1985) (рис. 5). Кузьмин был сторонником укрепления инженерной подготовки архитекторов, чем занимался на протяжении 55-ти лет своей жизни [10].

С 1960-х гг. в педагогический процесс активно внедряется метод макетирования, а в 1970-х гг. в учебном процессе начинается использование ЭВМ. В целом традиция ТТИ сочетать инженерные и художественные дисциплины в подготовке архитекторов сохранилась до настоящего времени.

Архитектурная специальность в НИСИ просуществовала в рамках архитектурно-строительного факультета до 1950 г., когда появился архитектурный факультет. Инженерные дисциплины занимали более половины учебного времени. В 1955–1956 учебном году архитектурный факультет уже имел три специальности: архитектура, сельскохозяйственное строительство и технология строительных материалов. Общее число студентов на архитектурном факультете составило 681 человек,

^ Рис. 2. Андрей Дмитриевич Крячков – гражданский инженер, доктор технических наук, профессор ТТИ и НИСИ им. В. В. Куйбышева. Из собрания Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГУАДИ

v Рис. 3. Константин Константинович Лыгин – архитектор-художник, профессор ТТИ. Из собрания Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГУАДИ

> Рис. 4. Николай Сергеевич Кузьмин – архитектор, кандидат архитектуры, доцент НИСИ им. В. В. Куйбышева. Из собрания Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГУАДИ

из которых 185 обучалось по специальности «Архитектура». В структуру факультета вошли кафедры архитектуры, архитектурного проектирования, рисования и черчения, начертательной геометрии, строительных материалов и химии.

В 1967 году количество студентов на дневном отделении факультета достигло 584 человек, на вечернем – 124. С 1951 по 1967 год было подготовлено 465 специалистов [11, с. 56, 87].

В 1960-1970 гг. подготовку на архитектурном факультете вели три выпускающие кафедры: планировки и застройки населенных мест, архитектуры гражданских зданий, архитектуры промышленных зданий и сельскохозяйственных сооружений. Кафедра планировки и застройки населенных мест под руководством Е. А. Ащепкова осуществляла крупные работы по самой разнообразной тематике: исследования сибирского жилища, проектирование градостроительных комплексов, истории архитектуры Сибири, теории градостроительства, проектирования промышленных комплексов и животноводческих сооружений, градостроительной климатологии и цвету в архитектуре. Постепенно кафедра стала центром подготовки архитекторов-ученых для всего Сибирского макрорегиона.

С 1951 по 1977 год на архитектурном факультете было подготовлено 1605 архитекторов, распределенных не только по регионам Сибири и Дальнего Востока, но и в европейской части страны, а также по союзным республикам.

Выпускники сменяли друг друга на посту главного архитектора Новосибирска: В. Г. Терехин, С. П. Скобликов, Г. А. Тюленин, В. В. Бородкин, В. П. Арбатский, В. А. Тимонов, А. Ю. Ложкин. Факультет подготовил главных архитекторов Магадана, Мурманска, Сочи, Кемерово, Иркутска, Тюмени. В числе крупных объектов, запроектированных выпускниками архитектурного факультета НИСИ: г. Кольцово (А. Бондаренко), проект детальной планировки левобережной части Новосибирска (В. Галямов), типовая серия жилых домов Ш-97 (М. Печерин), театр юного зрителя в Новосибирске (А. Сабиров, Г. Вязунова, В. Сотников), историко-архитектурный музей под открытым небом в новосибирском Академгородке (С. Баландин, В. Пергаев), этнографический музей под открытым небом в Улан-Уде (Ю. Банзаракцаев), электроплавильный цех Кузнецкого металлургического комбината (В. Барсуков), жилой район «Снегири» в Новосибирске (Г. Тюленин, В. Бурцев, В. Сергиевский, М. Хахаев, Ю. Захаров).

Выпускники-архитекторы могли работать в разных сферах искусства: В. Колесников, С. Калачев, Я. Яковлев, Ю. Селиверстов стали графиками и иллюстраторами книг; связали судьбу со скульптурой Н. Гнедых, Н. Мартянов, Н. Светлосанов; М. С. Омбыш-Кузнецов получил почетное звание Народного художника России.

В 1970-1980-х гг. происходит смена поколений в профессорско-преподавательском составе архитектурного факультета. Профессор Б. И. Оглы возглавляет обновленную кафедру планировки и застройки населенных мест.

К середине 1980-х гг. через аспирантуру Московского архитектурного института осуществляется подготовка нового педагогического состава архитектурного факультета НИСИ: молодые кандидаты архитектуры В. П. Арбатский, С. Д. Ганжа, С. В. Дмитриев, Н. П. Журинов, Е. Н. Лихачев, В. И. Миронов, Г. И. Пустоветов, В. И. Сазонов, В. Н. Федорякин, В. Н. Филиппов и другие составили ядро нового педагогического коллектива архитектурного факультета.

К 1980-м гг. региональные архитектурные школы были представлены Новосибирским и Томским инженерно-строительными институтами, Красноярским, Иркутским, Хабаровским и Владивостокским политехническими институтами. В год выпускалось около 400 архитекторов.

В Новосибирске работало около 700 архитекторов.

Понятие «Сибирская архитектурная школа» все чаще звучало на республиканских и всесоюзных архитектурных выставках. Многие представители творческих профессий Новосибирска являлись выпускниками местной архитектурной школы [6]. В Союзе архитекторов СССР неоднократно поднимался вопрос об организации самостоятельного архитектурного института в Новосибирске. Обоснованные предложения об организации архитектурного института в Новосибирске вошли в резолюцию и решения IV съезда Союза архитекторов СССР, были подтверждены V съездом СА СССР [11, с. 5-6].

Вся история развития сибирской архитектурно-художественной школы, ее успехи в подготовке зодчих – архитекторов-практиков и ученых – стали фундаментом создания нового самостоятельного творческого вуза. Постановлением ЦК КПСС, Совмина СССР № 1058 от 19 сентября 1987 года «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» на базе Зонального научно-исследовательского и проектного института типового и экспериментального проектирования жилых и общественных зданий Госкомархитектуры и архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР был открыт Новосибирский архитектурный институт в качестве нового научно-исследовательского, проектного и учебного центра Сибири.

Ранее в Сибири совместная подготовка специалистов в области архитектуры и изящных искусств практически не велась. С созданием архитектурного института в Новосибирске органичное сочетание серьезной художественной подготовки, инженерно-строительной практики и фундаментальной теории стало основополагающим в развитии такого феномена, как «архитектурно-художественное образование Сибири».

Новосибирский архитектурный институт (НАрХИ) открылся 1 сентября 1989 г. (рис. 5). Он стал четвертым специализированным архитектурным вузом в России. 13 августа 1989 г. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР издает приказ № 345 об открытии Новосибирского архитектурного института, и этим же приказом ректором института назначается Г. И. Пустоветов. В этот день первокурсники нового вуза приступили к учебе, «<...> творцы улиц и городов XXI века <...>», написал автор газетной заметки А. Духнов.

В 1993 году при активном содействии первого ректора Г. И. Пустоветова НАрХИ переехал в центр Новосибирска, в здание, являющееся памятником архитектуры начала XX века, бывшее «здание Госучереждений (первый вуз)», построенное в 1923 году по проекту архитектора А. Д. Крячкова.

С образованием НАрХИ в 1988 г. была образована кафедра градостроительства, которую до 1991 г. возглавлял В. П. Арбатский; с 1991 по 2000 гг. В. П. Блинков и далее с 2000 г. – Г. П. Ерохин. Кафедра градостроительства в 2005 г. была реорганизована в кафедру градостроительства и ландшафтной архитектуры.

В 1991 г. в НАрХИ началась подготовка специалистов по специальности «Дизайн архитектурной среды» на выпускающей кафедре под руководством А. А. Гамалея. С 1999 г. под руководством Ю. М. Косова началась подготовка выпускников по специальности «Дизайн». В 1993 г. в НАрХИ была открыта новая кафедра монументально-декоративного искусства под руководством А. К. Крутикова, с 1994 года – Н. И. Мартянова, далее М. С. Омбыш-Кузнецова и сегодня И. П. Шавшиной, что стало важным событием: впервые в Западной Сибири началась подготовка монументалистов-художников совместно с будущими архитекторами и градостроителями в стенах одного высшего учебного заведения. Именно эта

v Рис. 5. Евгений Андреевич Ащепков – архитектор, доктор искусствоведения, профессор НИСИ им. В. В. Куйбышева. Из собрания Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГУАДИ

модель совместной подготовки архитекторов, градостроителей, архитекторов-дизайнеров, дизайнеров и художников монументально-декоративного искусства станет результативной политикой в развитии образовательного учреждения НАрХИ – НГАХА – НГУАДИ: от архитектурно-института к архитектурно-художественной академии и далее к университету архитектуры, дизайна и искусств. Все настойчивее звучал вопрос о необходимости подготовки современных специалистов высшей квалификации в области пространственно-пластических искусств и дизайна.

В марте 1996 года НАрХИ получил статус академии. В 1997 году на базе академии открыт центр повышения квалификации и переподготовки специалистов с высшим образованием. В 2015 году Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия преобразована в Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств. Продолжает углубляться специализация направлений подготовки: в 2016 г. открывается кафедра промышленного дизайна под руководством Н. В. Бекк, в 2017 г. – кафедра коммуникативного дизайна и графики под руководством В. Н. Смирнова, в 2018 г. открыта кафедра дизайна костюма и индустрии моды под руководством Е. П. Долматовой. В НГУАДИ собран уникальный профессорско-преподавательский состав. Научная школа доктора архитектуры профессора Л. Н. Вольской, заведующей кафедрой реконструкции и реставрации архитектурного наследия, подготовила десятки кандидатов наук, работающих по всей России и за рубежом.

Сегодня стратегия развития Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств возвращается к первоначальной идее своего создания в качестве центра научных исследований, практического проектирования и образования. НГУАДИ как специализированный творческий университет с успехом развивает новые технологии проектирования, методы: социального участия в проектировании, информационного моделирования зданий и городских процессов, технологии компьютерной графики. Вклад НГУАДИ в развитие пространственно-эстетической среды и территорий Новосибирской области исчисляется сотнями реализованных проектных предложений, флагманских проектов новой типологии общественных зданий, создании баз данных управления территориями, фундаментальных и прикладных научных исследований.

В 2019 году НГУАДИ отпраздновал 30-летний юбилей со дня основания. Три десятилетия были наполнены многочисленными яркими событиями в истории нашей страны, Новосибирска, на фоне которых проходило и развитие вуза. 29 октября 2019 г. Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств удостоен Почетного имени выдающегося сибирского архитектора и педагога-исследователя Андрея Дмитриевича Крячкова, что, безусловно, является важной вехой и оценкой пути становления и развития высшего архитектурного образования в Сибири.

Литература

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р.
2. Томский технологический институт за 25 лет своего существования. 1900–22 октября 1925 (юбилейный сборник). – Томск, 1928. – 161 с.
3. Путеводитель по Великой сибирской железной дороге/под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова, А. Ф. Здзярского. – Санкт-Петербург: Издание Министерства Путей Сообщения. Товарищество Художественной печати. – 1900. – 600 с. [илл.].

4. Зубашев, Е. Томский Технологический институт, Город Томск, изд-во Сибирского Товарищества Печатного Дела, Отдел второй. – Томск, 1912. – 73 с.

5. Баландин, С. Н. А. Д. Крячков. Сибирский архитектор. – Новосибирск, 1991. – 160 с.

6. Жури, Н. П. Архитектура Сибирского города конца XIX – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во Новос. гос. archit.-худ. akad., 2014. – 146 с.

7. Сибирь, ее современное состояние и нужды: сборник статей/под ред. И. С. Мельника. – Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1908. – VIII, 294 с.

8. Духанов, С. С., Миронов, И. Ю. Диссертация А. Д. Крячкова как памятник научной мысли./Региональные архитектурно-художественные школы. – № 1. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, 2017. – С. 169–171.

9. Жури, Н. П. Планировка и застройка городов Сибири в период строительства Транссибирской магистрали. По материалам Государственного архива Томской области: диссертация на соискание ученой степени кандидата архитектуры. – Новосибирск, 1974. – 159.

10. Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения/Сб. статей и материалов. – Москва, 2005. – 200 с.

11. Баландин, С. Н., Пустоветов, Г. И. Из истории архитектурного образования в Сибири. – Новосибирск: изд-во «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 87 с.

References

Balandin, S. N. (1991). A. D. Kryachkov. Sibirskii arkhitekt [A. D. Kryachkov. A Siberian architect]. Novosibirsk.

Balandin, S. N., & Pustovetov, G. I. (1993). Iz istorii arkhitekturnogo obrazovaniya v Sibiri [Excerpts on the history of architectural education in Siberia]. Novosibirsk: izd-vo "Nauka". Sibirskaya izdatelskaya firma.

Dmitriev-Mamonov, A. I., & Zdzarskiy, A. F. (Eds.) (1900). Putevoditel po Velikoi sibirskoi zheleznoi doroge [A guide to the Great Siberian Railway]. Saint Petersburg: Izdanie Ministerstva Putei Soobshcheniya. Tovarishchestvo Khudozhestvennoi pechati.

Dukhanov, S. S., Mironov, I. Yu. (2017). Dissertatsiya A. D. Kryachkova kak pamyatnik nauchnoi mysli [A. D. Kryachkov's dissertation as a monument of scientific thought]. Regionalnye arkhitekturno-khudozhestvennye shkoly, 1, 169–171. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta arkhitektury, dizaina i iskusstv.

Melnikov, I. S. (Ed.) (1908). Sibir, ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei [Siberia, its current state and needs: collected works], VIII. Saint Petersburg: Izdanie A. F. Devriena.

Nikolai Kuzmin. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya [Nikolai Kuzmin. On the occasion of his 100 anniversary]. (2005). Collection of articles and materials. Moscow.

Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda. Utverzhdena rasporyazheniem Pravitelstva Rossiiskoi Federatsii ot 13 fevralya 2019g. № 207-r [The strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Approved by the Government Decree of the Russian Federation of February 13, 2019 № 207-r]

Tomskii tekhnologicheskii institut za 25 let svoego sushchestvovaniya. 1900 – 22 oktyabrya 1925 (yubileinyi sbornik) [Tomsk Technological Institute throughout its 25 years of existence. 1900 – 22 October, 1925 (anniversary collection)]. (1928). Tomsk.

Zhurin, N. P. (1974). Planirovka i zastroyka gorodov Sibiri v period stroitelstva Transsibirskoi magistrali. Po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoi oblasti [Planning and development of Siberian cities in the period of construction of the Transsiberian railway. Based on the materials of the State Archives of the Tomsk Region] [Ph. D. in Architecture dissertation]. Novosibirsk.

Zhurin, N. P. (2014). Arkhitektura Sibirskogo goroda kontsa XIX – nachala XX veka [Architecture of a Siberian city of the late XIX – early XX centuries]. Novosibirsk: Izd-vo Novos. gos. archit.-khud. akad.

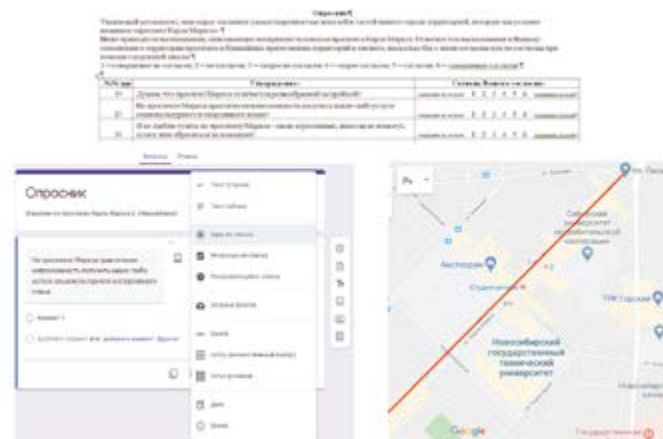
Zubashev, E. (1912). Tomskii Tekhnologicheskii institut [Tomsk Technological Institute]. Tomsk: izd-vo Sibirskogo Tovarishchestva Pечатного Дела, Otdel vtoroi.

Предлагается методика по оценке удовлетворенности жителей городским пространством. Разработанный «Опросник удовлетворенности городским пространством» апробирован на объекте исследования, подтвердил свою состоятельность и может в дальнейшем применяться для оценки удовлетворенности жителей городскими пространствами в крупных российских и зарубежных городах. Сделаны выводы и сформулированы рекомендации для дальнейшего использования при разработке архитектурно-средового оформления проспекта Карла Маркса в Новосибирске.

Ключевые слова: удовлетворенность жителей; городское пространство; предпроектное исследование; открытые общественные пространства; Новосибирск. /

The authors propose a technique for assessing residents' satisfaction with urban space. The authors conducted a study of the real urban public space. An "Urban Space Satisfaction Questionnaire" was developed and tested on the research object. The questionnaire confirmed its viability and can be further used to assess residents' satisfaction with urban spaces in large cities. Based on the assessment of satisfaction, conclusions are drawn and recommendations are formulated for further use in the development of the architectural and environmental design of Karl Marx Avenue in Novosibirsk. **Keywords:** residents' satisfaction; urban space; pre-design study; open public spaces; Novosibirsk.

в Рис. 1. Шкала и гугл-форма опросника

Удовлетворенность жителей городским пространством / Residents' satisfaction with the city space

текст

Григорий Ерохин
Галина Паршукова /
text
Grigory Erokhin
Galina Parshukova

С конца XX века социология и архитектура сходятся в понимании того, что важным фактором успешности пространства является то, в какой степени оно удовлетворяет запросы общества, оправдывает ожидания жителей [7], выявляет связи между жизненным опытом и местом, где он приобретен.

Причинами для проведения исследования удовлетворенности жителей территорией проспекта Карла Маркса в городе Новосибирске послужили реально возникшие противоречия между уровнем развития общественного пространства, уровня благоустройства территории и застройки проспекта и ожиданиями жителей и посетителей этой территории, несоответствие современных пространственно-средовых характеристик территории и реализуемых здесь сценариев поведения горожан.

Актуальность изучения удовлетворенности жителей городским пространством фундируется возросшим вниманием специалистов различных наук к проблеме концептуализации понятия «город» не только как «места проживания», но и как «места коммуникации». Возникшая в конце XX века новая волна пространственного мышления, понимание множественности акторов, влияющих на пространство города, идеи социального пространства привело к методологическому тупику. Появление новых концептов «потребления территории», «удовлетворенность потреблением», «потребительское поведение», «границы города» привело к пониманию (например, Лефевр [7]) того, что город – это многослойное и не единое пространство. Городская реальность проявляется как нечто фрагментарное и бесформенное, а, следовательно, необходимы новые методы исследования и новые социокультурные основания для проектирования городского пространства в современных контекстах [10].

Актуальность исследования благоустройства конкретной территории (проспекта Карла Маркса Новосибирска) связана с необходимостью строительства Ледового дворца спорта (ЛДС) на участке в 11,4 га. Основанием для строительства является решение Международной федерации хоккея, которая утвердила проведение Молодежного чемпионата мира по хоккею 2023 года в городе Новосибирске.

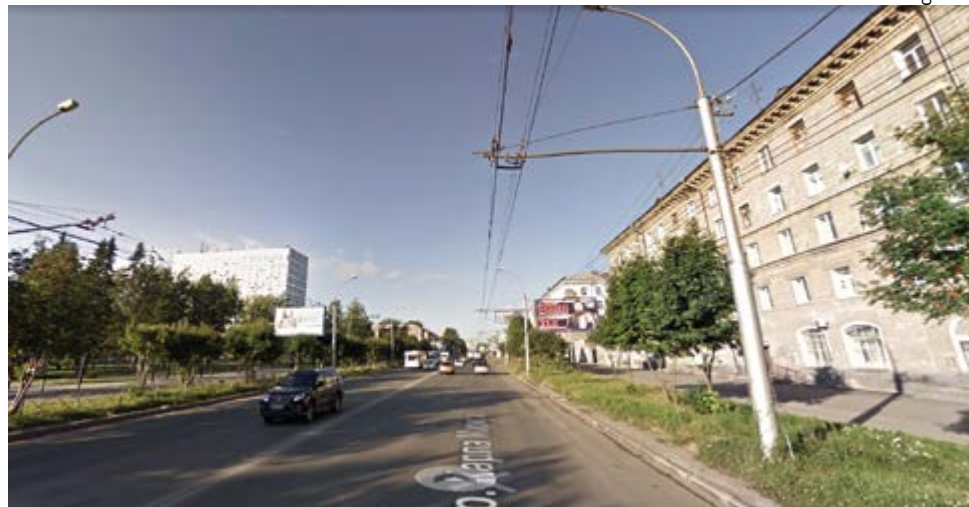
В разведывательном исследовании применен метод стихийной выборки (выборка «первого встречного»): опросы в сети Интернет, а также анкеты, распространяемые по организациям культуры и образования в Ленинском районе города Новосибирска. Обработка анкет проводилась с помощью расчетов в электронных таблицах MS Excel и загрузки заполненных анкет в пакет SPSS Statistics (систему анализа и управления данными) – PASW Statistics 17.0. В исследовании использованы описательные статистики для осуществления вывода одномерных итоговых статистик для нескольких переменных (ответов на вопросы), а также вычислены стандартизованные значения этих переменных. Были построены таблицы сопряженности, в которых исследована связь между ответами и демографическими характеристиками респондентов (пол, возраст), их местом жительства и отношением к выделенной локации.

Понятия ожидания и предпочтения базируются на современных процессуальных теориях мотивации (например, Vroom V. H. Motivation in Management. N. Y., 1965). Теория удовлетворенности/неудовлетворенности, представленная работой Ф. Герцберга [12] является одной из наиболее известных теорий содержания мотивации. Герцберг сделал вывод, что процессы обретения удовлетворенности и нарастания неудовлетворенности объектом – это два различных процесса, на развитие которых влияют совершенно разные факторы. Исследования Герцберга показали, что факторы, которые вызывают рост неудовлетворенности, при их устранении совсем необязательно приводят к увеличению удовлетворенности.

Зарубежные авторы осознают сложность и неясность, которая присутствует при оценке людьми физического пространства поселений: «физическая среда – это просто основа восприятия; нематериальная ценность присваивается путем добавления когнитивных и образных наложений». Основное внимание авторы уделяют когнитивной «обработке» внешней среды, подчеркивая самооценочные значения, чувства, ощущения [4; 9]. В ряде современных зарубежных исследований изучается также взаимосвязь между социальной средой и созданной предметной средой, при этом особое внимание

^ Рис. 2. Парковая зона НГТУ.
 Фото GoogleMaps. Июль 2018. – <https://www.google.com/maps>

^ Рис. 3. Вид проспекта Маркса. Фото GoogleMaps:
<https://www.google.ru/maps/@54.9879244,82.9042198,3a,75y,229.81h,80.82t>

уделяется разнообразию созданной среды – пространства обитания социума [1; 3; 5; 6; 2].

В исследованиях А. А. Гудкова и О. В. Морозовой [11] сделан вывод о возможности применения социологических методов при исследовании архитектуры, выделены две группы методов: прикладные исследования и историко-теоретические исследования. Нам представляется необходимым исследовать не только социологическую, но и социально-психологическую составляющую в отношениях пространства и жителей.

В рамках данной исследовательской работы проведено социологическое исследование, для чего был составлен 36-пунктовый опросник удовлетворенности городским пространством, подготовленный на основе методики опросника удовлетворенности работой (Job Satisfaction Survey; JSS), разработанный Спектором (1985) [8], который оценивает аффективную реакцию индивида на городское пространство и его специфические аспекты (рис. 1).

Все опрошенные считают, что проспект Карла Маркса застроен очень однообразными зданиями: видно, что застройка осуществлялась в советское время – сплошные «хрущевки», застройка типовая, скучная и однообразная, нет никаких интересных архитектурных деталей. Почти все респонденты совершенно не удовлетворены озеленением в данном пространстве, благоустройством и внешним оформлением зданий и нестационарных объектов.

Удовлетворительными респонденты посчитали насыщенность городского пространства в данной локации услугами и их разнообразием, а также освещенностью проспекта. В сущности, данное пространство города Новосибирска респонденты считают ничем не примечательным: «проспект Маркса один из рядовых проспектов города».

Однако эмоциональная реакция жителей и работающих в данной локации граждан более положительная, чем случайных посетителей. Случайные посетители проспекта Маркса отнесли к пространству скорее негативно. Это отношение случайных потребителей городского пространства требует особого изучения, поскольку именно «гости» формируют внешний имидж территории. Жители и работающие (постоянные потребители

территории) уже имеют с территорией устойчивую эмоциональную связь (чаще всего это так называемые лояльные потребители). Сделать случайных потребителей лояльными – задача всех социальных технологий, в том числе и градостроительных (отчасти). Социальная среда города респондентами оценивается как доброжелательная и безопасная.

Не ограничиваясь оценкой удовлетворенности, мы выяснили, какие общественные места посещают наши респонденты чаще всего. Опрошенные граждане выделили: кинотеатры, торговые комплексы, кафе и точки общественного питания. В целом точек притяжения на проспекте Карла Маркса немного. Всего треть респондентов приезжает специально «погулять» на проспект Маркса; при этом основное место прогулок – территория Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), которая исторически рассматривается жителями проспекта как парковая зона и была благоустроена по проекту, разработанному в НГУАДИ совсем недавно (2019). Следует отметить, что администрация НГТУ, огородив свою территорию, оставила свободным доступ к ней для горожан. Из вышесказанного можно сделать вывод, что точки притяжения городского пространства смещаются от развлекательных и торговых центров к парковым зонам. Однако возможно, что на преобладание таких ответов оказало влияние календарное время опроса – лето, стремление людей из душных помещений на свежий воздух (рис. 2).

Следует особо обратить внимание на такой критерий, как «Комфортность для маломобильных групп населения». 13% опрошенных оценили себя как «маломобильные», остальные отнесли себя к вполне мобильным горожанам (все они – жители Новосибирска).

Однако треть «маломобильных» респондентов оценила комфортность проспекта как удовлетворительную, на 4 и 5 баллов, а высшую оценку – 6 баллов не поставил никто. «Мобильные респонденты» оценивают комфортность как удовлетворительную. По нашему мнению, выводы о комфортности городской среды для маломобильных групп требуют самостоятельного исследования с четким кватированием по всем категориям маломобильности. При этом не следует ориентироваться на респондентов

^ Рис. 4. Вид проспекта Маркса. Фото GoogleMaps: <https://www.google.ru/maps/@54.9879244,82.9042198,3a,75y,229.81h,80.82t>

из мобильных групп (только в рамках экспертных опросов специалистов в области инклюзии и работе с подобными группами).

В целях получения данных об оценке эстетики выделенного пространства были заданы вопросы, считают ли граждане проспект Карла Маркса «красивым». Авторам было важно понять непрофессиональные мнения, поэтому мы не уточняли, что именно жители города вкладывают в понятие «красиво». Главное в этом критерии – субъективное понимание городского пространства в категориях «красиво-некрасиво». К сожалению, жители города считают проспект Карла Маркса «некрасивым» (рис. 3, 4).

Большая часть респондентов полностью согласна с высказыванием: «Мне кажется, что внешнее оформление зданий проспекта сделано непрофессионально, внешнее оформление некрасивое».

Социально-демографический портрет потребителя территории

Целевые группы, «потребители территорий» могут быть классифицированы как «резиденты – нерезиденты», где основными критериями выступают критерий территориальной принадлежности, постоянного проживания и расположения (рис. 5).

Для исследуемой территории проспекта Карла Маркса города Новосибирска эта классификация была уточнена.

Резиденты – постоянно проживающие на проспекте Карла Маркса и прилегающих территориях жители Ленинского района Новосибирска.

Нерезиденты:

- работники организаций и учреждений, расположенных на проспекте Карла Маркса;
- студенты, обучающиеся в вузах (НГТУ, Сибирский университет потребительской кооперации), колледжах (Новосибирский технологический техникум питания, Новосибирский областной колледж культуры и искусств);
- посетители магазинов, развлекательных и досуговых учреждений.

Строительство Ледового дворца спорта, дорожная инфраструктура – вдоль дамбы Октябрьского моста с обеих сторон, ст. метро Спортивная, надземный переход над пл.

Лыщинского, проезд под мостом и парковка рядом с ЛДС приведет к большей доступности и связанности друг с другом таких общественных пространств, как проспект К. Маркса, спортивная зона в районе ЛДС, сноуборд-парк, набережная Оби и городской пляж. Это превратит проспект в часть системы взаимосвязанных общественных пространств левобережья, в целом увеличит пешеходный трафик и приведет на проспект Карла Маркса новые категории «нерезидентов». В связи с этим предстоит адаптировать пространство проспекта под современные и перспективные требования и ожидания горожан, сделать его более комфортным и привлекательным.

Проспект Карла Маркса в градостроительных документах позиционируется как структурная часть системы общегородского центра Новосибирска. При этом уровень и качество благоустройства проспекта и архитектурной среды в целом не удовлетворяют потребителя и не соответствуют современным требованиям, стандартам и ожиданиям горожан. Реализация части возможных сценариев времяпрепровождения затруднена из-за отсутствия соответствующих пространственно-средовых условий.

Тем не менее территория проспекта, несомненно, обладает высоким потенциалом развития. Об этом свидетельствуют:

- положение в структуре города и системе общегородского центра;
- позиционирование в системе общественных пространств города;
- ширина в красных линиях и конфигурация линии застройки;
- современное функциональное наполнение пространства, в том числе объектами приложения труда, учебы и обслуживания);
- плотность пешеходного трафика;
- ожидания потенциального потребителя.

Разработанный авторами опросник целесообразно применять для оценки удовлетворенности жителей городскими пространствами в любых крупных городах. Изложенные авторами методы оценки удовлетворенности жителей городским пространством на примере проспекта Карла Маркса в Новосибирске по аналогии могут приме-

> Рис. 5. Результаты опроса

няться органами власти, организациями различных форм собственности, учеными и исследователями в отношении других пространств.

Авторы благодарят мэрию города Новосибирска за содействие в проведении исследований и предоставленные материалы; сотрудников Новосибирского государственного технического университета и централизованную библиотечную систему им. П. П. Бажова Ленинского района г. Новосибирска за помощь в организации опроса, а также всех участников опроса.

Литература

1. Dear, M. Los Angeles and the Chicago School: Invitation to a Debate // City and Community. – 2002. – № 1. – PP. 5–32.
2. Duany, A., Plater-Zyberk E., Alminana R. The New Civic Art: Elements of Town Planning. New York: Rizzoli International Publications, 2003
3. Fainstein, SS New Directions in Planning Theory. Urban Affairs Review. – 2000. - № 35(4). – PP. 451–78.
4. Gee, K., Burkhard, B. Cultural ecosystem services in the context of offshore wind farming: a case study from the west coast of Schleswig-Holstein // Ecol. Complex., 7 (2010), pp. 349–358, 10.1016/j.ecocom.2010.02.008.
5. Jacobs, J. The Death and Life of Great American Cities. Vintage, New York, 1961.
6. Katz, P., Scully, V. The New Urbanism: Toward an Architecture of Community. – New York: McGraw-Hill, 1994. – 245 p.
7. Lefebvre, H. The production of space / Henri Lefebvre ; translated by Donald Nicholson-Smith. – Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA : Blackwell, 1991. – 454 p.; ISBN 0631140484 (pbk.).
8. Spector, P. E. Job satisfaction: Application, assessment, causes, and consequences. ThousandOaks, CA. : Sage, 1997.
9. Willis, C. A human needs approach to revealing nature's benefits for visitors to the coast // Area, 47 (2015), pp. 422–428, 10.1111/area.12206.
10. Багрова, Н. В., Кузьмин, А. П. Архитектура высотной застройки в контексте современного города // Творчество и современность. – 2018. – № 1 (5). – С. 5–7.
11. Морозова, О. В. Структура метода историко-архитектурного исследования // Аналитика культурологии. – 2016. – № 1 (34). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-metoda-istoriko-arhitekturnogo-issledovaniya> (дата обращения: 15.01.2020).
12. Мотивация к работе / Ф. Герцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снيدرман ; пер. с англ. Д. А. Куликова; под ред. Е. А. Борисовой. – Москва : Вершина, 2007. – 238 с.

13. Численность населения по муниципальным районам и городским округам Новосибирской области на 1 января 2018 года и в среднем за 2017 год. – URL: <http://novosibstat.gks.ru/> (дата обращения: 19.03.2020).

References

- Bagrova, N. V., & Kuz'min, A. P. (2018). Arhitektura vysoknoj zastrojki v kontekste sovremennogo goroda [Architecture of contemporary high-rise housing in the context of today's city]. *Tvorchestvo i sovremennost'*, 1(5), 5–7.
- Chislennost' naseleniya po municipal'nym rajonom i gorodskim okrugam Novosibirskoj oblasti na 1 yanvarya 2018 goda i v srednem za 2017 god [The population in municipal districts and urban districts of the Novosibirsk region as of January 1, 2018 and on the average of the year 2017]. Retrieved from <http://novosibstat.gks.ru/>
- Dear, M. (2002). Los Angeles and the Chicago School: Invitation to a Debate. *City and Community*, 1(1), 5–32.
- Duany, A., Plater-Zyberk, E., & Alminana, R. (2003) *The New Civic Art: Elements of Town Planning*. New York: Rizzoli International Publications.
- Fainstein, S. S. (2000). *New Directions in Planning Theory*. *Urban Affairs Review*, 35(4), 451–78.
- Gee, K., & Burkhard, B. (2010). Cultural ecosystem services in the context of offshore wind farming: a case study from the west coast of Schleswig-Holstein. *Ecol. Complex*, 7, 349–358. doi: 10.1016/j.ecocom.2010.02.008
- Herzberg, F., Mausner, B., & Bloch Snyderman, B. (2007). *Motivaciya k rabote* [The motivation to work]. Moscow.
- Jacobs, J. (1961). *The Death and Life of Great American Cities*. Vintage, New York.
- Katz, P., & Scully, V. (1994). *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community*. New York: McGraw-Hill.
- Lefebvre, H. (1991). *The production of space* (D. Nicholson-Smith, Trans.). Oxford, UK ; Cambridge, Mass., USA: Blackwell.
- Morozova, O. V. (2016). *Struktura metoda istoriko-arhitekturnogo issledovaniya* [The structure of the method of the historico-architectural research]. *Analitika kul'turologii*, 1(34). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-metoda-istoriko-arhitekturnogo-issledovaniya>
- Spector, P. E. (1997). *Job satisfaction: Application, assessment, causes, and consequences*. ThousandOaks, CA: Sage.
- Willis, C. (2015). A human needs approach to revealing nature's benefits for visitors to the coast. *Area*, 47(2015), 422–428. doi: 10.1111/area.12206

Современная новосибирская градостроительная школа рассматривает устойчивое развитие общественных территорий как аналитический комплекс градостроительных систем. В Новосибирске активно применяют параметрические трехмерные модели территорий для анализа соответствия существующего состояния территории современным стандартам, нормам и правилам, обоснования основных направлений преобразования и оценки эффекта от принятия управленческих решений, направленных на обеспечение устойчивого развития территории. Показана эффективность применения технологий информационного моделирования для формирования и реализации стратегий устойчивого развития территорий.

Ключевые слова: общественное пространство; устойчивое развитие территорий; информационная модель территории; информационная система обеспечения градостроительной деятельности; качество градостроительной среды; технологии информационного моделирования. /

The article is devoted to the scientific approaches used by the modern Novosibirsk urban planning school, which considers the sustainable development of public territories as an analytical complex of urban systems. In Novosibirsk, parametric three-dimensional models are actively used to analyze the compliance of the existing state of the territory with modern standards, norms and rules, to justify the main directions of transformation and to assess the effect of making management decisions aimed at ensuring the sustainable development of the territory. Using the example of research on Karl Marx Avenue in the city of Novosibirsk, it is shown that it is currently appropriate to use information modeling technologies to ensure the formation and implementation of strategies for sustainable development of territories. The article considers the experience of the Novosibirsk city planning school in the actual practice of managing the architectural and urban development complex.

Keywords: sustainable development of territories; the information model of the territory; information system of ensuring town-planning activity; geoinformation system; quality of the urban environment; information modeling technologies; public space.

Новосибирская школа параметрического градостроительства / Novosibirsk school of parametric urban planning

текст

Григорий Ерохин
Юлия Родионова /
text
Grigory Erokhin
Julia Rodionova

Цель (Object): Формирование параметрического описания территории проспекта Карла Маркса в городе Новосибирске в виде трехмерной информационной модели и применение для устойчивого развития его территории.

Методы (Methods): метод мобильного лазерного сканирования, метод наземного лазерного сканирования, натурные обследования, фотофиксация, метод экспертных оценок, графический анализ, геоинформационный анализ с использованием технологий информационного моделирования.

Результаты (Findings):

Созданная информационная модель территории проспекта Карла Маркса размещена в информационной системе обеспечения градостроительной деятельности города Новосибирска, что заложило основу для формирования концепций преобразования территории проспекта, дальнейшего устойчивого развития данной территории.

Выводы (Conclusions):

Современные технологии геоинформационных систем позволяют перейти от статичных цифровых моделей местности к параметрическому описанию территорий в виде трехмерных информационных моделей. Информационные модели городских территорий должны размещаться в информационной системе обеспечения градостроительной деятельности города. Органы местного самоуправления, таким образом, получают возможность производить комплексную оценку соответствия принимаемых решений целям устойчивого развития, контролировать соответствие параметров территории нормам, стандартам и правилам, эффективно управлять процессами преобразования пространства.

Введение (Introduction)

Согласно ГОСТ 56548-2015 «Устойчивое развитие (sustainable development) – развитие, отвечающее текущим потребностям и не ущемляющее возможностей будущих поколений с точки зрения удовлетворения собственных потребностей» [1].

Обеспечение устойчивого развития территорий подразумевает принятие конкретных решений, направленных на повышение качества среды проживания человека.

Крайне сложно понять ценность отдельного решения, его отрицательные и положительные последствия, если отсутствует система принятия решений, учитывающая градостроительный и социальный контекст в данной конкретной точке пространства. Развитие городских пространств не является одномоментным проектом застройки. Муниципальные бюджеты не могут в короткий срок профинансировать реконструкцию значительных пространств для повышения качества градостроительной среды, поэтому для обеспечения устойчивого развития используются нормативные механизмы, например, Правила землепользования и застройки, Правила благоустройства, а также широко привлекаются к совместному преобразованию городских пространств все заинтересованные стороны и субъекты градостроительной деятельности: сообщества горожан, предприниматели, общественные организации и так далее.

В условиях сжатых сроков предоставления муниципальных услуг органы власти не всегда могут верно оценить предлагаемые заявителями проекты реконструкции зданий, установки нестационарных объектов, рекламных конструкций или архитектурных форм и последствия принятых решений в виде нарушений нормативов и регламентов использования территорий или фрагментов зданий, деградации архитектурной среды в целом. Муниципальные власти имеют очень ограниченные возможности обосновать отказ в принятии того или иного решения эстетическими соображениями: несвязанностью предлагаемого решения с архитектурным контекстом (несоответствие «духу места»), несогласованностью цветового решения с общей колористикой окружения, разрушением градостроительного ансамбля, немасштабностью, визуальной перегруженностью, дисгармоничностью и т. п.

Для обеспечения устойчивого развития территории необходимо создание механизмов и инструментов поддержки принятия управленческих решений, в том числе в целях формирования комфортной и эстетически полноценной городской среды.

Новосибирская градостроительная школа в соответствии с основными трендами развития информационных технологий в настоящее время реализует параметри-

> Рис. 1. Создание цифровой информационной модели проспекта Карла Маркса по материалам лазерного сканирования

ческое описание территорий в виде информационных моделей и внедряет его в реальную практику управления, обеспечивая устойчивое развитие территорий. Носителем идей применения информационных моделей территорий в новосибирской градостроительной школе является Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ). Специалисты НГУАДИ в 2019 году выполнили масштабную исследовательскую работу в отношении крупного городского общественного пространства в городе Новосибирске – проспекта Карла Маркса. В работе одним из исследовательских инструментов и основных результатов стала трехмерная информационная модель территории проспекта. Информационная модель территории позволила:

- провести оценку фактического состояния территории проспекта;
- выявить несоответствия зданий, сооружений, нестационарных объектов, рекламных конструкций и элементов уличного оборудования стандартам, правилам и нормативам проектирования, правилам благоустройства и дизайн-коду города;
- отобразить карту социальных оценок и визуального дискомфорта;
- установить пространственные зоны регламентных ограничений и влияния на удовлетворенность пребывания и проживания граждан.

При регистрации в модели массива вносимых изменений (при согласовании того или иного проекта реконструкции или регистрации точечного объекта по запросу от заявителя) пользователь информационной модели получает возможность оценить положительные и отрицательные факторы, вносимые предлагаемым изменением градостроительной среды. Модель позволяет визуализировать предлагаемые проектом изменения и апробировать их в ходе общественных обсуждений.

Таким образом, внедрение созданной специалистами НГУАДИ информационной модели территории проспекта Карла Маркса в процесс принятия управленческих решений позволит избежать градостроительных ошибок и обеспечит в долгосрочной перспективе его устойчивое развитие в ходе преобразований.

Материалы и методы (Materials and methods)

Для исследования территории проспекта Карла Маркса использовались материалы лазерного сканирования, полученные путем применения комбинации методов – метода мобильного лазерного сканирования и метода наземного лазерного сканирования.

Материалы для проведения исследований были дополнены путем проведения натурных обследований и фотофиксации.

В работе использовались следующие методы исследования территории: метод экспертных оценок, графический анализ, геоинформационный анализ с использованием технологий информационного моделирования.

Литературный обзор (Literature Review)

Принципы «нового урбанизма» (Андрес Дюани и Элизабет Питер-Зибек) основаны на убеждении, что пространственный дизайн района и, следовательно, и его архитектурный облик влияет на социальное развитие территории. Физические особенности городского района влияют на социальную активность и образ жизни его жителей, увеличивают активность граждан в пространстве улиц и их взаимодействие между собой. В ряде современных зарубежных исследований изучалась взаимосвязь между социальной и созданной средой, уделялось особое внимание разнообразию созданной среды. Характер взаимовыгодных отношений между социальной средой города и процессом городского планирования означает, что имеются широкие возможности для изучения влияния процесса планирования на социальную среду городов [2; 3; 4; 5].

Необходимо стремиться сбалансировать социальные, политические и экономические аспекты жизни городов, поэтому основной стратегией их развития становится «диалогическое планирование» или «грамматическое планирование», а в основе градостроительной деятельности лежит приоритет интересов горожан.

Один из новых современных методов исследования описан [6] в исследовании группы немецких авторов, анализирующих методы совместного картирования всего спектра культурных экосистемных услуг. По мнению авторов, пространственная информация о культурных

> Рис. 2. Фрагмент трехмерной цифровой информационной модели проспекта Карла Маркса

услугах, которая включает дифференцированное восприятие местного населения, обеспечивает основу для разработки стратегий устойчивого управления земельными ресурсами.

Авторам статьи также близки взгляды Анри Лефевра [7], сформулировавшего концепцию пространства как социально произведенного и продуктивного: созданного и сделанного продуктивным с помощью различных практик и различных агентов, которые сотрудничают, конкурируют и борются.

Подход Лефевра к пространству заключается, во-первых, в переходе от исследования самого пространства к изучению процессов его производства в различных масштабах: от повседневных ритмов (поездки на работу, работа, сон) до глобальных практик общественной жизни. Во-вторых, автор признал множественность социальных практик, которые включают материальные практики трансформации пространства, практики репрезентации пространства, его присвоения и потребления. В-третьих, в центре его внимания – противоречивый и политический характер процессов производства пространства.

Отечественная теоретическая база комплексного средоформирования, устойчивости и гуманизации городской среды опирается, прежде всего, на работы таких авторов, как А. В. Ефимов [8], В. Л. Глазычев [9; 10], В. А. Нефедов [11], В. Т. Шимко [12].

На основе обобщения российского и мирового опыта и синтеза современных достижений в области теории и практики архитектуры, градостроительства, дизайна и урбанистики в России создан и в 2019 году принят «Стандарт комплексного развития территорий» [13], в котором в сжатой форме сформулированы предлагаемые к реализации в отечественной градостроительной практике принципы и подходы к формированию городской среды, отвечающей современным социально-экономическим условиям, интересам всех субъектов градостроительной деятельности и горожан. Настоящий документ призван стать практическим пособием и инструментом перехода российских городов к новым стандартам качества городской среды.

Результаты (Results)

Коллективом НГУАДИ создана трехмерная информационная модель территории проспекта Карла Маркса, которая является наиболее эффективным инструментом обеспечения его устойчивого развития.

Информационная модель проспекта размещена в информационной системе обеспечения градостроительной деятельности (ИСОГД) города Новосибирска, что позволяет специалистам органов местного самоуправления получить комплексную оценку соответствия принимаемых решений целям устойчивого развития.

Аналогичный подход – через создание информационной модели территории и размещение в ИСОГД – целесообразно использовать для обеспечения устойчивого развития городских территорий и городов в целом.

Обсуждение (Discussions)

Информационная модель проспекта Карла Маркса (рис. 1; 2) дала возможность:

- зафиксировать фактическое состояние и основные характеристики пространства проспекта на момент обследования;
- выполнить анализ соответствия существующего состояния городской среды проспекта современным стандартам, нормам и правилам;
- обосновать основные направления преобразования архитектурной среды и благоустройства территории;
- оценивать эффект от принятия определенных управленческих решений, направленных на обеспечение устойчивого развития территории проспекта.

При анализе степени соответствия были учтены такие разделы стандартов и норм, которые относятся непосредственно к благоустройству территории, размещению нестационарных объектов, рекламных конструкций, элементов озеленения, оформлению фасадов, транспортному, вело- и пешеходному движению, безопасности и доступности среды для маломобильных групп населения и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Для установления степени данного соответствия или несоответствия приняты во внимание следующие рекомендации и регламентирующие документы:

> Рис. 3. Схема транспортной доступности проспекта К. Маркса

Условные обозначения

МАРШРУТЫ АВТОБУСОВ:

- 6. Амбулаторная – Полевая (ул. Зорге)
- 26. Тюленина – Пригородный простор
- 39. Тюленина – Микрорайон Чистая слобода
- 41. Амбулаторная – ж/м Юго-Западный
- 44. Диагностический центр (Горбольница) – Полевая (ул. Зорге)
- 189. Станция Мочище – Радиостанция № 5

МАРШРУТЫ ТРОЛЛЕЙБУСОВ:

- - - 7. Лазурная – ж/м Станиславский
- - - 8. Ленинградская – ж/м Затулинский
- - - 29. Метро Заельцовская – ж/м Северо-Чемской

МАРШРУТЫ МАРШРУТНОГО ТАКСИ

- 18. ПАТА 9 – Микрорайон Чистая Слобода.
- 63. Ключ-Камышенское плато – Дюканова
- 64. Писемского – ж/м Юго-Западный

1) СП 42.13330.2011 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений, актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (редакция 2018 г.);

2) СП 59.13330.2016 Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001;

3) СП 136.13330.2012 Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения;

4) Стандарт комплексного развития территорий. Книга 1. Свод принципов комплексного развития городских территорий (2019 г.);

5) Стандарт комплексного развития территорий. Книга 4. Стандарт формирования облика города (2019 г.);

6) ГОСТ Р 55706-2013 Освещение наружное утилитарное. Классификация и нормы;

7) Приказ Госстроя РФ от 26.12.1997 № 17-139 «Об утверждении правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда (2019 г.);

8) Правила благоустройства территории города Новосибирска (2019 г.);

9) Архитектурно-художественный регламент размещения информационных и рекламных конструкций в городе Новосибирске (2019 г., ПРОЕКТ).

Исходя из существующих характеристик проспекта и в соответствии с изменениями, внесенными в перечень категорий дорог и улиц в СП 42.13330.2011, проспект Карла Маркса отнесен к категории магистральной улицы общегородского значения регулируемого движения, 2 класса, характеристики которой приведены в таблице 1.

В системе общественного транспорта исследуемая территория занимает чрезвычайно выгодное положение: транспортная доступность от проспекта до ядра центра города (площадь Ленина) составляет 10-15 мин, при этом через проспект проходит линия метрополитена, 12 маршрутов наземного общественного транспорта и по касательной к проспекту еще 28 маршрутов (рис. 3).

С точки зрения характера функционирования и использования пространства (сценарности времяпрепровождения горожан) можно выделить несколько следующих типов городского пространства в пределах исследуемой территории (таблица 2).

Кроме того, в поперечном профиле проспекта Карла Маркса можно выделить следующие линейные зоны или «функциональные коридоры», различающиеся по назначению и виду использования:

- зона уличного фронта – часть придомовой территории жилых домов, иных зданий и сооружений, составляющих фронт улицы;

- пешеходная зона тротуара;

- зона общественного обслуживания – территория размещения киосков, торговых павильонов, в том числе сезонных, летних зон кафе, террас и т. п.;

- зона озеленения – участок, в пределах которого осуществляется озеленение в виде газонов или цветников, линейной посадки деревьев и кустарников, точечной посадки в мощение, нестационарное озеленение;

- техническая зона тротуара – участки тротуара, в пределах которых размещаются дорожные знаки, светофорные объекты и иное инженерное оборудование;

- проезжая часть;

- зона парковки.

Проспект Карла Маркса по своим пространственно-средовым характеристикам соответствует «Стандарту комплексного развития территорий» [13] как городская территория на 50%, а как Главная улица и транспортная магистраль городского значения – на 36%.

По параметру «Озеленение» проспект на 30% соответствует требованиям СП 42.13330.2011 «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» и абсолютно не соответствует требованиям Правил благоустройства территории города Новосибирска (рис. 4).

По параметру «Благоустройство территорий общего пользования» Правил благоустройства территории города Новосибирска проспект соответствует нормативам на 50%. По параметру «Благоустройство территорий, на которых расположены нестационарные объекты» Правил благоустройства территории города Новосибирска территория проспекта соответствует нормативам на 25%; по параметру «МАФ и освещение» – на 28%, по параметру «Требования к внешнему виду фасадов зданий, сооружений, нестационарных объектов» – на 17% (рис. 5).

Результат оценки соответствия территории требованиям СП 59.13330.2016 «Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения» и СП 136.13330.2012 «Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения» – 42%.

Требования ГОСТ Р 55706-2013 «Освещение наружное утилитарное. Классификация и нормы» выполняются на 50%.

По параметру «Размещение вывесок на нестационарных объектах» проекта Архитектурно-художественного регламента размещения информационных и рекламных конструкций в городе Новосибирске территория проспекта соответствует нормативам на 67%, а что касается рекламных вывесок и конструкций на фасадах зданий и сооружений, то после принятия регламента необходимо будет заменить порядка 80% таких рекламных носителей.

Необходимо отметить, что исследовались также зоны визуального дискомфорта проспекта (рис. 6). В результате исследований установлено, что эти зоны совпадают с местами наибольшей плотности объектов обслуживания, остановками общественного транспорта, наиболее плотного пешеходного движения, концентрации парковок, в том числе стихийных, и наибольшей перегруженностью фасадов рекламными конструкциями [14].

Существующая практика использования документов территориального планирования и градостроительного регулирования в классическом (бумажном и описа-

Таблица 1. Нормативные характеристики магистральной улицы общегородского значения 2-го класса

Категория дорог и улиц	Расчетная скорость движения, км/ч	Ширина полосы движения, м	Число полос движения (суммарно в двух направлениях)	Наименьший радиус кривых в плане с виражом/без виража, м	Наибольший продольный уклон, ‰	Наименьший радиус вертикальной выпуклой кривой, м	Наименьший радиус вертикальной вогнутой кривой, м	Наименьшая ширина пешеходной части тротуара, м
Магистральные улицы общегородского значения 2-го класса	80	3,25–3,75	4–10	310/420	60	3900	1000	3,0
	70			230/310	65	2600	800	
	60			170/220	70	1700	600	

Таблица 2. Типы городских пространств в границах исследуемой территории

Наименование	Характеристика среды	Возможные сценарии поведения
Сквер при общественном здании (главный корпус НГТУ)	Озеленение. Система пешеходных связей и путей с соответствующим покрытием и освещением. Оборудованные места для кратковременного отдыха. Ограждение	Пешеходное движение. Кратковременный отдых. Ожидание. Коммуникация
Площадь перед общественным зданием (кинотеатр «Аврора», К. Маркса, 57, входная зона перед главным корпусом НГТУ)	Пешеходная площадь с соответствующим покрытием. Озеленение	Пешеходное движение. Кратковременный отдых. Ожидание. Коммуникация. Публичные акции, выступления и т. п.
Зона транспорта	Проезжая часть проспекта, пересекающих его улиц и парковочные карманы	Движение уличных видов транспорта. Остановка на автостоянке, посадка-высадка. Временное хранение автомобиля
Транспортно-пассажирский узел	Остановка общественного транспорта. Остановочные павильоны (скамьи, урны). Элементы уличной навигации. Вход на станцию метрополитена. Объекты попутного обслуживания: торговля, общественное питание, в том числе нестационарные и сезонные	Ожидание. Попутное обслуживание (покупка услуг, продовольственных и непродовольственных товаров, питание)
Транспортно-пешеходный перекресток	Регулируемое пересечение транспортных и пешеходных потоков. Элементы уличной навигации. Разметка и знаки ПДД	Пешеходное движение. Транспортное движение
Зона пешеходного транзита	Пешеходные пути, тротуары. Уличное оборудование (скамьи, урны). Озеленение	Пешеходное движение. Кратковременный отдых
Прифасадная зона обслуживания	Встроенные, пристроенные и отдельно стоящие объекты обслуживания, в том числе нестационарные и сезонные, летние зоны кафе (торговля, общественное питание, услуги)	Пешеходное движение. Приобретение товаров и услуг, питание. Коммуникация. Кратковременный отдых

в Рис. 5. Фрагмент развертки по проспекту К. Маркса (красным цветом обозначены поверхности, не соответствующие требованиям размещения информационных и рекламных конструкций в городе Новосибирске, зеленым – соответствующие)

тельном) виде не позволяет учитывать преобразование пространства во времени, динамически. Только постоянно актуализируемая информационная модель территории может позволить производить многофакторную оценку качества среды в любой момент времени, отслеживать тенденции и характер всех происходящих изменений. Таким образом, процесс изменений пространственно-средовых характеристик территории становится измеримым и, следовательно, более управляемым. Информационная модель территории позволяет обеспечить и взаимное соответствие решений всех уровней градостроительной документации, муниципальных и государственных программ развития территории, частных инициатив преобразования пространства.

Заключение (Conclusions)

Современные технологии геоинформационных систем позволяют перейти от статичных цифровых моделей местности к параметрическому описанию территории в виде информационной модели, и сегодня это становится востребовано в реальной практике управления архитектурно-градостроительным комплексом.

Вследствие применения информационной модели повышается качество управления территорией, улучшается контроль соответствия территории нормам, стандартам и правилам. В единой информационной среде фиксируются и изучаются процессы преобразования пространства, производится совместное формирование картографического описания пространственных объектов и факторов, включающих дифференцированное восприятие пространства гражданами, что формирует основу для разработки стратегий устойчивого развития территорий.

В традицию новосибирской градостроительной школы вошло широкое применение СИМ-технологий (City Information Modeling) для обеспечения оценки состояния территорий и эффективного управления процессами их преобразования.

Благодарности (Acknowledgements)

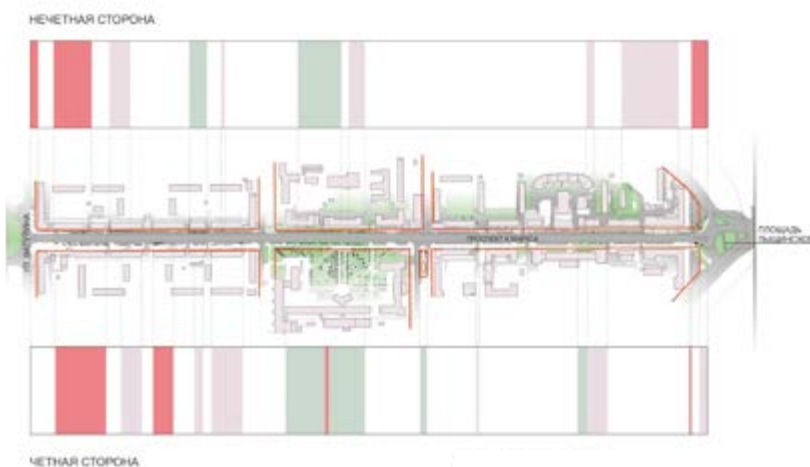
Авторы благодарят специалистов департамента строительства и архитектуры мэрии города Новосибирска за информационную поддержку исследовательской

работы. Авторы благодарят членов Президиума Архитектурно-градостроительного совета мэрии города Новосибирска за мнения и предложения, высказанные в ходе обсуждения результатов исследовательской работы.

Литература

1. ГОСТ 56548-2015 Устойчивое развитие административно-территориальных образований. Системы менеджмента. Общие принципы и требования. = Sustainable development and resilience of communities. Management systems. General principles and requirements: национальный стандарт Российской Федерации: издание официальное: утвержден и введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 24 августа 2015 г. № 1187-ст: введен впервые: дата введения 2017-12-01/разработан Федеральным бюджетным учреждением «Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области» (ФБУ «Тест-С.-Петербург»). – Москва: Стандартинформ, 2016. – 23 с.

в Рис. 4. Общее состояние зеленых насаждений в границах исследования

Выводы:

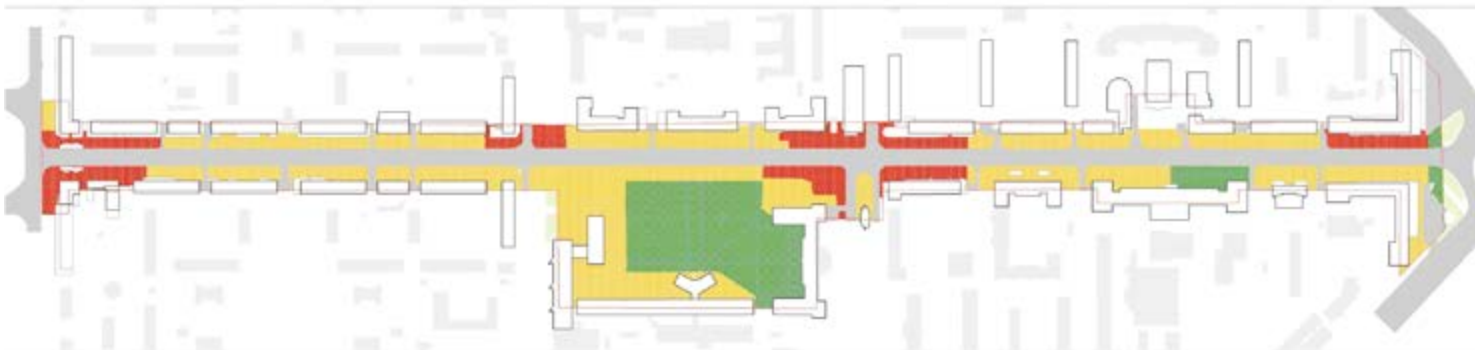
- Неудовлетворительное состояние значительной части древесных растений в озеленении проспекта
- Отсутствие качественных газонов и цветочного оформления
- Недостаточная степень озелененности

Условные обозначения

- отсутствие зеленых насаждений
- неудовлетворительное состояние зеленых насаждений
- удовлетворительное состояние зеленых насаждений
- хорошее состояние зеленых насаждений

Условные обозначения

- Визуальный комфорт
- Относительный комфорт
- Визуальный дискомфорт

^ Рис. 6. Схема визуального анализа территории с выделенными участками визуального дискомфорта

2. Duany, A., Plater-Zyberk, E., Alminana, R. *The New Civic Art: Elements of Town Planning*. New York: Rizzoli International Publications, 2003. – 384 p.

3. Fainstein, S. S. *New Directions in Planning Theory*. *Urban Affairs Review*. – 2000. – № 35 (4). – p. 451-478.

4. Jacobs, J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961. – 458 p.

5. Katz, P., Scully, V. *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community*. New York: McGraw-Hill, 1994. – 245 p.

6. Plieninger, T., Dijks, S., Oteros-Rozas, E., Bieling, C., *Assessing, mapping, and quantifying cultural ecosystem services at community level*. *Land Use Policy*. – 2013. – № 33. – p. 118-129.

7. Лефевр, А. *Производство пространства/Анри Лефевр; пер. с французского И. Стаф*. – Москва: Strelka Press, 2015. – 432 с.

8. Ефимов, А. В., Панова, Н. Г. *Архитектурная колористика и пластические искусства: монография*. – Москва: БуксМАрт, 2019. – 424 с.

9. Глазычев, В. Л. *Урбанистика*. – Москва: Европа, 2008. – 218 с.

10. Глазычев, В. Л. *Город без границ*. – Москва: Территория будущего, 2011. – 398 с.

11. Нефёдов, В. А. *Как вернуть город людям*. – Санкт-Петербург: Искусство XXI век, 2015. – 160 с.

12. Шимко, В. Т. *Архитектурно-дизайнерское проектирование. Основы теории (средовой подход)*. – Москва: Архитектура-С, 2009. – 408 с.

13. *Стандарт комплексного развития территорий. Книга 1. Свод принципов комплексного развития городских территорий*. – Москва: КБ Стрелка, 2019. – 296 с.

14. Ворожейкина, В. А. *Светоцветовая навигация сибирского города (на примере гостевого маршрута в Новосибирске) // Проект Байкал*. – 2020. – № 63. – С. 42-47

References:

Duany, A., Plater-Zyberk, E., Alminana, R. (2003). *The New Civic Art: Elements of Town Planning*. New York: Rizzoli International Publications.

Efimov, A. V. (2019). *Arhitekturnaja koloristika i plasticheskie iskusstva: monografija [Architectural Colouristics and Plastic Arts: monograph]*. Moscow: BuksMArt.

Fainstein, S. S. (2000). *New Directions in Planning Theory*. *Urban Affairs Review*, 35 (4), 451-478.

Glazychev, V. L. (2008). *Urbanistika [Urbanistics]*. Moscow: Europe

Glazychev, V. L. (2011). *Gorod bez granic [City without borders]*. Moscow: Territorija budushhego

GOST 56548-2015 *Ustojchivoe razvitie administrativno-territorialnyh obrazovanij. Sistemy menedzhmenta. Obshhie principy i trebovanija. [Sustainable development and resilience of communities. Management systems. General principles and requirements]: nacionalnyj standart Rossijskoj Federacii: izdanie oficial'noe: utverzhden i vveden v dejstvie Prikazom Federal'nogo agentstva po tehničeskomu regulirovaniju i metrologii ot 24 avgusta 2015 g. № 1187-st: vveden v pervye: data vvedenija 2017-12-01/razrabotan Federal'nym bjudzhetnym uchrezhdeniem «Gosudarstvennyj regionalnyj centr standartizacii, metrologii i ispytanij v g. Sankt-Peterburge i Leningradskoj oblasti» (FBU «Test-S.-Peterburg»)*. – Moskva: Standartinform, 2016. – 23 str.

Jacobs, J. (1961). *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House

Katz, P., Scully, V. (1994). *The New Urbanism: Toward an Architecture of Community*. New York: McGraw-Hill

Lefevr, A. (2015). *Proizvodstvo prostranstva [The production of Space]*. Moscow: Strelka Press.

Nefjodov, V. A. (2015). *Kak vernut' gorod ljudjam [How to return the city to people]*. Saint Petersburg: Iskusstvo XXI vek

Plieninger, T., Dijks, S., Oteros-Rozas, E., Bieling C. (2013). *Assessing, mapping, and quantifying cultural ecosystem services at community level*. *Land Use Policy*, 33, 118-129.

Shimko, V. T. (2009). *Arhitekturno-dizajnerskoe proektirovanie. Osnovy teorii (sredovoj podhod) [Architectural design. Fundamentals of the theory (environmental approach)]*. Moscow: Arhitektura-S.

Standart kompleksnogo razvitiya territorij. Kniga 1. Svod principov kompleksnogo razvitiya gorodskih territorij. (2019). [Standard for integrated development of territories. Book 1. Code of principles for the integrated development of urban areas]. Moscow: KB Strelka.

Vorozhejkina, V. A. (2020). *Svetocvetovaja navigacija sibirskogo goroda (na primere gostevogo marshruta v Novosibirske) [Light-color navigation of the Siberian city (on the example of a guest route in Novosibirsk)]*. Proekt Bajkal, № 63, 42-47.

В статье рассматривается опыт перехода МИТУ–МАСИ в цифровую образовательную среду, раскрываются особенности внедрения дистанционных методов в технологию традиционного обучения архитекторов и оцениваются перспективы с точки зрения повышения уровня образовательной деятельности.

Ключевые слова: архитектурная школа; цифровые сервисы; индивидуальная образовательная траектория; творческая деятельность; цифровой след; проектный интенсив. /

The article tells about the transition of Moscow Information and Technological University–Moscow Architecture and Construction Institute (MITU–MACI) into a digital educational environment, describes the peculiarities of implementation of distance methods into the technology of traditional training of architects. The prospects are estimated with regard to increasing the level of educational activity.

Keywords: architecture school; digital services; individual educational trajectory; creative activity; digital footprint; design workshop.

МИТУ–МАСИ: цифровизация / MITU–MACI: Digitalization

Сфера профессионального образования не успевает отреагировать на неотложный запрос рынка по освоению современных информационно-коммуникационных технологий. Именно в ситуации, связанной с пандемией коронавируса COVID-19, университетское сообщество поставлено перед необходимостью быстрого реагирования на изменившиеся условия.

Московский информационно-технологический университет Московский архитектурно-строительный институт (МИТУ – МАСИ) традиционно транслировал передовой опыт преподавания. Он являлся площадкой, где отработывались современные технологии обучения и была возможность межотраслевого функционирования совместно с другими факультетами университета [1].

МИТУ – МАСИ является продуктом слияния нескольких вузов [5]; это позволило уже несколько лет назад на кафедре архитектуры и дизайна начать разработку комплексного подхода, направленного на обучение студентов-архитекторов с использованием цифрового образовательного контента путем интеграции интерактивных приемов освоения специальности в традиционную методику, что является средством интенсификации образовательного процесса [2].

Для конкретизации теоретических выкладок по данному вопросу представляет интерес опыт работы кафедры на базе контакта и использования потенциала университетского технопарка. Еще в декабре 2017 г. на базе МИТУ – МАСИ начал свою работу детский технопарк «Наукоград», где студенты наравне с другими обучающимися имели возможность работать в оборудованных лабораториях и использовать высокие технологии для проектной деятельности, используя непривычные для академической архитектурной школы средства. Помещение архитектуры в контекст синтеза современной визуальной культуры и техники [1] – немаловажное для сегодняшнего периода обстоятельство. Кафедра архитектуры и дизайна МИТУ – МАСИ, детищами которой являются несколько творческих лабораторий технопарка, имеет большой послужной список включения в инновационное направление развития вуза.

Появление технопарка необходимо рассматривать через призму научных исследований и решения задачи

адаптации вузов к новым формам обучения, которые ведутся в процессе подготовки диссертаций и осуществляются на пути рекомендательной и нормотворческой деятельности. Эти изыскания весьма востребованы в сегодняшних условиях; в горизонт таких исследований входит и опыт МИТУ – МАСИ.

Сегодня перед любым учебным заведением встают следующие вопросы: какие управленческие модели позволят выйти на оптимальные в сложившейся ситуации формы взаимодействия со студентами и преподавателями; какие инновационные направления должны быть признаны стратегическими для сохранения качества образования и конкурентоспособности выпускников. Но основной вопрос, который должны задать себе вузы сегодня – как выявить и использовать позитивные аспекты сложившейся ситуации для цифровой трансформации образования. Межпредметный характер новой парадигмы обусловил центральную методологическую проблему – неопределенный характер основного понятия. Тема статьи более конкретная: архитектурная составляющая, которая является одной из тех областей профессиональной деятельности, где иррациональный компонент выражен весьма ярко. Проблемы профессиональной подготовки, связанные с сегодняшней наисложнейшей ситуацией, отражаются на архитектурном образовании весьма болезненно. Слабые места российского архитектурного образования, связанные с высокой централизацией всей системы и чрезмерной бюрократизацией, лишаящей учебные программы гибкости и снижающей их актуальность, сегодня проявились как никогда [3]. Прогрессивные руководители в сфере российского образования уже в течение последних 12 лет моделируют и формируют повестку изменения образовательных концепций и форматов.

Надо признать, что прогнозы форсайтов в рамках проекта Global Education Futures (Глобальное будущее образования) весьма предметны и точны. Целью проекта является разработка и внедрение модели целевоцентрированного образования на протяжении всей жизни с учетом глобальных трендов цифровизации экономики и общества, автономизации промышленности посредством искусственного интеллекта и «Интернета вещей»,

текст

**Елена Булгакова
Георгий Горшков
Светлана Забелина /
text
Elena Bulgakova
Georgy Gorshkov
Svetlana Zabelina**

повышения средней продолжительности жизни, изменений ценностей и мотивации общества. Кроме того, он касается кумулятивных эффектов технологических, экономических и социальных трансформаций, с большой вероятностью приводящих к ряду болезненных кризисов мирового масштаба, единственным системным ответом на которые станет то, какими знаниями и навыками обладают (работники/граждане) жители планеты.

Качество формирования этих знаний и навыков зависит от способности вузовского сообщества трансформировать и развить свою образовательную экосистему¹.

Эволюция стратегии

Чтобы подтвердить закономерную необходимость цифровизации образования, обратимся к новейшей истории России. В Национальной доктрине образования Российской Федерации до 2025 г. от 4 октября 2000 г. № 751 в качестве одной из задач развития системы образования указано «создание программ, реализующих информационные технологии в образовании и развитие открытого образования». Также отмечается, что «государство в сфере образования призвано обеспечить доступ обучающихся и преподавателей каждого образовательного учреждения к информационно-дидактическим программам, технологиям, сетям и базам данных, методической, учебной и научной литературе».

В паспорте национального проекта РФ «Образование», утвержденном 24 декабря 2018 г. сформулированы, в частности, следующие пункты.

- Создание к 2024 году современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней.

- Модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ.

Сегодняшняя ситуация, которую иногда называют «вирус ускорения», является фактором, заставляющим максимально и бескомпромиссно использовать информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе.

Учитывая неясные на сегодня сроки карантина и давно растущий запрос на гибкое индивидуализированное целевое обучение, перед вузовским сообществом стоят срочные задачи развития дистанционных форм реализации образовательных программ, интеграции с информационными системами и ресурсами платформы ЦОС, интеграции с запросами работодателей.

Основу для внедрения новой целевой образовательной модели в сети университетов и цифровых платформ составляют два технологических тренда, которыми являются онлайн-обучение и использование искусственного интеллекта для формирования образовательных траекторий. Ситуация последнего времени заставляет вузы и Министерство образования максимально мобилизовать все свои силы и объединить усилия. Многие платформы массовых открытых онлайн-курсов, электронные библиотечные сервисы, ИТ-корпорации, университеты и другие провайдеры образовательного контента предоставляют бесплатный доступ к своим ресурсам. Университетское сообщество сплотилось для решения задач перехода на дистанционное обучение при сохранении качества образования в условиях возросшей неопределенности и крайне сжатых сроков [4].

Нерешенных проблем пока очень много. Скорость разработки и внедрения платформ цифровой образовательной среды под внешним давлением обстоятельств у вузов достигла пиковых величин. Но фундамент, необходимый для управления образовательным процессом и контроля в цифровой среде, требует значительной предварительной подготовки и осознанного выбора парадигмы цифровизации образовательных активностей и поддерживающих бизнес-процессов. вузы, сделавшие этот выбор, имеют возможность быстрее адаптироваться к сложившейся ситуации и передать свои наработки коллегам. Цифровизация образования дает возможность индивидуализации образовательных траекторий учащихся; в этой сфере значительных успехов достигли ТГУ, НИУ ВШЭ, НИУ ИТМО.

Цифровой масштаб МИТУ – МАСИ

Сделать любое мероприятие доступным для онлайн-участников сегодня не составляет труда. Достаточно

1. На основании материалов форсайта «Глобальное будущее образования», 2015

поставить веб-камеру или даже использовать смартфон. Однако это не решает задачу полноценной интерактивной работы с аудиторией. Альтернатива этому – вебинары, но для некоторых неподготовленных преподавателей и студентов такой формат оказывается менее эффективным, чем очные занятия.

По нашему мнению, необходимо развивать технологии виртуальных аудиторий, которые смогут не только сохранить, но и усилить интерактивность за счет индивидуализации обучения, машинной обработки данных об обучающихся и формирования на их основании рекомендаций, причем в режиме реального времени. Так, в существующей реализации цифровой образовательной платформы МИТУ – МАСИ уже возможно использовать алгоритм, анализирующий темы рабочих программ дисциплин (далее – РПД), которые студент освоил не слишком хорошо (не сдал при тестировании) и автоматически высылать ему ссылки на рекомендованную литературу электронной библиотечной системы IPRBooks или видеоматериалы, так как в структуре конструктора РПД ссылки на литературу уже привязаны к каждой изучаемой теме.

Наиболее важными компонентами управления дистанционным образовательным процессом, уже реализованными в электронно-информационной образовательной среде, являются:

- возможность использования конструктора разработки «атомарного» (дискретного, представленного в виде отдельной части или совокупности элементарных составных частей) образовательного контента, предоставление возможности внешним экспертам или представителям работодателей оценивать контент образовательной программы или модуля и влиять на его содержание;
- обеспечение возможности освоения студентами лекционной составляющей дисциплин в формате вебинаров;
- возможность дистанционной групповой проектной работы с использованием удобных приложений;
- возможность защиты проектов и сдачи экзаменов в формате видеоконференции для обеспечения качественной контактной работы и идентификации обучающегося.

Содружество платформ

Комплексная платформа управления образовательным процессом МИТУ – МАСИ спроектирована как функционально распределенная система с использованием управляющего центра – ядра ЭИОС. Бизнес-логика распределяется между локальными и удаленными функциональными узлами данной распределенной системы. Обмен информацией возможен как непосредственно между узлами системы, так и посредством управляющего центра. Выбор данных технологий позволяет существенно сократить время разработки и внедрения.

Прелести глобализации

Как было отмечено ранее, централизованное динамическое управление правами и группами пользователей является важнейшим преимуществом при масштабном переходе в цифровую среду. Всем студентам и преподавателям в личном кабинете автоматически доступны программные продукты и средства разработки удобные и для творческих специальностей [5].

Microsoft Office 365 предоставляет свободный и бесплатный доступ к облачным решениям Microsoft, где студенты и преподаватели могут использовать большое количество различных служб и приложений. Для организации дистанционной контактной работы в формате вебинаров и видеоконференций многими вузами используется приложение Microsoft Teams, входящее в состав Microsoft Office 365. Приложение позволяет пользователям в режиме реального времени обмениваться файлами, общаться и совместно работать над документами, проводить вебинары, записывать собрания Teams, получая полноценную видеозапись курса со звуком, включая демонстрации экрана. Таким образом, тесная интеграция с Office 365 позволяет легко делиться контентом и работать вместе во время занятий.

Отличительной особенностью реализации организации процесса дистанционного образования в МИТУ – МАСИ является автоматизированное централизованное управление группами студентов и закрепление за ними тех преподавателей, которые ведут дисциплины и в обычной жизни, а также полуавтоматизированные механизмы контроля, позволяющие сотрудникам деканатов мониторить

посещаемость вебинаров и предотвращать срывы занятий. На данный момент именно на платформе Microsoft Teams проходят обучение все академические группы студентов по всем направлениям подготовки.

В данной концепции прокторинг осуществляется преподавателем при приеме экзамена в формате видеоконференции: обучающиеся один за другим транслируют презентации и комментируют слайды, преподаватель ставит оценки сразу в электронную ведомость в своем личном портале, подтверждая свою личность посредством двухэтапной авторизации через получение разовых кодов на свой личный мобильный телефон. Таким образом, пока неизвестны точные даты окончания удаленной работы, преподаватели творческих специальностей ищут инструменты, которые позволят интегрировать традиционную методику преподавания архитектурных дисциплин и имитировать условия аудиторной работы [2].

Попробовав много разных сервисов для практической деятельности архитектора в варианте онлайн-работы, выбор был сделан в пользу инструментов для совместной работы trello и migo, хорошо известных в бизнес-сообществе и позволяющих интегрировать привычный процесс проектной деятельности в цифровую среду.

Migo – это бесконечная онлайн-доска, где студент и преподаватель вместе думают, создают и обсуждают идеи проекта. Сценарий использования продукта – лист бумаги, хотя на самом деле это интерактивная платформа для совместной работы в режиме онлайн, позволяющая отрабатывать навык командной работы, где распределенные группы работают вместе – от мозгового штурма с помощью цифровых заметок до непосредственно проектирования [2]. Migo – очень простой визуальный способ совместной работы над курсовым проектом, но у него много возможностей, с помощью которых его можно адаптировать под себя. Сильная сторона этого сервиса – возможности визуализации, что очень востребовано для режима дистанционных консультаций, ушедших от варианта «плечом к плечу». Консультация, таким образом, становится очень похожа на реальность, а если что-то не делается Migo, можно интегрировать его с другими программами.

В данный момент мы достаточно активно используем сервис в рамках профилирующих дисциплин из блока архитектурного проектирования: базовые консультации, воркшопы с распределенной командой и другие схемы.

Еще один гибкий инструмент, работающий вместе с онлайн-доской, – Trello, где основным элементом являются карточки, которые в случае курсового проектирования работают как чек-лист; они позволяют планировать процессы работы над проектом намного подробнее, чем списки. Карточка в Trello может использоваться и как двадцатиминутная задача, и как двухнедельный проект, внутри которого располагаются цели, списки подзадач, комментарии к эскизу проекта. Поскольку эти сервисы интегрированы в нашу образовательную платформу MS Teams, то все комментарии и сообщения, сделанные на доске, приходят в чат MS Teams и оставляют цифровой след, который рассказывает о результатах проектной деятельности студента и включает все материалы, которые были созданы. Для преподавателей, вынужденных за две недели перейти на дистанционное обучение, эти сервисы:

- дают возможность увидеть активность студента и его работу, вносить коррективы в проект в режиме реального времени;
- комментировать любой элемент на доске и научить студента инфографике;
- подбирать визуальный ряд (google-поиск) прямо на доске с размещением (поиск для визуального анализа или поиск идеи подачи);

- возможность рисования на доске (если использовать графический планшет или просто планшет, можно рисовать эскизы);
- возможность прикрепления ссылкой документы и видео (для предпроектного анализа);
- возможность сохранения в pdf для печати, использования фрейма для автоматической сортировки стикеров;
- возможность вставки google-карт и большого количества полезных плагинов для аналитики и интеграции с другими приложениями.

Куда катится мир

По нашему мнению, вектор развития технологических платформ управления образовательным процессом должен быть направлен на средства сопровождения обучающихся с использованием алгоритмов машинного обучения и нейротехнологий для оценки текущих состояний субъектов и формирования эффективной обратной связи «субъект обучения – система обучения» в течение образовательного процесса. Это даст платформам возможность значительно точнее прогнозировать и генерировать персональные рекомендации индивидуальных траекторий обучения, включающие в себя различные параметры: формат и форму представляемого материала, методику представления материала, скорость и периодичность обучения, наличие и периодичность диагностических и контрольных элементов, содержание и соотношение практических и теоретических модулей программ, форматы мотивации и т. д.

Говоря о цифровизации образования, нельзя не упомянуть возможность индивидуализации образовательных траекторий обучающихся в рамках выполнения нестандартных для вузовского учебного плана заданий.

Одним из пионеров в сфере цифровизации обучения можно назвать Университет НТИ (Национальной Технической Инициативы) «20.35». Именно в апреле стартовал их проектно-образовательный интенсив, ставящий целью цифровую трансформацию вуза, куда МИТУ – МАСИ вошел с проектом заказной разработки.

Идея интенсива заключается в том, что в течение двух месяцев наши студенты будут использовать платформу Университета 20.35 с набором инструментов и сервисов для реализации проекта комфортной среды малых городов на основе принципов создания IT-регламента городских пространств. Студентам предстоит отработать методологию полного цикла проектной деятельности, где сформированные команды получают заказ на создание проекта комфортной городской среды от реального заказчика – малого города. В таком типе проектной деятельности партнер – источник экспертизы, а студенты учатся работать с ним и его ожиданиями. Город в качестве заказчика предоставляет проектную задачу и осуществляет приемку, оценивая качество выполнения проектной разработки.

Будущие студенты-архитекторы будут не просто выполнять задание на проектирование, а проведут все стадии предпроектного социокультурного исследования, используя все инструменты, начиная от исследования камер видеонаблюдения для оценки качества жизни территории, рассмотрения всех цифровых методов ее анализа, изучения истории города и сбора глубинных интервью о проблемах места благоустройства.

Непростая задача осложнена временной изоляцией всей страны и сложность в комплексном разборе территории с точки зрения маркетингового анализа. Но если диалог с администрацией уже выстроен, то обязательный момент в соучаствующем проектировании ставит перед командами проектного интенсива непростую задачу

формирования механизма диалога с горожанами, которые фактически помогают сформировать законченное задание на проектирование.

Именно в этом поможет набор цифровых сервисов Университета 20.35 для проведения воркшопа, на котором можно будет понять запросы жителей исследуемой территории, а затем на основании собранных данных программировать территорию с позиции выбранной гипотезы. Проект состоит из предварительных работ (сбор исходных данных, аналитика, формирование задания на проектирование) и непосредственно проектной разработки [6].

Что интенсив даст вузу?

В сегодняшних реалиях полного перехода на дистанционную форму взаимодействия практико-ориентированный вектор становится единственно верным, где обучение происходит в деятельностном формате: перед командами стоят реальные заказные задачи, при решении которых студенты получают компетенции, востребованные на рынке.

Сегодняшняя ситуация показала, что нужна не образовательная программа, сформированная на годы вперед, а образовательное пространство, которое собирается под запрос каждого студента: он участвует в формировании своей траектории развития, что, безусловно, требует от него высокой степени включенности и ответственности за свой выбор.

За последний месяц резко изменился контекст, соответственно, меняется и представление о том, как и чему должен учиться представитель творческой профессии: образование прошлого несоразмерно вызовам, которые стоят перед нами сейчас. В данном проектом интенсиве прогресс каждого студента подтверждается цифровым следом, т. е. результатом проектной деятельности. Цифровой след фиксируется на цифровых носителях и обрабатывается методами анализа данных. Это и есть те данные, которые ложатся в основу компетенционного профиля.

В результате этого проектного интенсива мы сможем:

- перевести образовательный процесс в правильную цифровую среду, изменяя формат обучения, внедряя новые механизмы обратной связи и взаимодействия студентов, преподавателей и заказчика для решения задач в проектной деятельности;
 - дать возможность для самоопределения каждому студенту, поскольку формируются команды с пониманием задач отрасли;
 - увидеть обратную связь и понимание запросов студентов, что позволяет эффективно выстраивать индивидуальные образовательные траектории;
 - реализовать проект, который решает социальную проблему региона и позволяет студентам овладеть навыками системы управления территорией;
 - оставить цифровой след, а затем сделать портфолио студента доступными потенциальному работодателю, и это способствует формированию итоговых цифровых профилей компетенции.
- Сосредоточение на одном примере дает возможность подтвердить определенные факты активизации учебного процесса, более выпукло рассмотреть положительные и отрицательные стороны приемов передачи знаний посредством цифровых технологий.

Заключение

Затяжной характер мирового кризиса, происходящего сегодня, указывает на глубину и принципиальность происходящих перемен [7]. Возникающая буквально за недели образовательная среда нового типа требует столь же глубокой перестройки наших взглядов на цели и методы профессиональной подготовки творческих специально-

стей. Концепции непрерывного образования, а также практически мгновенное распространение дистанционного обучения – все это сегодняшняя реальность.

Таким образом, предмет рассмотрения в данной статье – переход на дистанционное обучение в МИТУ – МАСИ – в своем конкретном воплощении можно считать примером развития методики подготовки архитектурных кадров, обеспеченной современными техническими средствами системы обучения, а также значимым фактором расширения контактов между вузами и общественными организациями в решении актуальных задач отрасли.

Литература

1. Булгакова, Е. А. Конкурсы МИТУ – МАСИ. Опыт конкурсной деятельности в контексте непрерывного творческого образования архитектора // Проект Байкал. – 2017. – № 54. – С. 150–152.
2. Булгакова, Е. А., Буркин, В. П. Дистанционные образовательные технологии как инновационный метод преподавания архитектурных дисциплин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 8 (50). – С. 6–8.
3. Булгакова, Е. А., Лидин, К. Л. Преодоление прекариатства: архитекторы для экономики переживаний // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 150–152.
4. Булгакова, Е. А. Интегрирование инновационных методов образования в систему подготовки архитекторов // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. – 2015. – № 1. – С. 10–13.
5. Булгакова, Е. А. МИТУ – МАСИ. Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт – архитектурная школа нового типа // Проект Байкал. – 2017. – № 53. – С. 54–57.
6. Буйнов, А. Н.; Булгакова, Е. А. Крапивна. Попытка реабилитации // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 152–155.
7. Lidin, K. L., Meerovich, M. G., Bulgakova, E. A., Zabelina, S. A. Information Flow Balance and Price of Real Estate // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 496–504.

References

- Buinov, A., & Bulgakova, E. (2019). Krapivna. Rehabilitation Attempt. Project Baikal, 16(62), 152-155. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1564>.
- Bulgakova, E. A. (2015). Integrirovaniye innovatsionnykh metodov obrazovaniya v sistemu podgotovki arkhitektov [Integration of innovative educational methods into the system of architects training]. Elektronnoe obuchenie i distantsionnye tekhnologii v obrazovanii: opyt i perspektivy razvitiya, 1, 10-13.
- Bulgakova, E. (2017a). MITU-MACI Competitions. Participation in competitions in the context of continuous creative training of architects. Project Baikal, 14(54), 16-19. doi:10.7480/projectbaikal.54.1241.
- Bulgakova, E. (2017b). Moscow Information and Technological University-Moscow Architecture and Construction Institute is an innovative architectural school. Project Baikal, 14(53), 54-57. doi:10.7480/projectbaikal.53.1212.
- Bulgakova, E. A., & Burkin, V. P. (2016). Distantsionnye obrazovatelnye tekhnologii kak innovatsionnyi metod prepodavaniya arkhitekturykh distsiplin [Distance educational technologies as an innovative method of teaching architectural subjects]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 8(50), 6-8.
- Lidin, K., & Bulgakova, E. (2018). To overcome the precarity. Project Baikal, 15(57), 150-152. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1376>.
- Lidin, K. L., Meerovich, M. G., Bulgakova, E. A., & Zabelina, S. A. (2017). Information Flow Balance and Price of Real Estate. Journal of Advanced Research in Law and Economics, 8(2), 496–504.

Описывается становление архитектурного образования в ИПИ от открытия специальности «Архитектура» в 1973 году до настоящего времени. Собран исторический материал о педагогах и сотрудниках, стоявших у истоков. Проанализированы события и побуждающие к ним мотивы. Представлены имена, регалии, звания руководителей кафедр и института, их награды и конкретные достижения. Отражено своеобразие предпосылок, формирования и пути иркутского архитектурного образования.

Ключевые слова: архитектурная школа; образование; хронология событий; история преобразований; процесс становления специальности; ИПИ; ИРНТУ./

The article speaks about the development of architectural education at Irkutsk Polytechnic Institute from the establishment of architecture speciality to the present time. It presents the collected historical information about the pioneers of this field. Several events and their causes are analyzed. The names, titles, awards and concrete achievements of the heads of the chairs and the institute are provided. The specific features of the background, formation and development of the Irkutsk architectural education are highlighted. Keywords: architecture school; education; course of events; history of transformation; process of the development of speciality; Irkutsk Polytechnic Institute; Irkutsk National Research Technical University

Архитектурное образование в Иркутске / Architectural education in Irkutsk

текст

Инна Дружинина
Виктория Астраханцева /
text
Inna Druzhinina
Victoria Astrakhantseva

В период бурного развития промышленности в СССР, масштабного освоения недр, природных ресурсов Иркутской области в 1950–1960-х годах было положено начало великим стройкам – активному развитию, индустриализации Восточной Сибири. Молодежь страны поехала обживать бескрайние таежные пространства. К 1970-м годам возникает острый дефицит специалистов строительной отрасли и архитекторов. Архитектурное образование в советском государстве долгое время можно было получить лишь в нескольких ведущих институтах страны, расположенных западнее Новосибирска, где и обучались архитекторы Иркутска и региона. Стала очевидной необходимость подготовки специалистов архитектурной специальности на месте.

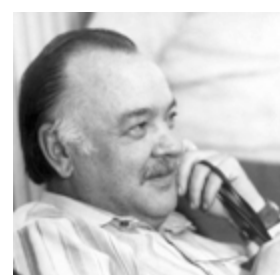
Специальности «Архитектура» в Иркутском национальном исследовательском техническом университете осенью 2018 года исполнилось 45 лет. История развития архитектурных направлений богата событиями и именами. Все началось с отделения кафедры архитектуры от кафедры строительных конструкций и архитектуры, существовавшей на строительном факультете Иркутского политехнического института. Деканом факультета был Ю. А. Шелковников [1; 2]. В числе преподавателей кафедры: Ю. Ф. Дмитриевский, В. И. Отрощенко, В. В. Буев, А. В. Губейдулин и некоторые другие. По инициативе Ю. Ф. Дмитриевского и при поддержке архитекторов-практиков В. А. Павлова, М. Я. Ашихминой, В. Е. Суханова, С. М. Григорьева, Л. Ф. Антипина, В. Ф. Буха в 1973 году на базе кафедры архитектуры была открыта специальность «Архитектура» (рис. 1). Состав первых

преподавателей дополнили М. Я. Ашихмина, В. Е. Суханов и молодые специалисты из Москвы, Свердловска и Иркутска: В. В. Козлов, А. Н. Прокудин, С. Ф. Прокудина, Г. И. Громов, В. Т. Щербин (всего 17 ставок) (рис. 2).

Первый набор архитекторов составил 78 студентов [3], а в последующие годы он достиг ста человек. По мере формирования архитектурного образования в 1975 году назрела необходимость создания кафедры архитектурного проектирования, выпускающей специалистов-архитекторов. Кафедра с первых лет завоевала лидирующие позиции. Преподавались многие архитектурные дисциплины, сразу вызвавшие интерес у абитуриентов: историю архитектуры, градостроительство, районную планировку, архитектурное проектирование, проектирование жилых и общественных зданий [4].

Первым ее заведующим стал архитектор-практик Юрий Федорович Дмитриевский (1924–1991). Участник Великой Отечественной войны, после окончания

Рис. 1. Основатели специальности «Архитектура»:
> Ю. Ф. Дмитриевский,
В. А. Павлов,
v М. Я. Ашихмина,
В. Е. Суханов,
Л. Ф. Антипин,
С. М. Григорьев,
В. Ф. Бух

< Рис. 2. Одни из первых преподавателей кафедры архитектуры: В. Т. Щербин, Г. И. Громов, А. Н. Прокудин, С. Ф. Прокудина, В. В. Козлов, В. В. Бувев, В. И. Отрощенко, А. В. Губейдулин

Новосибирского инженерно-строительного института в 1953 году он приехал в Иркутск и после нескольких лет практики в 1957 году приступил к работе в Иркутском политехническом институте старшим преподавателем. Юрий Федорович был членом Союза архитекторов СССР и членом Совета архитектурного факультета. За боевые заслуги в Великой Отечественной войне он награжден Орденом Красной Звезды и семью медалями. За трудовую деятельность Ю. Ф. Дмитриевскому были вручены медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» и профессиональные награды Министерств СССР – промышленного строительства, высшего и среднего специального образования. Юрий Федорович рекомендовал себя деятельным руководителем и специалистом, сумевшим привлечь к работе на кафедре молодых специалистов из разных городов. Был чуток, всех опекал и обеспечивал жильем, поддерживал и проявлял отеческую заботу [5]. На новую кафедру пришли преподаватели: В. М. Рутковская, Н. В. Либчинская и другие (рис. 3).

В период формирования основных принципов архитектурного образования в Иркутске произошло знаковое совпадение: на ключевых административных постах, ответственных за состояние архитектуры, на преподавательской работе, в составах комиссий ГЭК и др. работали авторитетные, жаждущие практических перемен незаурядные личности. Имена эти известны: В. А. Павлов, В. Ф. Бух, Б. М. Кербель, В. П. Шматков, Л. Ф. Антипин, С. М. Григорьев, В. Е. Суханов, В. Т. Щербин и другие.

Большинство из них были членами Союза архитекторов СССР и входили в правление Иркутской организации. Их объединяло, помимо широкого кругозора и практического опыта, стремление к новаторству, зачастую – подвижничество, решительность и даже жесткость в непримиримой борьбе с непрофессионализмом и «низкосортностью». На долгие годы их амбициозные градостроительные программы, перспективные планы стали определять стратегию методов проектирования на территории области, что находило прямое отражение в сфере образования. Это был период реализации экспериментальных по своей сути уникальных объектов архитектуры мировой значимости и прогрессивных планировочных решений, охватывающих огромные территории (при почти полном отсутствии прямых аналогов) в условиях сибирской специфики: усложненного рельефа, экстремального температурного режима, сейсмичности и т. д. Порой возникали профессиональные споры о принципах и допустимой степени внедрения в контекст существующей среды. Происходившее было поводом для полемики и дискуссий, стало своеобразным толчком для поступательного движения в градостроительстве, архитектуре и профессиональном образовании в целом. Остаётся полезным опытом для изучения и теперь. С годами приходит всё большее понимание, что именно этой плеядой выдающихся личностей в сообществе с действующим преподавательским составом была заложена основа того, что мы теперь называем «архитектурная школа Иркутска».

^ Рис. 3. Преподаватели кафедры архитектуры: А. В. Корзун, В. М. Сидоров, А. И. Дайнеко, Н. Н. Долина, К. И. Бойко

^ Рис. 4. Педагоги кафедры истории архитектуры и основ проектирования (с 1979): Г. С. Козлова, В. Ж. Елизаров, Т. В. Дмитриева, О. Г. Головчанская, А. Ю. Ладейщиков, О. Н. Беседина, В. Г. Курнос, О. М. Васильева, А. В. Ашихмин, И. В. Калинина

В 1977 году заведывание кафедрой архитектуры, которая была переименована в кафедру зданий и сооружений, предложено молодому кандидату технических наук доценту Юрию Георгиевичу Бусаргину (1937–2003). Под его руководством в составе кафедры зданий и сооружений трудились В. И. Отрощенко, В. В. Бувев, Л. В. Толстая, Н. И. Незабытовская, Л. Н. Москвитина, Ю. Ф. Соловьев, В. В. Быков.

С 1979 по 1984 годы кафедру зданий и сооружений принял доцент Александр Александрович Мутин. В коллектив архитектурного факультета вскоре вошли Ю. М. Водлов, А. Д. Калихман.

1979 год ознаменован началом нового этапа в работе кафедры архитектурного проектирования. Отдельными курсами стали вестись история архитектуры и искусства, а также основы архитектурного проектирования. Создается кафедра истории архитектуры и основ проектирования, которую возглавил архитектор-практик Виктор Ефимович Суханов (1935–1991), выпускник Новосибирского инженерно-строительного института. Он руководил кафедрой до 1985 г.; с ним работали А. Н. Прокудин, С. Ф. Прокудина, В. Т. Щербин, А. И. Дайнеко, Н. Н. Долина и другие (рис. 4). В коллектив вливаются и выпускники ИПИ: О. Е. Железняк, А. И. Кулаков, С. А. Серебряков, И. В. Хомутинников и др. (рис. 4).

С того же 1979 года по 1984 заведующей кафедрой архитектурного проектирования становится яркая энергичная личность – архитектор Мира Яковлевна Ашихмина (1930–2009), выпускница Новосибирского института. За 24 года в проектных организациях Читы и Иркутска ею разработано более 35 архитектурных проектов, 30 из которых реализованы [6]. С 1973 г. следующие 35 лет она посвятила подготовке студентов-архитекторов. Профессор М. Я. Ашихмина – Заслуженный архитектор России, она была отмечена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», медалью «Ветеран труда». Мира Яковлевна опубликовала более 60 научных трудов, в том числе 16 учебных и учебно-методических пособий (4 из них с грифом УМО), 3 монографии, 3 научных отчета кафедр. Ее стараниями выпускники отправлялись для завершения образования в МАРХИ и ЛИСИ [6]. Вместе с ней трудились В. В. Коз-

лов, Г. И. Громов, А. В. Корзун, К. И. Бойко, Н. Н. Долина, В. М. Сидоров и другие, а также выпускники первых наборов специальности (рис. 5; 6).

Востребованность специальности «Архитектура» становится очевидной, происходит активное развитие кафедр, пополнение их новыми кадрами, как правило, выпускниками ИПИ. Продолжаются преобразования.

В том же 1979 году с целью совершенствования методик обучения студентов организовывается новая кафедра рисунка, живописи и скульптуры. Первым заведующим кафедрой стал художник, график, офортист Александр Сергеевич Шипицын – член Союза художников России, Заслуженный художник России, лауреат премии Губернатора Иркутской области. Александр Сергеевич руководил кафедрой до 1990 г. В развитие методического и научного потенциала кафедры внесли работавшие в разное время преподаватели: В. Т. Щербин, В. В. Бувев, В. Колодинский, А. Ащеулов, Е. Ф. Колеватов, в том числе специалисты-выпускники ИПИ. Среди них В. И. Хомуненко и другие (рис. 7).

1980 год – особая веха в становлении архитектурного образования в ИПИ. В этом году сформирован архитектурный факультет, который возглавил кандидат технических наук, профессор Валентин Васильевич Быков (1937–2006).

С 1983 года количество поступающих студентов сократилось до двух – трех групп архитекторов, что было обусловлено демографическим спадом в стране.

В 1984 году заведовать кафедрой архитектурного проектирования назначен молодой кандидат технических наук Константин Георгиевич Селянцев, продолживший выработанные в прежние годы основные направления в учебной и научной работе. К этому времени в сложившийся коллектив кафедры вошли преподаватели: П. Н. Мурай, О. А. Мурай, О. В. Буйнова, А. Г. Большаков и другие (рис. 8).

С 1984 по 2002 годы кафедру зданий и сооружений, в 1990 году переименованную в кафедру архитектуры и градостроительства возглавляла Валентина Ивановна Отрощенко (1940–2002). Она окончила Иркутский политехнический институт в 1962 году по специальности «Промышленное и гражданское строительство». В ИПИ

< Рис. 5. Педагоги кафедры архитектурного проектирования (с 1979): В. А. Каменева, Л. Ф. Фёдорова, Б. М. Вяткина, А. С. Медвежов, Н. Г. Головань, М. Г. Меерович, Н. В. Столяров

Валентина Ивановна работала с 1972 года. Область ее научных интересов – большепролетные конструкции [7]. Коллектив сотрудников пополнили И. В. Чудогашева, И. В. Комарова, В. А. Бударный, С. Ю. Чеканова и другие.

С 1986 по 2019 годы кандидату архитектуры Алле Вадимовне Корзун доверено заведывание кафедрой истории архитектуры и основ проектирования. По окончании ЛИСИ и аспирантуры в МАРХИ она работала архитектором в Выборгском филиале института Ленгражданпроект, затем в институте Иркутскгражданпроект. Специализация – жилые и общественные здания. Педагогическую деятельность начала в Иркутском политехническом институте с 1975 года. Стояла у истоков формирования кафедры архитектурного проектирования, была инициатором и организатором открытия специальности «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия» в 1996 году. Особое внимание Алла Вадимовна уделяла изучению и популяризации историко-архитектурного наследия Иркутска и области, решению задач сохранения памятников архитектуры на территории Иркутской области. Она имеет множество научных публикаций в научных и научно-популярных изданиях. Некоторые ее ученики получили признание в профессиональном сообществе. Член Союза архитекторов России. Награждена нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», медалями Союза архитекторов России «За преданность содружеству зодчих» и «Ветеран труда», Почетной грамотой Губернатора Иркутской области. С ней в разное время работали А. Н. Прокудин, А. И. Дайнеко, Г. С. Козлова, А. Ю. Ладейщиков, О. Г. Головчанская, О. М. Васильева и другие (рис. 9). Помощь в развитии методической и научной базы кафедры оказывали в разные периоды М. Я. Ашихмина, О. Н. Беседина, О. Г. Головчанская, Т. В. Дмитриева, Н. Н. Долина, В. Г. Курнос, С. Ф. Прокудина, В. Т. Щербин.

1989 год. Заметным событием в архитектурном образовании в Иркутске стало назначение деканом архитектурного факультета и заведующим кафедрой архитектурного проектирования выпускника МАРХИ Валерия Васильевича Козлова, которые он возглавлял в течение двадцати лет. В состав кафедры вошли Л. Ф. Антипин, А. А. Ляпин, Б. А. Хадеев, С. Н. Элоян, А. П. Картопольцев, Т. В. Ар-

жеутская, И. Б. Можарова, А. С. Иванова, М. Е. Быкова, В. З. Волошина и другие (рис. 10). В ИрГТУ в этот период было открыто семь новых специальностей, для которых впервые были разработаны учебные планы. Архитектурный факультет подготовил для региона более полутора тысяч специалистов в области архитектуры, дизайна и реставрации. Более 25 лет назад, в 1993 году В. В. Козлов инициировал создание Центра детского архитектурного творчества «Пирамида» и вместе с его бессменным директором Натальей Викторовной Ремизовой реализовали эту идею. Наталья Викторовна с коллективом единомышленников подготовила и выпустила уже более 400 учеников, в их числе и абитуриенты наших специальностей.

В этом же 1993 году под руководством Валерия Васильевича в университете были открыты новые специальности: «Искусствоведение», «Декоративно-прикладное искусство», «Монументально-декоративное искусство» (ныне кафедра монументально-декоративной живописи и дизайна им. В. Г. Смагина). Методической и кадровой базой для открытия новых специальностей также были кафедры архитектурного факультета.

В. В. Козлов и Б. Т. Литвинов с 1992 года задумали и подготовили к открытию Международный Байкальский Зимний градостроительный университет в Иркутске. Первая сессия успешно прошла в 2000 году. За 20 лет в этом уникальном для России воркшопе приняло участие более 1000 зарубежных студентов и экспертов из 50 университетов 42 стран Европы, Азии и Америки. С 1995 года архитектурный факультет вошел в ассоциацию европейских архитектурных школ. В. В. Козлов развивает международный академический обмен. За годы его руководства факультетом более 600 студентов участвовали в научных семинарах, выставках, учебно-ознакомительных практиках в разных университетах мира, Всемирных конгрессах архитектуры.

Валерий Васильевич Козлов – кандидат архитектуры, профессор. Член Союза архитекторов России, профессор международной академии архитектуры ИААМ – МААМ, член ученого совета Института архитектуры, строительства и дизайна ИРНТУ, почетный член МООСАО. Он является руководителем магистерской программы по направлению «Архитектура», ведет научную работу

в Рис. 7. Преподаватели кафедры рисунка, живописи и скульптуры (с 1979):

А. С. Шипицын
О. В. Беседин,
И. Б. Можарова,
О. Е. Железняк

^ Рис. 6. Преподаватели кафедры архитектурного проектирования, истории архитектуры и основ проектирования и рисунка, живописи и скульптуры (конец 1970-х – начало 1980-х). Сидят слева направо: К. И. Бойко, (?), Н. Н. Долина, В. А. Каменева, Г. С. Козлова, А. Н. Прокудин, М. Г. Меерович, А. Ю. Ладейщиков; стоят слева направо: В. В. Козлов, Н. Г. Головань, В. Ж. Елизаров, В. М. Сидоров, Н. В. Столяров, М. Я. Ашихмина, С. Ф. Прокудина, (?), А. В. Ашихмин, В. Г. Курнос, О. Г. Головачанская, В. Е. Суханов, Л. Ф. Фёдорова, Б. М. Вяткина, Г. И. Громов, А. С. Медвежев

в области градостроительного моделирования и проектирования, истории регионального градостроительства, исследования методов архитектурного проектирования в условиях особо охраняемых природных территорий. Валерий Васильевич организовал и успешно руководит экспериментальным проектным бюро в университете.

За весь период деятельности в вузе, благодаря незаурядным усилиям В. В. Козлова, более 50 студентов обучаются или окончили обучение в Европе, участвовали в международных конкурсах, биеннале, мастер-классах. Международную деятельность он активно проводит и сегодня.

Профессиональные заслуги В. В. Козлова отмечены многочисленными дипломами российских и международных выставок, Почетной грамотой Губернатора, правления ИРО СА России, знаком «Отличник высшего профессионального образования» Минобрнауки РФ, награжден юбилейными медалями. Он имеет Благодарность Министерства культуры и архивов Иркутской области.

С 1991 года кафедру рисунка, живописи и скульптуры возглавляет Анатолий Иванович Кулаков – профессор ВАК, профессор Международной академии архитектуры, член Союза архитекторов России, Почетный работник профессионального образования РФ, заслуженный работник культуры РФ. В ИПИ работает с 1979 года. Он – автор более 30 учебно-методических пособий и более 300 работ, выполненных в различных художественных техниках. Участник городских, областных, региональных, международных выставок. Организатор более 10 учебно-методических выставок студентов за рубежом. Руководит творческими мастерскими по рисунку, живописи и скульптуре. Его воспитанники – ежегодные призеры выставок различного уровня, в том числе зарубежных. Анатолий Иванович – организатор многоступенчатой подготовки специалистов в системе школа – лицей – университет. Создатель и руководитель галереи-студии университета. Входит в состав художественно-экспертного совета по декоративно-прикладному искусству при администрации Иркутской области [8] (рис. 11).

Началом нового этапа может считаться 1993 год, когда Иркутский политехнический институт получил статус

университета и был переименован в Иркутский государственный технический университет. Деканом архитектурно-строительного факультета был кандидат технических наук, профессор Виктор Георгиевич Темников. Его жизнь связана с Иркутским политехническим институтом вот уже более 60 лет; он – современник В. А. Павлова, Ю. Ф. Дмитриевского, В. Е. Суханова и других педагогов.

С 2002 года по 2013 год кафедра архитектуры и градостроительства развивалась под руководством доктора архитектуры профессора Андрея Геннадьевича Большакова. Окончив в 1980 году ИПИ, он продолжил работу на кафедре архитектурного проектирования. В 1982–1986 годах учился в аспирантуре МАРХИ на кафедре основ теории градостроительства (у З. Н. Яргиной) и работал в отделе районной планировки ЦНИИП градостроительства (под руководством В. В. Владимирова). В 1986 году после защиты кандидатской диссертации возобновил работу на кафедре архитектурного проектирования в Иркутске. В 2003 году защитил докторскую диссертацию «Градостроительная организация ландшафта как фактор устойчивого развития территории» по специальности «История и теория архитектуры». А. Г. Большаков акцентировал внимание на методологии устойчивого развития городов и территорий [8]. В 2009 году открыл магистратуру по направлению «Градостроительство» и профилю «Проектирование градостроительных ландшафтов», готовил аспирантов по специальности «Градостроительство, планировка сельских населенных пунктов» и «Теория и история архитектуры, реконструкция и реставрация архитектурного наследия». Сотрудничал с Омским институтом территориального планирования, являлся членом диссертационного совета по присуждению ученой степени кандидата архитектуры при УрГАХА в Екатеринбурге. Под его руководством в тот период работали А. Д. Калихман, Д. В. Бобрышев, С. В. Солодянкина, В. В. Буркова, Е. В. Пуляевская, Н. В. Шестопалова, С. Э. Вершинина, О. И. Саландаева, Е. В. Баяндина, а также А. Ю. Михайлов, Е. А. Жабутинская и другие (рис. 12).

В 2007 году заведующим кафедры архитектурного проектирования становится Евгений Викторович Хохрин. В 2008–2010 годах кафедрой АП была проведена всесторонняя систематизация методического обеспечения

> Рис. 9. Педагогический состав кафедры истории архитектуры и основ проектирования (с конца 1980-х):

О. И. Черных,
О. В. Митюкова,
А. К. Чертилов,
методисты:
В. Н. Авраменко,
М. А. Коношкина,
М. А. Белова

всего учебного процесса, реорганизованы дисциплины, введены новые учебные предметы. Началась подготовка архитекторов со степенью магистра по специальностям «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды».

Е. В. Хохрин окончил ИПИ по специальности «Архитектура» в 1980 году. На протяжении более 38 лет трудился на кафедре архитектурного проектирования в должностях от ассистента до заведующего. Им выполнено более 100 проектных и научных работ по различным направлениям образования, архитектуры и дизайна, в том числе 4 учебных пособия с грифом УМО. Член Союза дизайнеров России, член Союза архитекторов России, член правления Иркутского отделения Союза дизайнеров России, был членом ученого совета архитектурного факультета ИрГТУ, ученого совета ИАС ИрГТУ, совета по дизайну архитектурной среды УМО. Имеет почетное звание и знак отличия «Почетный работник высшего профессионального образования», почетное звание «Ветеран труда», награжден Почетными грамотами Губернатора Иркутской области, СА России [8].

К сложившемуся коллективу кафедры (В. В. Козлов, М. Я. Ашихмина, В. И. Марков, Л. Ф. Антипин, В. К. Нечитайло, С. Н. Элоян, А. А. Ляпин, А. Д. Калихман, Ц. Б. Дагданова, Б. А. Хадеев, А. С. Иванова) присоединились новые специалисты: В. Г. Лисицин, Я. Ю. Лисицина, Л. Н. Макогон, А. А. Хохряков, И. Е. Дружинина, О. В. Гетманченко, Р. А. Селиванов, В. В. Дайнеко; Т. А. Семикина, а так же С. П. Маликова, О. А. Новикова и другие (рис. 13).

В 2009 году деканом архитектурного факультета становится Александр Викторович Ашихмин – архитектор-практик, доцент ВАК, член Союза архитекторов России. Выпускник второго набора архитекторов ИПИ, автор 6 учебных и учебно-методических пособий (из них 4 с грифом УМО), 2 монографий, 24 научных статей по градостроительству, архитектуре и историко-культурному наследию. Он автор и соавтор 75 проектов в области архитектуры, градостроительства и реконструкции-реставрации объектов культурного наследия. Александр Викторович отмечен Почетной грамотой Союза строителей, памятными знаками мэра г. Иркутска и Губернатора Иркутской области.

В 2010 году Иркутский государственный технический университет получает статус Национального исследовательского университета с переходом на двухступенчатую систему обучения «бакалавр – магистр».

Реорганизация в вузе продолжается. В 2011 году в результате слияния архитектурного и строительного факультетов образован Институт архитектуры и строительства; директором стал доктор технических наук, профессор, член-корреспондент водохозяйственной академии РФ, Почетный работник жилищно-коммунального хозяйства РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ Виктор Романович Чупин.

В 2013 году руководство кафедрой архитектуры и градостроительства перешло к кандидату архитектуры Евгении Владимировне Пуляевской. В 1992 году окончила ИПИ. В 2008 году защитила кандидатскую диссертацию по специальности «Теория и история архитектуры, реставрация и реконструкция историко-архитектурного наследия» на тему «Архитектурно-планировочные принци-

в Рис. 8. Преподаватели кафедры архитектурного проектирования (с середины 1980-х). Снизу вверх, по рядам слева направо:

М. Г. Меерович,
Е. В. Хохрин, (?), (?),
Л. Ф. Антипин,
А. В. Корзун,
С. А. Смольков, (?),
М. Я. Ашихмина,
К. Г. Марков,
В. И. Марков,
И. Б. Можарова,
Л. И. Кузнецова,
Л. Ф. Фёдорова,
К. И. Бойко

^ Рис. 10. Состав кафедр архитектурного проектирования, истории архитектуры и основ проектирования; рисунка, живописи и скульптуры; зданий и сооружений (1990-е). Слева направо, сидят: М. Г. Веселова, А. Г. Большаков, О. М. Васильева, Т. А. Воробьева, М. Я. Ашихмина, В. В. Козлов, В. И. Отрощенко, Л. И. Кузнецова, Ц. Б. Дагданова; стоят в среднем ряду: Н. Ф. Мартянова, Л. П. Перепеча, П. Н. Мурай, Е. В. Хохрин, В. И. Марков, А. Ю. Ладейщиков, В. М. Акулов, О. Е. Железняк, Н. В. Ремизова; стоят в верхнем ряду: (?), Е. Ю. Помазкина, Е. Кабибулин, Л. А. Клитина, М. Г. Меерович, А. И. Кулаков, В. К. Нечитайло, (?)

v Рис. 11. Преподаватели кафедры рисунка, живописи и скульптуры (2015):

С. О. Михалёв,
Ю. В. Краковцева,
А. У. Ри, Г. Н. Колодий,
Т. А. Воробьева,
А. И. Кулаков,
М. Г. Веселова,
В. С. Шишканов,
Е. Е. Смолин

пы организации крестьянского ландшафта Предбайкалья конца XIX – начала XX века». В 2014 году открыт набор на бакалавриат по специальности «Градостроительство» [7]. Евгения Владимировна сохраняет штатных сотрудников кафедры, привлекает специалистов-практиков к работе со студентами. Вместе с ней в штате кафедры в разные годы трудились В. В. Буркова, С. Э. Вершинина; Е. Н. Зиминая, К. Г. Иванова, Т. А. Копылова, А. В. Рябченкова, С. В. Середёнкина, Е. Е. Стасова, А. А. Чинченкова, А. А. Амелин, П. Е. Пуляевский, К. Н. Шарыгин и совместители: Л. П. Бержинская, Ю. В. Вантеева, В. В. Распутин, О. И. Саландаева, А. Г. Смольков, С. В. Солодянкина, Е. В. Шулятьева и др (рис. 14).

2015 год. Иркутский государственный технический университет (ИрГТУ) переименован в Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Иркутский национальный иссле-

довательский технический университет ФГБОУ ВО «ИРНИТУ».

В 2015 году доктор архитектуры, профессор Андрей Геннадьевич Большаков возглавил кафедру архитектурного проектирования ИРНИТУ. Это произошло после его возвращения из Белгорода, где в 2014 году он основал и открыл кафедру градостроительства в Технологическом университете.

Кафедра АП в ИРНИТУ выпускает кадры по специальностям «Архитектура» и «Дизайн архитектурной среды» со степенями «бакалавр» и «магистр». В ее составе вначале работали 24 преподавателя, включая 2 докторов наук и 6 кандидатов наук (рис. 15). Андрей Геннадьевич разработал более 50 проектов в области планирования, ландшафтной архитектуры и градостроительства, которым уделяется особое внимание в архитектурной науке и подготовке кадров. Автор почти 150 публикаций, в том числе учебника, 5 учебных пособий, 6 монографий; пять его учеников стали кандидатами архитектуры. В настоящее время является членом диссертационного совета по градостроительству и теории и истории архитектуры при Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете. Член СА России, лауреат профессиональных конкурсов, награжден званием «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», медалью СА России «За преданность содружеству зодчих». Сегодня кафедра работает в следующем составе: О. В. Гетманченко, Н. М. Глебова, И. Б. Дагданова, В. В. Дайнеко, И. Е. Дружинина, А. С. Иванова, В. В. Козлов, В. Г. Лисицин, А. А. Ляпин, Л. Н. Макогон, С. А. Макогина, Р. А. Селиванов, Т. А. Семикина, С. А. Смольков, Е. В. Хохрин, С. Н. Элоян.

В 2017 году кафедру истории архитектуры и основ проектирования возглавил кандидат исторических наук, доцент, член Ученого совета ИАСиД Александр Николаевич Прокудин. Более 47 лет он трудится в ИРНИТУ, из них 45 – на одной кафедре. Здесь же под руководством А. К. Чертилова работает научно-исследовательская лаборатория архитектурного наследия, где изучается архитектурное и градостроительное наследие Восточной Сибири и сопредельных территорий. Важность деятельности лаборатории не только в возрождении

^ Рис. 13. Преподаватели кафедры архитектурного проектирования (середина 2000-х): С. А. Макотина, Е. В. Хохрин, Е. А. Михайлик, Н. М. Глебова, С. А. Смольков, Б. М. Вяткина

функции ликвидированной в начале 1990-х лаборатория по реставрации памятников архитектуры, но и придание ей новых возможностей. Это было необходимо, в том числе и для повышения заинтересованности студентов проблемами сохранения наследия Сибири, вовлечение их в реальные исследования и проектирование.

В том же 2017 году в связи с реструктуризацией университета Институт архитектуры и строительства преобразован в Институт архитектуры, строительства и дизайна, а кафедра истории архитектуры и основ проектирования и кафедра рисунка, живописи и скульптуры объединены в одну – кафедру рисунка, живописи, основ проектирования и историко-архитектурного наследия. Заведующим кафедрой назначен профессор А. И. Кулаков.

В 2017 году Институт АСИД возглавил Виталий Владимирович Пешков – доктор экономических наук, профессор, председатель ученого совета института, главный редактор журнала ВАК ИРНТУ «Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость», член Ученого совета университета, член Российского общества инженеров строительства, член Российского общества оценщиков, председатель Иркутского регионального отделения профессионального союза инженеров-сметчиков, член международной академии инвестиций и экономики строительства, член Градостроительного совета при Губернаторе Иркутской области, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (рис. 16).

Неоценимый многолетний вклад в административное управление внесли заместитель декана и заместитель директора института В. И. Марков и А. Ю. Ладейщиков. Помимо исполнения прямых должностных обязанностей, они занимаются проблемами практически каждого студента и знают их возможности.

Особый вклад в иркутское архитектурное образование и науку внес Марк Григорьевич Меерович (1956–2018), известный в России и за рубежом ученый, архитектор, доктор исторических наук, доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, член-корреспондент Международной Академии архитектуры, Заслуженный архитектор России, член Союза архитекторов России, член Союза дизайнеров России, Почетный работник высшей

школы, Ветеран труда. Награжден 7 медалями и двумя Гран-при, обладатель национальной премии в области архитектуры «Хрустальный Дедал». Ученик выдающихся учителей, выпускник первого набора архитекторов ИПИ, он навсегда связал свою жизнь с родным университетом. За свою сорокалетнюю деятельность стал автором 600 научных и научно-методических публикаций, в том числе 4 учебников и 25 монографий, 304 статей, изданных на русском, итальянском и немецком языках. Был участником и организатором более 65 всесоюзных и международных научных симпозиумов, конференций, конгрессов по проблемам проектирования. Он был экспертом РАН, иностранным экспертом Китайской Народной Республики, экспертом образовательных программ Московской школы управления «Сколково», экспертом Общественной палаты Иркутской области, членом Общественной палаты Иркутска, членом Градостроительного совета Иркутска. Как архитектор-практик М. Меерович создал около 200 проектов интерьеров, из них более 120 были реализованы, принимал участие в крупных градостроительных работах [9]. Марк Григорьевич руководил дипломными работами, которые 38 раз отмечались на различных конкурсах и фестивалях, 11 раз его ученики становились лауреатами конкурсов-выставок «Молодость. Творчество. Современность», 12 учеников защитили диссертации магистров.

С 80-х годов XX века по сегодняшний день последовательно в вузе успешно прошли защиты:

- на соискание ученой степени доктора: физико-математических наук – А. Д. Калихмана; архитектуры – А. Г. Большакова; исторических наук – М. Г. Мееровича; архитектуры – М. Г. Мееровича;

- на соискание ученой степени кандидатов: архитектуры – М. Г. Мееровича, А. В. Корзун, А. Г. Большакова, А. И. Дайнеко, О. И. Черных, Е. В. Пуляевской, Д. В. Бобрышева, С. С. Беломестных; искусствоведения – О. Е. Железняк; исторических наук – А. Н. Прокудина, В. Г. Лисицина; технических наук – Е. В. Баяндиной; биологических наук – С. Э. Вершининой.

Ученое звание профессора ВАК получили: В. В. Козлов, А. И. Кулаков, М. Я. Ашихмина, А. Д. Калихман, А. Г. Большаков, М. Г. Меерович и С. Н. Элоян.

^ Р ис. 12. Коллектив кафедры архитектуры и градостроительства (с 2002).
Сидят слева направо: Е. П. Рябева, (?), Т. А. Симонова, И. Г. Щукин.
Стоят слева направо: И. А. Комарова, И. В. Чудогашева, В. И. Отрощенко, А. Г. Большаков,
Л. В. Толстая

v Рис. 14. Сотрудники
кафедры архитектуры
и градостроительства
(2015): В. В. Пономарёва,
Е. В. Баяндина,
Е. А. Жабутинская,
Д. В. Бобрышев,
С. С. Беломестных,
А. В. Ашихмин,
Н. В. Шестопалова,
Е. В. Пуляевская,
Л. А. Яблонская,
Е. Литвинцева

Ученое звание доцента ВАК получили: М. Я. Ашихмина, В. И. Марков, А. Д. Калихман, О. Е. Железняк, О. И. Черных, Е. В. Баяндина, Ц. Б. Дагданова, С. Н. Елоян, А. В. Ашихмин, А. А. Ляпин, Е. В. Хохрин, И. Е. Дружинина, Е. В. Пуляевская и др.

В разные годы председателями ГАК (ГЭК) были Б. М. Кербель, Б. И. Оглы, В. П. Шматков, Лаврик, Б. И. Куликов, В. В. Искаков, Ю. П. Волчок, Е. И. Григорьева, И. В. Козак, В. Б. Стегайло, К. Х. Ким, А. П. Картопольцев, С. Б. Демков, Е. В. Протасова, В. В. Астраханцева и другие.

Сейчас, по истечении десятилетий, все описанные процессы кажутся вполне логичными, предсказуемыми. Стирается острота событий, почти неуловим дух прошедшего времени. А ведь в начале периода то, о чем здесь вскользь упомянуто, было лишь набросками перспективных планов, попытками вуза встроиться в систему профильного образования и соответствовать лучшим архитектурным

школам, стремлением к международному сотрудничеству, обмену практиками, опытом, экспозициями. Теперь уже почти забыты требования, находившие отражение в программах обучения, такие проблемы, как необходимость обеспечения непрерывного профессионального образования, охрана и реставрация памятников архитектуры и градостроительства (что особенно актуально для Иркутска), нормирование и стандартизация, высотное строительство в условиях сейсмичности Иркутска, проблемы энерго- и ресурсосбережения. Создавались теоретические модели устойчивого развития градостроительной организации населенных мест, ставились задачи гуманизации жилой среды, учитывающие региональные особенности, начиналась реализация различных целевых программ Национального проекта «Доступное жилье – гражданам России» и других. В то время только разрабатывались предложения по основным принципам взаимодействия в вопросах научных, экспериментальных разработок и нормативно-методической документации, лишь формировались программы сотрудничества с вузами, налаживания связей с зарубежными школами.

В той или иной степени многое из предложенного реализовано. Проделан огромный путь с многочисленными преобразованиями и перестройками, трудностями и препятствиями от политических до социально-экономических, зачастую вполне объективными. Так под влиянием разных факторов утверждалось архитектурное образование в Иркутске. Динамичные изменения продолжаются и сейчас; постоянно совершенствуются методики преподавания и обучения, используются новейшие разработки, активно пополняется арсенал учебно-методической литературы и материалов. Созданы и функционируют экспериментальное проектное бюро, художественная галерея-студия университета, научно-исследовательская лаборатория архитектурного наследия. Применение самых современных технологий в сочетании с сегодняшними возможностями практического проектирования в архитектуре и градостроительстве позволяют значительно повысить уровень подготовки и расширить диапазон знаний будущих специалистов.

Есть очевидные результаты как повод для гордости. Не случайно, опираясь на главные постулаты в архитектуре и архитектурном образовании своих известных Учителей-основателей, бывшие ученики и сегодня достойно несут эстафету в практическую жизнь. Среди доказавших свою незаурядность учеников, ставших гордостью вуза – заслуженные архитекторы России Е. И. Григорьева, И. В. Козак, М. Г. Меерович, В. Б. Стегайло, А. Н. Юшков; главные архитекторы Иркутской области: А. Н. Буйнов, Е. В. Протасова, В. В. Распутин; главные архитекторы городов Ангарска, Братска, Зимы, Иркутска, Красноярска, Томска, Улан-Удэ, Усть-Илимска, Усолья-Сибирского, Читы, Шелехова (всего около двух десятков человек); вице-президенты СА России, члены-корреспонденты и советники РААСН; действительный член, члены-корреспонденты и профессора МААМ; лауреаты национальной премии «Хрустальный Дедал», Государственной и губернаторской премий.

В ИРНИТУ проводятся различные крупные международные мероприятия: Зимний градостроительный университет, международные научно-практические конференции, выставки и конкурсы. Для студентов ведутся лекционные занятия преподавателями из Германии, Австрии, Японии и других стран. Здесь учатся иностранные студенты из Китая, Монголии, Вьетнама. Особый интерес за рубежом вызван самой возможностью встречи на площадке в Сибирском регионе. Иностранцев, как и российских студентов, привлекает предложенная система взаимодействия с представителями разных архитектурных школ. Опыт такого сотрудничества под руководством

^ Рис. 15. Коллектив кафедры архитектурного проектирования (2015): М. Е. Быкова, Н. М. Глебова, И. А. Коробова, И. Е. Дружинина, С. А. Смольков, А. Г. Большаков, В. М. Акулов, Б. М. Вяткина, В. И. Марков, В. К. Нечитайло, В. В. Дайнеко, О. В. Гетманченко

педагогов взаимно полезен. Еще одной традицией стало проведение среди студентов разных направлений выездных практик по изучению особенностей градостроительной структуры и ландшафта городов Иркутской области. Вызывала большой интерес экспедиция по изучению и исследованию памятников истории и архитектуры деревянного зодчества (с научной фотофиксацией) в зоне затопления Богучанской ГЭС. Историко-архитектурная исследовательская экспедиция в Жигаловский районполнила коллекцию фотографий и описаний ценных находок. В последние годы проводятся экспедиции на о. Ольхон и Кругобайкальскую железную дорогу. Тематика курсовых и дипломных проектов, как правило, ориентирована на сохранение идентичности архитектуры нашего региона. Важно, что все эти мероприятия организовывались и проводятся по инициативе преподавателей вуза.

Сегодня весь педагогический состав нашего вуза перешел к решению новых, продиктованных временем и состоянием общества задач. Эти процессы непрерывны, главное – не стереть пока еще существующую особенность, не потерять специфику «иркутской архитектурной школы». И пока возникает желание анализировать и изучать их, можно говорить о ценности попыток предшественников дать свои ответы на вызовы, продиктованные временем.

Литература

1. Горощенова, О. А. Особенности развития Иркутского государственного технического университета (1993–2000) // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 1 (96). – С. 210–217.
2. История института // Строительный вестник Байкальского региона 2015. – окт. (№10/45). – С. 16–23.
3. Ляпин, А. А. Этапы становления архитектурного образования в Иркутске // Современные технологии и методики в архитектурно-художественном образовании: материалы международной научно-методической конференции. – Новосибирск: изд-во НГУАДИ, 2016. – С. 94–97.
4. Ляпин, А. А., Хохрин, Е. В. Кафедра архитектурного проектирования // Строительный вестник Байкальского региона. – 2015. – окт. (№ 10/45). – С. 49–54.
5. Ашихмина, М. Я. Они были первыми // Зеркало: газета Иркутского государственного технического университета. Специальный выпуск. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ. – 2003. – 10 декабря (№ 16). – С. 18.

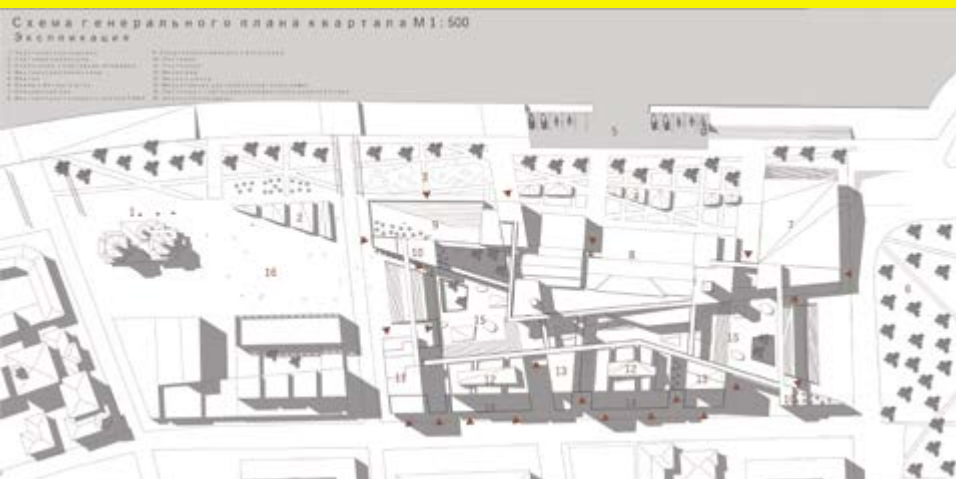
6. Меерович, М. Г. Ашихмина Мира Яковлевна (09.03.1930–04.01.2009) // Проект Байкал/project baikal. – 2009. – № 19. – С. 81–83.
7. Иванова, К. Г., Пуляевская, Е. В., Шестопалова, Н. В. Кафедра архитектуры и градостроительства // Строительный вестник Байкальского региона. – 2015. – окт. (№ 10/45). – С. 44–46.
8. Иркутские архитекторы. – Иркутск: Репроцентр А1, 2011. – 272 с.
9. Лисицина, Я. Публикации Марка Мееровича (предварительный обзор) // Проект Байкал/project baikal. – 2019. – № 60. – С. 27.

References

- Ashihmina, M. Y. (2003, December 10). Oni byli pervymi [They were the first]. Zerkalo. Spetsialniy vypusk gazeta Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta, 16, 18. Irkutsk: Izd-vo IrGTU.
- Goroshchenova, O. A. (2015). Osobennosti razvitiya Irkutskogo gosudarstvennogo tehnikeskogo universiteta (1993–2000) [Features of the development of Irkutsk State Technical University (1993–2000)]. Irkutsk: Vestnik IrGTU.
- Irkutsk architects [Irtutskiyeh arhitektory] (2011). Irkutsk: Reprotsentr A1.
- Istoriya institute [History of the Institute] (2015, October). Stroitelniy Vestnik Baikalskogo regiona, 10(45), 16–23.
- Ivanova, K. G., Pulyaevskaya, E. V., & Shestopalova, N. V. (2015). Kafedra arkhitektury i gradostroitelstva [Chair of Architecture and Town Planning]. Stroitelniy Vestnik Baikalskogo regiona, 10(45), 44–46.
- Lisitsina, Ya. (2019). Publikatsii Marka Meerovicha (predvaritelniy obzor) [Mark Meerovich's Publications (preliminary review)]. Project Baikal, 16(60), 27. Retrieved from <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.60>
- Lyapin, A. A. (2016). Etapy stanovleniya arhitekturnogo obrazovaniya v Irkutске. [Stages of the formation of architectural education in Irkutsk]. In Sovremennyye tekhnologii i metodiki v arkhitekturno-khudozhesvennom obrazovanii (pp. 94–97). Novosibirsk: izd-vo NGUADI.
- Lyapin A. A., & Khokhrin, E. V. (2015, October). Kafedra arkhitekturnogo proektirovaniya [Chair of Architectural Design]. Stroitelniy Vestnik Baikalskogo regiona, 10(45), 49–54.
- Meerovich, M. G. (2009). Ashihmina Mira Yakovlevna (09.03.1930–04.01.2009). Project Baikal, 6(19), 81–83. Retrieved from <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.19>

^ Рис. 16. Руководители факультетов (института) разных лет: В. В. Быков, В. В. Козлов, В. Г. Темников, А. В. Ашихмин, В. В. Чупин, В. В. Пешков

Реновация кварталов 63–64 в историческом центре Иркутска / Renovation of the 63–64 quarters in the historical center of Irkutsk

дипломный проект (2019)

автор
Ганжурова Ульяна,
студентка Института
архитектуры и
строительства ИРНИТУ
руководитель проекта
Р. Селиванов

текст
Ульяна Ганжурова
Роман Селиванов /
text
Ulyana Ganzhurova
Roman Selivanov

Заброшенная промышленная территория ТЭЦ-2 расположена в самом центре исторического города: здесь начинался Иркутский острог, расположены основные достопримечательности, и излишне говорить о потенциале этого места и необходимости его преобразования. Работа над представленным дипломным проектом была начата осенью 2018 года. На тот момент уже был проведен международный конкурс «Квартал XXI века» и объявлен региональный конкурс на проект застройки Цесовской набережной, техническое задание которого претерпело значительные изменения. В любом случае вопрос о будущем ТЭЦ-2 оставался открытым и привлекал внимание профессионалов и общественности.

Цели дипломного проекта – дать вторую жизнь уникальному памятнику промышленной архитектуры, продолжить формирование застройки центральной части города, создавая тактичный диалог современной и исторической архитектуры, а также доказать, что объект ТЭЦ-2 обладает достаточным потенциалом для того, чтобы стать востребованным местом в жизни горожан и гостей Иркутска.

Проблемы, выявленные в ходе анализа выбранной территории, показали, что данная площадка стала местом спора разных, на первый взгляд, противоречащих друг другу градостроительных мотиваций.

В первую очередь, прибрежные пространства в городах (а тем более на территории исторического центра с характерной для него высокой плотностью застройки) должны восприниматься как рекреационно-парковые пространства, формирующие зеленый каркас города. Но благоустройство данного участка набережной повлечет за собой неизбежные транспортные проблемы и рискует окончательно отрезать набережную от города сквозным автомобильным движением. В рамках дипломного проекта было предложено воспользоваться уже сформулированными в 80-х годах прошлого века решениями: завести ул. Рабочую на территории площади Сперанского в подземный тоннель, обеспечив тем самым прямой проезд из предместья Марата к Глазковскому мосту, и оставить набережную пешеходной. Помимо понятного благоустройства данного участка набережной, эта территория должна стать проницаемой для прилегаю-

Рассматриваются градостроительные мотивации, сталкивающиеся на деградированной территории ТЭЦ-2 Иркутска. Многофункциональный центр проектируется как связующее звено между одновременной застройкой исторического центра и памятником промышленной архитектуры. Представленные проектные решения показывают, что мотивы сохранения историко-культурного наследия не противоречат инвестиционной привлекательности проекта и растущим темпам урбанизации города.

Ключевые слова: реконструкция; ТЭЦ-2; исторический центр; промышленная архитектура; сохранение наследия. /

The article considers town-planning motivations that come into collision on the degrading territory of the Central Heating and Power Plant 2 in Irkutsk. The multifunctional center is designed to link the historical center built up at different times and the monument of industrial architecture. The proposed design solutions show that the motives of preservation of the historic-cultural heritage do not contradict the investment attractiveness of the project and the increasing urbanization. Keywords: reconstruction; Central Heating and Power Plant 2; historical center; industrial architecture; preservation of heritage.

щей к ней кварталов центра города. Концепция застройки данных кварталов гармонично продолжает историческую сетку улиц «Острожно-посадского» планировочного фрагмента и встраивается в существующую градостроительную ткань города: улица Марата и переулок Гершевича продолжают через квартал к набережной Ангары. Следует отметить, что многофункциональный комплекс на территории реконструируемых кварталов имеет сквозные «коридоры», которые делят его на отдельные функциональные зоны, обеспечивая проницаемость территории и беспрепятственные выходы к реке.

Второй, но не менее важной градостроительной мотивацией реновации данной территории является сохранение историко-культурного наследия и тактичное отношение к одновременной застройке исторического центра. Помимо реконструкции самого здания ТЭЦ-2, в контексте дипломного проекта была запланирована восстановление утраченной в советское время церкви свв. Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев. Новая застройка кварталов в концептуальном предложении по всей Цесовской набережной за счет своей дискретности сомасштабна исторической среде, в том числе и усадебной застройке, характерной для исторического Иркутска. Одним из основных положений концепции многофункционального комплекса кварталов стало сохранение визуальных коридоров между вновь восстановленной Чудотворской церковью и существующими памятниками федерального значения – церковью Спаса Нерукотворного Образа и собором Божоявления Господня. Немаловажную роль также играет целостность восприятия силуэта реконструируемых кварталов совместно с прилегающими кварталами

набережной. Значительная часть концепции выстроена именно на драматургии спроектированных пространств и разнообразии открывающихся перспектив как со стороны реки, так и со стороны центральной части города.

Наиболее частым и серьезным препятствием для сохранения историко-культурного наследия в последнее время выступают растущие с каждым годом темпы урбанизации городов, инвестиционная привлекательность проектов и, как следствие, наиболее материально выгодное уплотнение застройки исторических центров. Попыткой ответить на запросы сложившейся в наше время ситуации стало насыщение территории различными по своему роду функциями – от жилых комплексов до концертного зала и выставочных галерей. Интересным примером того, как кажущиеся неразрешимыми противоречия сохранения наследия и максимального уплотнения могут стать источником интересных проектных решений, стал подъем благоустройства внутри квартала над уровнем земли. Лестница-амфитеатр дала возможность сохранить вышеупомянутые визуальные коридоры, открывающие вид на знаковые объекты при максимально возможной плотности застройки, подняв человека на уровень второго этажа. В уровне первого этажа расположились помещения торгово-развлекательного характера, а сама лестница создала разнообразное пространство на территории квартала и возможности насыщения его различными формами активности.

Многофункциональный центр на территории ТЭЦ-2 включает в себя:

– само реконструируемое здание ТЭЦ, в котором располагаются выставочные галереи и образовательный центр;

- концертный зал симфонической музыки на 1500 мест;
- гостиницу на 55 номеров;
- два жилых дома с коммерческими помещениями в первых этажах, атриумным пространством и апартаментами на последних этажах;
- два бизнес-центра высотой 9 и 15 этажей;
- спортивный комплекс с бассейном, тренажерным залом и спортивными площадками на набережной;
- два ресторана площадью 240 и 430 м² и этажностью 6 и 7 этажей соответственно с видом на сквер у Вечного огня и основные достопримечательности нашего города – с одной стороны; и видом на реку и церковную площадь – с другой;
- лестница-амфитеатр, в уровне 1-го этажа которой расположены торгово-развлекательные помещения.

Все функциональные части этого комплекса предполагается связать между собой системой остекленных переходов и атриумов, располагающихся в разных уровнях и объединяющих все в единую систему, обеспечивая тем самым возможность непрерывного движения в границах теплового контура, что немаловажно в условиях сибирского климата.

Автор в ходе работы над данным дипломным проектом стремился показать, что сохранение историко-культурного наследия и масштабов исторической среды города, с одной стороны, и растущая урбанизация и понятное желание инвесторов извлечь максимальную прибыль в результате строительства, вкладывающих деньги в развитие территорий, с другой, – вещи, совсем не обязательно взаимоисключающие.

Представлены проекты международных команд – участниц 21-й проектной сессии Международного Байкальского зимнего градостроительного университета, посвященной редевелопменту малокомфортных районов города с высокой долей смешанной и производственной застройки. На примере благоустройства поселка Жилкино в Иркутске команды предложили новые идеи работы с застроенными территориями, которые могут быть реализованы не только для Жилкино, но и для других подобных районов по всему миру.

Подчеркивается значение редевелопмента неэффективно используемых территорий как скрытых ресурсов для развития города.

Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; редевелопмент; трансформация; депрессивные территории; сценарии городского развития; качество городской среды; городские исследования. /

The given materials present the projects of international teams that took part in the 21st session of the International Baikal Winter University of Town Planning Design devoted to redevelopment of uncomfortable city districts with a high share of mixed and industrial use. Studying the case of improvement of Zhilkiно settlement in Irkutsk, the teams proposed new ideas for dealing with built-up areas, which could be realized not only for Zhilkiно, but also for other similar districts around the world.

Redevelopment of ineffectively used territories as hidden resources for urban development is of crucial importance.

Keywords: International Baikal Winter University of Town Planning Design; redevelopment; transformation; depressive territories; urban development scenario; quality of urban environment; urban studies.

Зимник-2020: редевелопмент / Winter University 2020: Redevelopment

текст

**Екатерина Гладкова
Александра Кострубова /**

text

**Ekaterina Gladkova
Alexandra Kostrubova**

фото

Артем Моисеев /

photo

Artem Moiseyev

Организаторы

Администрация города
Иркутска

Иркутский национальный
исследовательский техни-
ческий университет

Презентациями финальных проектов команд 20 февраля в ИРНИТУ завершилась 21-я проектная сессия Международного Байкальского зимнего градостроительного университета (МБЗГУ), тема которой – «Редевелопмент малокомфортных районов города с высокой долей смешанной и производственной застройки».

МБЗГУ – первое ежегодное международное проектно-образовательное мероприятие в области архитектуры и градостроительства в России. Оригинальная методология работы, апробированная в течение 38 лет в разных странах мира, разработана на базе международных градостроительных мастерских Les Ateliers (г. Сержи-Понтуа, Франция), которые также являются со-основателями Зимнего Университета.

За 21 год работы Зимнего Университета выработана методология, суть которой состоит в создании образовательных конкурсных программ, позволяет искать подходы к решению самых актуальных проблем города и региона посредством работы междисциплинарных проектных команд, сформированных из молодых специалистов различных стран мира с учетом местной градостроительной политики и существующей ситуации.

В этом году в состав международных команд вошли 20 участников – студенты и молодые специалисты в области градостроительства, архитектуры, дизайна архитек-

турной среды, урбанистики, менеджмента из России, Германии, Франции, Австрии, Польши, Нидерландов, Китая, Индии, Швейцарии, Ливана, Египта и – впервые – из Ботсваны. Россия представлена участниками из Екатеринбурга, Красноярска, Санкт-Петербурга и Иркутска. Участники были выбраны на конкурсной основе; учитывались представленные портфолио, мотивационные письма и личный профессиональный опыт в работе с депрессивными территориями.

Научным руководителем (пилотом сессии) выступил Илья Токарев – архитектор, специалист в области территориального развития, стратегического консалтинга и аналитики, куратор и преподаватель программы УТРО в Архитектурной школе МАРШ г. Москва (Россия).

Техническое задание сессии было подготовлено совместно пилотом и оргкомитетом сессии, а за дальнейшей работой команд следили ассистенты – помощники пилота: градостроитель Валерия Габай (Базель, Швейцария), урбанист Алина Муратова (Санкт-Петербург, Россия), архитектор Сатьяджит Мал (Дели, Индия) и архитектор, градостроитель и исследователь Амр Мохамед Алкварари (Каир, Египет).

Тема нынешней сессии, разработанная научно-методическим советом МБЗГУ совместно с администрацией города Иркутска, становится все более актуальной.

По словам начальника управления архитектуры и градостроительства комитета по градостроительной политике администрации города Иркутска Куцаковой Олеси Юрьевны, в Иркутске дефицит территорий под новое строительство, следовательно, улучшение качества среды существующих жилых районов остается первоочередной задачей города. Найти механизмы ее улучшения – такая важная задача стояла перед участниками 21-й сессии Зимнего Университета.

Сессия началась с представления участниками своих домашних заданий, в которых они сделали краткий анализ и свое видение территории Жилкино, опираясь на опыт работы с депрессивными территориями в их странах. После этого их ждало распределение по командам, экскурсия на площадку проектирования и, конечно, первая рабочая неделя и первая защита. В первую неделю перед участниками выступили с лекциями локальные эксперты, а также приглашенный эксперт – архитектор и управляющий партнер ООО «Проектдевелопмент» Антон Шаталов, который представил проекты развития аналогичных территорий, выполненные данным бюро в Красноярске.

Промежуточные презентации команд проходили при участии экспертов, консультантов и членов профес-

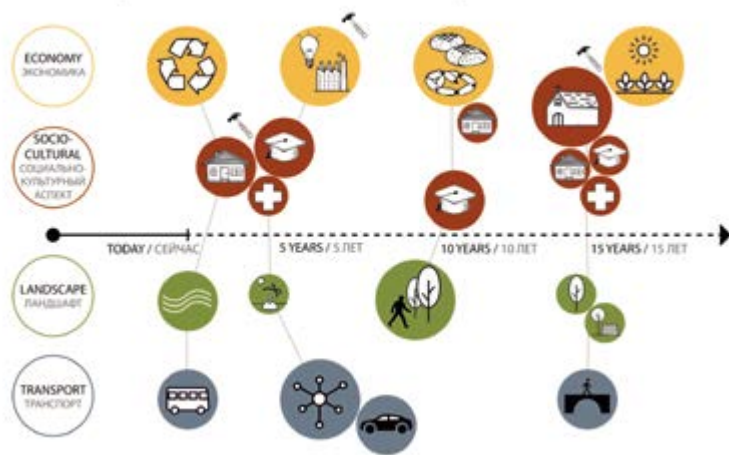
сионального сообщества города Иркутска. По традиции сессия Зимнего Университета завершилась поездкой на Байкал. На этот раз участники, международные эксперты и оргкомитет отправились в Большое Голоустное, чтобы насладиться величественными видами знаменитого на весь мир озера.

В рамках сессии состоялись лекции международных экспертов – членов жюри: Михаэля Кламера (Вена, Австрия), Томаса Ковари (Цюрих, Швейцария), Барбары Энгель (Карлсруэ, Германия), Елены Багиной (Екатеринбург, Россия), Александра Колесникова (Москва, Россия), а также членов ISOCARP – стратегической организации-партнера Зимнего Университета Александра Антонова (Москва, Россия) и Федора Кудрявцева (Москва, Россия).

На финальной презентации команды продемонстрировали свои исследования, проектные предложения на стадии «концепция» для перспективного развития поселка Жилкино. Всем членам жюри был роздан Документ № 3, который включает в себя данные о составе команд, подробный дневник сессии и сами проекты участников. Результаты работ сессии получили высокую экспертную оценку. Все материалы сессии будут переданы администрации города Иркутска для разработки ПЗЗ на территории поселка Жилкино.

Development Phases Этап развития

Описывается концепция редевелопмента неэффективно используемой территории поселка Жилкино для включения ее в городскую ткань Иркутска. Предлагается концепция, объединяющая экологический и экономический аспекты: строительство мусороперерабатывающего завода на основе циклической экономики. Концепция объединяет основные сферы: ландшафт, экономику, социально-культурный аспект и транспорт. Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; градостроительство; редевелопмент; трансформация; депрессивные территории; городские исследования; Иркутск; Эко-Жилкино. /

The concept was worked out for the redevelopment of ineffectively used territory of Zhilkin settlement to include it in the urban fabric of Irkutsk. The concept integrates ecological and economical aspects for building a rubbish recycling plant on the basis of circular economy. The concept embraces the basic fields: landscape; economy; socio-cultural aspect and transport.

Keywords: International Baikal Winter University of Town Planning Design; town planning; redevelopment; transformation; depressive territories; urban studies; Irkutsk; Eco-Zhilkin.

Команда А: «План на эко-Жилкино» / TEAM A: "Plan for eco-Zhilkin"

Ассистент:

Валерия Габай

Участники:

Мария Золотухина

Юлиус Вюрбах

Вероника Кожевникова

Чухуэй Ву

Ирэна Апра

Assistant:

Valeriia Gabai

Participants:

Mariia Zolotukhina

Julius Wuerbach

Veronika Kozhevnikova

Chuhui Wu

Irene Apra

Концепция

Объединив экологический и экономический аспекты, предлагается сделать Жилкино инновационной и динамичной частью Иркутска, основанной на принципах циклической экономики. Оба аспекта отражены в проектируемой социально-культурной инфраструктуре. Основная стратегия состоит в том, чтобы постоянно улучшать существующие элементы, формируя их на основе экологической направленности. Концепция объединяет четыре основные сферы: ландшафт, экономику, социально-культурный аспект и транспорт.

Проект

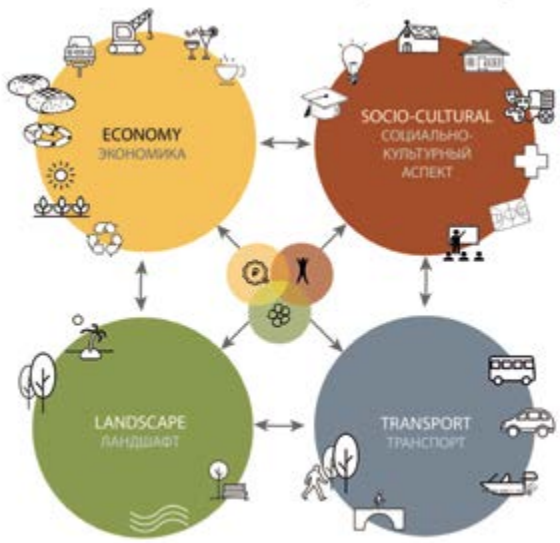
Предлагается бережное улучшение существующей инфраструктуры с эко-уклоном, сохранение большей части существующей застройки, часть из которой перепрофилируется под новые функции. Новые объекты: инновационный мусороперерабатывающий завод и производство из вторсырья, зеленые фермы, Иннопарк, общественный центр, районный рынок, развитая набережная, зеленый мост через ул. Олега Кошевого, новые жилые дома, школы, детские сады.

Жилкино имеет много возможностей благодаря ландшафту местности и связи с рекой. Чтобы повысить

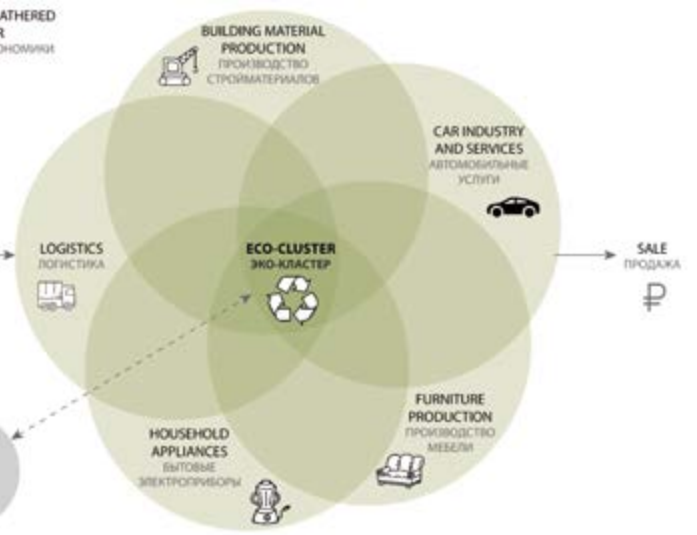
уровень жизни, предлагается улучшить пешеходные маршруты и зеленые зоны; существующая железная дорога могла бы стать «зеленым поясом», соединяющим

основные точки притяжения Жилкино и соседних районов. Предложено использовать болота в качестве системы удержания воды в случае затопления территории. Экономика Жилкино разнообразна и исторически основана на производстве. Объединение существующих отраслей в эко-кластер, используя существующую инфраструктуру и расширяя возможности местной экономики, сделает ее более продуктивной и инновационной. Уже существующие предприятия смогут использовать новые наработки от предлагаемого проектом «пилотного» завода по переработке пластика. Как небольшая исследовательская установка она будет механически перерабатывать пластик. В предлагаемом Иннопарке исследователи будут применять новые методы повторного использования и переработки пластика. Местная и региональная пластиковая промышленность выиграют от инноваций, сделанных в Жилкино. Иннопарк задуман как научно-образовательный центр, расположенный в реконструированных зданиях бывшего мясокомбината. Предлагаемый рынок, ориентированный на продажу местных продуктов, станет еще одним важным экономическим вкладом. Что касается социальных и культурных аспектов, предлагается создать культурный центр вдоль реки рядом с рынком и отреставрировать церковь.

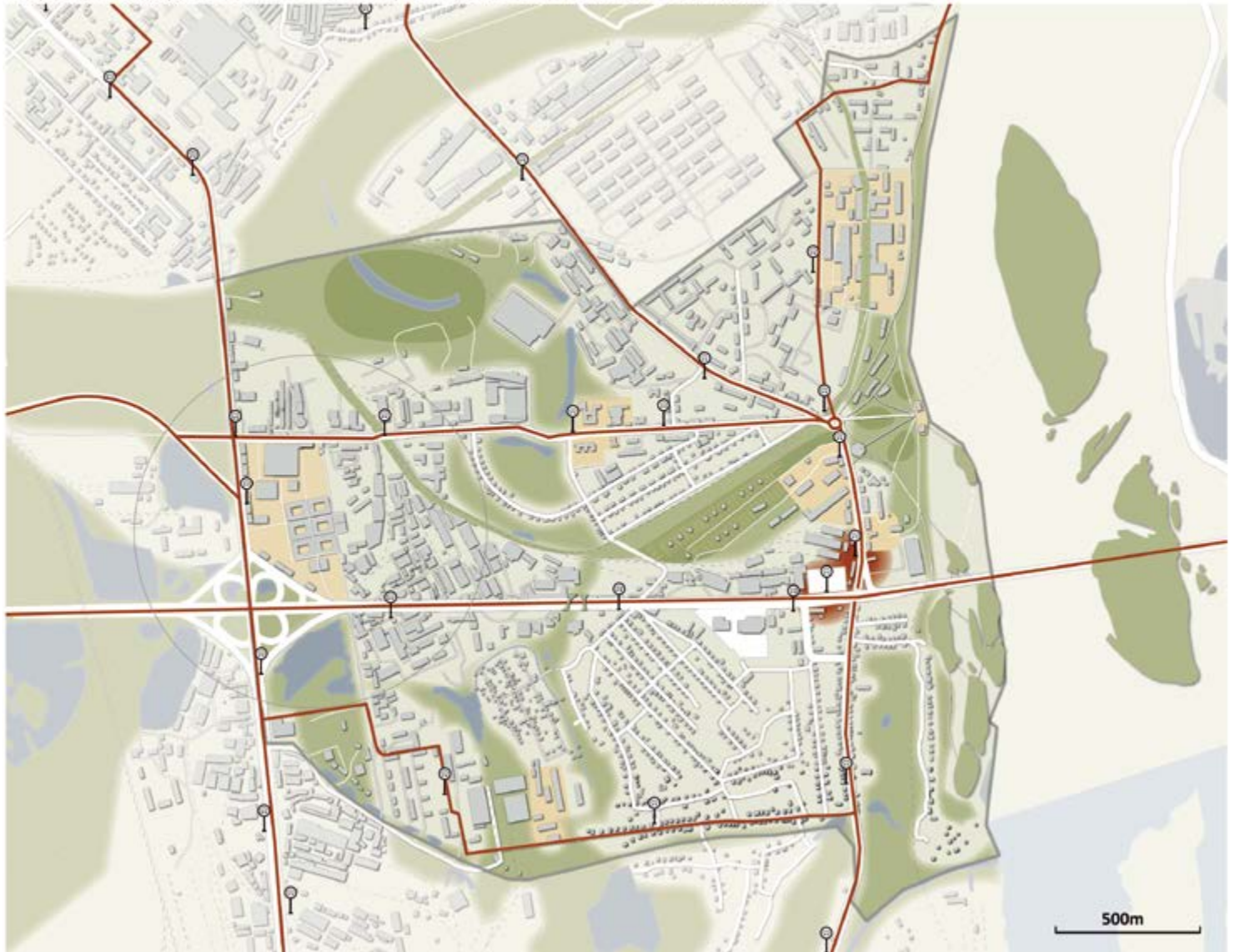
На противоположной стороне дороги в бывшем мукомольно-молочном комбинате, предлагается разместить музей пищевой и пластиковой промышленности, а также процессов переработки. Образование как главную функцию в истории Жилкино возможно улучшить за счет добавления классов при реконструкции существующей школы. Рядом с ней предлагается строительство исследовательского центра по экологии болот и обитающих на нем птиц. В существующем жилье предлагается провести капремонт, увеличить жилую площадь, а также улучшить жилищные условия за счет добавления социальных объектов. Транспорт рассматривается как вектор этих преобразований. Создание местного транспортного узла и расширение сети существующих автобусных линий улучшит связь с центром города.

MAIN ECONOMIES GATHERED
IN THE NEW CLUSTER
ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ ЭКОНОМИКИ
В НОВОМ КЛАСТЕРЕ

Proposed Masterplan функциональному зонированию и высотность застройки

Описывается концепция редевелопмента с точки зрения подхода, ориентированного на человека. Комплексное развитие предполагается по семи направлениям: социальная инфраструктура, торговая улица, зеленая зона, культурное наследие, образовательный центр, предпринимательская зона и транспортно-пешеходные связи. Описываются три срока реализации проекта. Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; градостроительство; редевелопмент; депрессивные территории; качество городской среды; Иркутск; поселок Жилкино; подход, ориентированный на человека. /

The redevelopment concept is described in terms of a human-oriented approach. The complex development is supposed to be in seven directions: social infrastructure, trading street, green area; cultural heritage, educational center, business area and vehicular and pedestrian links. Three stages of project realization are described.

Keywords: International Baikal Winter University of Town Planning Design; town planning; redevelopment; depressive territories; quality of urban environment; Irkutsk; Zhilkiно settlement; human-oriented approach.

Команда Б: «Пасификсити» / TEAM B: "Pathificity"

тельные территории Жилкино. Новый прямой автобусный маршрут до вокзала «Сортировочный», с которого туристы могут отправиться на Байкал; еще один маршрут до центра города, а третий – до аэропорта. Кроме того, проектом предлагается организовать эко-автобусы. Компания «Эко-автобус» сможет воспользоваться низкой стоимостью земли в Жилкино и разместить автобусный парк. Интеграция новой троллейбусной линии внутри района в основном зависит от существующего плана города.

Социальная инфраструктура

Предлагается реконструкция старого районного центра и превращения его в главное место встречи с возможностью проведения различных мероприятий. Собрания общественности станут отправной точкой для многих направлений деятельности. В сотрудничестве с муниципалитетами может быть разработана политика, направленная на поощрение использования пустующих земель для строительства местных магазинов с целью повышения уровня социальных услуг на данной территории и обеспечения нового источника дохода для местных жителей.

Экология

Предлагается создать единую сеть каналов, деревянных троп и смотровых площадок, которые позволят горожанам прогуливаться вдоль каналов и наслаждаться новым городским ландшафтом. Новые деревянные беседки будут созданы в качестве центров для проведения мероприятий и неформального образования. Кроме того, к этой структуре предлагается подключить новый исследовательский центр, созданный в сотрудничестве с вузами Иркутска, специализирующимися на экологии и возобновляемых источниках энергии. Такой исследовательский центр привлечет в Жилкино студентов и молодых специалистов. Создание экспериментальной электростанции, которая будет вырабатывать энергию из растений болотистой местности и способна сделать экологический парк автономным. В зимнее время года на заболоченных территориях может быть создан новый крытый холл. Это пространство может использоваться для проведения мероприятий.

Ассистент:

Алина Муратова

Участники:

Андреа Линсян Ма

Хамад Шокр

Давид Челала

Шахзад Ахмед Малик

Полина Развозжаева

Assistant:

Alina Muratova

Participants:

Andrea Linxiang Ma

Hamad Shokr

David Chelala

Shahzad Ahmed Malik

Polina Razvozhayeva

Концепция

В ходе исследования были выбраны семь драйверов территории района: транспорт, социальная инфраструктура, улица Олега Кошевого, экология, культурное наследие, образование и бизнес.

Проект

Все проектные решения связаны пешеходной сетью вдоль водных каналов, которые помогут объединить разрушенную городскую ткань в единое целое, пронизывая разные эпохи Жилкино. Предлагаемый план развития направлен на максимальное использование местных ресурсов, уже существующих в Жилкино.

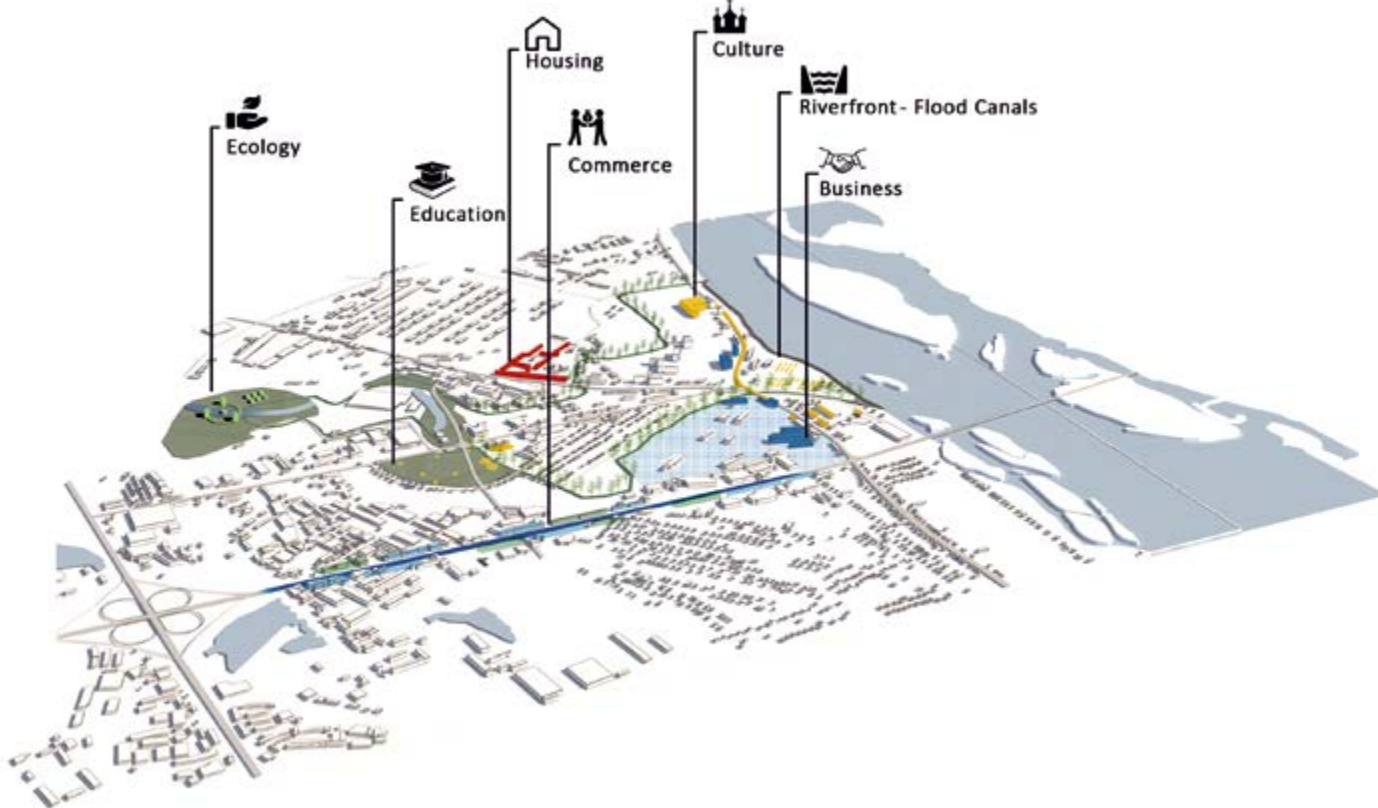
3-летний план «Строительство сообщества».

7-летний план «Инвестиционная готовность».

15-летний план «Непрерывное развитие».

Транспорт

Создание новых пешеходных маршрутов в Жилкино. Такая инициатива будет осуществляться в сотрудничестве с муниципалитетом и представителями местного сообщества. Проведение реконструкции существующих автобусных остановок. Внесение изменения в существующие автобусные линии, чтобы они могли охватить дополни-

Образование

План развития направлен на превращение уже существующей в Жилкино школы для людей с ограниченными возможностями в центр, обслуживающий людей с ограниченными возможностями. Трехлетний план направлен на превращение болотистой местности рядом со школой в первое общественное пространство, парковая территория которого предназначена не только для людей с ограниченными возможностями, но и всего населения. Внешний периметр парка будет использоваться для торговых киосков и других услуг. 7-летний план предусматривает использование улучшенной транспортной системы для привлечения в школу людей с особыми потребностями путем обеспечения специальной школы недостающей инфраструктурой. Кроме того, план предусматривает создание уникального спортивного центра. И, наконец, благодаря участию общественности и частного сектора, весь парк рядом со школой может быть приспособлен к потребностям людей с особыми возможностями. 15-летний план предусматривает расширение старой школы в соответствии с увеличением плотности района.

Бизнес

Территория имеет уникальную ценность, так как на ней находятся четыре нефункционирующих завода. Эти неиспользуемые заводы могут стать важными факторами для экономического развития Жилкино. Зброшенный мукомольный завод предлагается подвергнуть трансформации по превращению его в инкубационный и акселераторный центр для малого бизнеса. Еще одна заброшенная фабрика будет преобразована в IT-центр, где предприятия, связанные с информационными технологиями, смогут использовать пространство и техническую инфраструктуру на территории предприятия для модернизации своего бизнеса. Самое главное, что основными заинтересованными сторонами являются владельцы малого бизнеса, которые будут финансировать операционные издержки проведения интервенции на протяжении всего срока действия плана.

Улица Олега Кошевого

Вдоль улицы планируется озеленение с целью защиты пешеходов от автомобильного движения. Кроме того,

будут построены новые пешеходные переходы, обеспечивающие удобство передвижения и повышение мобильности. Предлагается процесс изменения и унификации фасадов вдоль дороги, чтобы придать автомагистрали новую идентичность.

Проектом предусмотрен снос некоторых зданий вдоль автомагистрали. Свободные территории предлагается использовать для новых видов деятельности. На более позднем этапе предлагается привлечь частные инвестиции для фасадных работ.

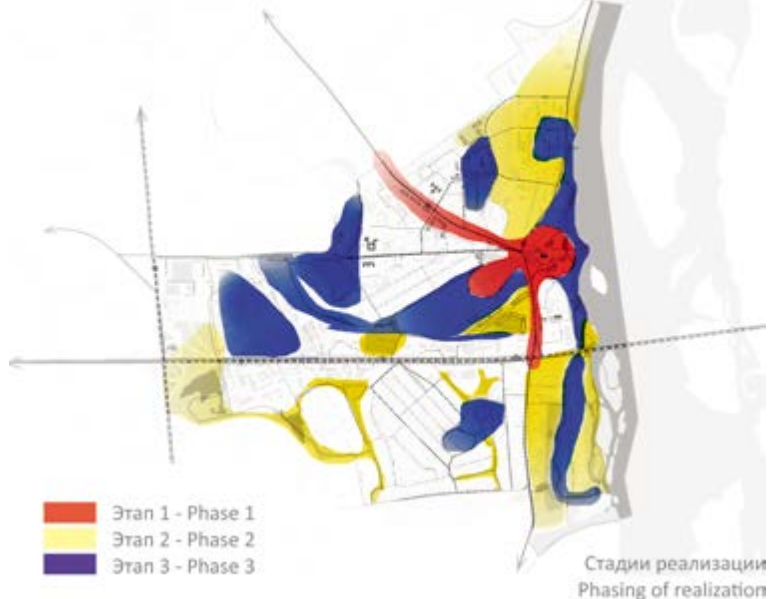
Туризм

Основное внимание будет уделено ребрендингу и маркетингу Жилкино. Затем в исторических местах начнется реконструкция интерьеров исторических зданий. Это будет сопровождаться созданием нового променада на набережной. Школа будет отремонтирована и превращена в новый музей, где посетители смогут познакомиться с мифами и легендами об озере Байкал. Для размещения большого количества туристов будет проведена реставрация старой исторической первой гостиницы. Деревянные домики рядом с исторической зоной предлагается отремонтировать и превратить в уникальное жилье для туристов. Зброшенный мясоперерабатывающий комбинат, построенный из камней старой церкви, подвергнется архитектурной трансформации, превратившись в новый культурный центр и музей, выражающий художественные ценности Восточной Сибири. После завершения строительства этот туристический район пригласит своего посетителя на историческую прогулку, которая начнется с церкви семнадцатого века, затем перейдет к советской эпохе через экстерьер мясного комбината, и, наконец, завершит путешествие выставкой современного искусства в интерьере мясного комбината.

Сеть каналов

Территория Жилкино имеет естественный защитный механизм от затоплений – болото, которое действует как губка для впитывания воды. Оттуда предлагается построить два паводковых канала, связывающих реку с болотами; таким образом, весь район объединен, и риск наводнений будет устранен.

Концепция редевелопмента неэффективно используемой территории поселка Жилкино направлена на возрождение его идентичности, основанной на инновационных технологиях лесоперерабатывающей и пищевой промышленности, а также на улучшении качества водной системы.

Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; градостроительство; редевелопмент; трансформация; сценарии городского развития; городские исследования; Иркутск; поселок Жилкино; идентичность. /

The redevelopment concept of the ineffectively used territory of Zhilkino settlement is aimed at revitalization of its identity based on innovative technologies of wood and food industry, as well as improvement of the quality of water system.

Keywords: International Baikal Winter University of Town Planning Design; town planning; redevelopment; transformation; urban development scenarios; urban studies; Irkutsk; Zhilkino settlement; identity.

Команда С: «Ре-Жилкино» / TEAM C: "Re-Zhilkino"

Концепция

Использовать заброшенную промышленность для создания «зеленого» промышленного центра смешанного использования, объединить его с жилищным строительством, увеличив площадь.

Адаптивное повторное использование существующей структуры смешанного назначения откроет возможности для инвестиций. Создание «водно-зеленой» сети:

- на региональном уровне улучшит качество водной системы реки, болот, уровня грунтовых вод и качества воды в целом; снизит риск наводнений и улучшит экологическую обстановку в районе;

- на местном уровне поможет улучшить качество жизни, предоставляя больше открытого пространства: игровые площадки, парки, зеленые насаждения и т. д.

Добавление удобной пешеходной системы, способствует улучшению пешеходной активности, а также изменит взгляд людей на набережную и окружающую природу. Сбалансированная работа всех элементов благодаря связности создает единую поддерживаемую сеть, которая станет основой для будущих преобразований.

Проект

Проект представлен 3-мя этапами: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный. Выстраивая стратегию на 25 лет, предлагается начать преобразования с центрального узла, создавая общественное пространство в сочетании с качественной инфраструктурой. Используя стратегию привлечения внимания, возможно улучшить общее качество района. Редизайн улицы Воровского улучшит связь с городом. Первый этап предполагает также начало промышленной трансформации, ориентированной на комплексное производство древесины. Эти меры, поддерживаемые государственным финансированием, привлекут разработчиков для второго этапа, который включает в себя уплотнение городской застройки и последующую трансформацию отрасли. Сотрудничество частных застройщиков с муниципалитетом позволит внедрить Инновационный центр лесной промышленности. Последний этап содержит трамвайную линию, отраженную в Генеральном плане города, и перепланировку улиц. Планируется построить офисы и административное здание,

Ассистент:

Сатьяджит Мал

Участники:

Анна Климчак
Тато Мотлхапин
Анастасия Чиченкова
Вероника Фомина
Меннаталла Хамди Азиз

Assistant:

Satyajit Mal

Participants:

Anna Klimczak
Thato Motlhaping
Anastasiia Chichenkova
Veronika Fomina
Mennatallah Hamdy Aziz

Инструменты

- Отметить ценность промышленной истории района Жилкино, не нарушая при этом структуру сообщества.

- Повторно использовать здания заброшенных мукомольного завода и мясокомбината.

- Отметить важность продовольственной экономики и превратить ее в более инклюзивную, экологичную и экономически разнообразную.

- Расширить существующую лесную промышленность от простой лесозаготовки для продажи и экспорта (сырья) до центра переработки древесины в строительные материалы, энергию и другие изделия из древесины.

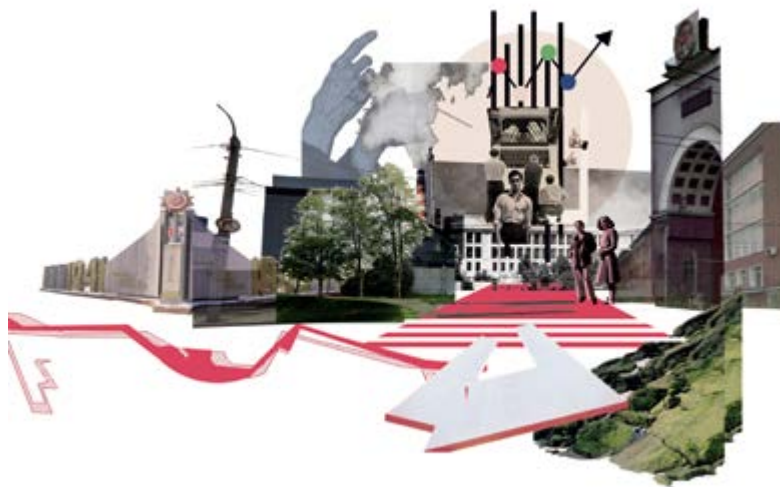
- Адаптировать здание старого мясокомбината в инновационный центр лесной промышленности.

- Создать возможности для экологически чистой промышленности: информационно-технологических отраслей, исследовательских офисов.

- Опираясь на образовательную идентичность, создать новую профессионально-техническую школу, которая поможет местным жителям адаптироваться к изменениям отрасли; построить уникальный образовательный центр лесной промышленности.

Главная площадь
Main plaza

Инновационный центр Лесной промышленности
Innovation center Wood industry

принимая во внимание, что промышленная трансформация может быть длительным процессом.

Финансирование

Помимо бюджетов муниципалитетов и инвестиций местных застройщиков, командой был представлен список федеральных программ, которые могут способствовать реализации. Этап 1: Минстрой РФ «Гранты на формирование комфортной городской среды (благоустройство муниципальных территорий)»; Министерство промышленности и торговли РФ «Гранты на народное искусство и ремесла». Этап 2 и 3: Министерство экономического развития РФ «Субсидии бюджетам субъектов РФ на государственную

поддержку малого и среднего предпринимательства»; Министерство промышленности и торговли РФ а) «Модернизация объектов лесоперерабатывающей инфраструктуры, включая переработку древесных отходов, в том числе для целей биоэнергетики, с минимальными капитальными вложениями не менее 2 млрд. рублей»; в) Гранты регионам на создание индустриальных парков и технопарков; фонды развития промышленности - Программа льготного кредитования «Проекты Развития». Льготное кредитное софинансирование предусмотрено для проектов, направленных на импортозамещение и производство конкурентоспособной гражданской продукции.

Схема генерального плана
Overall masterplan

Концепция редевелопмента неэффективно используемой территории поселка Жилкино заключается в развитии общественных центров района как важного ресурса для оживления территории. Предлагается идея участвующего проектирования в преобразовании поселка.

Ключевые слова: Международный Байкальский зимний градостроительный университет; градостроительство; редевелопмент; трансформация; Иркутск; поселок Жилкино; общественные пространства. /

The redevelopment concept of the ineffectively used territory of Zhilkino settlement is focused on the development of public centers in the district as a key resource for revitalization of the territory. The idea of participatory design is proposed for the settlement transformation.

Keywords: International Baikal Winter University of Town Planning Design; town planning; redevelopment; transformation; Irkutsk; Zhilkino settlement; public spaces.

Команда Д: «Жилкино – Сердце шести городов» / TEAM D: "Zhilkino – The heart of the six cities"

Ассистент:
Амр Мохамед Алкамари
Участники:
Ая Магди
Штефан Шафер
Омар Разин
Тимур Дашиев
Дарья Волохова
Assistant:
Amr Mohamed Alqamary
Participants:
Aya Magdy
Stefan Schaefer
Omar Razin
Timur Dashiev
Daria Volohova

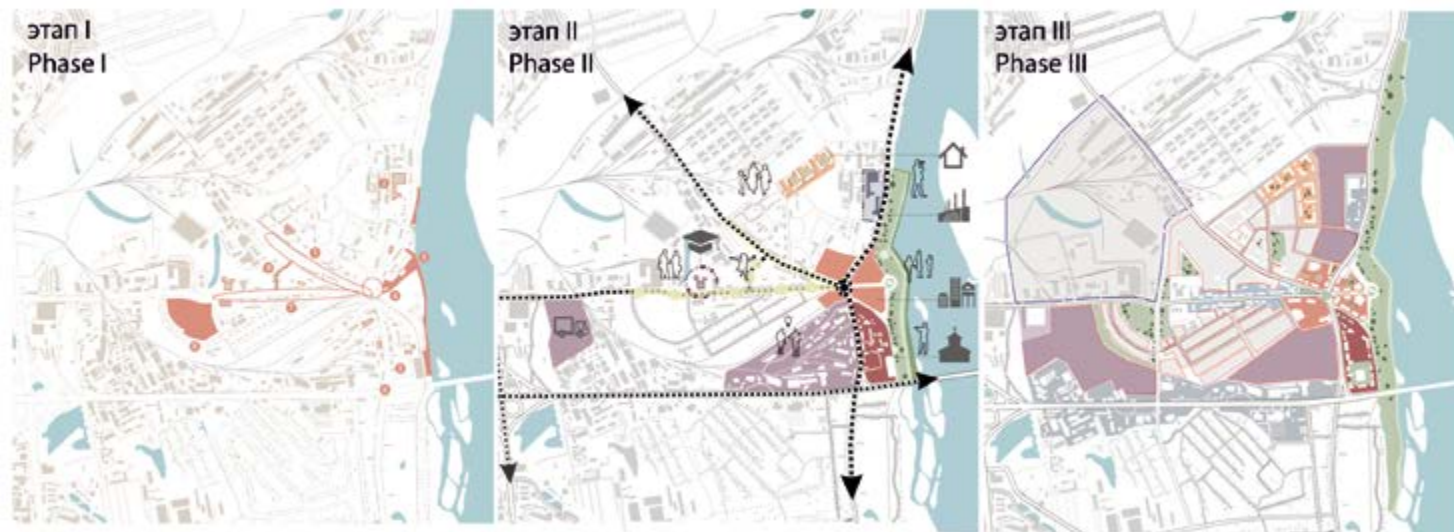
Концепция
Идея команды заключается в развитии общественных центров района как важного ресурса для оживления территории. Разнообразие зон и наличие свободного пространства наравне с различными типами жилья и бизнес-единиц дают возможность группам населения с различным уровнем дохода и предприятиям различного масштаба инвестировать в Жилкино, чтобы сформировать городскую структуру, которая сможет быть интегрирована в городскую систему Иркутска.

Проект
На 1 этапе горожане являются главной целевой аудиторией, и уже существующая социальная инфраструктура используется для того, чтобы установить контакт с горожанами и услышать их просьбы и ориентироваться на них на последующих этапах. Временные тактические интервенции предлагается осуществлять в общественных местах. Эти интервенции могли бы представлять собой выставки для горожан, расположенные вдоль улицы с целью поделиться своим видением района; они могут также выступать в качестве зон отдыха. Эти интервенции помогут связать существующую социальную инфра-

структуру с набережной. Таким образом, на частично доступной набережной станут возникать точки притяжения: кафе вдоль променада, которые послужат толчком к оживлению набережной. Территорию вокруг монастыря предлагается использовать как площадку для проведения различных мероприятий, а также соединить ее с набережной. Промышленные памятники в этом районе могут стать частью фестиваля огня и будут функционировать как световые дома, которые ознаменуют начало реконструкции Жилкино. Для материального обеспечения интервенций и мероприятий в этом районе финансирование будет осуществляться местными предприятиями, а также путем получения льгот, субсидий и программ финансирования со стороны муниципалитета.

2-й этап фокусируется на развитии идей граждан и проведении переговоров с собственниками и нынешними арендаторами земель; речь идет о промышленных и крупных торговых предприятиях. Наряду с созданием сетевой структуры среди заинтересованных сторон, предполагается дальнейшее развитие набережной. Проектом предлагается строительство технической инфраструктуры для защиты территории от возможных наводнений,

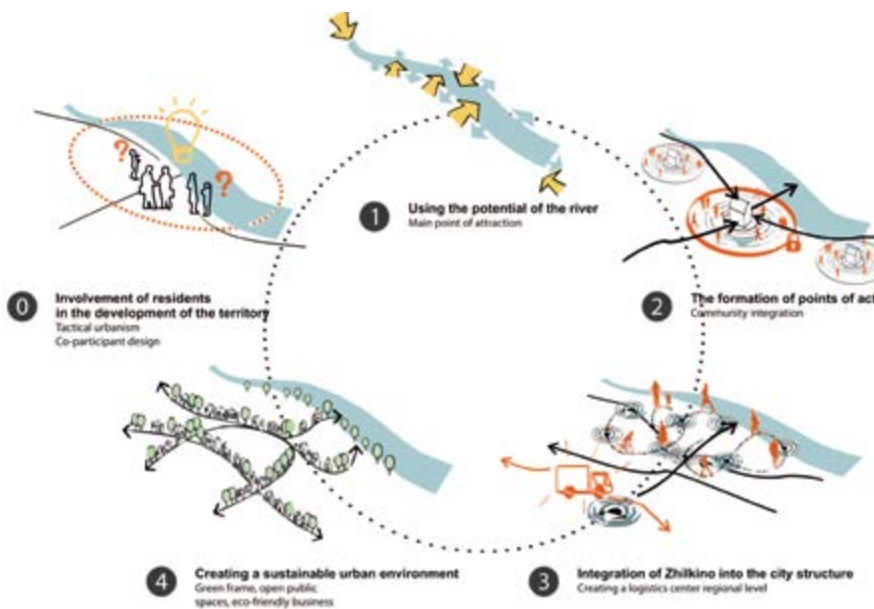
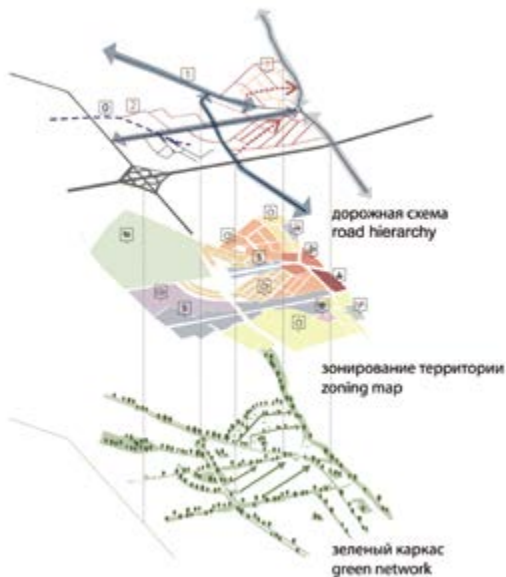

проведение реструктуризации территории и реализации части пешеходной и велосипедной сетей. Создание календаря мероприятий и проведение мероприятий согласно ему, таких, как посещение предприятий, встречи и прогулки с экспертами выявят правильные решения и побудят инвесторов начать активную деятельность в Жилкино. Параллельно предлагается начать переговоры с собственниками жилья на тему будущего потенциала развития и возможного переселения.

На 3 этапе основное внимание предлагается уделить руководству и политике дальнейшего развития. Это включает в себя изменения в регулировании работы предприятий и промышленности, а также модификацию жилых районов, необходимую для достижения целей, представленных в проекте. Предлагается развитие набережной как связующего звена с другими районами; особое внимание предлагается уделить развитию пешеходных и велосипедных связей. Вокруг центральной точки набережной планируется реконструировать кольцевую развязку, а рядом с ней построить новый общественно рекреационный центр, который будет выполнять множество функций, повышая уровень социальной инфраструктуры.

На 4 этапе произойдут наиболее масштабные изменения в районе. Он проявит заявленный проект и приведет к новым функциям и распределению жилых зон. Существующие постройки предлагается заменить новыми или реконструировать и модернизировать в соответствии с потребностями жителей. Вместе с планами восстановления/реконструкции жителям представляются финансовые схемы. Различные зоны включают в себя различные стратегии развития, а также различные типологии, за счет чего сформируются социальные структуры. Прочные связи между инвесторами создадут мощное сообщество, и вместе с сетью общественных территорий Жилкино станет жизненно важной частью города, которая привлечет горожан с различным уровнем доходов, а также различные типы и масштабы бизнеса. Новые дороги улучшат связь между северной и южной частями района, а также улучшится связь с центром города. Новые автобусные маршруты, которые будут оправданы сильным и растущим сообществом, обеспечат доступность общественного транспорта и сократят время в пути.

Результаты студенческого конкурса (2019, Китай) рассматриваются с использованием методов понятийно-терминологического анализа конкурсного задания и пояснительных текстов к нескольким проектам, выборочного анкетного опроса финалистов, обзора современных литературных источников, посвященных конкурсному проектированию. Показано отношение к конкурсному проектированию как неустранимой составляющей современной архитектурной практики за рубежом. Сделан вывод о необходимости порождения устойчивой традиции концептуального конкурсного проектирования в России.

Ключевые слова: архитектурный концептуальный конкурс; архитектурное образование; понятийно-терминологический анализ; анкетный метод./

The results of the Student Competition held in China in 2019 are viewed with the use of methods of conceptual and terminological analysis of the competition task and the explanatory texts of some of the projects, a selective questionnaire survey of the finalists, a review of contemporary literary sources devoted to competitive designing. The article shows the attitude to the competitive design as an integral part of the contemporary architectural practices in foreign countries. In conclusion, the necessity of a stable tradition of conceptual competitive designing in Russia is underlined.

Keywords: architectural conceptual competition; architectural education; conceptual and terminological analysis; questionnaire method.

Студенческий архитектурный конкурс идей: UIA-HYP CUP 2019 / Student Conceptual Competition in Architectural Design

ТЕКСТ

Александр Таслунов
Константин Кияненко /
text
Alexander Taslunov
Konstantin Kiyanenko

Замечательный мастер Ральф Эрскин однажды очень убедительно выразился по поводу важности концептуального компонента вообще и в архитектуре в частности. Вот его слова: «Поскольку современный мир в значительной степени создан путем манипулирования абстрактными концепциями, – те, для кого эти концепции чужие, станут подчиненными, а те, кто сможет работать с идеями, станут у руля – будь то политики, профсоюзные лидеры, технари, бизнесмены или архитекторы» [1, с. 191]. За три десятка лет, прошедших со времен этого высказывания, его справедливость только возросла. Архитектурное образование, как и в целом профессиональная сфера, претерпевают значительные изменения, и существенное содержание перемен – это многократное умножение роли концептуального мышления. В значительной степени его развитию способствует особая форма архитектурной работы – концептуальное конкурсное проектирование. В качестве примера такого рода можно принять международный студенческий архитектурный конкурс UIA-HYP CUP 2019, который спровоцировал эту статью¹. Поднимая важные для профессии вопросы, обсуждение этого конкурса может выйти за информационные пределы самого события. Кроме того, и сам по себе конкурс интересен, а освещение основных его результатов, анализ работ финалистов могут быть полезны для участников будущих раундов данного и других творческих состязаний. Для ответов на интересующие авторов вопросы помимо повествовательного обзора конкурса был проведен анкетный опрос финалистов конкурса, а также понятийно-терминологический анализ конкурсного задания и пояснительных текстов финалистов к собственным работам.

1 Результаты исследования

1.1 История конкурса

Свою историю UIA-HYP CUP ведет с 2012 года. Учредителями и организаторами конкурса с тех пор являются Школа архитектуры Университета Тяньзиня и журнал «Дизайн городской среды» (UED), генеральным партнером выступает UIA – Международный союз архитекторов. Имя конкурсу дал спонсор – проектная фирма HYP-ARCH Design, Шанхай². Этот альянс профессионального союза архитекторов, академической архитектурной школы,

архитектурного периодического издания и архитектурно-проектного бизнеса как инициаторов, организаторов и спонсоров концептуального конкурса кажется нам при мером, заслуживающим самого пристального внимания.

За восемь лет существования участники конкурса смогли через свои проекты пообщаться с такими мэтрами мировой архитектуры, как Бернар Чуми (председатель жюри 2016), Даниэль Либескинд (2014), Патрик Шумахер (2018), Жан Нувель (2017) и др. Особенностью конкурса является то, что его основной девиз «Архитектура в процессе трансформации», заявленный в 2012 году, остается неизменным, смещается лишь конкретный фокус, задаваемый всякий раз новым председателем жюри. Например, в 2016 году Бернар Чуми обозначил конкурсное задание как «Концепция и Обозначение», а одним из его комментариев к заданию было: «Велосипедный сарай с концепцией – это архитектура, а сбор без нее – нет». О концептуальном характере конкурса говорит не только озвученный девиз и тематический фокус, но и постановка проектной задачи, не регламентирующей ни места, ни функциональной типологии объектов, всякий раз оставляя данный выбор на усмотрение участников. Для организаторов важны идеи, и конкурсные задания отсылают участников к поиску ответов на фундаментальные вопросы архитектурной теории и современной жизни.

Пока соотношение китайских и иностранных участников конкурса различается. Это, как принято говорить в спорте, скорее «национальный китайский чемпионат с иностранным участием», чем полноценный «чемпионат мира». Но несмотря на то, что конкурс изначально ориентирован на китайских студентов, он привлекает все большее количество участников из-за рубежа. В последние годы в их числе появляются и представители российских школ. В 2019 году почетной грамотой была награждена команда из МАРХИ/МАРШ (Полина Васина и Галина Казими), а команда из Вологодского государственного университета (Александр Таслунов и Иван Крутиков) вошла в шорт-лист конкурса наравне с иностранными командами из Pratt Institute School of Architecture (США), Umeå School of Architecture (Швеция), The Università della Svizzera Italiana (Швейцария) и др.

1. Полное название рассматриваемого события – «Кубок Международного союза архитекторов и фирмы HYP – Международный студенческий конкурс по архитектурному проектированию» (UIA-HYP Cup International Student Competition in Architectural Design)

2. Проектная фирма HYP-ARCH Architectural Design Consultants Co., Ltd. Основана в 2003 г., в ней около трехсот сотрудников, она член альянса инновационных BIM технологий. Занимается проектированием жилых и общественных зданий, реконструкцией городов, интерьерами, а также предоставляет консультационные услуги начинающим компаниям-девелоперам

^ Рис. 1. Комитет жюри конкурса в 2019 году под руководством Бенедетты Тальябуэ (в центре)

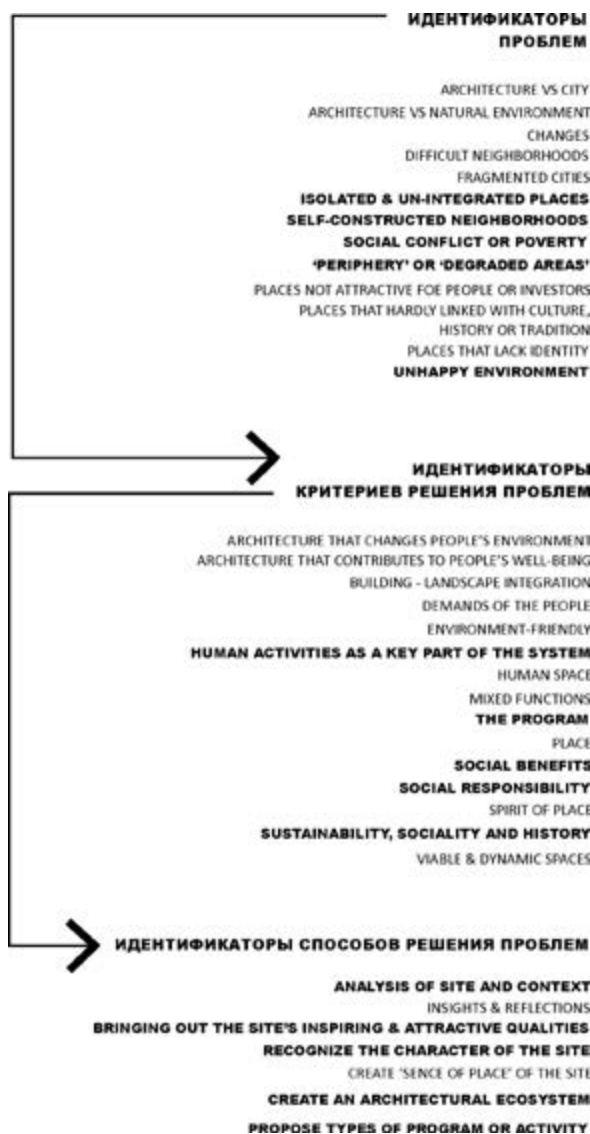
1.2 UIA-HYP CUP 2019

В 2019 году комитет конкурса под руководством испанского архитектора Бенедетты Тальябуэ³ (рис. 1) в рамках все того же общего девиза обозначил тему конкурсного задания как «Счастливые пространства – интеграция архитектуры и ландшафта»⁴. Суть проектного задания заключалась в том, чтобы выбрать деградированные территории в любой точке мира, предпочтительно на периферии городов, и с помощью «счастливой архитектуры» создать «счастливые пространства». Как было обозначено в брифе, «сделать счастливое здание в частливой среде не так уж сложно, достаточно просто пустить окружающую среду внутрь архитектуры, а вот решить более сложную задачу, сделать из «несчастливой» среды «счастливую» с помощью архитектуры» и предстояло участникам конкурса⁵.

В 2019 году конкурс пользовался очевидным успехом, как показало исследование – не в последнюю очередь благодаря вызвавшей большой интерес теме. Международное жюри, в состав которого вошли пятнадцать архитекторов из разных стран, отобрало в финал 72 проекта из 877, а всего было прислано более трех тысяч работ. Для сравнения, в 2012 году жюри отобрало 33 проекта из 321 присланных.

Как была задана проблематика конкурсного задания? К чему привлечена творческая энергия участников и какие аспекты темы вызвали их интерес? Для ответа на эти вопросы был предпринят понятийно-терминологический анализ конкурсного задания и авторских пояснительных текстов к проектам. Сначала из текста задания были выбраны слова и фразы, описывающие принципиальные установки конкурса. Далее они сгруппированы в три семантических кластера понятий: идентификаторы решаемых проблем, идентификаторы критериев решения проблем и идентификаторы способов решения проблем (рис. 2).

Очевидна смысловая связь между тремя группами понятий. Констатация проблем предопределяет критерии оценки проектов как концепций решения проблем, а те, в свою очередь, подсказывают пути от проблем к проектным предложениям⁶. Данная связь между концепциями и проблемами требует специального акцента, так как еще нередко встречается отношение к концепциям

^ Рис. 2. Анализ ключевых слов конкурсного задания

3. Бенедетта Тальябуэ – одна из международно признанных женщин-архитекторов. Родилась в Милане, окончила Университет архитектуры Венеции (Istituto Universitario di Architettura di Venezia – IUAV) работает в Испании, преподает в Высшей технической школе архитектуры Барселоны (Escola Tècnica Superior d'Arquitectura de Barcelona). Была партнером архитектора Энрика Миралеса по фирме EMBT, автор многих известных зданий в Европе (вкл. здания парламента Шотландии в Эдинбурге, городского совета в Утрехте, музыкальной школы в Гамбурге и др.)

4. В число соорганизаторов конкурса 2019 г. вошли Школа архитектуры университета Цинхуа (Пекин), Колледж архитектуры и градостроения университета Тунци (Шанхай), школа архитектуры Юго-восточного университета Китая (Нанкин), Школа архитектуры Южного Китайского технологического университета (Гуанчжоу), Школа архитектуры Сианьского университета Архитектуры и технологий (Сиань), Факультет архитектуры и градостроения Чунцинского университета (Чунцин), Школа архитектуры Харбинского технологического института (Харбин). Еще тридцать китайских университетов выступили «поддерживающими» организациями. Медийное сопровождение конкурса обеспечивали, в числе прочих, DOMUS, AT (Architecture Technique), Design Community, китайская версия A+U, Architecture and Detail и др. Таков масштаб события

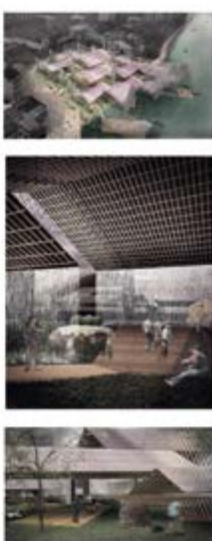
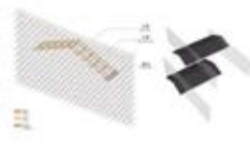
5. См.: <https://competitions.org/2019/03/uia-hyp-cup-2019-international-student-competition/>

Проект «Жизнь в тумане» (Living in fog), Ruoyu Wu (на фото), Liu Yaojia, Xin Zhiyuan (КНР)

Мы выбрали сеть в качестве главной отправной точки проекта, потому что сеть может стать своего рода структурой здания со слабой формой. С одной стороны, сеть позволяет проникать дыму и дождю, растениям и свету. С другой стороны, пространство, создаваемое сетью слой за слоем, может пробудить в подсознании людей эмоции от туманного дождя, здесь нет границы между архитектурой и природой.

Вы можете часто наслаждаться туманной сценой дыма и дождя на окраине города. Это типичная сцена в районе Хунань. Мы стараемся найти связь между природным ландшафтом и архитектурой в живописи, потому что такой мир содержит не только объективные вещи, но и эмоции людей. На картине «Сосны» художника Ми Юрена изображена туманная и дождливая сцена на берегах реки Янцзы. Туман и влажность повсюду вокруг. Жилыца уединены в ландшафтной среде, там нет конфликта с природой, и нет границы между человеком, архитектурой и природой. С одной стороны, для предотвращения влаги и коррозии местные традиционные деревянные здания должны выражать свою «устойчивость» к естественным неблагоприятным условиям, с другой стороны, в эмоциональном мире людей (мире в живописи) они выражают сильную интеграцию природного ландшафта (дым и дождь) людей и здания.

▲ Рис. 3. Анализ ключевых слов проекта Ruoyu Wu, Liu Yaojia, Xin Zhiyuan

Проект «Курск», авторы Полина Васина, Галина Казими (Россия)

русско, так как будет значительным изменением городской ткани Курска. Сердце территории - библиотека, она как бы вырастает из реконструируемой фабрики. Используемый при строительстве библиотеки материал такой же, как и в фабричных корпусах, но форма радикально отличается от существующих зданий. Библиотека покоится на скульптурной артефакт.

Курск, как и многие промышленные города России, находится в состоянии кризиса: исторический центр слой за слоем обрывает трущобы спальных районов. Ткань города разрастается неравномерно и агрессивно по отношению к жилым перифериям. В то же время центр города не способен вместить все необходимое для устойчивого развития функций. Чтобы изменить негативный вектор развития города мы предлагаем стратегию децентрализации. Место нашего проектирования - заброшенный металлургический завод, основанный в 1949 году. Мы предлагаем проект реконструкции, его новое функциональное культурное назначение. Территория становится точкой начала культурного развития города. Мы считаем, что проект реконструкция будет не только «счастливым местом» сам по себе, но и запустит жизнь вокруг в более позитивное

Заходя внутрь, человек попадает в пространство, над которым нависла бетонная чаша-амфитеатр. Плотность и мее с первого взгляда невозможно. Вальс ступ, как вальс эстонца, паримся пережить, образуя ступенчатый ландшафт. По его периметру расположены высокие полки. Нависающая железная гряда, ограждает от света мира снаружи и служит проходом в иные миры. Человек оказывается в шипоте матиссонов.

▲ Рис. 4. Анализ ключевых слов проекта П. Васиной, Г. Казими

6. Жирным шрифтом выделены понятия, принятые авторами статьи в качестве опорных для разработки собственной концепции для этого конкурса

7. Красным цветом выделены слова-идентификаторы проблемы, синим – слова-идентификаторы критериев решения, зеленым – слова-идентификаторы способа решения

как к продукту отвлеченного, чаще всего формального, изобретательства, чего явно удалось избежать финалистам и призерам конкурса.

Основной вывод из анализа ключевых понятий таков. Устроители конкурса открыто выразили свои социальные-средовые, экологические и феноменологические приоритеты. В числе проблем выделены: «трудные» и «самопостроенные» соседства; «фрагментированные города»; «изолированные» и «деинтегрированные» места; «деградированные периферийные» зоны; «социальные конфликты и бедность»; места, «оторванные от культуры, истории и традиций», «лишенные идентичности» – в общем, «несчастливые места». Для решения обозначенных проблем участников конкурса ориентировали на «архитектуру, которая меняет человеческую среду», «вносит вклад в благополучие людей», на «интеграцию зданий и ландшафтов», учет «потребностей людей», внимание к «человеческой деятельности», к концепциям «места» и «Духа Места». Подчеркивалась необходимость внимания к «программе», к ценностям «устойчивости, социальной и историчности», заботы о «социальной ответственности» и «социальной выгоде». Наконец, задание содержало некоторые весьма определенные рекомендации по способам действий конкурсантов: тщательный «анализ участка и контекста», «вчувствование и рефлексия», «извлечение вдохновляющих и привлекающих качеств места», «признание» его «характера», «создание архитектурной экосистемы», «выдвижение программы» деятельности.

Выделенные ключевые понятия затем были использованы как фильтры для рассмотрения пояснительных текстов нескольких финалистов и призеров конкурса. Ввиду того, что далеко не все финалисты смогли прислать свои работы авторам данной статьи, из числа доступных было выбрано пять проектов: «Курск» (Полина Васина, Галина Казими), «Исчезнувшая железная дорога как искусственный ландшафт для мультикультурного DIY-сообщества» (Александр Таслунов, Иван Крутиков), «Жизнь в тумане (Living in Fog)» (Ruoyu Wu, Liu Yaojia, Xin Zhiyuan), «Над исчезнувшей рекой (Above the Lost River)» (Wang Jiaqi), «Строя мост у стены (Building the Bridge Beside the Wall)» (Yang Liu, Nie Lili, Wei Heyi, and

Hu Jinshan) и «Музей крошки-воды (Negligible Tininess-Water museum)» (Lin Yihsin).

На рис. 3–8 приведены краткие описания проектов и их анализ с помощью ключевых слов⁷. Сопоставляя анализ конкурсного задания и проектные решения, можно проследить, как установки организаторов повлияли на предложения участников и оценку проектов членами жюри.

Работа китайских участников «Жизнь в тумане» заняла первое место; члены жюри оценили эту работу очень высоко. В ней отразились те черты традиционной китайской культуры, к которым трудно оставаться равнодушными: тонкое поэтическое восприятие природы на полутонах и намеках, связь между ландшафтом и архитектурой, эмоциональным и материальным, осознаваемым и подсознательным, феноменологическим и психологическим. Через фильтр живописи китайского художника и поэта XVII в. Ми Юрена (Mi Yuren) рассмотрен фрагмент конкретного ландшафта приречного поселения, предложена его архитектурная ревитализация и сделана изысканная презентация в технике, ассоциируемой с пейзажами художника (рис. 3).

Как пояснили авторы работы «Курск» (рис. 4), узнав тему и конкурсное задание UIA-NYP CUP 2019, они решили, что курсовая работа одной из участниц хорошо вписывается в контекст поднятых на конкурсе вопросов. Они взяли ее за основу, доработав до уровня полноценного конкурсного предложения. Идея заключается в использовании техники градостроительной акупунктуры для решения проблемы социально-средовой деградации провинциального русского города, доведенного до состояния упадка («кризис», «трущобы», «заброшенность», «негативный вектор развития»). Социальная «заточенность» проекта эффектно дополнена сильным по форме и колориту художественным решением главного объекта – здания библиотеки.

Социально-средовую озабоченность демонстрируют и авторы из Вологодского государственного университета. Магистерская диссертация одного из участников команды представлена в усеченном варианте в качестве проектного предложения, анализ которого с помощью метода ключевых слов представлен на рис. 5. Пробле-

Проект «Исчезнувшая железная дорога как искусственный ландшафт для мультикультурного ДПУ-сообщества», авторы Александр Таслунов, Иван Крутиков (Россия)

Территория расположена в **деградированной периферии** города Вологды. Это сочетание **заброшенной** промышленной зоны и **хаотичной застройки** дачными участками, наподобие **фавел**. Непода здесь проходила железнодорожная ветка, которая в конечном итоге исчезла, оставив характерный **взрыв** на городском теле. Это место играет важную роль в жизни жителей, которые давным-давно получили от власти **небольшой участок земли**, чтобы **выращивать овощи и фрукты**, что является для них **необходимостью**, а не хобби. Сейчас местное население находится под **угрозой урбанизации**. С точки зрения властей этот городской район

используется экономически неэффективно, и когда сюда придет многоэтажная застройка, местные жители будут вынуждены **покинуть** свое место и изменить привычный образ жизни - они потеряют возможность выращивать овощи и фрукты и вести традиционное домашнее хозяйство.

Предложение состоит в том, чтобы дать каждой семье, живущей здесь, пространственную ячейку (infill) в структуре линейного инженерно-оборудованного общего ресурса (support) на пустующей территории бывшей железной дороги. Эта ячейка включает в себя базу для самостоятельного строительства и небольшой участок земли (личной или в общий сад). Люди, которые получили или купили эти ячейки, будут экономически и социально интегрированы в сообщество, которое будет заниматься выращиванием и продажей фруктов, овощей и другими формами производственной, бытовой, торговой и рекреационной самостоятельности.

^ Рис. 5. Анализ ключевых слов проекта А. Таслунова, И. Крутикова

мы территории бывшей железной дороги, прорезавшей жилую ткань городской периферии, описаны в понятиях «заброшенность», «деградация», «хаотичность», «фавелы». А стратегии возрождения видятся в привлечении энергии «самостроя», создании базового линейного конструктивно-пространственного ресурса для жизни и работы, для садово-огороднической самостоятельности, поддержания «привычного образа жизни», консолидации местного «сообщества».

Тема работы участников из Китая пересекается с работой вологодских студентов: в ней также рассматривается процесс исчезновения под влиянием урбанистических процессов, только в проекте «Above the lost river» главный герой – река, а не железная дорога (рис. 6).

Почти все работы участников поднимают острые социальные вопросы; одна из таких работ – проект «Строя мост возле стены», выполненный также командой из КНР (рис. 7). «Насилие», «хаос», «бедность», «маргинализация», «изоляция» людей – вот что беспокоит авторов.

Общей озабоченностью всех работ является интеграция ландшафта и архитектуры, что отвечает главной теме конкурса в этом году. Пожалуй, самым живописным воплощением этой идеи является проект «Музей крошки-воды» китайского автора Lin Yihsin, где она предложила сделать музей воды в пещерах, созданных морем (рис. 8).

Выводы, к которым пришли авторы статьи в ходе анализа ключевых слов задания и пояснительных текстов, рассмотрения проектных материалов участников, описывают не всю картину конкурса: не столько в аспекте впечатлений и ощущений участников, сколько в парадигме слов и образов. Для того, чтобы восполнить возникший пробел, было проведено выборочное анкетирование финалистов и призеров конкурса. В распоряжении авторов оказались 13 анкет от участников из Китая, США и России⁸.

Во-первых, авторов статьи интересовало, что побудило респондентов участвовать в конкурсе. Одной из главных причин был назван интерес к его теме. Для кого-то тема конкурса «вписывалась в портфолио» или оказалась связана с темой диссертации, для кого-то участие стало возможностью «углубить понимание и мышление об архитектуре», а для кого-то – способом ответить на фун-

даментальные вопросы о сути и перспективах архитектуры («помогает понять, что есть архитектура и чем она будет»).

Во-вторых, был задан вопрос о сравнительной важности для участников отдельных аспектов проблематики конкурса. Респонденты по-разному оценили важность экологических, контекстуальных и социальных ориентиров конкурсного задания. Приоритет отдан «социальным аспектам» (средняя оценка значимости для проектирования – 4,6 из 5), далее расположились «архитектурно-контекстуальные» аспекты (4,3 балла) и «экологические» (3,9). Помимо этого, на свой выбор опрашиваемые добавили «инновационные» и «региональные» ориентиры конкурсного задания как важные для себя.

Авторов исследования также интересовал вопрос, какие навыки из числа полученных в вузе оказались наиболее полезными для успеха в конкурсе. Большинство опрошенных отметили «концептуальное мышление». Один из респондентов ответил так: «Умение транслировать эмоции в абстрактные концепции и конкретные формы архитектуры». Среди важных навыков, развиваемых школами, были также выделены: «пространственное мышление», «навыки работы в компьютерных программах», «умение сработаться в команде» и «идти на компромиссы», «комплексный подход в работе над проектом». Есть школы, которые способны развить у студентов «чувствительность к окружающим вещам», «методы культурного анализа», ориентацию на то, чтобы «принести пользу людям и природе».

Опрос также показал, насколько отличается задание конкурса от тех задач, которые студенты получают в архитектурных школах. Несмотря на то, что преподаватели поддерживают своих студентов в их стремлении участвовать в подобных конкурсах, большинство опрашиваемых солидарны с мнением, что «конкурсы очень отличаются от учебного проектирования; университет не готовит к конкурсам». Популярно мнение, что «университет дает базовые навыки, а конкурс – продвинутые», школа учит «практической» архитектуре, а конкурсы – «возможной». Все респонденты так или иначе отмечали, что «в школе подход более практический и больше ограничений, в конкурсе – больше простора для воображения и твор-

8. Возраст участников конкурса составляет 21–24 года, в основном это студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры ведущих китайских и некоторых зарубежных архитектурных школ. Большинство опрошенных уже имели за плечами опыт участия в конкурсах подобного масштаба, многие участвуют в них по несколько раз в год, и только для четверых из тринадцати этот конкурс стал дебютным. Одиночные участники в конкурсе редкость, обычно команды из 2–4 человек, что вызвано сложностью конкурсного задания и трудоемкостью его выполнения.

Проект «Над потерянной рекой» (Above the Lost River), автор Wang Jiaqi (КНР)

Река Хуминь была когда-то **источником жизни** для города Сякуань. За последние 40 лет регион Гуанси **потерял** много рек из-за **быстрой урбанизации**, и река Хуминь была одной из них.

Река Хуминь является артерией **повседневной жизни** города Сякуань с момента его открытия в качестве торгового порта. От торгового порта до рыбного рынка, а также «бассейна» для детей, все эти **воспоминания** о реке **исчезли** в 1999 году, когда правительство «**похоронило**» реку под землей и построило над ней виадук. С тех пор он стал «проспектом Хуйминь».

Через двадцать лет после того, как правительство **спрятало** реку под землю, оно планирует снести виадук и построить подземный туннель.

Объединяя **прежние типологии**, мы предлагаем не сносить виадук, а превратить его в **большой бассейн в воздухе**, в то время как закрытый рыбный рынок **вновь откроется** в пространстве под ним.

Тем временем спрятанная под землю «**настоящая**» река будет **заново выкопана**, а на ее берегу будет располагаться ботанический сад, **возвращая забытые воспоминания** о природе, забытую материнскую реку и **потерянную общественную городскую жизнь** Сякуань.

> Рис. 6. Анализ ключевых слов проекта Wang Jiaqi (КНР)

9. EVolvo – ежегодный конкурс небоскребов, инициированный в 2006 году, является одной из самых престижных в мире премий за лучшую архитектуру высотных зданий. Он признает выдающиеся идеи, которые переопределяют проектирование небоскреба за счет внедрения новых технологий, материалов, программ, эстетики и пространственных организаций наряду с исследованиями по глобализации, гибкости, адаптивности и цифровой революции

чества». Особняком стоит комментарий магистрантки МАРШ Галины Казими: «Требования к конкурсным работам не сильно отличались от требования к учебным проектам в МАРШе. Более того, именно мой курсовой проект, спроектированный в студии «Переосмысление гравитации» под руководством Евгения Викторовича Асса, лег в основу конкурсного. Во время обучения в МАРШе нам предоставляют достаточно свободы, при этом аккуратно создаются рамки выполнения проекта. Школа учит обдуманным решениям и ответственному подходу к проектированию, каждый знает, что и почему он делает. Благодаря этому курсовой проект библиотеки легко отвечает глобальным вопросам конкурса».

Между тем, сознавая трудно преодолимые отличия «конкурсных» и учебных подходов, многие школы, представляемые опрошенными участниками (восемь из тринадцати), предлагают в структуре учебного процесса специальные конкурсные курсовые проекты.

1.3 UIA-NYP CUP 2020: несколько лайфхаков

Приобретая небольшой опыт участия в конкурсе 2019 года, авторы хотели бы поделиться некоторыми соображениями для участников будущих конкурсов, в том числе ближайшего – UIA-NYP CUP 2020. Учтены также рекомендации победителей других престижных конкурсов, таких как eVolo⁹, размышления более искушенных и знающих конкурсантов [2; 3].

Трудно не согласиться с тем, что самое важное для участника – это понять, для чего он участвует в конкурсе. Так как архитектурные конкурсы поглощают много времени и сил, нужно задаться этим вопросом прежде, чем принять вызов. Денежные призы достанутся немногим, но зато многие могут получить такие преимущества, как возможность усилить портфолио за счет хорошей работы, продвигнуться в теоретическом самообразовании, развить проектное мышление и навыки. Международный конкурс – это уникальная площадка, чтобы рассказать широкому архитектурному сообществу о своих идеях и концепциях, отличный способ для самопродвижения и налаживания контактов с единомышленниками в широком географическом и культурном контекстах. Правильное планирование времени, координация учебы

и участия в конкурсе, тем конкурсных, курсовых проектов или ВКР, позволит получить от участия двойную пользу.

Критически значимо внимательное ознакомление с критериями и требованиями конкурса. Худшее, что может случиться с работой участника – это неуспех, вызванный непониманием задания. Для внимательного прочтения условий и задания конкурса можно пользоваться методом анализа ключевых слов, описанным выше.

Как показывает опыт рассмотрения истории всего конкурса, работы победителей UIA-NYP CUP не перегружены информацией, сложными схемами и уточнениями; для всех характерна лаконичность, целостность, легкость восприятия информации, отчетливо предьявлена сама концепция, то, как она раскрывается в контексте требований и условий конкурса. Стоит стремиться к правильному балансу между идеей и практичностью решения. Конечно, многое зависит от задания и конкурсной программы, но в любом случае невозможно объяснить жюри решение всех технических проблем, или же за их объяснениями потеряется ясность самой идеи, ее концептуальная значимость и сила.

Для этого конкурса, как и для многих других, планшет – это единственный способ подачи своей идеи. Все остальное – мыслительный процесс, исследования, наброски, промежуточные модели – хоть и не менее важны, вряд ли будут показаны жюри. Китайские студенты, видимо, благодаря острой конкуренции на национальном уровне, обладают сильными навыками графической подачи, как концептуальной, так и реалистичной.

Как показывает анализ материалов конкурсов, успеха добиваются те, кто опирается на три столпа: идея, ее проектное воплощение и подача. Если во всех трех аспектах проделана хорошая работа, то можно ожидать приличных результатов. Но между отмеченными и победившими проектами и всеми остальными нет непреодолимых качественных барьеров, которые делили бы их на «правильные» и «неправильные». Поэтому к конкурсам стоит относиться как к полезным и необходимым испытаниям независимо от официально объявляемых итогов.

Послесловие: архитектурные конкурсы

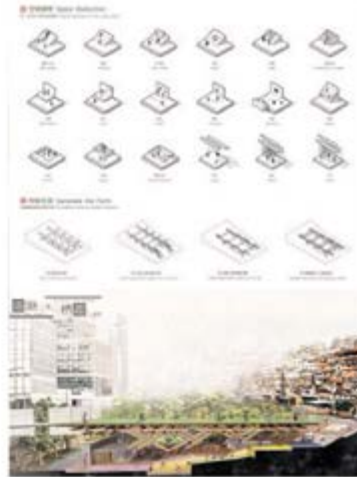
Студенческие концептуальные конкурсы – повод вспом-

Проект «Строя мост возле стены» (Building the Bridge Beside the Wall), авторы: Yang Liu, Nie Lili, Wei Heyi, Hu Jinshan (КНР)

Из-за политического и исторического наследия Рио-де-Жанейро и его горы усеяны фавелами всех размеров. Долгое время были наполнены **насилием, хаосом и бедностью** и постепенно маргинализировались.

Трущобы **отделены** от урбанизированной городской среды зеленым поясом или стеной. Мы надеемся **сломать** эту **изоляция** с помощью простого **деревянного моста**.

Люди будут общаться друг с другом на этой платформе, объединяясь на основе **общих культурных, языковых действий**: музыка, танцы, футбол и т.п. Мы надеемся, что этот проект может принести **радость, жизнелюбие и надежду** детям.

< Рис. 7. Анализ ключевых слов проекта Yang Liu, Nie Lili, Wei Heyi, and Hu Jinshan (КНР)

нить, хотя бы кратко, о более глобальной проблеме. По разным причинам роль архитектурных конкурсов вообще, и особенно концептуальных, в России критически недооценена¹⁰. Работая над данным материалом, сравнительная ситуация «у нас» и «у них», авторы посчитали необходимым напомнить следующее. В мире архитектурные конкурсы играют важнейшую роль в развитии профессиональной культуры, предлагая лучшие практики и исследования, развивая теоретическое видение. К подобным вопросам привлекает внимание европейское исследование, проведенное порталом Wonderland¹¹ среди молодых практикующих архитекторов, результаты которого вошли в «Руководство для начинающих архитекторов» [4]. Согласно этому исследованию 83% респондентов рассматривают конкурсы как способ развития архитектурного мышления на практике, 50% используют конкурсы для проверки собственных идей. Респонденты не очень озабочены призовыми деньгами при выборе конкурса (71%) и считают, что взаимосвязь между требуемым объемом работ и возможным вознаграждением в конкурсах практически отсутствует (76%). Последнее положение подтверждает другое исследование, проведенное среди румынских архитекторов [5]. Согласно ему, участие в архитектурных конкурсах практически всегда убыточно с экономической точки зрения. Даже при благоприятном стечении обстоятельств полученные призы и награды в денежном эквиваленте покрывают не более половины финансовых и временных затрат на участие в конкурсе, причем среди респондентов этого исследования были архитекторы и бюро, выигрывавшие более 30% конкурсов, в которых они участвовали.

Интересными кажутся результаты исследования Van Alen Institute¹², проведенного при поддержке Graham Foundation и направленного на прояснение вопросов, связанных с мотивацией участников архитектурных конкурсов [6]. По результатам опроса, в котором приняли участие более чем 1400 архитекторов и дизайнеров из 65 стран мира, исследователи выяснили, что архитекторы и дизайнеры участвуют в конкурсах, чтобы получить возможность работать более творчески, чем они могли бы в повседневной практике, а также исследовать новые темы, идеи вне обычных ограничений. Респонденты ука-

зали, что тремя основными причинами участия в соревнованиях являются: возможность экспериментировать (57,0% участников опроса); интересная тема конкурса или проблематика (54,9%); возможность получить известность (39,0%).

Таким образом, основной вывод проведенных исследований заключается в том, что, несмотря на призрачную перспективу победить в конкурсе, участие в нем для многих архитекторов является привлекательным и значимо не только для них, но и для профессии в целом.

Заключение

1. Конкурсы являются важнейшим компонентом профессиональной архитектурной культуры, причем их положительное влияние проявляется на всех этапах становления архитектора. Для студентов – это ценнейший образовательный ресурс, инструмент развития мышления и приобретения многих профессиональных навыков – от командной работы и распределения ответственности до решения актуальных общественных проблем, от овладения языком презентации идей до возможности безопасно и с минимальными рисками опробовать свои «непрактичные» концепции. Для молодых специалистов – это трамплин в серьезную архитектуру, а для опытных архитекторов – шанс провести собственные исследования и ответить на фундаментальные вопросы архитектуры. Основная мотивация всех перечисленных групп редко сводится к финансовой; участие в архитектурных конкурсах – это экономически непривлекательная деятельность.

2. Среди архитектурных конкурсов особое значение принадлежит концептуальным студенческим. В зарубежной версии такой конкурс отличает ориентированность на решение острых общественных проблем, социальная конструктивность, стремление улучшать жизнь людей и, как следствие, – вклад в гражданское воспитание будущих архитекторов. Он либерален по части выбора места и программы, не регламентирует объекты проектирования с точки зрения функциональной типологии. В числе исповедуемых ценностей, критериев оценки результатов преобладают социально-средовые и феноменологические.

10. Работая над данной статьей, авторы провели мониторинг всех объявлений об архитектурных конкурсах на портале Architime.ru, начиная с 2013 года, и обнаружили, что ничего подобного рассматриваемому китайскому конкурсу в России за этот период времени не проводилось

11. Wonderland – это платформа, базирующаяся в Вене (Австрия), представляющая собой сеть молодых архитектурных бюро, ориентированных на Европу, с целью обмена опытом, информацией и знаниями. Сайт <https://wonderland.cx/>

12. Van Alen Institute – независимая некоммерческая архитектурная организация в Нью-Йорке. Она была основана в 1894 году как Общество архитекторов изящных искусств. В 1995 году институт был назван в честь Уильяма Ван Алена, архитектора Крайслер-билдинг и лауреата Парижской премии института за 1908–1909 годы. (Сайт <https://vanalen.org>)

Проект «Музей крошки-воды» (Negligible Tininess-Water museum), автор Lin Yihsin (КНР)

На длинной береговой линии Килунг люди по-разному смотрят на море и по-разному взаимодействуют с ним. После того, как был построен порт Килунг, многие небольшие **впечатления** были **спрятаны** под огромными механизмами. Под этим масштабным искусственным покрытием постепенно **исчезли воспоминания** о горах и море, **исчезли следы** дождя и руин, **потерялась жизнь** жителей и **связь с морской пещерой**. История, оставленная водой, требует, чтобы мы замедлились и получили

послание из **окружающей среды**. Морская пещера, которая когда-то окаймляла море, теперь стала кратчайшим путем для жителей в дождливые дни, а также изредка местом притяжения для туристов.

Я предлагаю небольшое **искусственное вмешательство** в части морской пещеры, и нестабильность почвы никак не влияет на безопасность людей, находящихся там.

Используя воду в качестве **посредника**, музей воды **свяжет между собой** деревни, морские пещеры и руины, которые теперь не соприкасаются с морем.

> Рис. 8. Анализ ключевых слов проекта Lin Yihsin (КНР)

3. Особенности концептуального конкурсного видения и опора на характерные для конкурсов ценности являются важным ресурсом, способным направить отечественное архитектурное образование, а вслед за тем и практику в русло мирового архитектурного мейнстрима.

4. Помимо активизации участия отечественных представителей в зарубежных конкурсах необходимо планировать регулярное проведение российских концептуальных конкурсов общенационального и международного масштаба, что потребует интеграции ресурсов академических (научных и образовательных), профессиональных проектных, издательских структур, чьей-то организационной инициативы, воли и интеллектуального лидерства.

Литература

- Erskine, R. (1984) Designing between Clients and Users // The Scope of Social Architecture. R. Hatch (ed.). New York: Van Nostrand Reinhold Co. – 362 p.
- Wu, J. (2019) 7 Practical Advices on How To Success In Architectural Competitions / Jianshi Wu and Yitan Sun // Competitions Archi. – URL: <http://competitions.archi/competition/how-to-success-in-architectural-competitions/> (дата обращения: 29.02.2020).
- Granosik, D. (2019) How to Win Architecture Competition? – Anatomy of a Winning Entry / Damian Granosik, Jakub Kulisa, Piotr Pa czyk // Competitions Archi. – URL: <http://competitions.archi/competition/how-to-win-architecture-competition-anatomy-of-a-winning-entry/#more-9842> (дата обращения: 29.02.2020).
- Forlati, S. (2012) Wonderland Manual for Emerging Architects / Silvia Forlati, Anne Isopp with Astrid Piber (eds). – Wien; New York: Springer. – 352 p.
- Comsa, D. (2014) Architectural competition seen as a research method // Lucrarile Conferintei de Cercetare In Constructii, Economia Constructiilor, Urbansim si Amenajarea Teritoriului. A. Petrisor, V. Meita (eds). - Bucuresti: INCD URBAN-INCERC. – pp. 15–17.
- Guilherme, P. (2016) Emerging research: The architect's personal research through design competitions/ P. Guilherme, S. Salema // Architectural Research Addressing Societal Challenges, EAAE ARCC 10th International Conference (EAAE ARCC 2016). Vol. 2. Lisbon. – pp. 677–684.

References

- Comsa, D. (2014). Architectural competition seen as a research method. Lucrarile Conferintei de Cercetare In A. Petrisor, & V. Meita (Eds), Constructii, Economia Constructiilor, Urbansim si Amenajarea Teritoriului (pp. 15-17). Bucuresti: INCD URBAN-INCERC.
- Erskine, R. (1984). Designing between Clients and Users. In R. Hatch (Ed.), The Scope of Social Architecture (p.191). New York: Van Nostrand Reinhold Co.
- Forlati, S. (2012). Wonderland Manual for Emerging Architects (Silvia Forlati, Anne Isopp, & Astrid Piber, Eds). Wien; New York: Springer.
- Granosik, D., Kulisa, J, & Pa czyk, P. (2019). How to Win Architecture Competition? – Anatomy of a Winning Entry. Competitions Archi. Retrieved from <http://competitions.archi/competition/how-to-win-architecture-competition-anatomy-of-a-winning-entry/#more-9842>
- Guilherme, P., & Salema, S. (2016). Emerging research: The architect's personal research through design competitions. Architectural Research Addressing Societal Challenges, EAAE ARCC 10th International Conference (EAAE ARCC 2016) (Vol. 2, pp. 677-684). Lisbon.
- Wu, J., & Sun, Y. (2019). 7 Practical Advices on How To Success In Architectural Competitions. Competitions Archi. Retrieved from <http://competitions.archi/competition/how-to-success-in-architectural-competitions/>

авторы

Азиз Меннаталла Хамди – бакалавр архитектуры (Каир, Египет)

Алкамари Амр Мохамед – архитектор-градостроитель, исследователь (Каир, Египет)

Антипин Константин Сергеевич – исследователь архитектуры, автор просветительского проекта «Архитектурные излишества» (Москва)

Апра Ирэна – магистр направления «Архитектура» (Париж, Франция)

Астраханцева Виктория Вагановна – советник РААСН, заслуженный архитектор России, председатель правления Братского отделения СА России

Багрова Наталья Викторовна – доктор культурологии, профессор Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ)

Бальян Карен Владиленович – кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Международной Академии архитектуры (МААМ), генеральный директор ООО «Архитектурно-художественная мастерская Карена Бальяна» (Москва)

Банит Владимир Николаевич – архитектор (Москва, Троицк)

Баранова Диана Эдуардовна – руководитель пресс-службы Союза архитекторов России и Союза московских архитекторов (Москва)

Боков Андрей Владимирович – доктор архитектуры, академик РААСН, президент МААМ, народный архитектор России (Москва)

Булгакова Елена Александровна – кандидат архитектуры, советник РААСН, доцент, зав. кафедрой архитектуры и дизайна МИТУ – МАСИ (Москва)

Васильев Николай Юрьевич – кандидат искусствоведения, генеральный секретарь DOCOSOMO – Россия, доцент кафедры архитектуры НИУ МГСУ (Москва)

Волохова Дарья – магистрант направления «Архитектура» (Иркутск)

Ву Чухуэй – магистрант направления «Архитектура» (Чанша, Китай)

Вюрбах Юлиус – магистрант направления «Городское и региональное планирование» (Берлин, Германия)

Габай Валерия – градостроитель (Базель, Швейцария)

Гайворонски Влад – кандидат архитектуры, профессор факультета архитектуры Технического университета Тимишоары, совладелец компании Andreescu & Gaivoronschi (Румыния)

Ганжурова Ульяна Алексеевна – студент-бакалавр Института архитектуры, строительства и дизайна ИРННТУ (Иркутск)

Гельфонд Анна Лазаревна – доктор архитектуры, профессор, член-корреспондент РААСН, зав. кафедрой архитектурного проектирования и главный архитектор Архитектурной мастерской ННГАСУ (Нижний Новгород)

Гладкова Екатерина Андреевна – архитектор, зам. директора оргкомитета МБЗГУ (Иркутск)

Горшков Георгий Сергеевич – кандидат технических наук, проректор по информационным технологиям МФЮА (Москва)

Григорьева Анна Сергеевна – заместитель директора по международной деятельности АНО «Востокибакадемцентр» (Иркутск)

Григорьева Елена Ивановна – член-корреспондент РААСН, академик МААМ, заслуженный архитектор России, вице-президент Союза архитекторов России (Иркутск)

Дагданова Ирина (Цыредарь) Баторовна – доцент кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры, строительства и дизайна ИРННТУ (Иркутск)

Дашиев Тимур – аспирант направления «Архитектура» (Иркутск)

Дружинина Инна Евгеньевна – архитектор, доцент ВАК, профессор кафедры архитектурного проектирования ИРННТУ (Иркутск)

Ерохин Григорий Порфирьевич – кандидат архитектуры, советник РААСН, доцент, зав. кафедрой градостроительства и ландшафтной архитектуры НГУАДИ (Новосибирск)

Журин Николай Петрович – кандидат архитектуры, профессор, зав. кафедрой основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства НГУАДИ (Новосибирск)

Забелина Светлана Алексеевна – кандидат экономических наук, первый проректор МИТУ – МАСИ (Москва)

Золотухина Мария – студент-бакалавр направления «Архитектура» (Красноярск)

Кияненко Константин Васильевич – доктор архитектуры, профессор кафедры архитектуры и градостроительства Вологодского государственного университета

Климчак Анна – магистр направления «Урбанистика» (Щецин, Польша)

Кожевникова Вероника Евгеньевна – бакалавр направления «Архитектура» (Иркутск)

Козьмин Алексей Павлович – руководитель экспертного совета Сибирской лаборатории урбанистики, директор Центра урбанистики Томского государственного университета

Корзун Алла Вадимовна – кандидат архитектуры, почетный работник высшего профессионального образования России (Иркутск)

Кострубова Александра Тимуровна – директор МБЗГУ (Иркутск)

Кудрявцев Александр Петрович – академик РААСН, академик Международной академии архитектуры, народный архитектор России (Москва)

Лидин Константин Львович – кандидат технических наук, докторант психологии (София, Болгария)

Ма Андрэа Линсян – магистрант направления «Архитектура» (Карлсруэ, Германия)

Магди Ая – магистр направления «Архитектура» (Каир, Египет)

Мал Сатьяджит – архитектор (Калькутта, Индия)

Малик Шахзад Ахмед – магистр направления «Архитектура» (Утаранчал, Индия)

Малинович Роман Дмитриевич – руководитель АНО Клуб Молодых Архитекторов, магистрант ИРННТУ (Иркутск)

Машир Лариса – журналистка газеты «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск)

Маяренков Сергей Юрьевич – член Общественной палаты г. Иркутска, руководитель АНО «Иркутские кварталы»

Медведев Сергей Иванович – историк-исследователь иркутской документальной фотографии дореволюционного периода, филокартист (Иркутск)

Мотлахпин Тато – бакалавр направления «Городское и региональное планирование» (Габороне, Ботсвана)

Муратова Алина – урбанист (Санкт-Петербург)

Овсянникова Елена Борисовна – кандидат архитектуры, профессор МАРХИ, член Секции советского периода Научно-методического совета по охране наследия при Министерстве культуры РФ (Москва)

Орельская Ольга Владимировна – доктор архитектуры, профессор кафедры архитектурного проектирования ННГАСУ (Нижний Новгород)

Паршукова Галина Борисовна – доктор культурологии, профессор НГУАДИ (Новосибирск)

Пустоветов Геннадий Иванович – доктор архитектуры, член-корреспондент РААСН, профессор, зав. кафедрой НГУАДИ (Новосибирск)

Развозжаева Полина – студент-бакалавр направления «Архитектура» (Иркутск)

Разин Омар – бакалавр градостроительства (Каир, Египет)

Родионова Юлия Валерьевна – кандидат технических наук, профессор НГУАДИ (Новосибирск)

Салмин Леонид Юрьевич – кандидат искусствоведения, дизайнер, архитектор, профессор кафедры графического дизайна Уральского архитектурно-художественного университета (Екатеринбург), научный сотрудник Томского государственного университета

Селиванов Роман Александрович – доцент кафедры архитектурного проектирования ИРНТУ (Иркутск)

Сыкина Катерина – кандидат химических наук, разработчик мейнфреймовских приложений компании Caisse d'Epargne (Париж, Франция)

Таслунов Александр Николаевич – магистрант, Вологодский государственный университет

Ткачева Марина Львовна – кандидат философских наук, редактор Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачёва, член Союза журналистов России

Турки Эссия – стажер-архитектор бюро Office Rethink (Париж, Франция)

Филонов Сергей Владимирович – хранитель фондов Музея истории архитектуры Сибири имени С. Н. Баландина (Новосибирск)

Фомина Вероника – бакалавр направления «Архитектура» (Екатеринбург)

Франсуаз Ян – глава департамента по вопросам изменения климата и циклической экономики (Париж, Франция)

Хорн Кристиан – архитектор, градостроитель, директор бюро Office Rethink (Париж, Франция)

Хувен, Франклин ван дер – доктор философских наук, доцент кафедры градостроительного проектирования, директор по науке факультета архитектуры и строительства Дельфтского технического университета (Нидерланды)

Челала Давид – магистрант направления «Архитектура» (Каслик, Ливан)

Чиченкова Анастасия – магистр направления «Градостроительство» (Иркутск)

Шафер Штефан – студент-бакалавр направления «Градостроительство» (Вена, Австрия)

Шокр Хамад – студент-бакалавр направления «Экология» (Каир, Египет)

Щербаков Егор Борисович – журналист, газета «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск)

Издатель выражает благодарность Франку ван дер Хувену за поддержку и создание сайта. Благодарим за участие в подготовке номера и работе редакции архитектора Евгению Сурикову и администратора ИДА Наталью Князеву (Иркутск)

authors

Mennatallah Hamdy Aziz – Bachelor of Architecture (Cairo, Egypt)

Amr Mohamed Alqamary – architect, urban planner, researcher (Cairo, Egypt)

Konstantin Antipin – architectural researcher, author of the educational project “Architectural Extravagances” (Moscow)

Irene Apra – Master of Architecture (Paris, France)

Victoria Astrakhantseva – advisor of the RAACS, honoured architect of Russia, chairperson of the Board of the Bratsk Organization of the Union of Architects of Russia

Natalia Bagrova – doctor of cultural studies, Professor of Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (NSUADA)

Karen Balyan – Ph.D. in Architecture, Professor, corresponding member of the International Academy of Architecture (IAAM), director general of 000 “Karen Balyan Architectural and Art Studio” (Moscow)

Vladimir Banit – architect (Moscow, Troitsk)

Diana Baranova – head of the Union of Architects of Russia and Union of Moscow Architects Media Office (Moscow)

Andrey Bokov – Doctor of Architecture, full member of the RAACS, president of IAAM, people’s architect of Russia (Moscow)

Elena Bulgakova – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, professor, head of the Department of Architecture and Design at Moscow Information and Technological University – Moscow Architecture and Construction Institute (MITU-MACI) (Moscow)

Nikolai Vassiliev – Ph.D. in cultural studies, General Secretary of DOCOMOMO – Russia, Ass. Professor of the Architectural Department at National Research Moscow State University of Civil Engineering (Moscow)

Daria Volohova – student in the master’s programme in Architecture (Irkutsk)

Chuhui Wu – student in the master’s programme in Architecture (Changsha, China)

Julius Wuerbach – student in the master’s programme in Urban and Regional Planning (Berlin, Germany)

Valeria Gabai – urban planner (Basel, Switzerland)

Vlad Gaivoronschi – Ph. D. in Architecture, Professor of Architecture Faculty, Timișoara Technical University, Associate at Andreescu & Gaivoronschi

Ulyana Ganzhurova – student in the bachelor’s programme at Institute of Architecture, Construction and Design, Irkutsk National Research Technical University (INRTU) (Irkutsk)

Anna Gelfond – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, professor, head of the Department of Architectural Design, chief architect of the architectural bureau at Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (Nizhny Novgorod)

Ekaterina Gladkova – architect, deputy director of the organizing committee of International Baikal Winter University of Urban Planning Design (IBWUUPD) (Irkutsk)

Sergey Gorshkov – Ph.D. in Technical Sciences, vice-rector for information technologies at Moscow Financial and Law University (Moscow)

Anna Grigorieva – deputy director for international activity, ANO Vostok-sibacademcenter (Irkutsk)

Elena Grigoryeva – corresponding member of the RAACS, honored architect of the RF, full member of IAAM, vice president of the Union of Architects of Russia (Irkutsk)

Irina (Tsyredar) Dagdanova – Ass. Professor of the Department of Architectural Design of INRTU Institute of Architecture, Construction and Design (Irkutsk)

Timur Dashiev – postgraduate student in the Architecture programme (Irkutsk)

Inna Druzhinina – member of the UAR, Ass. Professor of the Department of Architectural Design of INRTU (Irkutsk)

Grigory Erokhin – Ph.D. in Architecture, advisor of the RAACS, Ass. Professor, head of the Department of Town Planning and Landscape Architecture at NSUADA (Novosibirsk)

Nikolai Zhurin – Ph.D. in Architecture, Professor, head of the Department of Fundamentals of Architectural Design, History of Architecture and Town Planning at NSUADA (Novosibirsk)

Svetlana Zabelina – Ph.D. in Economics, first vice rector at MITU-MACI (Moscow)

Mariia Zolotukhina – student in the bachelor's programme in Architecture (Krasnoyarsk)

Konstantin Kiyanenko – Doctor of Architecture, professor of the Department of Architecture and Town Planning at Volgograd State University

Anna Klimczak – Master of Urban Studies (Szczecin, Poland)

Veronika Kozhevnikova – Bachelor of Architecture (Irkutsk)

Alexei Kozmin – head of the expert board of Siberian Laboratory of Urbanistics, director of the Center of Urban Studies at Tomsk State University

Alla Korzun – Ph.D. in Architecture, honoured worker of higher professional education of Russia (Irkutsk)

Alexandra Kostrubova – director of IBWUUPD (Irkutsk)

Alexander Kudryavtsev – full member of the RAACS, academician of IAAM, people's architect of Russia (Moscow)

Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)

Andrea Linxiang Ma – student in the master's programme in Architecture (Karlsruhe, Germany)

Aya Magdy – Master of Architecture (Cairo, Egypt)

Satyajit Mal – architect (Kolkata, India)

Shahzad Ahmed Malik – Master of Architecture (Uttaranchal, India)

Roman Malinovich – head of the ANO Club of Young Architects, student in the master's programme at INRTU (Irkutsk)

Larisa Mashir – journalist of the newspaper "Vostochno-Sibirskaya Pravda" (Irkutsk)

Sergey Mayarenkov – member of the Civic Chamber of Irkutsk, director of the ANO "Irkutsk Quarters"

Sergey Medvedev – historian, researcher of the Irkutsk documentary photography of the pre-revolution period, deltiologist (Irkutsk)

Thato Motlhaping – Bachelor of Urban and Regional Planning (Gaborone, Botswana)

Alina Muratova – urban planner (Saint Petersburg)

Elena Ovsyannikova – Ph.D. in Architecture, professor of MArchI, member of the Section of the Soviet Period of the RF Ministry of Culture Research-Methodological Council for Heritage Preservation (Moscow)

Olga Orelskaya – Doctor of Architecture, Professor of the Department of Architectural Design at Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (Nizhny Novgorod)

Galina Parshukova – Doctor of cultural studies, Ass. Professor at NSUADA (Novosibirsk)

Gennady Pustovetov – Doctor of Architecture, corresponding member of the RAACS, Professor, head of the Department at NSUADA (Novosibirsk)

Polina Razvozhayeva – student in the bachelor's programme in Architecture (Irkutsk)

Omar Razin – Bachelor of Town Planning (Cairo, Egypt)

Julia Rodionova – Ph.D. in Technical Sciences, Professor at NSUADA (Novosibirsk)

Leonid Salmin – Ph.D. in Art History, designer, architect, professor of the Department of Graphical Design at Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg), research officer of Tomsk State University

Roman Selivanov – Ass. Professor of the Department of Architectural Engineering of INRTU (Irkutsk)

Kateryna Sykina – PhD in Chemistry, Mainframe Developer, Caisse d'Epargne (Paris, France)

Alexander Taslunov – student in the master's programme, Volgograd State University

Marina Tkacheva – Ph.D. in Philosophy, editor of V. P. Sukachev Irkutsk Regional Museum of Fine Arts, member of the Union of Journalists of Russia (Irkutsk)

Essia Turki – Intern, Office Rethink (Paris, France)

Sergey Filonov – keeper of the depository of S. N. Balandin Museum of History of Siberian architecture of NSUADA

Veronika Fomina – Bachelor of Architecture (Yekaterinburg)

Yann Françoise – head of the "Climate and Circular Economy" Division, City of Paris (Paris, France)

Christian Horn – architect, urban planner, director of Office Rethink (Paris, France)

Frank van der Hoeven – Ph.D., Associate Professor & Director of Research at TU Delft, Faculty of Architecture and the Built Environment (Netherlands)

David Chelala – student in the master's programme in Architecture (Kaslik, Lebanon)

Anastasiia Chichenkova – Master of Town Planning (Irkutsk)

Stefan Schaefer – student in the bachelor's programme in Town Planning (Vienna, Austria)

Hamad Shokr – student in the bachelor's programme in Ecology (Cairo, Egypt)

Boris Shcherbakov – journalist of the newspaper "Vostochno-Sibirskaya Pravda" (Irkutsk)

Special thanks to Frank van der Hoeven for his support and website development, and to architect Evgeniya Surikova and manager of the Irkutsk House of Architects Natalia Knyazeva (Irkutsk) for their help with the preparation of the issue and the editorial work.

projectbaikal.com

project baikal | journal of architecture, design and urbanism